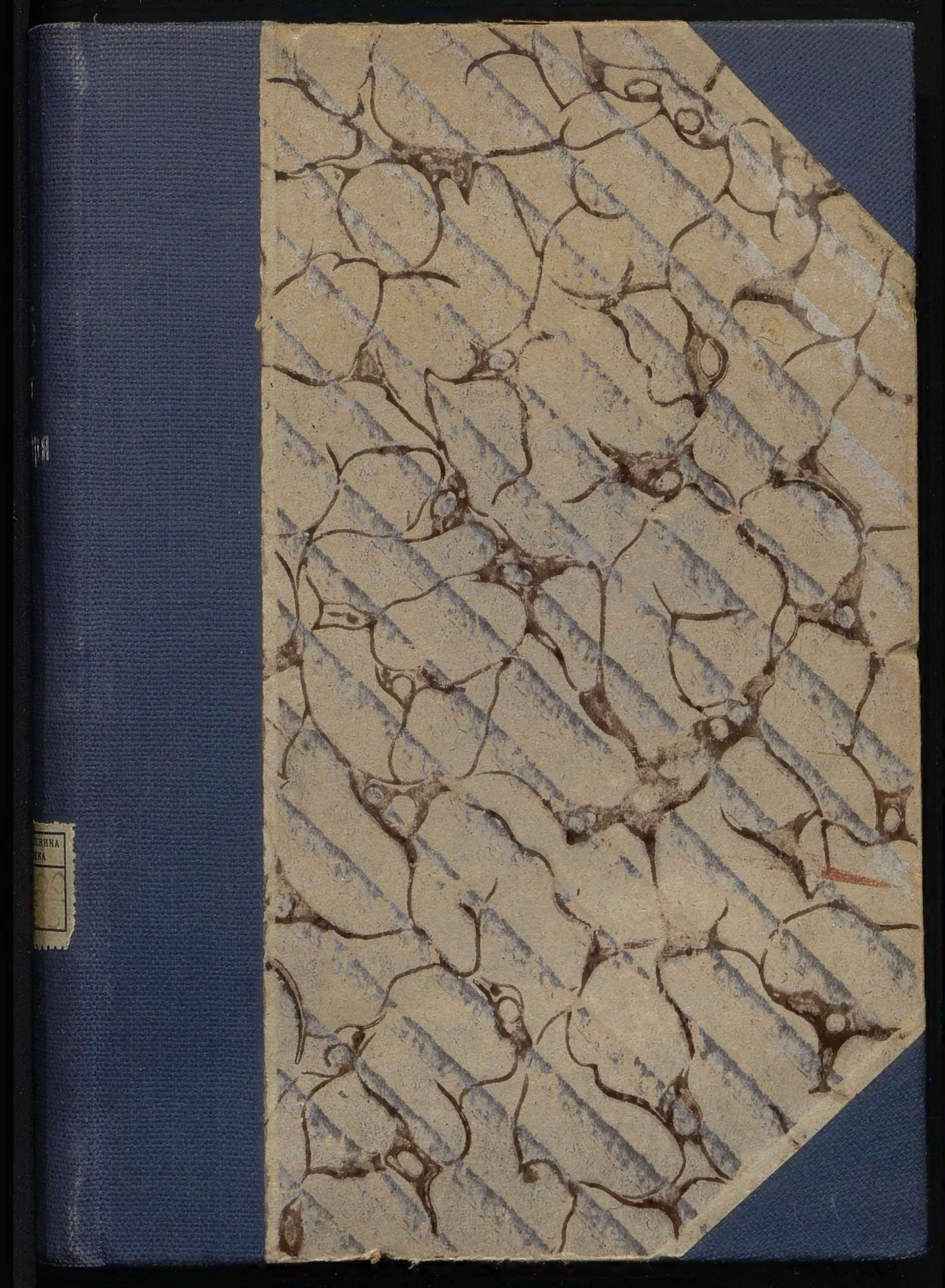

ЕНИНА
ЕКА

15 лет Октября

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

МОСКВА * 1932

15 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗ ЖУРН. «КАТОРГА И ССЫЛКА» № 11—12 ЗА 1932 ГОД

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. А. ТЕОДОРОВИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Технический редактор и выпускающий Х. Величко. Корректуру настоящего номера провели Х Величко и Н. Яковлевский. Номер сдан в производство 15/X—32 г. Подписан к печати 23/X—32 г. Издат. № 30. Уполномоч. Главл. № В—30. 863. Форм. бум. 62×94 $^{1}/_{16}$ д. Печ. л. 25. Тир. 7600. З. Т. 1238 Отпечатано в 7-й тип. Мособлполиграфа. Москва. Арбат, Филип. пер., 13.

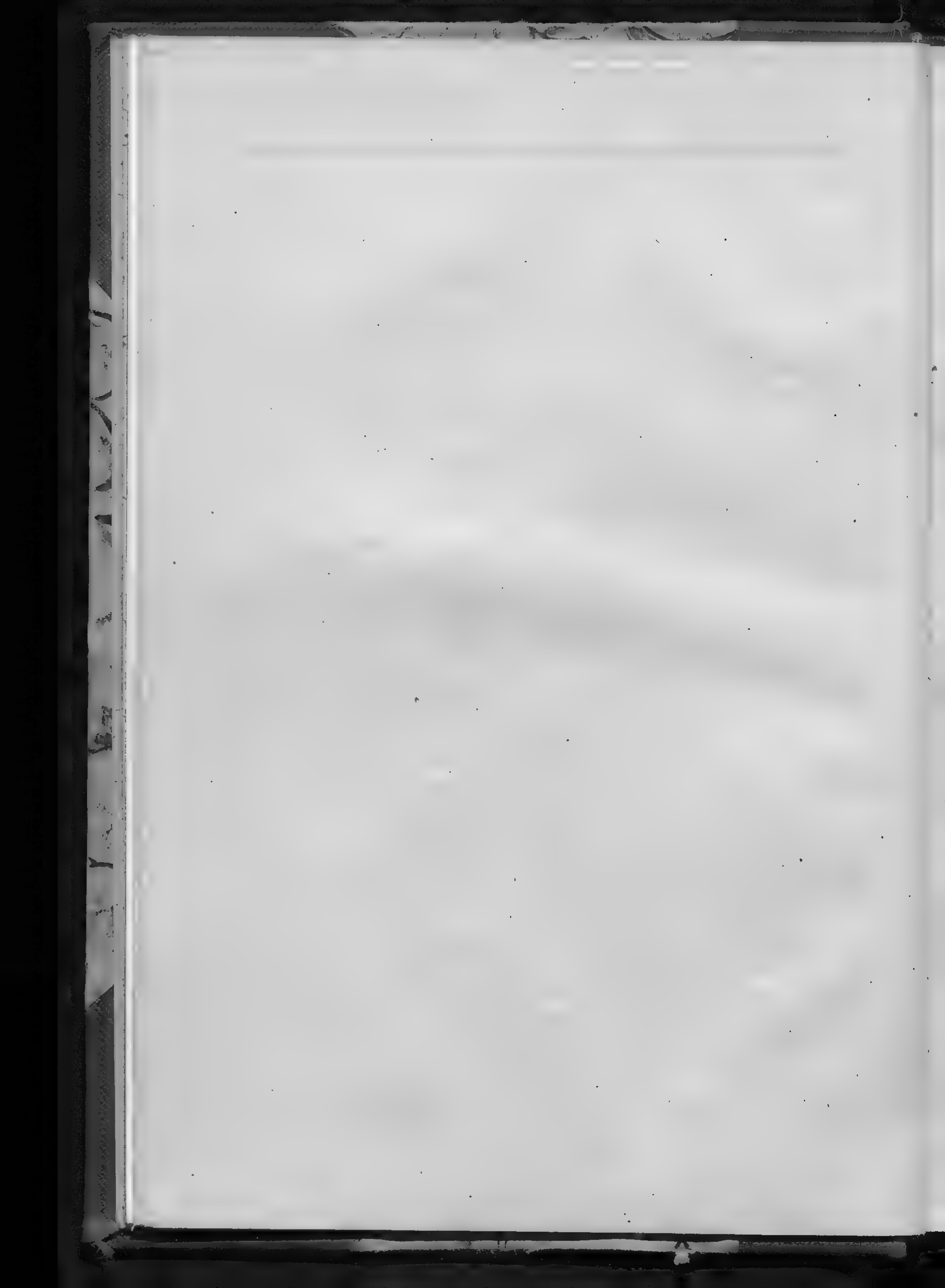
СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ем. Ярославский.— От социалистических мечтаний к построению социалистического общества . . . 9
В. Невский. — В Октябре . . . 27
Б. Бреслав. — 15 лет тому назад . . . 46
А. Цветков-Просвещенский. — В историческую ночь . . . 69
И. Вегер (отец). — Из хроники Октября . . . 77
Е. Трифонов. — Как вооружался пролетариат . . . 94
А. Васильев. — Мое участие в Красной гвардии . . . 99
И. Сазонов. — Об октябрьских днях 1917 года . . . 111
М. Сафонов. — Эпизод . . . 121
В. Деготь. — Разгон учредительного собрания и III съезд советов 126
Б. Горев. — Меньшевики в Октябрьской революции . . . 141
А. Голубков. — Как это было . . . 154
Н. Мещеряков. — В дни Октября . . . 160
Д. Паперников.—Воспоминачия об Октябрьск. революции 1917 г. 166
Пл. Алисов. — Организация советской власти . . . 175
Э. Цебер. — В отрядах особого назначения . . . 180
Пучков-Безродный. — Октябрь в Донбассе . . . 187
Г. Яковенко. — В боях за власть советов . . . 211
Гр. Таран. — В октябрьские бури . . . 221
Ф. Пучков. — Ялта под пятой немецких интервентов . . . 229
В. Юдовский. — Одесский Военно-революционный комитет . . . 237
В. Коробков. — По ту сторону баррикад . . . 246
Ф. Булле.— Борьба за советы на Тереке . . . 268
В. Бустрем. — Октябрь в Архангельске . . . 286
Н. Алексеев.—Иркутск в начале Октябрьской революции . . . 296
Я. Янсон. — Октябрьская революция и восстание юнкеров в Иркутске . . . 301
Я. Шумяцкий. — Разгром колчаковщины . . . 330
Вл. Виленский-Сибиряков. — Октябрьская революция в Якутской области . . . 341
С. Щербинин.—Октябрьская революция в Бодайбо . . . 361
Т. Свидерский. — Борьба за Октябрь во Владивостоке . . . 369
К. Раткевич. — Октябрь на фрочте . . . 376

Библиография

И. Колычевский.— Новые книги по истории гражданской войны 391

Вечная память и слава павшим в борьбе за диктатуру пролетариата

Революционный привет миллионным армиям строителей социализма!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Да здравствуют ее вожди ВКП (б) и Коминтерн!

Ем. Ярославский

От социалистических мечтаний к построению социалистического общества

15 лет существования первого в мире социалистического государства—СССР—представляют в истории человечества явление исключительного значения. Величайшая революция, какую знал мир, произошла в октябре 1917 года на пространстве одной шестой части земного шара.

Красный призрак коммунизма, который долго бродил по Европе, пугая королей, царей и магнатов земли и биржи, воплотился в жизнь, смёл не только остатки царской монархии, но выкорчевал самые корни эксплоатации многомиллионных масс крестьянства и рабочего класса. Социальные сдвиги, какие произошли в Стране советов за 15 лет, не имеют в истории ничего равного.

За несколько лет революция полностью уничтожила класс помещиков, большая часть представителей его очутилась за рубежом советской земли в качестве белоэмигрантов, все более и более безнадежно мечтающих о возврате былого, все более и более безнадежно пытающихся вернуть это былое.

Октябрьская революция вымела начисто огромный слой паразитов, выбросила его из пределов страны, где каждый из них был, по выражению народа, «бог и царь». Октябрьская революция уничтожила полностью власть буржуазии.

Впервые в истории человечества—не на короткий миг, не в одном из городов, а прочно, надолго, на огромной территории—власть перешла в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Классические народные революции древности, как и буржуазные революции последних столетий, полные героизма, поблекли перед яркостью подвигов, совершенных русской революцией.

Октябрьская революция, будучи началом глубочайшего социалистического переворота во всех общественных отношениях, мимоходом доделала буржуазно-демократическую революцию,—доделала гораздо более глубоко, более основательно, чем это могли сделать Великая французская революция и другие буржуазно-демократические революции. И она могла это сделать наиболее полно и последо-

вательно именно потому, что вождем, гегемоном революции был пролетариат,—самый угнетенный класс и самый революционный из всех общественных классов современного общества,—пролетариат, заинтересованный в уничтожении всякого гнета, всякой эксплоатации, заинтересованный в уничтожении самого классового общества. Эта революция могла быть доведена до конца и положить начало созданию социалистического общества потому, что руководила этой революцией партия, которая выросла на гранитной почве теоретического учения марксизма-ленинизма, потому что она усвоила величайший опыт всех революций, всех народных освободительных движений, потому что она была связана с широчайшими рабоче-крестьянскими массами.

15 лет существования пролетарского государства имеют поэтому огромное международное историческое значение. Сегодня можно вспомнить весь тяжелый—и в то же самое время радостный для всех истинных сторонников социализма путь, пройденный революцией, ее победы и поражения, ее триумфальное шествие первых дней, ее вынужденное маневренное отступление в дни Бреста, в первый период нэпа, преодоление ею величайшей разрухи после империалистической и гражданской войны и широкое социалистическое наступление последних лет. Мещане, филистеры, которым, подобно горьковскому «ужу», «прекрасно, тепло и сыро» в расщелинах, где пахнет плесенью прошлого, и сегодня не могут понять величия происшедшего, значимости того, что совершается на их глазах. Их не радуют успехи социализма, потому что они несут смерть этой мещанской ограниченности, гибель всякому паразитическому эксплоататорскому существованию.

А между тем то, что завоевано,—завоевано прочно. Страна, еще недавно отсталая в технико-экономическом отношении, становится страной самой крупной машинной индустрии. Страна, бывшая, по выражению английского романиста Герберта Уэллса, еще недавно «страной во тьме», покрыта сетью гигантских электростанций, из которых накануне Октября пущенная Днепрогэс является величайшей в мире электростанцией, в своем организме обуздавшей почти полмиллиона лошадиных сил, дающая свет, тепло, движение бесчисленным механизмам новых индустриальных центров, выросших вокруг на сотни километров. Страна, еще недавно неграмотная, становится страной поголовной грамотности и высокой, социалистической по своему содержанию, культуры. 80% всей пахотной земли, некогда разгороженной межами, несчастными жалкими полосками, изрезавшими всю страну, находятся под посевами колхозов, коммун и советских хозяйств.

Утописты-мечтатели рисовали картину будущих полей, обрабатываемых коллективно машинами. Перечитайте утопии величайших мыслителей своего времени Томаса Мора и других; прочитайте «Вести ниоткуда» Вильяма Морриса; прочитайте «Сон Веры Павловны» в романе Чернышевского «Что делать»; перечитайте всю утопическую литературу: как бледны фантазии утопистов перед действительностью наших дней[1]. Гигантские машины — тракторы, комбайны — двинуты на службу полей. Десятки миллионов крестьян объединились для общественной коллективной работы. Рождаются, выковываются на глазах, формируются совершенно новые отношения нового человека в обстановке планового коллективного труда.

Все предшественники наши, придававшие такое огромное значение решению аграрного вопроса, вопроса о земле,—разве они мечтали о такой глубочайшей революции, какая произошла за эти 15 лет? Прочитайте анархиста Карелина—«Россия в 1931 году», как он представлял себе результаты революции. Посмотрите, как действительность обогнала фантазию всех мечтателей, создавая невиданное в истории социалистическое движение масс, когда десятки миллионов вчера еще мелких и мельчайших крестьянских хозяйств,—пусть с колебаниями, сомнениями, с ошибками, неизбежными в таком большом деле,—сегодня бесповоротно встали на путь социализма.

СССР стал действительно очагом мировой революции, отечеством трудящихся всех стран, несмотря на то, что мы еще переживаем ряд огромных трудностей. Далеко мы еще не завершили развития первой стадии социализма, но мы уже теперь смогли стать на путь ликвидации кулачества как последнего капиталистического класса, мы вплотную подошли к тому, чтобы во 2-й пятилетке социалистического строительства создать бесклассовое человеческое общество.

*

Мы знаем: в нашей среде, среди бывших политкаторжан и политических ссыльных, объединяющих революционеров целого ряда поколений, нет полного единомыслия в вопросе об оценке завоеваний этих 15 лет социалистической революции. Но мы, большевики,—не «Иваны непомнящие», забывающие прошлое русской революции, свою связь с этим прошлым.

---

[1] Бледны эти фантазии потому, что по сути дела утописты хотели возврата к товарному производству с тем коррективом, что хозяйства физических лиц заменяются производительными ассоциациями, т.-е. об'единением ряда хозяйств в одно юридическое лицо.

Ведь писал же Ленин по поводу столетия со дня рождения Герцена в 1912 году о «поколении дворянско-помещичьих революционеров первой половины прошлого века». А сейчас прямо ухо режет сочетание слов «дворянско-помещичий революционер».

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»— звал их Герцен. Но это не была еще самая буря.

Буря—это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах» [1].

Этот следующий натиск бури, свергший царизм, наступил через пять лет, в феврале—марте 1917 года. Но революция не остановилась на свержении царизма. За несколько месяцев (от февраля до октября 1917 г.) она созрела для создания первого в мире пролетарского государства. И вот, когда оглянувшись назад, переберешь в памяти крупнейших революционных деятелей прошлого, их программы, их планы революции, их надежды—видишь, как революция 1917 года осуществила действительно самое величайшее из того, о чем мечтали десятки поколений революционеров [2].

Вот прокламация «К молодому поколению» 1861 года. Автор прокламации убежден, что «Никто не идет так далеко в отрицании, как мы, русские...—у нас нет страха перед будущим... мы смело идем навстречу революции; мы даже желаем ее. Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы» [3]. Через 50 с лишком лет, на VI съезде партии большевиков еще находятся отдельные товарищи, которые думают, что солнце социа-

---

[1] Ленин, соч., 3-е изд., том XV, стр. 468-469.

[2] Разумеется, единственно ценным из „мечтаний“ старых революционеров является глубокая критика капиталистического производства, а не их положительные построения.

[3] Конечно, мы не можем говорить о „задах Европы“, но мы должны подчеркнуть глубокую контрреволюционность утверждений, что будто бы не Россия должна начинать социалистическую революцию.

лизма не может взойти с востока, что мы не можем «внести в историю новое начало». А между тем вопрос о социалистической революции в России поставлен был задолго до 1917 года. Возможность ее за несколько десятилетий до 1917 года признавали Маркс и Энгельс в своей переписке с русскими революционерами-народниками при условии социалистической революции на Западе. В 1894 году Ленин, споря с народниками, пророчески говорил о том, как рабочий класс встанет во главе всех демократических слоев населения и, свергнув царское самодержавие, поведет бой за коммунистическую революцию.

В ряде своих работ Ленин выдвигал эту мысль о том, что революция не остановится на свержении царского самодержавия, что она немедленно, в меру своих сил, станет на путь социалистической революции. И т. Сталин 15 лет тому назад, на VI съезде Всесоюзной коммунистической партии большевиков (тогда еще РСДРП), доказывал, что не обязательно, чтобы социалистическая революция началась обязательно на Западе, что она может начаться у нас; больше того, что она уже началась, что «она стала принимать характер социалистической рабочей революции».

Представляли ли себе люди шестидесятых годов трудности борьбы, необходимость жесточайшего подавления врагов социалистической революции? В той же прокламации «К молодому поколению» мы читаем: «Если для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народами пришлось бы вырезать 100.000 помещиков, мы не испугались бы этого. И это вовсе не так ужасно. Вспомните, сколько народу потеряли мы в польскую и венгерскую войны! И для чего?» Так писали люди, которые еще не имели опоры в массах, не имели под собой твердого фундамента, рассчитывая на то, что им удастся создать «народную партию из молодого поколения всех сословий». А наша революция имела уже опыт Парижской Коммуны, она имела опыт революции 1905—1907 гг. Мы знали, что без жесточайшей гражданской войны, в которой может быть придется вырезать не только сто тысяч помещиков, а во много раз больше погибнет людей, нельзя одержать победы. Ведь наша революция имела опыт империалистической войны, в которой погибли миллионы рабочих и крестьян. А между тем, сколько было жалких слезливых причитаний по поводу «террористического пути», на который стала социалистическая революция, как будто возможна социалистическая революция без жертв, без гражданской войны, без жесточайшего подавления классовых врагов, без «плебейской расправы» с ними!

Вот прокламация «Молодой России», вышедшая из кружка Заичневского,—тоже примерно за 10 лет до Парижской Коммуны.

«Скоро, скоро настанет день», — писали члены кружка «Молодая Россия», — «когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: «Да здравствует социальная и демократическая Республика Российская!»,—двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

Кружок Заичневского был разгромлен, как разгромлены были сотни подобных кружков. Мечте «Молодой России» суждено было осуществиться в другую эпоху и в другой форме. Красное знамя «социальной республики» победоносно развернулось лишь через 56 лет. Знамя это несли впереди масс рабочие. Зимний дворец взят был приступом 15 лет тому назад людьми, которые преодолели утопизм народнических и мелкобуржуазных «демократических» меньшевистских партий. «Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, — писала «Молодая Россия». — А если нет, если встанут на защиту «императорской фамилии» те, кому дорог эксплоататорский строй — как тогда? — Тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!» А вот жалкие эпигоны народничества — Керенский и другие «социалистические» министры временного правительства 1917 года, — как они осуществляли эти заветы?

Керенский—член партии «социалистов-революционеров»— оправдывается теперь перед мировой буржуазией, что он (Керенский) и его партия были против того, чтобы казнить царя, что он пытался его спасти, что даже корабль был приготовлен к тому, чтобы Николая Романова увезти на нем в Англию, да вот Ллойд Джорж помешал. Как известно, «плебейскую расправу» над царем совершила партия большевиков [1]. Не она ли воплотила в своей революционной ярости и гневе истинных революционеров 60-х годов, не она ли била императорскую партию не жалея, всюду искоренив ее без остатков?

[1] „С 27 февраля до 7 марта бывший император пользовался полной свободой и в собственном поезде, без всякой правительственной охраны, проехал после отречения из Пскова в Могилев для того, чтобы там в своей главной квартире проститься с ген. Алексеевым и остальными чинами штаба верховного главнокомандующего... Бывший император никакой опасности для революции не представлял. Зато революционные страсти, бушевавшие в первые недели, были некоторой угрозой для спокойного существования государя и его семьи. Обсуждался вопрос об

Вот Нечаев,—человек по своему мировоззрению очень далекий от марксизма. Мы цитируем его документ, написанный в эпоху, когда над Европой вновь пронесся призрак коммунизма, незадолго до того, как знамя Коммуны развернулось на несколько недель в столицах Франции — Париже и Лионе.

Влияние Парижской Коммуны на умы революционных поколений было громадно, оно было велико и на русских революционеров. У Парижской Коммуны не было условий для того, чтобы социальная революция могла победить во Франции. «Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 году оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и проч.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего нехватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы».

Так писал Ленин, посвящая памяти Коммуны в 1911 году горячие, полные симпатии строки.

«Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчек к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас»[1]. И оно жило и в Нечаеве, и в людях его поколения. Но если во Франции не было условий тогда для социальной революции, то их еще меньше было в тогдашней России. А между тем, когда Нечаеву пришлось дать стройное изложение своих взглядов, составить «программу революционных действий», он формулировал в основном правильно задачи революции: «Социальная революция, как конечная цель наша, и политическая, как единственное средство для

отправке возможно в скором времени отрекшегося императора и его семьи за границу. К 7 марта от'езд царской семьи был нами твердо решен и установлен путь следования за границу". Таким лакейским языком повествует А. Керенский об этом предательском своем поведении в своей газете „Дни". Статья Керенского напечатана в лондонском „Ивнинг Стандарт" 4/VII—1932 г.

[1] В. И. Ленин, изд. 3-е, том XV, стр. 160.

достижений этой цели». Правда, Нечаев и люди его образа и мысли вкладывали в эти слова совсем другое содержание, чем то, которое вложено было в социальную революцию и в «политическую» революцию через 46 лет, в октябре 1917 г.

Роль, которую сыграл парижский пролетариат во время Парижской Коммуны, и ее значение нашли свое глубочайшее отражение на целом ряде поколений русских революционеров. Вот как автор замечательного труда о Парижской Коммуне Петр Лаврович Лавров формулировал задачи революции в 1876 году[1]:

«Все усилия социалистов нашего времени должны быть направлены на замену нынешнего общественного строя другим, устроенным на началах рабочего социализма, основание которого есть принцип коллективизма[2]: отдавай все силы общему делу, развивайся в процессе этой деятельности и бери от общества лишь необходимое для своего существования и развития.»

Будучи решительно несогласными с идеалистическими теориями П. Л. Лаврова, с той ролью «критически мыслящей личности в истории», какую он отводил представителям интеллигенции, мы должны признать, что для того времени эта формулировка имела громадное воспитательное значение. Общеизвестно, что Лавров был эклектиком и включил в свою систему ряд позаимствований из учений Маркса и Энгельса. Можно, ведь, проследить это влияние на целом ряде документов. В той же статье Лавров писал: «Переворот, к которому стремятся социалисты нашего времени, не может быть совершен легальным путем, и поэтому требования рабочего социализма могут быть осуществлены лишь путем социальной революции. Переворот этот может быть совершен лишь рабочим пролетариатом (Подчеркнуто мною. — Е Я.), и потому всякая революция, ставящая себе целью осуществление начал рабочего социализма, может быть успешна лишь в том случае, когда она будет народной революцией». Кто же осуществил эти мечты Лаврова о народной революции, которая совершена была под руководством «рабочего пролетариата», как не партия большевиков, которая именно поставила себе задачу заменить капиталистический строй социализмом.

Конечно, и Лавров вкладывал в эту революцию иное содержание, по-другому совершенно представлял себе ее, иную роль он отводил «критически мыслящей личности».

---

[1] „Вперед“, № 48.

[2] Нужно помнить, что термин „коллективизм“ Лавров понимал в духе учения Колэна, а под „рабочим“ разумел разоренного мелкого производителя.

Но лучшее, о чем он мечтал, в основном осуществила социалистическая революция 1917 года.

Вот «Набат» Ткачева (1876 г.). Ткачев—бунтарь, Ткачев — сторонник создания централизованной конспиративной подпольной организации, Ткачев — теоретик захвата государственной власти. Ему приходилось бороться против анархистских предрассудков своих сторонников; он, конечно, далек от марксизма, хотя влияние марксизма и на этом революционере можно проследить по целому ряду работ. Марксизм наложил глубочайший отпечаток на всех его современников, принимавших участие в революционной деятельности. Одни из них восприняли марксизм сквозь призму своих утопических, мелкобуржуазных предрассудков, как говорили про Бакунина, «софистицировали» марксизм; другие становились последовательными его сторонниками. Заслуга Ткачева в деле постановки вопроса о захвате власти революционной партией — несомненна. Как же ставил он этот вопрос задолго до того, как пролетарская революция могла осуществить эту задачу?

Вот что писал Ткачев:

«Истинная революция, действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами — ближайшая непосредственная цель революции должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственной властью и превратить данное консервативное государство в государство революционное».

«Отрицать непреложность этого условия, отрицать эту ближайшую цель всякой революции — значит не понимать ее сущность или сознательно стараться препятствовать ее практическому осуществлению».

Но вот история вплотную подводит революционную партию в 1917 году к захвату государственной власти. Как же действуют тогда различные партии, тоже считавшие, ведь, себя носителями революционных традиций, как меньшевики и эсеры, которые имели реальную возможность в феврале — марте 1917 г. взять власть в свои руки? — Они передоверяют эту власть буржуазному временному правительству. Создается двоевластие, которое является источником непрерывного кризиса власти на протяжении от февраля до октября 1917 года. Этот кризис власти разрешен партией большевиков. Большевики с самого начала ставят перед собой эту задачу — захват государственной власти, потому что иначе, действительно, нет пути к тому, чтобы «консервативное государство превратить в

государство революционное». Это превращение и было совершено партией большевиков в 1917 году.

Но у Ткачева есть и другие замечательные мысли, высказанные им в цитированной статье из «Набата»: «Насильственным переворотом, — читаем мы у Ткачева, — не оканчивается дело революционеров, напротив — им оно начинается. Захватив в свои руки власть, они должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов, а для этого у них должна быть прежде всего ясная, точная, строго определенная, выдержанная программа». Ценность этой мысли заключается в том, что если, как это отметил т. Сталин, буржуазная революция заканчивается захватом власти, то социалистическая революция только начинается захватом власти, главные ее задачи еще впереди.

Как же представляет себе эти задачи Ткачев? Основная цель революции, по его мнению, заключается в следующем: «1. В постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного частного владения — в общину-коммуну, основывающуюся на принципе общего совместного пользования орудиями производства и общего совместного труда. 2. В постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование». Мы еще раз подчеркиваем, что, конечно, взгляды нашей партии и взгляды Ткачева складывались в совершенно иной обстановке: взгляды большевистской партии складывались в условиях, когда капитализм в России созрел для социалистического переворота, взгляды Ткачева складывались в 70-х годах, когда Россия только-что уничтожила крепостное право, когда капитализм только-что развертывал свои производительные силы. Ткачев не был марксистом, целая пропасть отделяет взгляды большевиков от взглядов Ткачева по целому ряду вопросов. Но разве можно отрицать, что именно большевики преобразуют крестьянскую общину, основанную «на принципе временного частного владения», в коллективное хозяйство, артель, коммуну, «основывающуюся на принципе общего совместного пользования орудиями производства и общего совместного труда»? Разве можно отрицать, что именно Октябрьская революция пошла по пути «экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и передачи их в общее владение»? А за восемь месяцев, когда они были у власти, меньшевики и эсеры не сделали ни одного шага в этом направлении, да и не могли сделать, ибо они стояли целиком на почве сохранения основ буржуазного общества.

Громадную роль сыграла в истории русской революции

организация «Земля и воля». «Земля и воля» была народнической организацией; она считала, что крестьянство, а не пролетариат является главной движущей силой. Но в 15-летие революции 1917 года небесполезно вспомнить, как ставила вопрос о революции «Земля и воля». В программной статье газета «Земля и воля» писала:

«Мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимой, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А между тем революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу. Точно также и городское социалистическое движение, если бы оно началось независимо от деревень, неминуемо натолкнулось бы с первых же шагов на вопрос о социализме аграрном».

«Земля и воля» совершенно неправильно противопоставляла Россию Западу в том отношении, что будто бы там— в Западной Европе—история поставила на первый план рабочих («фабричный вопрос»); у нас же будто бы «его не выдвинула вовсе», заменив его вопросом аграрным. Это народническое заблуждение, которое можно было бы еще понять в то время, когда пролетариат в России еще не вступил окончательно на арену политической борьбы в качестве главной руководящей силы, превратилось в яркую реакционную политическую мысль у эпигонов народничества, у Михайловского, который подобное утверждение делал позднее, когда пролетариат явно стал уже основной политической силой революционного движения. Но для нас важнее в этом программном заявлении «Земли и воли» другое. «Земля и воля» была уверена в том, что революция, даже если она поднимется «во имя земли, на другой же день роковым образом сама придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всего капиталистического производства, потому что, сохранив его, она сама вырыла бы себе могилу». Это абсолютно верное утверждение бросает свет на основную причину гибели соглашательских партий.

Взять хотя бы партию эсеров. В течение ряда лет она гордо писала на своем знамени эти слова — «Земля и воля». А что получилось, когда власть прямо лезла в руки партии эсеров, что она сделала с своей программой, с своими ло-

зунгами, когда революция победила? — Она не только не пошла на «экспроприацию фабрик и полное уничтожение всякого капиталистического производства», она не только сохранила это капиталистическое производство: она стала на службу капиталистическому производству, она подавляла крестьянское, рабочее движение, направленное к тому, чтобы покончить с остатками помещичьего землевладения и власти помещиков и буржуазии. И она, говоря словами «Земли и воли», сама «вырыла себе могилу». В то же время «Земля и воля» правильно ставила вопрос о том, что если бы революция началась с городов, то она с первых же шагов столкнулась бы с необходимостью разрешить аграрный вопрос. И сила нашего большевистского движения была в том, что партия сумела правильно оценить значение крестьянского «аграрного» вопроса еще в период первой революции, что она камня на камне не оставила от дореволюционных аграрных отношений, тогда как «социалистический» министр эсер Авксентьев подавлял крестьянские комитеты за захват ими помещичьих земель.

Раскол «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» разделил вчерашних единомышленников на две политические группы. Документы «Черного передела» свидетельствуют, что ряд деятелей этой группы несомненно находился под влиянием учения Маркса и Энгельса. В передовой статье № 1 «Черного передела» мы находим, например, такого рода выражение: «Экономические отношения в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений». Наряду с этим «Черный передел» проповедывал целый ряд утопических теорий, мелкобуржуазных теорий, вроде, например, такого рода теории, что «экономическая поземельная революция неизбежно поведет за собой переворот во всех других общественных отношениях». Это, конечно, неверно, потому что «поземельные революции» бывают разные и, при сохранении частной собственности на средства и орудия производства в промышленности и в сельском хозяйстве, при сохранении власти буржуазии, поземельная революция может и не повести за собой переворот во всех других общественных отношениях. Но найдется ли сейчас хотя бы один живой «чернопеределец», который бы не понял, что Октябрьская революция наиболее полно разрешила все вопросы, над которыми ломали голову «чернопередельцы»?

Последней предшественницей рабочей партии является партия «Народная воля». Мы не раз отмечали огромную роль этой партии в истории революционного движения. Достаточно известны отношения к этой партии Маркса, Эн-

гельса и Ленина. Впоследствии, когда зарождалась партия революционных социал-демократов, Ленин писал про первых деятелей этой партии: «Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия» (Ленин, соч., 3-е изд., том IV, стр. 499).

Нам кажется, что в программе Исполнительного комитета «Народной воли» нашли свое выражение взгляды радикального политического крыла партии в гораздо большей степени, чем тех деятелей «Народной воли», для которых основным в революционном движении были задачи социалистического переустройства общества. Программа Исполнительного комитета ставила задачу: «произвести политический переворот с целью передачи власти народу». «Народная воля» была уверена, что после этого, «во-первых, развитие народа будет итти самостоятельно, во-вторых, в нашей русской жизни будут признаны и подтверждены многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу». «Народная воля» все еще исходила из убеждения, что главная сила в революции — не рабочий класс, а крестьянство. В программе рабочих членов партии «Народной воли» мы читаем: «Городским рабочим следует только помнить, что отдельно от крестьянства они всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве. Если же они будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе и доказывать, что вести дело следует заодно, общими усилиями, тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой».

Это, конечно, совершенно неверно, как показал весь дальнейший опыт борьбы за социализм, что главная сила не в рабочих, а в крестьянстве; но правильной была постановка вопроса о необходимости союза этих двух сил. Кто же осуществил этот союз в полной мере, как не социалистическая революция 1917 года? Какая же партия сумела создать и упрочить этот союз для борьбы за социализм, кроме партии большевиков?

Рабочему классу «Народная воля» отводила, конечно, довольно видное место в будущей революции. В документе о «подготовительной работе партии» «Народная воля» высказала такое отношение к пролетариату: «Городское рабочее население, имеющее особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и по относительно большой развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии. Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска. Если партия заранее заручится такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания имела возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицу (с сочувственным, конечно, отношением к восстанию), — это уже наполовину обеспечит успех дела. С другой стороны, городские рабочие, в силу своего положения, являются представителями чисто народных интересов и от их более или менее активного отношения к восстанию, к мерам временного правительства, к самому составлению временного правительства, — значительно зависит весь характер движения и степень полезности революции для народа».

Но кто же сорганизовал рабочий класс в такую силу, которая способна была, в качестве руководящей силы, решить судьбу революции, как не партия большевиков? «Программа рабочих членов партии «Народной воли» рассматривала рабочий класс лишь как подсобную силу, тогда как он был главной силой. Эта программа намечала ряд перемен, которые должны были произойти в результате революции». «Перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю»,—читаем мы в этой программе. Другими словами, «Народная воля» думала, что революция должна будет сделать «шаги к социализму». Но разве эсеры и меньшевики сделали хотя бы один, хотя бы маленький шажок к социализму в период между февралем и октябрем? И, наоборот, разве они не препятствовали всем своим авторитетом малейшим шагам к социализму, тогда как партия наша требовала установления рабочего контроля над производством, банками и т. п.

Продумывая условия революции, отдельные деятели партии «Народной воли» приходили к совершенно правильным выводам. В той же «программе» мы читаем: «Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочие должны составлять силу, способную напирать на правительство, и, при надобности, готовую поддержать свои требования с оружием в руках. Дойдет ли дело до кровавой борьбы или враги народа уступят без боя, — все равно: нужно готовить силу, и чем больше эта сила готова вступить в бой, тем скорее

враги отступят без боя.» Именно партия большевиков и создала эту силу, которая способна была поддержать свои требования с оружием в руках. Враги не отступили без боя, нам пришлось выдержать жестокие кровавые бои, многолетнюю гражданскую войну. Борьба и сегодня еще не кончена с врагами социализма. Но для того, чтобы рабочий класс мог выполнить эту свою историческую роль, его необходимо было организовать в самостоятельную партию, как это сделали большевики, революцию надо было вооружить.

Мы знаем, что в среде членов Общества бывших политкаторжан есть люди, которые считают ошибкой большевиков роспуск учредительного собрания. Считая неправильным ставить знак равенства между тем, о чем мечтали народовольцы, и тем, что осуществили большевики, мы тем не менее считаем полезным сопоставить некоторые программные заявления партии «Народной воли» с имевшими место в революции 1917 года фактами, связанными с вопросом о роспуске учредительного собрания. Как представляла себе организацию власти «Народная воля» в своей «программе рабочих членов партии «Народной воли»? — Она ставила вопрос так:

Партия «должна объединить эти волнения в одно общее восстание и расширить его на всю Россию. Одновременно нужно устранить правительство, уничтожить крупных чиновников его (чем крупнее, тем лучше) как гражданских, так и военных; нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и заменить народным ополчением из крестьян, рабочих, бывших солдат и всех честных граждан. Для успеха дела крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собою. С этой целью восставший народ, немедленно по очищении города от врагов, должен избрать свое временное правительство из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу. Временное правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, об'единяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за временным правительством и заставляют его действовать в пользу народа. Когда восстание одержит победу по всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, а в селах, городах и областях установится выборное народное управление, когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения, — тогда немедленно народ посылает своих представителей в (Союзное правительство) учредительное собрание, которое, упразднив временное правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный».

Мы отнюдь не хотим сказать, что революция 1917 года и организация власти пролетарской диктатуры совершались по рецепту «Народной воли», что мы являлись исполнителями этой программы. Нет, программа рабочей партии, программа Всесоюзной коммунистической партии большевиков выработалась и сложилась в иной обстановке, на теоретической почве марксизма, на почве массового рабочего движения. Она выработалась в преодолении народнических и народовольческих, в том числе, ошибок, в борьбе с ними. Она могла победить именно потому, что она вскрыла ошибки народников и меньшевиков, отвергла соглашательский путь, на который они встали, — путь, приведший их в ряды врагов революции. Но если б народовольцы стали проверять в 1917 году после февраля—марта на всем дальнейшем протяжении времени, как, скажем, партия эсеров осуществляла формулированные выше задачи революции, то что получилось бы? Кто об'единил в одно общее восстание и расширил на всю Россию отдельные разрозненные выступления масс? Кто настаивал на уничтожении крупных чиновников, как городских, так и военных, на терроре против буржуазии? Кто перетянул войска на сторону народа? Кто создал Красную гвардию — это действительно «народное ополчение из крестьян, рабочих, бывших солдат и честных граждан» в революции 1917 года? Кто в октябре овладел крупнейшими городами и удержал их за собой? Кто очистил города от врагов? Разве это делали эсеры и меньшевики после февраля? «Народная воля» рекомендовала избрать свое временное правительство из рабочих или лиц, «известных своей преданностью народному делу». А разве временное правительство 1917 года из Кишкиных и Бурышкиных, Львовых и Родзянко, Коноваловых и Пальчинских, Терещенко и Рябушинских плюс «коалиционные» социалисты состояло из людей, преданных народному делу? А разве не этих врагов народа поддерживали меньшевики и эсеры? Стоит только внимательно вчитаться в эту программу «Народной воли», чтобы видеть, что осуществить революционное содержание этой программы мог только рабочий класс, ставший во главе крестьянских масс.

Нам говорили: вы напрасно распустили учредительное собрание. А как ставила вопрос «Народная воля» об учредительном собрании? Повторяю: она ставила его совершенно по-другому, чем ставили соглашательские партии, она требовала: «Когда восстание одержит победу во всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа и т. д.», тогда только посылаются представители народа в учредительное собрание, которое должно упразднить времен-

ное правительство и утвердить народные завоевания. А как было дело с учредительным собранием? Эсеры и меньшевики требовали созыва учредительного собрания тогда, когда земля, фабрики и заводы находились в руках у капиталистов и помещиков. Они отказались утвердить народные завоевания, чего требовали от них представители рабочих и миллионны солдат и крестьян. Было бы величайшим преступлением перед революций, если бы такое, враждебное социалистической революции, учредительное собрание не было разогнано силой. Петроградский комитет меньшевиков писал в своем воззвании 25/X (7/XI):

«Преступление совершилось: большевики соблазнили, опутали темную часть рабочих. В страшную минуту для родины подняли они междоусобицу, подняли руку «на правительство, поставленное народом»... Они запугивали: «Знайте, голод задавит Петроград, германская армия затопчет нашу свободу, черносотенные разбойничьи погромы захлестнут Россию»[1].

ЦК партии эсеров 26 октября выпустил воззвание, в котором призывал: «Не слушайте большевиков, покидайте их, пусть останется одинокой эта кучка отщепенцев революции, и тогда их восстание окончится немедленно и без всякого кровопролития».

Они призывали объединиться вокруг «Всероссийского комитета спасения родины и революции», отлично зная, что за спиною этого комитета стоит контрреволюция, организация империалистов и белогвардейцев.

Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев, когда красногвардейцы отражали гатчинскую авантюру Керенского — Краснова, клеветал в воззвании:

«Помните, что когда восторжествует дело русского народа, большевики первые скроются за границу, боясь суда над собою, боясь ответственности перед народом».

Президиум Временного Совета Российской республики призывал к свержению большевиков: «Такая власть должна быть признана врагом народа и революции, с ней необходимо бороться, ее необходимо свергнуть».

Контрреволюционный комитет спасения родины и революции писал в воззвании 26/X:

«Не признавайте власти насильников! Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции».

Эти партии не остановились на этих призывах. Они организовали контрреволюционное движение. На их плечах возникли и окрепли Колчаки, Чайковские, Деникины, Дутовы, Врангели, Юденичи, Булак-Балаховичи, Петлюры и т. п. де-

---

[1] Цитирую по книге „Октябрьский переворот". Архив рев. 1917 г., Петроград, 1918 г.

ятели контрреволюции, об'единившиеся с иностранными империалистами против социалистической революции.

Но так велики оказались силы, разбуженные социалистической революцией, так правилен выбранный в Октябре путь, что у об'единенной контрреволюции нехватило сил ни для подавления революции, ни для того, чтобы приостановить это величайшее движение первой победоносной пролетарской революции.

Мы подробно остановились на целом ряде документов, относящихся к постановке вопроса о социалистической революции, несомненно являющихся продуктом коллективной революционной мысли, наложившей свой отпечаток на последующую эпоху. Мы поставили перед собой задачу в свете сегодняшнего дня показать, как ставили вопрос о революции предшественники ВКП(б). 15 лет пролетарской революции освещают эти высказывания ярким светом, дают ощутить со всей силой, как социалистическая революция наших дней разрешает накопившиеся в течение веков социальные противоречия, как она выводит революционную социалистическую мысль на широкий простор претворения социалистической программы в живой жизни, как она обогащает всех нас новым, впервые в истории приобретенным опытом социалистического строительства.

Эти 15 лет наполнены величайшими классовыми битвами. Они еще не окончились. Пять шестых земного шара находятся еще под властью капиталистов, там идет жесточайшая борьба. В СССР вопрос «кто—кого» решен бесповоротно в сторону победы социализма. Как ни трудны задачи, стоящие перед нами, у нас накоплен огромный опыт, организованы гигантские силы для доведения борьбы за коммунизм до конца. Но для того, чтобы довести до конца дело социализма во всем мире, нужно еще большее сплочение сил вокруг коммунистической партии, нужно еще большее изучение величайшего революционного опыта Октябрьской революции.

Силы коммунизма неизмеримо выросли во всем мире за эти 15 лет. Глубочайший экономический кризис еще более остро поставил вопрос о необходимости социалистической пролетарской революции. Опыт Октября, опыт всей 15-летней истории борьбы за коммунизм освещает яркими огнями путь для рабочего класса всего мира, для трудящихся всех стран к этой победе. Величайшие страдания, перенесенные трудящимися массами в революционной борьбе, находят свое историческое оправдание, свое возмездие в победе социализма, которую теперь никто уже не остановит.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

В. Невский

В Октябре

(Беглые заметки памяти)

Когда в июльские дни семнадцатого года наша партия, выполняя свой долг, стояла во главе масс и когда обнаглевшая реакция, на мгновенье победившая, заставила наши партийные организации перейти на нелегальное и полулегальное положение, и мы, т. е. члены военной организации ЦК и ПК, вынуждены были разделить эту участь.

Нас вообще не жаловали органы охранки Керенского. И до июльских дней я замечал наблюдение за моей квартирой в доме моего родственника на Торговой улице. После же июльских дней мною стали интересоваться настолько усиленно, что я вынужден был покинуть гостеприимную студию художника, под стеклянной крышей которой я помещался.

Попросту, я должен был (так же, как и мои друзья — Н. И. Подвойский и другие члены военной организации) либо сесть в тюрьму, либо скрыться.

Некоторые, действительно, попали в тюрьму, а некоторые, в том числе и я, на известное время исчезли.

Изменив свой внешний вид до неузнаваемости, я уехал в провинцию и, воспользовавшись этим, побывал в некоторых провинциальных военных организациях, чтобы укрепить те связи, которые у нас — Питерского центра — были и прежде с нашими отделениями.

Н. И. Подвойский остался в Петербурге и развил невиданную энергию по восстановлению разрушенных наших центров и подсобных органов.

Его энергии, уму и талантам мы обязаны были тем, что вместо закрытых наших органов «Правды» и «Солдатской правды» стал выходить «Рабочий и солдат». Его энергии и организаторским талантам обязана была военная организация тем, что после июльского разгрома она не только оправилась, но еще более окрепла и расширилась.

Когда я дней через десять вернулся в Петербург, я увидел все того же энергичного, радостно настроенного и вечно занятого Николая Ильича, не давшего мне сказать и двух слов и тотчас же засадившего меня за какую-то работу.

Несмотря на большие потери и средствами и людьми, наша организация, перейдя на полулегальное положение, быстро оправилась.

Нас временно приютил Нарвский район Петроградского комитета.

Хотя у нас и не было постоянного и определенного места, где мы могли бы заниматься своими военными делами, но то обстоятельство, что солдаты приходили туда, где всегда толпилось много рабочих, имело свою полезную сторону: рабочие видели солдат, слушали их разговоры, знакомились с ними и понимали, что наша военная организация — дело серьезное и важное. Такие рабочие нередко выражали желание работать у нас, и мы таким образом все теснее и теснее сливали нашу военную организацию с рабочими.

Вообще нельзя себе представлять, что наша «военка» была полукрестьянской, организацией только солдат. Бесспорно, подавляющее большинство полков состояло из солдат-крестьян, но в каждом полку и части были горожане и в том числе рабочие. С ними-то прежде всего мы и устанавливали связи. Рабочие-большевики и составляли ту руководящую головку, которая заправляла от имени нашего военного центра («Всероссийское центральное бюро военных организаций Р. С. Д. Р. П. (большевиков) в тылу и на фронте») всеми военными частями.

Бюро наше было довольно многочисленно: кроме меня, Н. И. Подвойского, К. А. Мехоношина (арестованного в июльские дни), в него некоторое время входили еще от ЦК покойный Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский и А. С. Бубнов и товарищи солдаты и рабочие от военных частей и полков (тт. Елин, Жилин, Беляков и др.).

Что касается трех вышеназванных лиц (Дзержинский, Менжинский и Бубнов), то они были введены в Бюро от ЦК партии после июля для надзора, как выразился Я. М. Свердлов. Как говорил мне Я. М., знавший меня еще с давних нелегальных времен и очень дружески ко мне настроенный, некоторые члены ЦК полагали, что мы, главным образом наш тройка — я, Н. И. Подвойский и К. А. Мехоношин, а также М. С. Кедров — и были вдохновителями преждевременного июльского выступления и виновниками поражения. Так это было или нет, расскажу когда-нибудь перед

смертью (если только удастся написать мемуары, писать которые пока неинтересно и нет времени), но факт тот, что первое время после июля и тов. Дзержинский и тов. Бубнов несколько раз были в нашей военке. Вскоре они, впрочем, перестали бывать у нас, а Феликс Эдмундович как-то при встрече со мной на мой вопрос: «Почему же вы перестали бывать у нас?» ответил: «Нечего мне делать у вас, так как я убедился, что и линия у вас правильная и ведете вы дело превосходно».

И действительно, ни он, ни тов. Бубнов больше ни разу не явились к нам.

Дело как-то вскоре раз'яснилось. Свердлов известил нас, что он, по предложению ЦК, должен ознакомиться с положением дела в военке, для чего и нужно собраться.

Н. И. Подвойский, я и еще кто-то, кажется тов. Хитров, встретили его уже на Литейном, где мы основались, уйдя из Нарвского района. Поздно ночью пришел Яков Михайлович и, просидевши у нас часа два и поговорив о делах военки, дружески сказал мне на прощанье: «Ну, вот суд над тобою и кончился! Все хорошо. Жарь во-всю, только прошу об одном, держи со мною связь!»

— Какой суд? — спросил я с удивлением.

— Ну, вот вспыхнул, как порох! — еще более дружески заметил Яков Михайлович, — ты же ведь должен знать, что вами были очень недовольны некоторые товарищи. Говорилось по этому поводу много лишних слов. Мне поручено было ознакомиться с вашими делами. Ну, вот я и пришел. Скажу тебе только еще вот что — когда это было мне предложено, то Владимир Ильич, встретясь вскоре со мной, сказал мне: «Ознакомиться нужно, помочь им нужно, но никаких нажимов и никаких порицаний быть не должно. Наоборот, следует поддержать: кто не рискует, тот никогда не выигрывает; без поражений не бывает победы». Не ручаюсь теперь, за давностью событий, за точность передачи слов Я. М. Свердлова, но смысл их передаю более или менее верно.

Некоторые товарищи в настоящее время задаются вопросом о том, кто был инициатором июльских событий — ЦК или военная организация, или движение вспыхнуло стихийно.

В некоторых отношениях этот вопрос никчемный и доктринерский. Конечно, движение созревало в глубине самых широких масс, недовольных политикой буржуазного правительства и жаждавших мира. Конечно, это движение, вызванное объективными условиями революционного процес-

са, было взято под руководство ЦК через нашу военную организацию и П. К.: иначе оно окончилось бы полнейшим нашим, хотя и временным, разгромом. Именно благодаря решительному руководству ЦК мы понесли наименьшие, мыслимые в тех условиях, потери.

Однако, теперь уж нечего скрывать, что все ответственные руководители В. О., т. е. главным образом Н. И. Подвойский, пишущий эти строки, К. А. Мехоношин, Н. К. Беляков и другие активные работники, своей агитацией, пропагандой и огромным влиянием и авторитетом в военных частях способствовали тому настроению, которое вызывало выступление.

Если память мне изменила и я неверно (хотя и невольно) назвал упомянутых выше товарищей, то о себе могу сказать следующее: хотя я и рядовой коммунист и играл небольшую роль в революции, но товарищи не станут отрицать, что в солдатской среде массы знали меня и считались с моими словами, как с указаниями В. О.

И вот, когда В. О., узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их, но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует.

Подробнее об этом я когда-нибудь расскажу, если удастся написать историю В. О.: писать эту историю, даже одному из инициаторов ее, без документов и без товарищеской помощи — не под силу, а собрать теперь оставшихся в живых товарищей так трудно...

В августе наша организация снова работала во-всю и связи наши росли с каждым днем.

Не стану описывать тех событий, которые произошли в августе и сентябре (корниловщина, напр.), в которых и мы принимали самое деятельное участие, остановлюсь только хотя бы вкратце на той работе, какую мы вели в военных частях и в связи с этим на заводах и фабриках.

Наша организация была прежде всего массовой: мы насчитывали в наших ячейках более ста тысяч членов, считая и наши провинциальные отделения, при чем только в Питере число членов доходило до сотни тысяч. И это число членов было не на бумаге; были части, как, напр., саперные или броневые дивизионы, где в наши ячейки солдаты входили ротами и батальонами. Это и понятно: в таких частях подавляющую массу солдат составляли высококвалифицированные рабочие. А так как в нашу организацию во многих частях входили очень часто и представители командного

состава, вновь выдвинутые низами (прапорщики, подпоручики, поручики и т. п.), то неудивительно, что сплошь и рядом на наших открытых собраниях солдаты, слыша, как их командир выступает солидарно с большевиками и зовет их в организацию, десятками приходили к нам с просьбой записать их в число членов.

Массовость нашей организации особенно ярко видна и в наших газетах «Солдатская правда» и «Солдат», авторами многих статей которых были солдаты и рабочие; содержание этих статей, написанных простым языком, было близко и понятно рабочему и солдату-крестьянину, газета составлялась, распространялась и печаталась товарищами членами нашей организации и партии. Никогда не забуду, как Н. И. Подвойский, этот изумительный организатор масс, начал издание газеты «Солдатская правда». Когда он поделился со мной мыслью о том, что хорошо бы было начать издание специальной солдатско-крестьянской газеты, я скептически ответил ему, что у нас нет на это средств и едва ли ЦК найдет эти средства.

Николай Ильич только улыбнулся, а через три дня по всему Ленинграду разъезжали сотни военных одноколок и автомобилей (и даже, кажется, несколько броневиков) с огромными красными плакатами, на которых было написано: «Товарищи рабочие! Если вы хотите победы, вы поможете солдату. Жертвуйте на солдатскую газету «Солдатскую правду»!

К вечеру после такой операции мы имели в нашей кассе несколько десятков тысяч рублей, а еще через несколько дней после таких же сборов по заводам и фабрикам мы уже приступили к выпуску «Солдатской правды».

И еще в одном важном уже общепартийном деле, в широком смысле этого слова, военная организация принимала участие: я имею в виду создание нашей Красной гвардии. Конечно, лозунг этот исходил от партии и от рабочих масс, конечно, потребностью вооружиться был обуреваем каждый рабочий, конечно каждый пролетарий тогда, как и теперь, прекрасно понимал, что в государстве он — сила, настоящая реальная сила только тогда, когда в руках у него винтовка, когда в любой момент, чувствуя, что его священные права свободного и независимого гражданина попираются, он вместе с товарищами может отстоять их с оружием в руках Конечно, это верно, как верно и то, что П. К. усиленно пропагандировал мысль о самовооружении рабочих в то время, как меньшевистско-эсеровская власть стремилась разоружить не только рабочих, там где они успели захватить оружие,

но и солдат, — конечно все это верно, но верно и то, что именно военная организация везде, где начиналось такое движение рабочих к самовооружению, старалась расширить и развить такое движение.

Все мы, члены нашего бюро, и я в том числе (хотя я и доселе не имею билета красногвардейца), прилагали все усилия, чтобы развить это движение по созданию Красной гвардии. В нашей организации первые красногвардейцы из районов частенько заседали, мы часто устраивали в районах первые ячейки Красной гвардии, наши же солдаты крали в частях ружья и передавали их рабочим. Я также несколько раз принимал участие на первых заседаниях Красной гвардии Выборгского района вместе с тов. Подвойским и Н. К. Беляковым.

В высшей степени большую работу проделала наша военная организация в крестьянстве.

Военная организация имела огромные связи с деревней через солдат — членов ее. Мы впервые начали издание крестьянской газеты, которой, по моему предложению, было присвоено название «Деревенской бедноты». Мы посылали в деревню агитаторов, к нам приходили крестьяне-ходоки. Десятки тысяч крестьянских писем в газету и доселе вероятно хранятся у кого-либо из наших товарищей, членов редакции.

Наша военная организация поистине была массовой организацией и не только, конечно, солдатской: множество рабочих, понимавших всю важность сосредоточения в руках партии военной силы, работали у нас, в наших районных и полковых ячейках. Наплыв рабочих стал особенно силен перед Октябрем.

Обычной картиной в помещениях нашей военки была картина человеческой массы, теснившейся в комнатах: солдаты, рабочие, пропагандисты, агитаторы — вся эта толпа шумела, двигалась, торопилась, брала газеты, листовки, книжки, вливалась в помещение и выливалась из него. Вот какой-то солдатик связывает кипу газет, вскидывает ее на спину и, кряхтя, идет к выходу, чтобы направиться в свою часть; вот рабочий требует немедленно направить к ним на завод агитатора, так как военный наряд солдат только-что отказался повиноваться офицеру-черносотенцу и необходимо использовать это настроение. Вот другой рабочий требует литературы для распространения в расположенной по соседству с заводом воинской части. Здесь какая-то девица со слов красавца-гвардейца записывает рассказ о злоупотреблениях их капитана, там солдатик, держа корявыми паль-

цами карандаш, пишет корреспонденцию в нашу газету. В одном углу группа рабочих уже практически договаривается с двумя солдатами, как наладить вынос винтовок из цейхгауза, в другом углу на скамье сидят крестьяне в армяках, в лаптях, в поярковых шляпах и медленно жуют хлеб, а перед ними суетится молодой солдатик и торопливо что-то старается втолковать старикам, слышны лишь отдельные фразы: «Пошамаешь, батя, сведу тебя к нему... он тебе скажет как и что»... Это ходоки-крестьяне из деревни, насчет земли, и сын-солдат ничего иного не мог придумать, как привести стариков за советом к нам.

Шум, толкотня, все новые и новые группы солдат и рабочих, вливающихся в наше помещение на Литейном, беспрерывные телефонные звонки из районов, сообщения о малейшем событии в части, тут же обсуждение важнейших событий текущей политической жизни—вот обычная картина нашего дня. Но и ночью не засыпала наша военка. Чем все больше и больше приближалась развязка, тем жизнь нашей организации становилась все более и более нервной, кипучей и шумной.

Все чаще и чаще приходилось оставаться на ночь в военке или у какого-нибудь товарища поблизости и чувствовалось, что теперь уже ни к чему та паспортная фальшивка, какую пришлось завести после июля. Мы лихорадочно работали по еще большему расширению наших связей.

Это необходимо было сделать, так как мы отлично понимали, что в грядущей борьбе мы, т. е. вооруженная солдатская масса вместе с небольшой частью вооруженных рабочих, под руководством нашей партии, явимся тем физическим тараном, которому суждено разрушить твердыни враждебной нам буржуазной власти.

Все чаще и чаще мы в тесном кругу нашего Бюро обсуждали этот вопрос, нисколько, конечно, не преувеличивая нашей роли, но вместе с тем отчетливо понимая, какую ответственную задачу возложила на нас история. Мы не только не задирали носа, но наоборот, хорошо понимали, как много еще нужно сделать, — укрепить и расширить наши связи среди солдат, завести новые, вооружить как можно больше рабочих, передав им винтовки и револьверы, связаться еще лучше с фронтом.

А положение между тем становилось все напряженнее и напряженнее. Чувствовалось, что развязка близка.

Еще летом такого чувства не было. А теперь, в конце сентября и начале октября, это чувство и ожидание грядущих событий были везде и у всех.

Когда закрывались собрания, когда пустели залы и замирали последние звуки речей агитаторов, когда рабочие расходились по домам и на улицах предместий наступала тишина, тогда в этой тишине чувствовалась какая-то настороженность, ожидание чего-то необычайного, незаурядного. Тишина эта, казалось, чутко к чему-то прислушивалась.

Все как-то инстинктивно понимали, что в этой тишине таится что-то великое, зародыш каких-то грядущих необычайных событий.

Мы все—члены наших центральных революционных органов: ЦК, П. К., В. О., и члены наших заводских и фабричных организаций, все, начиная от руководящих верхов и кончая пролетарием, стоявшим у станка, прекрасно понимали, что выступление пролетариата неизбежно.

Все прекрасно понимали, что наш классовый враг не спит и деятельно готовится к удушению революции. Фактов, подтверждающих это, было множество; правительство Керенского приступило к осуществлению плана вывода революционно-настроенного гарнизона из столицы; наоборот, в столицу приходили реакционно-настроенные казачьи части; на фронте также принимались меры,—расформировывали неспокойные революционные части, подавлялись малейшие попытки протеста. Правительство лелеяло мечту сдачей Петрограда задушить революцию в корне.

Между тем из провинции приходили все чаще и чаще вести о нараставшем движении крестьян, захвате помещичьих земель, стихийном процессе самочинно разрешить вековой земельный вопрос.

Все понимали, что всеобщий взрыв не за горами, что к нему нужно быть готовым, если мы не хотим остаться за бортом истории.

Нужен был чей-то авторитетный призыв, указание, определение того главного и существенного, что характеризует текущий момент.

И такое указание было дано в резолюции ЦК, где говорилось о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» и что «ЦК предлагает всем организациям руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы».

Под влиянием всей обстановки дня и принимая для руководства резолюцию ЦК, наша Петербургская организация П. К. и созвала то историческое заседание, которое произошло 15 октября 1917 г., т. е. за десять дней до переворота.

На этом заседании были заслушаны доклады от ЦК т. Бубнова и от военной организации мой. Т. Бубнов так формулировал свое мнение: «Мы стоим накануне выступления... Что касается нашего положения, то мы должны сказать, что все висит на волоске. Шесть месяцев революции привели к развалу. Вследствие этого народные массы начинают набрасываться на всех и на все... Чтобы спасти революцию, нам надо взять власть в свои руки... Все элементы для восстания даны, и если мы в этом убеждены, то все силы должны подготовить к выступлению».

Я в своем докладе также исходил из того положения, что «назрел момент вооруженного выступления».

Это было, конечно, ясно, как ясно было и то, что рабочие Питера встанут по нашему призыву, как один человек. Но мы, т. е. организаторы и руководители революционного гарнизона столицы, трезво отдавали себе отчет и в том, какое огромное значение имеет для успеха нашего дела всесторонняя и тщательная подготовка к восстанию.

«Нужно помнить, — говорил я, — о том, что наше наступление только тогда выиграет, когда в первые дни мы будем иметь огромный перевес».

Приглашал я товарищей учесть и ту роль, какую должно играть в революции революционно настроенное беднейшее крестьянство и вообще провинция.

Нам, стоявшим в самой гуще солдатских масс, руководившим гарнизоном через наши партийные ячейки, организованные нами в каждой части, хорошо были видны как наши сильные, так и слабые стороны.

Мы, конечно, прекрасно понимали, что рабочие встанут по призыву нашей партии, но мы понимали, что нужна еще и вооруженная сила, та физическая сила пулеметов и винтовок, броневиков и артиллерии, без которой победить нельзя.

Насколько я помню, наша Красная гвардия обладала небольшим количеством винтовок. Больше всего их было, конечно, на крупнейших заводах; напр., на Обуховском заводе насчитывали штук 500 ружей; в Лесновском подрайоне было 84 винтовки, а в Городском районе были заводы, имевшие по сотне, по двадцати винтовок. Красная гвардия располагала даже пулеметом и блиндированным автомобилем (на том же Обуховском заводе). В лучшем случае в нашем распоряжении было тысяча или две винтовок в то время, как враг располагал всеми родами оружия. Правда, в ряды Красной гвардии записывались сотнями; на крупных заводах красногвардейцы числились тысячами.

Для победы революции вооруженные отряды рабочих, конечно, имели огромное первенствующее значение.

Но за всем тем—гарнизон, войска решали дело. Я разумею, конечно, военную силу, которой руководила, в конечном счете, партия.

Вот почему военная организация, хорошо знавшая настроение всех военных частей, наших и враждебных, знавшая все роды войск, какими мы располагали, призывала, учтя мельчайшие детали, тщательно подготовиться, насколько это возможно, обеспечить себе перевес в первые моменты восстания. Это было важно в особенности потому, что из докладов представителей районов получалось, что настроение далеко не во всех районах боевое.

Из 19 районов представители только восьми высказывали твердую уверенность в том, что районы по первому призыву выступят твердо и решительно; представители шести (и в том числе такого, как Выборгский) заявляли, что настроение масс нерешительное и выжидательное, а представители пяти прямо говорили, что готовности к выступлению нет. В числе этих последних были такие, как Васильевский, Нарвский и Охтенский.

Действительность показала, что представители районов ошибались, что лишь только партия и Петроградский совет призвали рабочих к восстанию, они всей своей массой выступили на борьбу. Уже накануне восстания это стало ясно всем, но тогда, за десять дней до восстания, казалось не так. Вот почему мы призывали к особо серьезной подготовке, к тщательному учету сил, к накоплению их для перевеса над противником, к развитию усиленной организационной и агитационной деятельности на отсталых участках фронта.

Некоторым товарищам казалось тогда, что мы слишком осторожны. Заподозрить же нас в том, что мы против выступления, никто бы не посмел, потому что мы неоднократно доказывали, что по призыву партии мы готовы выступить когда угодно и при каких угодно обстоятельствах.

Но наш опыт (особенно в июльские дни) показал нам, что значит отсутствие тщательной подготовки и перевеса сил. И вот почему мы так настаивали на учете всех наших сил и сил противников. Это обстоятельство казалось некоторым нетерпеливым нашим товарищам непонятным упрямством и доктринерством. Некоторые же товарищи, не верившие в успех, надеялись на то, что призыв В. О. к тщательной подготовке вообще затянет вопрос о выступлении и оно, пожалуй, не состоится.

И вот эти-то товарищи добились того, что на нас начали «действовать». Как-то ночью мне сообщили, что меня хочет видеть Зиновьев. Это было за несколько дней до выступления.

Ко мне пришел товарищ от М. И. Калинина и просил меня повидаться с ним по важному делу. Я согласился и мы отправились, приняв меры, чтобы нас не проследили шпионы. Попав к т. Калинину и дружески поздоровавшись с ним, я к своему удивлению вдруг увидел входящего Г. Е. Зиновьева. Несмотря на то, что он изменил свой наружный вид, я тотчас узнал его. Сердечно пожав мне руку, он стал расспрашивать меня о состоянии и настроении Петроградского гарнизона. Несмотря на то, что я обрисовал боевое настроение гарнизона, выслушав меня, Зиновьев пришел к заключению, что победа наша не обеспечена и что поэтому выступать едва ли следует.

Я высказал свое мнение, что хотим мы или не хотим, дело зашло настолько далеко, что выступление все равно произойдет и революция нас сметет, если мы не сумеем руководить движением. Тов. Калинин, все время молчавший, теперь горячо поддержал меня и советовал готовиться к борьбе еще усиленней, так как восстание не за горами.

Однако переубедить Зиновьева нам не удалось.

А между тем волны революции вздымались все выше и выше.

Мне приходилось каждый день бывать почти во всех наших главных полковых частях, хотя в каждом из полков работал кто-либо из наших выдающихся товарищей. Так, помню, что дня за три до переворота я был в гренадерском полку, где очень большую роль играли т. К. А. Мехоношин и Дзевалтовский. Гренадерский полк был известен тем, что часть его командного состава и солдат была судима Керенским за то, что будто бы отказались наступать под Тарнополем.

В результате суда Дзевалтовский был оправдан, но свыше ста солдат-большевиков попали в каменец-подольскую тюрьму и просидели там до самой Октябрьской революции.

Когда я приехал в казармы, полк шумел, как улей. Дело в том, что на собрании докладывали товарищи-солдаты, делегаты Петроградского совета.

Некоторые из них, крестьяне, рассказывали своим товарищам, таким же крестьянам, как и они сами, своим простым языком о том, что правительство преступно медлит с разрешением земельного вопроса и что все рабочие, солдаты

и крестьяне убедились в одном: надо свергнуть Керенского и взять власть в свои руки.

Солдаты шумели, некоторые из них предлагали выступать немедленно, и стоило большого труда успокоить эту бушующую массу.

Не успел я приехать к себе на Литейный из гренадерского полка, как меня вызвали в егерский полк. Там была такая же картина. Затем пришлось побывать в Волынском полку, в Павловском, у броневиков.

И это приходилось делать не только мне, но и другим товарищам — Подвойскому, Белякову, Мехоношину, Хитрову, Анохину и вообще всем членам военной организации.

Нам удавалось все же сдерживать массы. Удавалось это потому, что почти во всех полках мы имели очень прочное ядро солдат-большевиков.

Помню, как-то, уже кажется числа 23-го меня вызвали в Волынский полк. Здесь было много украинцев-крестьян. Когда я приехал, выяснилось, что товарищи просто хотели демонстрировать свою готовность выступить по первому приказу военной организации.

В Волынском полку у нас была прочная организация и мы воспользовались ею, чтобы произвести разведку в стане врага. Еще до 25 октября, но уже в момент образования Военно-революционного комитета, членами которого были я, Подвойский и другие наши товарищи, мы решили отправить от некоторых полков и в том числе от Волынского, где команда пулеметчиков и 8-я рота целиком были наши, делегации солдат в штаб военного округа с требованием признать контроль Военно-революционного комитета над штабом.

Рассказ вернувшихся из штаба делегатов я и выслушал, приехав в Волынский полк. По словам товарищей, в штабе царила неразбериха и растерянность: до полковника Полковникова добраться было очень трудно, попрежнему дежурные генералы и адьютанты свысока разговаривают со штабными отдельных частей, но чувствуется, что их величие — это плохо скрытый страх перед надвигающимися событиями; никто ничего не знает, даются распоряжения, уничтожающие одно другое, свои силы то преувеличиваются, то вдруг преуменьшаются, о приготовлениях большевиков говорят то с ужасом, то презрительно пожимают плечами, а в общем царит неуверенность, страх и одно безумное желание — поскорее покончить с таким неопределенным промежуточным положением.

Таких разведок было сделано несколько, и мы убедились, что настоящей, военной власти у Керенского уже нет. Аппараты ее разложились, это был уже только механически связанный организм, дух оживляющий его уже отлетел от него.

Помню, что дня за два до переворота я был в Павловском полку. Хотя я ходил в военной куртке защитного цвета, какой-то капитан задержал меня.

— Я знаю, что вы агитатор-большевик,—сказал он мне,— я вас отпущу, но скажите мне, чего вы хотите? Ведь то. что вы обещаете народу, — это безумие, это анархия...

Я вместо ответа, чего мы хотим, нарисовал ему в ярких красках разложение страны, — хозяйства, транспорта и, главное, армии.

В конце я постарался показать, что и власти уже нет, есть только фирма и актер Керенский.

— Да! — живо согласился капитан. Вот это верно. Лучше уж какую угодно власть, да только твердую. Создадут ли ее темные невежественные рабочие?

— О, об этом не беспокойтесь, ответил я: не пожалеете.

В это время человек десять солдат-большевиков, членов нашей организации, узнав, что меня задержали, пришли требовать моего освобождения. Я успокоил товарищей и, иронически поклонившись капитану, сказал:

— За твердую власть большевиков!

В противовес разложению и расхлябанности аппарата правительства, неуверенности и безнадежности его агентов, у нас, начиная от Смольного с его Военно-революционным комитетом и кончая каждым заводом, каждой фабрикой, каждой полковой частью, каждой самой маленькой ячейкой, царило всеобщее воодушевление, уверенность в успехах, твердая решимость действовать до конца.

Теперь, пятнадцать лет спустя, люди, не принимавшие участия в борьбе, не понимают, как это из того всеобщего хаоса, брожения, бесчисленных толп народа, наполнявших Смольный, заводы, клубные залы, казармы, как будто бы внезапно создалась действительно могущественная власть, сумевшая внести в волнующееся человеческое море порядок и организованность.

Эти люди не понимают главного, именно того, что мы, партия революционного пролетариата, были выразителями всего многомиллионного народа трудящихся, его чаяний, его надежд, что каждый из нас, выдвинутый событиями наверх, выдвигался именно потому, что умел лучше, полнее и совершеннее других выражать эти чаяния масс: потому что

каждый из нас не думал о себе, в любую минуту готов был умереть за эти интересы трудящихся, потому что масса это видела и понимала и, идя на жертву сама, верила нам, верила этой готовности каждого из нас раствориться, умереть в этом океане героического, невиданного самопожертвования.

Каждый рабочий, каждый солдат, все трудящиеся видели и понимали, что мы боремся за власть не для себя, не за свои узко-эгоистические интересы, не за то, чтобы самим сладко пить и есть, когда голодают десятки миллионов, а, живя так же, как эти десятки миллионов, в случае нужды сложить свою голову за их интересы и нужды.

Повиновались нам и шли за нами не потому, что мы угрожали тюрьмами, пытками и ссылками, а потому, что мы были выдвинуты этими массами, чтобы покончить и с тюрьмами, и с пытками, и с ссылками, и создать невиданное еще царство трудящихся с безграничной свободой и счастьем.

Мы деятельно готовились к восстанию. Работы было так много, что теперь частенько приходилось оставаться и на ночь в военке на Литейном. Нас, т. е. Подвойского и меня, очень тревожило то обстоятельство, что мы не были особенно хорошо обеспечены со стороны Выборга и вообще Финляндии, а там, между прочим, находились моряки и артиллерия.

Как-то ночью, вскоре после свидания с Зиновьевым, я собирался прилечь отдохнуть в военке, как передо мной. точно из земли, вырос т. Шотман А. В.

Он пришел сообщить мне, что В. И. Ленин желает срочно видеть меня.

Нечего и говорить, что я с огромной радостью последовал за т. Шотманом.

Со всяческими предосторожностями мы добрались до того места, где ожидал нас Владимир Ильич.

Я не стану повторять здесь того, что мной уже было рассказано в другом месте.

Упомяну только, что, обсудив с Владимиром Ильичем состояние наших военных сил, мы пришли к заключению, что я должен немедленно отправиться в Гельсингфорс и Выборг с целью выработки с нашими товарищами Дыбенко и Смилгой единого плана действий и, главное, обеспечения поддержки со стороны расположенных в Выборге артиллерийских частей.

Поездка моя должна была состояться быстро и срочно и притом с таким расчетом, чтобы я мог вернуться к 24-му дню, который был намечен, как день начала восстания.

Эта беседа с учителем и вождем, его советы, мудрость, твердость, предусмотрительность и вместе с тем товарищеская простота и задушевность навсегда останутся в моей памяти лучшим воспоминанием моей жизни.

Я — рядовой член партии, я — маленький винтик могучей организации пролетариата, почувствовал как-то физически гений вождя, его уменье разбираться не только в самых сложных построениях теории, но и в самых мельчайших деталях сложной конфигурации наших военных сил.

Гениальные мысли и рядом с этим самые узко-практические советы по делам нашей военки, сокрушительные доводы за выступление и вместе с тем изумительная способность старшего товарища проникать в твои маленькие личные нужды и интересы.

Я как-то ясно до очевидности почувствовал, что вот здесь, рядом со мной сидит тот вождь, тот могучий интеллектуальный центр, от которого идет тысяча нитей ко всем нам, и к которому в свою очередь сходятся невидимо и таинственно те организационные связи, та воля, без какой невозможно никакое великое действие.

Я вернулся в Петроград 24-го и в ту же ночь, с 24 на 25, началось восстание.

Трудно теперь восстановить в памяти точный ход событий, да это и не мое дело сейчас, не историка, а одного из рядовых участников великих событий, какие потрясли мир. Поэтому я не собираюсь дать ни связного очерка событий, ни подробного рассказа о том, что делал лично я сам, а расскажу о том впечатлении и тех нескольких эпизодах, которые сейчас всплыли в памяти.

Лично я на вооруженную борьбу смотрел и смотрю как на жестокую необходимость, без которой нет пути к разрешению проклятых вопросов в современном капиталистическом мире.

Однако, в те памятные дни было не до этих пацифистских рассуждений. Как и все члены военки, вооружился и я. Одним из первых важнейших актов Военно-революционного комитета было выполнение приказания нашей военной организации занять штаб Петроградского военного округа.

Н. И. Подвойский быстро сорганизовал сводный боевой отряд из наших солдат и рабочих. В этом отряде большую роль играл член нашей организации, солдат и б. рабочий завода Розенкранца т. А. А. Анохин, здравствующий и ныне. Под его руководством, а также с участием покойного Склянского отряд, разделившись на две части, занял штаб.

Покойный Склянский вошел в штаб по главной лестнице, а т. Анохин занял все остальные выходы и тоже быстро с товарищами проник в помещение. Бывшим в штабе ничего не оставалось, как подчиниться тяжелой необходимости и сдать свое оружие.

В первое время я уж не помню, кто был комиссаром штаба, но что фактически на деле там распоряжался т. Анохин, я это хорошо удержал в памяти.

Отряд, занимавший штаб, организовался из сил военной организации и, насколько не изменяет мне память,— в военке [1].

Вечером я вместе с некоторыми товарищами находился на территории Марсова поля, где Павловский полк и его Павловские казармы были одной из наших баз. Отправившись в Смольный, я принял участие в обсуждении планов наступления, в выработке которых деятельнейшее участие принимал Н. И. Подвойский, и к восьми часам был снова на Марсовом поле.

К девяти часам на Марсово поле подошли волынцы, в количестве нескольких сот человек, и другие части. В Павловском полку находился Дзевалтовский и другие наши товарищи.

Поминутно подходили к казармам на Марсово поле другие военные части и рабочие отряды. Павловцы и волынцы отлично организовали связь.

Темная северная ночь с холодным ветром способствовала нашей подготовке.

Ночью началось наступление, и первый оплот Керенского — Зимний дворец — был взят.

Я был в Зимнем дворце в момент его взятия и должен засвидетельствовать, что торжествующий победивший народ не запятнал себя ни одним плохим антисоциальным поступком, ни мародерством, ни насилием. Наоборот, мне врезался в память такой эпизод: какой-то солдатик, повидимому, из крестьян, пораженный роскошью обстановки, решил попробовать руками шелковую занавеску. Стоявшему тут же рядом рабочему показалось, что он хочет ее сорвать, и рабочий с гневом прицелился и выпалил в солдатика. Если бы не удар моей руки в руку рабочего, солдатик был бы убит. Винная вакханалия началась много позже: пользуясь люмпен-пролетарскими элементами, буржуазная контрреволюция в первые дни после Октябрьской революции пыта-

[1] Вообще я не претендую на абсолютную точность излагаемых мною фактов. История военной организации еще не написана, писать ее, как и историю Октябрьской революции, нужно с документами в руках.

лась внести замешательство в нормальный ход жизни путем разграбления винных погребов и т. д.

На рассвете, оставив свой карабин (который я и доселе берегу, как реликвию) в военке, с одним револьвером я направился в Смольный и уже 25 или 26 октября мне было поручено, вместе с т. Беляковым из военки, а также с т. Москвиным, захватить железнодорожный узел.

В то время, как другие товарищи, и в том числе кажется т. Бубнов занимали центральное управление железных дорог, я с тов. Беляковым орудовал на отдельных частях узла.

Я уже теперь не помню, сколько дней, как и с кем мне пришлось заниматься всем этим, помню только как в тумане заседание Военно-революционного комитета, его быстрые и решительные распоряжения во время борьбы на фронте Царского села, во время ликвидации восстания юнкеров, помню, как мы все дня через два, через три, без сна, без еды, часто без табаку доходили до умопомрачения.

Как сейчас помню фигуры тт. Галкина и Скрыпника, потерявших силы от напряжения и бессонницы, но еще державшихся на ногах.

— Товарищи! — обращался я к ним, — нужно распоряжение накормить наш отряд на Николаевской дороге.

— А что? — спрашивает с помутившимися глазами Скрыпник, — расстрелять его!

— Что ты! Что ты, Микола! Очухайся! Это — Невский! — говорит ему смеясь Галкин.

— А, Невский! — отвечает Скрыпник и, круто поворачиваясь, идет куда-то давать распоряжение.

Помню Подвойского, радостного, как солнце, кипучего, энергичного и всякий раз успевавшего быть в тысяче местах, ничего не оставить без внимания, без указания.

Помню сотни других товарищей, фалангу молодежи, затем старых большевиков, ту старую гвардию, которая не только сумела воспитать молодое поколение борцов, начиная с 90-х годов, но которая и сама оказалась в авангарде этих борцов Октября 1917 года.

Члены ЦК и ПК, члены районных комитетов, рядовые члены организации, рабочие из районов, солдаты, наша революционная молодежь, наши старики, цвет нашей старой гвардии, рабочий класс столицы—все были на своих местах.

Грузовые автомобили, наполненные рабочими заводов, солдаты, идущие эшелонами, броневики, походные кухни, артиллерия, работницы, даже подростки — хаос движения и людей, хаос мыслей и положений, и над всем этим огром-

ная воля к победе у рабочего класса, сумевшего своим энтузиазмом, самоотвержением и героизмом и в столице, и под Царским, и во время восстания юнкеров, и на почте, и на электрической станции, которые пытались бастовать, и на железных дорогах,—кого зажечь жаждой борьбы, кого увлечь, убедить, кого подавить силой оружия.

Измученный и усталый, как и все, обезумевший, без сна, я через несколько дней, шатаясь, шел по коридорам Смольного с одним желанием — лечь и уснуть.

Вдруг навстречу идет огромного роста человек, а за ним человек пятнадцать молодых людей с винтовками.

— А, вот вы где! — вопит великан и через минуту он душит меня в объятиях.

Я узнаю доктора Исполатова (ныне покойного), стихийного революционера-большевика.

— Вот узнал о восстании, — вопит доктор, — вынул спрятанные мною винтовки еще от 1905 года, собрал ребят и айда сюда. Сегодня приехал и уже был у Ленина.

«Ребята» улыбаются, у них блестят зубы и дула, и все их фигуры дышат готовностью умереть за дело советов Уславливаемся о встрече с доктором, примчавшимся из глубины Тамбовья, и я бегу спать.

Не знаю, долго я спал или нет, только вдруг меня разбудили шум и говор. Придя в себя, я увидел Рыкова, Зиновьева и еще нескольких их единомышленников. Шло обсуждение создавшегося положения, вследствие известного всем их выступления.

Я вышел из комнаты возмущенный этим совещанием. Найдя где-то укромный уголок, я, наконец, заснул, как убитый.

Проснувшись на другой день, я снова бросился в водоворот борьбы: 14 ноября Ленин подписал распоряжение о назначении комиссаром путей сообщения покойного М. Т. Елизарова и второе распоряжение о назначении меня членом коллегии. Я не хотел этого. Мне не хотелось занимать никаких высоких должностей, мне казалось, что я работник не канцелярии, а массы. Я всячески старался уклониться от этого назначения.

Но вызванный В. И. Лениным, выслушав его доводы, я беспрекословно подчинился приказанию.

Когда-нибудь, в другой раз, расскажу о том, как нам пришлось на другой день после переворота завоевывать железные дороги, а сейчас, чтобы закончить эти беглые беспорядочные заметки, хочу рассказать один маленький эпизод.

Мы, напрягая все свои усилия, вели борьбу с нашими врагами, мы взяли власть, опираясь на монолитную готов-

ность всей нашей партии итти всем до конца. И вдруг группа ответственных старых товарищей выступает против общей линии партии. Все мы помним, как отнеслась к этим товарищам партия: она осудила их и сказала, оценив их поступок:

— Партия сильна и крепка и без вас.

Как-то, идя по коридору Смольного, я встретил одного из лидеров группы, моего старого товарища, когда-то работавшего вместе со мной в Питере. Он остановил меня и, поговоривши о создавшемся положении, сказал:

— А что вы скажете, Владимир, если я начну издавать газету для отстаивания нашей линии.

Я хотел было ответить моему старому приятелю, как вдруг... не удержался и расхохотался. За спиной моего приятеля стоял Владимир Ильич и, добродушно улыбаясь, говорил:—Газету? Так-с! Так-с!

Мой приятель обернулся и густая краска покрыла его лицо. Как пуля он умчался в другую часть коридора.

Владимир Ильич поздоровался со мной и добродушно заметил: — Ничего. Снова придут к нам. Больше некуда.

Мне почему-то вспомнился этот маленький эпизод, когда я задал себе вопрос, почему мы победили в Октябре.

Я знаю, что исторические причины закономерного общественного процесса привели рабочий класс всего мира к борьбе против буржуазии, что особые условия нашей истории раньше других передовых стран привели нас к социалистической революции и социализму, что наличие такой партии, как партия Ленина,и, наконец, работа, руководство и гений такого вождя, как Ленин, обеспечили нашу победу,— все это я знаю хорошо. Но я хочу только подчеркнуть, как сильна, как могущественна была наша партия, как гениально было руководство Ленина, насколько была сильна уверенность в победе, что шатания и колебания некоторых большевиков даже в дни вооруженной борьбы за власть не могли смутить ни Ильича, ни партию и они были глубоко уверены, что заблуждающиеся и дрогнувшие, убедившись в своих ошибках, снова придут к нам.

Великая, славная, могущественная, единственная партия революционного пролетариата, партия Ленина, партия Октября, авангард мировой коммунистической революции!

Счастлив тот, кто хоть маленькую роль играл в Октябрьском перевороте, счастлив, кто боролся под твоим руководством в эти дни.

Над могилами павших борцов обнажим свои головы.

С великой партией рабочего класса вперед к грядущим победам!

Б. А. Бреслав

15 лет тому назад

Для многих и даже для «ученых историков» еще до сих пор непонятно, как могла такая страна, как старая Россия, относительно отсталая экономически и политически, на протяжении менее одного года пройти путь от буржуазно-демократической революции к пролетарской, который неудается пройти ряду других более развитых стран на протяжении столетия. Они до сих пор считают Октябрьскую революцию роковой исторической ошибкой. Даже пятнадцатилетнее успешное существование пролетарской власти, одержанные ею победы на всех фронтах, успешное строительство социализма—Днепрострой и др. гиганты индустриализации нашей страны—не изменили их взглядов на нашу пролетарскую революцию, как на историческую ошибку. Спорить с ними теперь излишне и бесполезно. Они не понимают, что чудес не бывает. В ряду основных причин нашей Октябрьской победы 1917 года лежит тот неоспоримый факт, что за 8 месяцев, прошедших с февраля до Октября, выявилось, что наша расейская буржуазия, как и ее предшественник—царизм,—не была в состоянии справиться ни с внешними затруднениями — задачами ими самими затеянной войны, ни с внутренними трудностями, обостренными войной,—задачами борьбы с хозяйственной разрухой. И царизм и буржуазия в момент исторических испытаний обанкротились, а их могильщик и наследник — пролетариат — оказался в состоянии скинуть их обоих, взять судьбу своей страны в свои руки в один из труднейших в истории России моментов, вывести страну на новый, до сих пор невиданный в мире путь, и не только поставить перед ней, но и разрешить успешно величайшие задачи.

Трудящиеся массы на протяжении 8 месяцев — от февраля до Октября—прошли очень тяжелый путь борьбы, на протяжении которого были и тяжелые поражения. В сознании широчайших трудящихся масс на протяжении 8 месяцев, на опыте конкретных фактов, крайне болезненно шел про-

цесс изживания старых иллюзий о демократизме буржуазии и народолюбчестве народнического и реформистского, приспособленческого и оппортунистического социализма.

Мы предполагаем более подробно остановиться на изучении этого процесса по отдельным его этапам — как в массах постепенно и интенсивно нарастал Октябрь на протяжении 8 месяцев после февральской революции. Но сейчас, к 15-й годовщине Октября, остановимся лишь на двух, по-моему, поучительных моментах: на самом конце процесса изживания иллюзий—на С'езде советов Северной области, явившемся репетицией ко II С'езду советов, взявшему власть в стране в свои руки, и на событиях в Кронштадте, накануне и в Октябрьские дни 1917 года.

О с'езде советов Р. и С. депутатов Северной области

(*Октябрь 1917 года*)

11—13 октября 1917 года состоялся С'езд советов Северной области, созванный по инициативе Финляндского областного комитета советов. На с'езде было представлено более 23-х пунктов, среди которых были такие крупные и важные в политическом и стратегическом отношении пункты, как Петроград, Москва, Кронштадт, Ревель, Финляндия и др.

Всего с'ехалось 94 делегата, из которых 4 меньшевика-оборонца ушли на второй день, так как с'езд не согласился на их требование назваться частным совещанием советов Северной области. Это требование они мотивировали, между прочим, и тем, что на с'езде присутствуют делегаты от Москвы, которая не входит в Северную область. Из остальных 90 членов с'езда было: 51 большевик, 34 с.-р., 3 максималиста, один максималист, окончательно порвавший с с.-д., и 1 меньшевик-интернационалист. Среди с.-р. преобладали левые. Правые с.-р. прошли только от Петроградского совета и их было только 10 чел.; провинцию представляли левые с.-ры.

10 числа накануне открытия с'езда состоялось предварительное совещание с'ехавшихся делегатов, на котором и были выработаны порядок дня и регламент, принятые впоследствии с'ездом.

Политическая обстановка, в которой происходил с'езд, была такова: или временное правительство, подготовив свой план подавления революции, могло начать действовать, или крайнее недовольство широких трудящихся масс в тылу и на фронте и их полное недоверие к временному правительству могли вылиться в страстную вспышку вооруженного восстания. И в том и в другом случае на до-

лю этого С'езда советов Северной области могла выпасть очень почетная и вместе с тем очень тяжелая и серьезная задача—стать во главе вооруженного восстания масс во всей стране.

Меньшевики великолепно понимали обстановку. И потому они, во-первых, настаивали на об'явлении с'езда лишь совещанием, что должно было понизить авторитет с'езда, они пытались сорвать с'езд своим уходом с него и отзывом представителей тех советов, которые были еще под влиянием меньшевиков (Новгород). Во-вторых, уйдя со с'езда на второй день его работы, они заявили, что часть их делегатов тем не менее останется в зале заседаний с'езда, чтобы следить за тем, что «большевики—эти политические авантюристы и изменники общенациональному делу—тут затевают»,—сказал меньшевик Капелинский.

Характер с'езда определился тем, что он происходил в такой момент, в такой обстановке, когда одни разговоры о подготовке к вооруженному восстанию и к захвату власти советами были явно недостаточными. Положение было такое напряженное, как это будет видно ниже из выступлений представителей полков, фронтовиков, окопников, что восстание могло вспыхнуть в любой момент и по любому поводу. К вооруженному восстанию надо было готовиться конкретно. Эта основная задача и стояла перед с'ездом.

С одной стороны, временное правительство Керенского, как и все соглашательские партии, к тому времени окончательно потеряло всякое доверие масс в тылу и на фронте, с другой—события нарастали и развивались с головокружительной быстротой. Созыв Всероссийского с'езда советов мог быть сорван, несмотря на то, что большинство в советах почти повсеместно к тому времени уже принадлежало большевикам. Временным правительством Керенского был поставлен на очередь дня вопрос о выводе из Петрограда всех революционных частей войск, что должно было быть началом разоружения революции и затем расправы с нею. В «сферах» поговаривали и в буржуазной печати открыто обсуждали возможность сдачи немцам Петрограда, этой «зараженной большевизмом столицы».

Рига была уже сдана при каких-то странных обстоятельствах. Ригу отстаивали с величайшим геройством одни большевистские латышские полки, оставленные без поддержки.

С ряда фортов Кронштадтской крепости, преграждавших германскому флоту путь к Петрограду, временное правительство потребовало снятия тяжелых и дальнобойных

орудий под предлогом, что эта тяжелая крепостная артиллерия необходима фронту.

В такой обстановке, сами собой, можно даже сказать стихийно, вставали перед С'ездом советов Северной области вопросы захвата власти и вооруженного восстания. Но с'езд этот был лишь областным и по своей инициативе брать на себя задачу всероссийского значения было ему не под силу.

С'езд советов Северной области, бывший историческим событием большого значения, ныне почти забыт. И это вполне понятно.

Историческое значение С'езда советов Северной области заключается в том, что он был одним из серьезнейших этапов в развитии и нарастании революционных событий в Октябре 1917 года, событий, которые явились важной подготовкой и ближайшим преддверием к захвату власти в России рабочим классом и крестьянством на 12 дней позже.

Печатаемая ниже небольшая часть протоколов С'езда советов Северной области случайно у меня сохранилась. Большая их часть и видимо обработанная пропала. Я был одним из двух секретарей этого с'езда и поэтому считаю своим долгом, пользуясь данным случаем, сказать несколько слов не только о самом с'езде, но и о его протоколах.

К ведению протоколов и записей того, что происходило на заседаниях этого с'езда, его участники, вернее, президиум его, относились крайне небрежно. Несмотря на то, что с'езд происходил совершенно открыто, записи его работ велись так, как они обычно ведутся на подпольных конференциях, если не хуже. Точно записывались и публиковались в печати только решения и постановления. И секретари, передав проголосованную с'ездом резолюцию в редакции газет для напечатания, не считали нужным внести ее в протокол заседания. Фиксировалось только, что такая-то резолюция или такое-то постановление, по такому-то вопросу принята единогласно, при стольких-то воздержавшихся, против и т. п.

Те записи, которые у меня случайно сохранились, имеют тот же отпечаток крайней небрежности и поспешности. Я собирался их обработать непосредственно после с'езда, надеясь на свою память. К сожалению, только начало записей оказалось обработанным: быстрое развертывание октябрьских событий 17 года не позволило мне эту работу закончить. Теперь же, спустя 15 лет, память не в состоянии по отдельным фразам, часто как будто вырванным

из общего контекста, восстановить хотя бы важнейшее из происходившего.

Так, например, есть запись, что на первом заседании, после перерыва, три делегата с'езда — Жорновецкий, Шейнман и Кудинский — просят сделать внеочередное заявление. Было ли ими это заявление сделано и в чем оно заключалось—в записях ничего нет, а в моей памяти об этом случае ничего не сохранилось.

Дальше записано, что от Петергофа выступил Киллис (с.-р.), от Абоаландского укрепленного района—Шерстобитов (большевик), от Нарвы—Лемоткин, от Шлиссельбурга—Ескин, от Боровичей—Крылов. О содержании их выступлений нет ни слова и восстановить эти выступления хотя бы приблизительно теперь нет никакой возможности. Видимо, это были доклады с мест, так как первое заседание было целиком посвящено первому пункту порядка дня с'езда—докладам с мест.

В записях имеется указание, что председатель резюмирует доклады с мест, о содержании же самого резюме ничего не записано. На этом запись обрывается.

На одном полулисте имеется запись: «Заявление меньшевиков — Богданов» и ни слова о том, в чем заключалось это заявление.

В прениях по докладу представителя Петроградского совета выступали: Крыленко, Калегаев, Кудинский, Кузьмин, Молчанов, Шишко, Бреслав и Кудрин. Последний от 33-го армейского корпуса.

О характере и содержании самих прений, к сожалению, никаких записей не сохранилось.

Затем записано:

«Докладчик—заключительное слово. Никто ни в чем не уступил. Поправки, внесенные с.-р. (левыми), улучшают резолюцию (читает резолюцию)».

Резолюция по текущему моменту принята единогласно при трех воздержавшихся. При чем, Биллима (с.-р.) и Копелинский (меньшевик) берут слово по мотивам голосования. Ни о мотивах их голосования, ни о том, как они голосовали—за или воздержались—ничего неизвестно.

Докладчиком от бюро по созыву с'езда по третьему пункту порядка дня,—«Военно-политическое положение»,—был тов. Антонов. Содержание его доклада также не сохранилось.

Тов. Лашевич от имени фракции большевиков внес предложение о создании Областного Военно-революционного комитета. Челингорьян—от с.-р. присоединился

к этому предложению и резолюция по этому вопросу принята была всеми голосами против одного. Кто был этот один, также неизвестно и я сейчас припомнить не могу.

Сама резолюция «о военно-политическом положении в стране» начиналась словами: «Русская революция, свергшая царизм, не смогла свергнуть политику царизма и иностранных банкиров». Анализируя дальше создавшееся к тому моменту в стране положение в связи с войной, резолюция считает необходимым эту политику коренным образом изменить путем перехода власти в руки революционной демократии (как тогда выражались), так как буржуазия не способна на коренное изменение этой политики—к переходу от империалистической войны к немедленному миру, к братанию на фронте, к призыву рабочих воюющих стран на борьбу со своими империалистами.

По земельному вопросу было принято решение обратиться ко всему крестьянству с воззванием. Для выработки текста воззвания была избрана комиссия в составе: тт. Антонова, Ломова, Бреслава, Калегаева и Биллима. Выработанное этой комиссией воззвание ко всем крестьянам принято единогласно и опубликовано в печати.

Несмотря на то, что протоколы С'езда советов Северной области полностью не сохранились, многое еще легко можно восстановить: все участники с'езда ныне еще здравствуют.

В секретарской работе на с'езде по поручению большевистской фракции с'езда меня очень часто сменяли тт. Карахан и Шейнман.

С точки зрения наиболее полного освещения предоктябрьского периода, истории предоктября, было бы крайне желательно как можно более полно восстановить и осветить работу С'езда советов Северной области, ибо в этом с'езде и в его работах лучше и полнее всего отразился предоктябрьский период.

Самый с'езд и общее настроение, царившее на нем, как у самих делегатов (за исключением 4 меньшевиков), так и у представителей заводов, фабрик, военных частей тыла и фронта, пришедших его приветствовать, выявили реальную силу, на которую Военно-революционный комитет Петроградского совета опирался тогда. Сила его заключалась не только в самом Петрограде, но и далеко за его пределами.

———

Отчет о заседаниях С'езда советов рабочих и солдатских депутатов Северной области

Заседание 1-е — 11 октября

В пять часов вечера заседание было открыто членом Финляндского областного комитета т. Антоновым[1]. «С'езд этот,—сказал т. Антонов,—должен был состояться в Гельсингфорсе, но изменившееся политическое положение страны заставило перенести его в Петроград, и благодаря этому он был отсрочен на несколько дней. Основная задача с'езда—это спаять провинциальные советы Северной области с Петроградом, дабы создать сильную организацию вокруг Петрограда—в ближайшем тылу очага революции. Ближайшее будущее покажет, насколько нам удастся эту задачу разрешить».

По соглашению, состоявшемуся между фракциями, президиум избран в следующем составе:

Председатель с'езда т. Крыленко (большевик).

Три товарища председателя (от большевиков, меньшевиков и с.-р.): Каллис (с.-д.), меньшевики не прислали, т. Дыбенко (большевик).

Три секретаря: от большевиков—т. Бреслав, от с.-р.—т. Биллима, от меньшевиков—не прислали.

После того, как члены президиума занимают свои места, тов. Крыленко при единодушных и общих аплодисментах открывает с'езд.

Приветствуя с'езд, тов. Крыленко говорит:

«Позвольте, прежде чем узнать о том, что делается на местах, кратко охарактеризовать то положение, в котором находится вся страна. Момент чрезвычайно трагичен. Самодержавная власть находится в руках кучки безответственных лиц. За 7 месяцев революции никакие реальные завоевания не сделаны и революция снова стоит перед тупиком. В этот момент на областные с'езды ложится тяжелая и ответственная задача, от которой они не могут отказаться.

Мы стоим перед рядом назревающих конфликтов между широкими трудящимися массами, с одной стороны, и контрреволюционным правительством и поддерживающими его имущими классами—с другой. Мы имеем в деревне стихийно развивающееся и по всей стране разливающееся крестьянское движение.

Настоящее правительство не только не в состоянии удовлетворить основные требования крестьянства — дать

[1] Антонов-Овсеенко, выступавший на с'езде только под первой частью своей фамилии.

землю и тем самым успокоить это движение, но оно прибегает к старым, царским приемам борьбы с крестьянским движением—к посылке в деревню карательных отрядов, к подавлению его вооруженной силой.

Финансовое положение страны катастрофическое; в вопросах войны мы также стоим перед катастрофой. Из окопов требуют немедленного мира, а правительство готовится к зимней кампании. Если вы не все узнаете о фронте из большевистской печати, то остальное вы узнаете из речей представителей окопов, которые расскажут, как там переживаются дни в страшном напряжении. Там ждут мира, а в предпарламенте Алексеев говорит, что необходимо провести зимнюю кампанию, а потом начать то же самое, что они начинали 18 июня. В такое время у соглашателей остается попрежнему утопическая политика—вера в возможность сторговаться с союзными и нашими капиталистами.

В то время, как в булыгинском предпарламенте раздаются речи о том, что только после ухода правительства из революционного центра, Питера, после подавления революции создастся возможность спокойно работать, на нас ложится ответственность сделать все от нас зависящее, чтобы революция самое себя нашла. (Аплодисменты). Мы стоим перед критическим моментом, и мы обязаны исполнить свой долг перед революцией и страной». (Аплодисменты).

После этого оглашается регламент, который и принимается.

Слово для внеочередного заявления представляется т. Антонову по поводу голодающих в «Крестах» политических заключенных.

Указав на то, что для Корнилова устраивается сладкий режим, Пуришкевича освобождают, а борцов за дело революции доводят в тюрьме до голодовки, тов. Антонов предлагает следующую резолюцию:

«В тюрьмах Российской Республики сидят десятки и сотни революционеров. В «Крестах» заключенные начали голодовку. Тюремщиками революционных борцов являются те самые, что губят страну и революцию. Освобождение заключенных из тюрем и страны от диктатуры контрреволюционеров — одна и та же задача. Северный областной с’езд призывает вас, товарищи заключенные, приостановить голодовку и пощадить свои силы, ибо час вашей свободы близок. Через избранную с’ездом делегацию посылаем вам братский привет».

Резолюция принимается единогласно.

Единогласно также принимается и следующий порядок дня:

1. Доклады с мест.
2. Текущий момент.
3. Военно-политическое положение.
4. Земельный вопрос.
5. Учредительное собрание.
6. С'езд советов.
7. Организационный вопрос.

Доклады с мест

Представитель Петроградского совета Р и СД, приветствуя с'езд от имени Петроградского совета, говорит:

«Недавно произошли перевыборы Петроградского совета, после чего его политика коренным образом изменилась. Широкие массы петроградского пролетариата убедились в несостоятельности тактики соглашательства, в их измене кровным интересам широких трудящихся масс.

Петроградский совет находится сейчас в открытой борьбе с временным правительством по вопросу о выводе из Петрограда части его гарнизона. Если кто имеет право в данный момент говорить от имени петроградского пролетариата и о защите его жизненных интересов, это только Петроградский совет. При первой опасности, которая может угрожать Петрограду, временное правительство уйдет из Петрограда. Ни для кого не тайна, что оно готовится к выезду и к сдаче Петрограда. После сдачи Петрограда, где имеется половина промышленности, работающей на оборону, оборонцы готовы сдать и остатки. Пусть правительство бежит, куда хочет, Петроградский совет не уйдет и будет защищать Петроград вместе с петроградским пролетариатом и его гарнизоном до конца. (Аплодисменты).

Не стану вам сейчас обрисовывать соотношения сил партий в совете по этому вопросу. Правительство решило вывезти $^2/_3$ Петроградского гарнизона. Специалисты говорят, что для обороны страны и Петрограда это нужно. Гарнизон спрашивает нас: «Нужно ли это или нет». Петроградский совет отвечает: «Мы не знаем, насколько это нужно, но знаем одно, что перед корниловским выступлением был приказ о выводе из Петрограда 5 полков, на что дал свое согласие тогдашний Петроградский совет, руководимый оборонцами. Мы знаем поэтому, что у оборонцев есть много оборончества, но нет действительной обороны, как против нашего внешнего врага, так и против наступления контрреволюции. От нас требуют политической, ре-

волюционной ответственности за этот шаг. Петроградский совет не берет на себя этой ответственности. Завтра перед Петроградским гарнизоном станет этот вопрос практически. Тут мы чувствуем всю свою ответственность. Не ту ответственность перед правительством, о которой нам говорят оборонцы всех мастей, а ответственность перед революционной страной: отдаем ли мы петроградский гарнизон и оголяем Петроград перед угрозой сдачи его оборонцами и их правительством, предадим ли мы петроградский пролетариат, или берем на себя действительную оборону Петрограда в этот тяжелый момент.

Мы выбираем последнее. Ибо в данный момент, если кто может взять в свои руки власть в стране, если кто может взять на себя задачу обороны страны и окончание войны— это советы. Все остальные оказались банкротами».

Дыбенко (представитель Балт. флота) приветствует с'езд от имени геройски умирающих в неравных боях матросов Балтийского флота. «Балтийский флот,— говорит он,— борющийся в волнах Балтики, доказал, что он знает свой долг перед страной и революцией. В то же время Балтийский флот сказал сидящим на троне бездарностям, чтобы они не занимали наши юзоаппараты своими приказами, которые не исполняются.

Если Петроград будет сдан, флот будет вынужден или капитулировать, или погибнуть в волнах Балтики. Флот ввел у себя на судах выборное начальство. Мы, однако, исполним и все боевые приказы главнокомандующего, но если в каком-либо приказе будет измена, мы ему сказали: «Вы первый будете повешены на мачте. Мы все погибнем, но и вы погибнете вместе с нами. Мы хорошо поняли цели немецкого, в 15 раз сильнее нашего флота (у нас сражались одни линейные корабли). Мы знаем, что с нами, вооруженным авангардом революции, хотят расправиться. Флот исполнит до конца свой революционный долг перед всем рабочим классом и крестьянством и будет исполнять приказы полновластных Советов рабочих и солдатских депутатов».

Представитель Петроградского совета предлагает послать приветствие от имени с'езда Балтийскому флоту, которое единодушно принимается.

Ломов (представитель Москвы). Москва не входит в вашу Северную область, но она не осталась глухой к вашему призыву. В то время, когда здесь разыгрывается трагедия, мы знаем, что нам придется притти вам на помощь. Оценка общего положения, данная представителем Петроградского совета, есть и оценка Московского совета. Мы будем вместе с вами бороться, пока не будут вопло-

щены в жизнь требования революции. Если Питер в продовольственном отношении живет тем, что идет через Москву, то Москва несет тяжелые последствия предательской по отношению к трудящимся массам политики настоящего правительства, находящегося у вас, в Питере. Москва переживает полосу широких локаутов.

В условиях крайнего недостатка в стране и питания и снабжения фронта правительство тормозит все наши усилия, направленные к тому, чтобы Московская промышленность бесперебойно работала. Мы накануне закрытия капиталистами всех заводов и фабрик Москвы и Московского района.

Антонов (Финляндский областной комитет). Финляндский областной комитет не знает теперь в своей среде тех, кого называют оборонцами. Он держит под своим контролем все органы правительства. От этого контроля Областной комитет Финляндии не отказался и не отказывается, несмотря на всю травлю, поднятую против него всей буржуазной печатью, он знал на что идет. Финляндию хотели разоружить раньше, чем Петроград.

Председатель (Крыленко). Поступило предложение перейти в Актовый зал.

Предложение принимается, после чего об'является перерыв на 20 минут, до 7 часов.

После перерыва продолжение докладов с мест.

От Окружного Петроградского совета — Жарновецкий, от Гельсингфорса — Шейнман, от Кронштадта — Кудинский просят слова для внеочередного заявления (сущность заявления не записана).

Головов (Выборг) протестует против того, чтобы желтая пресса приклеила Выборгскому гарнизону печать Каина.

Абрамович делает внеочередное заявление об отзыве со с'езда Новгородским советом своих делегатов. Крылов, один из делегатов Новгородского совета, заявляет, что с глубоким прискорбием он узнает об отзыве всей делегации и его в том числе, но он считает своим долгом не подчиняться отзыву, ибо его полк, 176-й полк, освободил его из тюрьмы и освободил не для того, чтобы он ничего не делал, а для того, чтобы развивать и углублять революцию. «Так как я уверен и надеюсь, что скоро наступит решительный момент, я прошу у вас, у с'езда, позволения оставаться здесь и, по мере моих сил, принимать участие в работах с'езда».

Рябчинский (Ревель). В Ревеле находят, что демократическое совещание придется разогнать. Но мы понимаем, что это придется сделать совместными усилиями ар-

мии, рабочих и крестьян. В вопросе о расформировании полков мы присоединяемся к финляндцам.

Мы считаем, что время, когда можно было советам безболезненно взять власть в свои руки, прошло, теперь же придется брать ее силою, завоевывать. А раз власть придется завоевывать с боем, то к этому надо серьезно подготовиться, чтобы пойти в бой организованно. Поэтому необходимо, по примеру Петроградского совета, создать уже сейчас везде военно-революционные комитеты.

Перед нами вопрос эвакуации, вывода и расформирования революционных воинских частей еще более остро стоит, чем перед Петроградским советом.

Представитель Новгородского полка (Румынский фронт). Я говорю вам от солдат, которые требуют, чтобы переговоры о мире были начаты немедленно. Богатые устроились в штабах, а бедноту загнали в окопы. В окопах нет снаряжения, нет аммуниции. Правительству мы не верим, особенно после июньского наступления. Нас тогда бросили не в бой, а на полное истребление. Бросили нас на это люди, не понимавшие ничего ни в военной технике, ни в стратегии. Мы, окопники, требуем, чтобы вся власть перешла в руки революционной демократии. Пусть она правит нами, ей мы доверяем и ей мы окажем самую сильную поддержку.

Представитель 690-го полка (Юго-западного фронта) надеется, что данный с'езд найдет способы и силы для защиты столицы, которую буржуазия готовится сдать врагу. «Полк наш требует мира и требует, чтобы все тайные договоры с союзниками были обнародованы, чтобы мы знали, за что воюем. Нам говорят, что этого нельзя сделать, что это не нашего ума дело, что мы должны верить правительству, сидеть в окопах и воевать. А солдаты нашего полка на фронте ходят раздемшись, разумшись, без нижнего белья, не в чем в баню сходить, нас не кормят. Можно ли так воевать?»

Цыбульский (Тамерфорс) также излагает требования частей гарнизона о скорейшем заключении мира и недоверие временному правительству.

Молчанов (из окопов 1-го Сибирского армейского корпуса). Все солдаты и все части нашего корпуса хотят перехода власти к советам. Мы не знаем у себя ни большевистской и ни меньшевистской агитации. Жизнь нас многому научила. Мы теперь сами твердо убедились в том, что коалиционное правительство затянуло войну. Нам говорят, что война нужна для страны, для наших отцов и матерей, оставшихся в тылу. Неужели нашим матерям и отцам нужно было пролить такое море крови их родных

детей ради их собственного благополучия. А где же это благополучие наших отцов и матерей, неужели в том голоде, в той нищете, в тех материнских слезах, которые война принесла в изобилии трудовому люду, рабочему и крестьянам. Знайте, что на фронте не проходит часа, минуты, чтобы солдаты не говорили о мире.

Представитель Петроградского совета крестьянских депутатов. Этот совет послал уже в деревню до 700—800 агитаторов, ибо он считает, что основная задача, стоящая перед революцией в данный момент—это удовлетворение основного требования крестьянства — конфискация помещичьих земель и передача их крестьянству. Совет считает, что власть должна немедленно перейти в руки крестьянских, солдатских, рабочих и армейских организаций. Мир должен быть также немедленно заключен. Мы не можем дальше воевать. Как можно вести такую большую войну, если солдаты голодают и холодают в окопах, в грязи, если эти солдаты получают письма от своих родных о том, что их семьи в тылу также голодают, к тому же при полном недоверии со стороны солдатской массы к правительству.

Представитель Волынского полка отмечает охлаждение солдатской массы к революции за ее бездеятельность.

Успенский (Архангельск) заявляет, что Архангельский совет, об'единяющий 75 тыс. рабочих и солдат, обратил главное свое внимание на своевременную доставку фронту и стране всего того, что идет из-за границы через Архангельский порт.

Татаринцев (Царское село) заявляет, что и Царскосельский оборонческий совет с июня месяца, после наступления начал быстро леветь. Соотношение сил разных партий в нем распределено следующим образом: 72 большевика, 3 меньшевика-интернационалиста и 50 с.-р., из которых часть принадлежит левому крылу с.-р.

Пожевонный (161-й Сибирский полк). «От сидящих в окопах и гниющих там в грязи передаю вам привет. Я должен вам заявить, что везде в низах бурлит нетерпение, недовольство, озлобленность. Во что же это выльется? В минской тюрьме сидит свыше 600 человек фронтовиков-солдат. Между фронтом и тылом образовалась линия, разделяющая их на два враждебных лагеря».

Представитель Херсонского земельного комитета. Богатая хлебом Херсонская губ.— накануне взрыва. Двойственность политики временного правительства с уклоном вправо, политика пустых обещаний и посу-

лов довела нас до отчаяния. Когда на севере советы возьмут власть в свои руки, юг зальет вас хлебом.

Председатель (Крыленко) резюмирует доклады с мест и закрывает первое заседание.

Заседание 2-е — 12 октября началось приветствиями 2-го Городского районного Совета Петрограда, представителя 604-го Вислинского полка и рабочих Обуховского завода.

После доклада «О военно-политическом положении» с'езд приветствовал Петерсон от латышских стрелковых полков.

«Несмотря на то, что рабочие и крестьяне Латвии в революции 1905 года понесли больше всех жертв—наша родина была усеяна виселицами и могилами—теперь, во время войны, в годы самых больших и тяжелых испытаний, мы опять вместе с вами. От имени пославших меня сюда частей я говорю вам: будьте смелы и решительны, с вами будут 40 тысяч штыков латышских стрелков». (Бурные аплодисменты).

В Кронштадте 25 октября (7 ноября) 1917 года

(*Отрывок из моих воспоминаний*)

После июльских дней 1917 года ЦК нашей партии направил меня на работу в Кронштадт. После разгрома 3—4 июля вооруженной демонстрации питерских и кронштадтских рабочих, матросов и солдат, требовавших передачи власти в стране советам, юнкера и офицеры царской армии по приказанию «социалистов» — меньшевиков и эсеров — разоружали кронштадтских солдат и матросов, пришедших в Петроград на демонстрацию; разоружали революционные части питерского гарнизона; громили редакции рабочих газет и клубы профессиональных союзов рабочих Петрограда и Сестрорецка. А на улицах столицы большевиков не только травили и арестовывали, но и убивали (рабочего Воинова). В трамваях Петрограда 5—6 июля 1917 года можно было наблюдать такие сцены: «Господа, пройдите, пожалуйста, вперед»,— обращается одна дама к публике вагона, но другая, с ехидной усмешкой, отвечает: «Совсем недавно все были «товарищи», а теперь опять господами стали». При этом слово «товарищ» произносилось в подчеркнуто презрительном тоне. В вагоне трамвая многие переглянулись между собой, в глазах многих пассажиров загорелось явное возмущение нахальностью дамочки, но все молчали. После нескольких дней в Питере наступила какая-то временная придавленность и озлобленность у одних,—нахальство и разнузданность у других.

В эти дни, как известно, многие члены нашей партии были арестованы. Был издан приказ об аресте т. Ленина. Почти вся наша печать была закрыта, а типографии и редакции разгромлены. ЦК и Питерская организация перешли на полулегальное существование.

В это же время совсем другая атмосфера была в Кронштадте.

Вся буржуазная и так называемая социалистическая печать в то время с яростью нападала на кронштадтских рабочих, солдат, матросов и на их массовые политические организации,— на их совет в особенности. Но серьезно трогать Кронштадт не посмели. Кронштадтские части, участвовавшие в демонстрации, были разоружены в Петрограде, а не в Кронштадте. Трусливое буржуазно-соглашательское временное правительство не посмело, даже после июльских дней, приступить к разоружению Кронштадта. Такие попытки дважды были, немного позже,—перед самым корниловским выступлением и перед самым Октябрем,—когда будто бы для фронта хотели снять тяжелую и дальнобойную артиллерию с кронштадтских фортов. Однако, эти попытки кончились ничем.

Всей буржуазной печатью о Кронштадте в то время много распространялось лжи и клеветы. Особенно усердно распространяли слухи о том, что в Кронштадте имеются немецкие шпионы, что даже Кронштадтский совет руководится немецкими агентами и т. д. и т. п. без конца. Но особенно усердно распространяли клевету о том, что Кронштадт об'явил себя особой республикой, хотя никто из членов совета и не думал о таких глупостях. Буржуазия хотела использовать вызванные войной патриотические чувства значительной части трудящихся и натравить этих последних на революционный и вооруженный Кронштадт, что должно было облегчить буржуазии задачу разоружения Кронштадта.

Тем не менее, в этом городе после погромов, устраивавшихся в Питере средь белого дня разнузданными юнкерами и офицерами, этими озлобленными до остервенения помещичьими сынками, дышалось тогда гораздо легче и свободнее. Кронштадт, наполненный, с одной стороны, зажиточным чиновничеством, а с другой,—рабочими крупных казенных заводов, революционными матросами, крепостными частями и сверх этого окруженный стальным кольцом укрепленных фортов, боевых судов, гарнизоны и команды которых состояли из революционных и вооруженных рабочих и крестьян, переодетых в матросскую и солдатскую одежду, этот Кронштадт действительно представлял из себя в то время особую, сильную, вооруженную

советско-матросско-солдатскую республику. Чиновничество и мещанство города не смело подымать своего голоса. Кронштадтский совет уже тогда был единственным и действительным органом власти в Кронштадте, на фортах и на боевых судах Балтийского флота. Совету все подчинялись и все слушались его беспрекословно: матросы, солдаты и рабочие слушали его по доброй воле, сознательно как своего и ими избранного органа, а чиновничество и мещанство города—из боязни и страха перед революционными рабочими, солдатами и матросами. Например, Кронштадтский совет вскоре после февральской революции 17 года воспретил пьянство, и пьянства не было ни в городе, ни в порту, ни на укрепленных фортах и боевых кораблях. За все время своего пребывания в Кронштадте я не видел ни одного пьяного матроса или солдата или рабочего. Это была сознательная, добровольная и товарищеская дисциплина.

Конечно, революционный Кронштадт был бельмом на глазу временного правительства Керенского и у всей буржуазии. Было много попыток разоружить его, но безуспешно. С революционными частями Питерского гарнизона легче было расправиться—их просто можно было вывести из Питера и на их место прислать казаков, офицерские отряды, диких текинцев, не знавших русского языка, и т. п., но заменить гарнизоны крепости, фортов и команды боевых судов нельзя было так просто и скоро, тем более, что эти команды не отдали бы без боя форты крепости и боевые суда.

Отсюда—неоднократные робкие попытки снять тяжелую и дальнобойную артиллерию с фортов крепости под разными предлогами, ибо эта артиллерия была угрозой для Питера—для столицы, для центра, где находилось само временное правительство.

В силу этих обстоятельств в октябрьские дни 1917 года, когда завязалась решительная схватка за власть по всей стране между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и буржуазией, с другой,—кронштадтским рабочим, солдатам и матросам не с кем было бороться за власть в самом Кронштадте, ему пришлось притти на помощь питерским рабочим и питерскому гарнизону в их борьбе с юнкерами и офицерами.

После корниловщины, в течение сентября и октября месяцев 1917 г., момент вооруженного восстания надвигался с неимоверной быстротой. Широкие массы крестьянства и рабочих в тылу и на фронте левели не по дням, а по часам. С каждым днем они убеждались на фактах, что, кроме нового порабощения им нечего ждать от буржуазной

власти, хотя бы и разбавленной предателями социалистами. Никакого улучшения положения трудящихся масс в течение 8 месяцев существования временного правительства осуществлено не было. Временным правительством производилась вооруженная защита помещичьих земель и посылка карательных экспедиций против крестьянских комитетов, прибегавших к захвату дворянских поместий. Продолжалась во что бы то ни стало разорительная и никому не нужная, кроме крупной буржуазии, кровавая империалистическая, захватническая война. На фронте вводилась смертная казнь для солдат в целях продолжения этой войны. Генералы ставки требовали введения смертной казни и в тылу для рабочих и солдат. Наконец,—попытка генерала Корнилова, в согласии с эсерами Керенским и Савинковым, при поддержке всей реакции, в крови потопить революцию и установить диктатуру военщины царской армии,—все это раз'ясняло массам действительное положение вещей лучше сотен и тысяч агитаторов.

Вопреки отчаянному сопротивлению меньшевиков и эсеров, имевших большинство в советах, массы добивались почти повсеместно переизбрания советов, не отвечавших уже новому настроению масс. После перевыборов везде в советах получали большинство большевики. Лозунг: «Вся власть советам», как будто уже забытый после июльских дней, снова стал самым популярным лозунгом масс.

В такой обстановке 25 октября должен был собраться II с'езд советов, созыву которого противились меньшевики и эсеры и их ВЦИК, избранный на I с'езде советов. Они понимали, что состав II с'езда советов будет большевистским, т. е. революционным, что этот с'езд попытается положить конец политике соглашения с буржуазией и поддержке буржуазии. Правительство Керенского потребовало сначала вывода из Петербурга революционного гарнизона, под предлогом интересов фронта. Питерский совет, поняв смысл этого требования правительства, ответил образованием Военно-революционного комитета и посылкой во все части гарнизона своих комиссаров. Буржуазное правительство тоже не дремало—оно стягивало с фронта к Питеру казачьи части, во главе которых стоял генерал Краснов.

Пролетариату надо было готовиться к обороне, а самая лучшая оборона есть нападение.

Для мобилизации сил петроградских рабочих и петроградского гарнизона 22 октября 1917 года в Питере был объявлен советский день. В этот день Питерский совет устраивал многотысячные митинги рабочих и солдат. Самые большие здания в Питере, как Народный дом, были

переполнены рабочими и солдатами. Каждое слово большевистских ораторов выслушивалось с напряженнейшим вниманием. Это был день мобилизации всех пролетарских сил Питера. Эти огромные силы оказались на стороне большевистского совета. Столкновение ожидалось со дня на день и с часу на час. Кронштадт, эта рабоче-солдатско-матросская республика, насторожился и готовился. Ясно было, что теперь идет речь о решительном бое, что на карту ставится судьба не только всего рабочего класса и крестьянства России, но и дальнейшая судьба всей страны и понятно, что если бы на этот раз буржуазии удалось расправиться с рабочими и крестьянами во всей стране, то она расправилась бы и с «Кронштадтской республикой». А Кронштадт держал тесную связь с Питером—с Военно-революционным комитетом. Вскоре после съезда советов Северной области Кронштадтский Исполком разослал группу своих матросов и солдат в соседние гарнизоны для агитации и связи—в Лугу, Гатчину и др. места.

В 9 часов вечера, 24 октября 1917 года, было созвано экстренное заседание Исполкома Кронштадтского совета. Приехавшие из Питера делегаты Исполкома доложили о создавшемся серьезном положении в Питере. Сущность их доклада сводилась, примерно, к следующему.

Центр города Петрограда находится в руках временного правительства, а окраины—все рабочие кварталы — в руках Военно-революционного комитета. Весь питерский гарнизон, который был плохо вооружен, а частью вовсе не вооружен, и весь питерский пролетариат — за советы и за Военно-революционный комитет, а юнкерские школы, школы прапорщиков, офицерство и женский ударный батальон — за временное правительство. Временное правительство распорядилось развести все мосты на р. Неве, чтобы таким образом отрезать окраины от центра и разъединить окраины между собой. Телефоны Смольного института, где находился Питерский совет и Военно-революционный комитет, выключены. Положение напряженное, столкновение может произойти ежеминутно. Военно-революционный комитет запрашивал Кронштадтский совет и его Исполком—готов ли выступить вооруженный Кронштадт по первому приказу Военно-революционного комитета и как велики будут его реальные силы количественно и качественно. Без больших прений этот основной вопрос был поставлен на голосование: несмотря на то, что в Кронштадтском Исполкоме большевики имели тогда одну треть голосов, остальные две трети принадлежали левым эсерам, анархистам и беспартийным,— за выступление голосовали все. В этом голосовании представителей мелкобуржуазных партий за воору-

женное безоговорочное выступление отразилось боевое настроение широкой солдатской и матросской массы. Воздержался лишь один солдат-большевик с форта «Красной Горки» и то по формальным и несерьезным мотивам: он не имел мандата от своего солдатского комитета на то, чтобы голосовать за такой вопрос. После этого решения последовали и другие, вытекавшие из этого основного решения.

Было постановлено: 1) немедленно устранить от должности коменданта города и Кронштадтской крепости, как ставленника временного правительства; 2) назначить своего коменданта и караульного начальника и всем караулам дать новый пароль; 3) весь водный транспорт реквизировать; 4) ни одно судно не может уйти из порта и отчалить от пристани без особого разрешения Исполкома; 5) каждое судно, направляющееся в Кронштадт, останавливать сигнализацией на определенном расстоянии от города и впускать в порт только после проверки; 6) по неостанавливающимся судам открывать стрельбу из орудий; 7) отдать приказ всем боевым судам быть в полной боевой готовности; 8) сформировать 7 отрядов, кроме судовых, численностью не менее 1 000 человек каждый; 9) в полках и флотских экипажах объявить, кто хочет добровольно зачислиться в эти отряды; 10) приготовить обмундирование, вооружение, патроны и пулеметы для отрядов; 11) избрать техническую военную комиссию из шести человек (3 большевика, 2 левых с.-р. и 1 анархист) для выполнения этого плана и 12) к 1 часу ночи созвать по телефонограмме пленум совета и сделать ему доклад обо всех этих принятых Исполкомом решениях.

Техническая комиссия заменяла здесь ревком. Совет был созван в первом часу ночи и единогласно одобрил все решения.

Члены совета разнесли по всем частям и экипажам эти решения. Везде в эту ночь не спали, везде кипела работа. Я ночью обходил с товарищами некоторые части; спало в них мало народу. Остальные осматривали винтовки, пулеметы, приводили их в порядок, запасались патронами, осматривали свои сапоги, портянки, полушубки, примеряли их и т. п. В казармах у солдатской массы шла кипучая и напряженная работа. Солдатская и матросская масса уже тогда готовилась по-настоящему к бою. Все эти приготовления имели совершенно стихийный и массовый характер. Офицеров не было видно. Если кто-либо и оказывался из них в казарме, то сидел где-либо в уголке угрюмо и понурив голову. Будучи враждебны этому стихийному, солдатско-матросскому движению, офицеры к тому же очутились

между двух огней — между требованием временного правительства и разбушевавшейся безгранично враждебной и недоверчивой к ним революционной рабоче-солдатской массы.

Я помню, как еще днем, 24 октября, ко мне пришел тов. Зайцев, матрос-большевик — председатель матросского комитета в одном из экипажей и сказал мне: «Я пришел в экипаж и узнал, что командир уехал в Питер. Я ему послал телефонограмму, чтобы немедленно к 5 часам вернулся. Если не вернется и если завтра мне придется с командой выступить в Питер, то при встрече на улице пущу в него собственноручно первую пулю».

В 4 часа утра получился приказ о выступлении от В.-Р. комитета Питерского совета. Подводы с продовольствием, винтовками, патронами и пулеметами задвигались в сероватой утренней темноте. Город спал и как будто замер. Через пару часов вооруженные команды и отряды с музыкой стали направляться мимо совета к пристани и грузиться. Шесть отрядов с боевыми судами и крейсером «Аврора» во главе отправились прямо в Питер, к Николаевскому мосту. Во главе штаба, руководившего этими отрядами, стояла группа товарищей большевиков, членов Кронштадтского комитета: Пожаров, Пелихов, Ульянцев, Зайцев и др.

Во главе 7-го особого отряда стал я; я был назначен комиссаром этого отряда. Теперь нам понятно, что если есть комиссар, то должен быть и командир отряда, но тогда было иначе. Отряд этот, численностью до 1 000 человек, состоял из матросов, солдат крепостной артиллерии и формировавшегося тяжелого артдивизиона. Все добровольно согласились пойти в этот отряд.

На этом примере видна вся наша военная неопытность того времени. Мы не пытались и не думали посылать организованную военную единицу — полк, экипаж и т. п. — со всем ее хозяйственным и командным аппаратом. Мы кликнули клич: кто хочет и кто готов сражаться и умирать по приказу В-Р. комитета за советскую, рабоче-крестьянскую власть? Откликнулось много. Во всех семи отрядах и командах на судах, отправившихся в Питер, было больше 10 000 человек. Но все эти люди были хотя и с военной подготовкой, но совершенно разрозненные и не спаянные организационно с точки зрения военной боевой единицы.

У них у всех была одна спайка—желание сражаться за советскую власть и победить. Командного состава не было. Индивидуально каждый мог смело и храбро сражаться, геройски умирать, но никто не знал, как нужно управлять массой вооруженных людей в боевой обстановке.

В 10 час. утра 7-й особый отряд погрузился на пароход и отправился по направлению на Ораниенбаум. У меня сохранилась маленькая бумажка, на которой напечатаны на машинке четыре строчки без обращения и без подписи. А это была военная оперативная директива, данная мне техн. комиссией.

Вот содержание бумажки:

«Предписание комиссару 7-го отряда.

Следует немедленно занять линию Балтийской ж. д. и Балтийский вокзал, действуя в связи с гарнизоном Стрельны и Петергофа. Разоружить юнкеров и школу гардемаринов. Отправить связь на Лугу и до Пскова». Вот все, что я получил в качестве оперативной директивы. На словах было сказано, что на Ораниенбаумском рейде будет стоять старый крейсер «Заря свободы» и отряд сможет высаживаться под защитой его 12-дюймовых пушек. Но никакого крейсера не было, когда мы причалили и высаживались. Произошло это оттого, что этот крейсер, называвшийся матросами «утюгом Балтийского флота», был слишком стар. Разводить его котлы было опасно, но артиллерия у него была сильная—12-дюймовки. Пришлось тащить этот утюг четырем буксирным пароходам, которые притащили его на рейд лишь к 1 часу дня.

Капитан парохода, на котором отправился 7-й отряд, увидев меня в штатской шубе и шапчонке и узнав, что я являюсь комиссаром отряда, подошел ко мне и шепнул: «Для предосторожности я бы предложил вам высадиться не в самом Ораниенбауме, а на станции «Спасательной» на расстоянии одной версты от города». Я согласился, полагая, что лучше высадиться за городом, чтобы притти в город в боевом порядке, чем высаживаться на виду у всех в самом городе. Тогда ни я и никто из отряда не были знакомы ни с рейдом, ни с расположением города, ни с его окрестностями.

Теперь я великолепно понимаю, что если бы была хоть маленькая активная сила, которая пожелала бы уничтожить весь отряд, она могла бы это сделать без особых усилий. Станция «Спасательная» находится на оконечности узкой полосы земли, вдающейся в залив. Развернуться отряду там негде было. Ружейный меткий залп мог бы нас свалить в воду, внести панику и уничтожить нас окончательно. Но никто нас не тронул, и мы гурьбой без всякого строя, таща три наши пулемета, наши «максимки», как их называли, быстро достигли вокзала. Заняв вокзал, назначив коменданта вокзала и оставив в нем небольшую охрану из 50 человек с одним пулеметом, весь отряд с остальными двумя пулеметами отправился разоружать ораниен-

баумскую школу офицеров. Шли опять гурьбою, без всякой предосторожности. Кто-то сказал что надо выставить сторожевое охранение, но никто на это не обратил никакого внимания.

В это время один матрос из кронштадтской парторганизации шепнул мне на ухо, что в каком-то сарае лежат спрятанные свыше 100 пулеметов и много к ним патронов. Ему нужно только 10 человек и он их возьмет. Я ему дал 10 человек и приказал пулеметы с патронами погрузить на пароход и немедленно отправить в Кронштадт. Все это с точностью было выполнено.

Школа офицеров была расположена на горе. Нам нужно было подходить к ней снизу. Здание школы представляло из себя хорошую боевую базу. Если бы эти несколько сот офицеров решили действовать, наш отряд ничего бы не сделал, несмотря на то, что к этому времени утюг Балтфлота подошел, и жерла 12-дюймовых орудий были направлены на город.

Начальник школы, в чине полковника, когда разговаривал со мною, буквально дрожал. У офицеров было быстро отнято все огнестрельное и холодное оружие. Было наложено два мешка револьверов. Были забраны все учебные пулеметы, которых было до 25 шт., некоторые из них совершенно новые и еще не собранные. Какой-то солдатик из обслуживающей школу команды радостно стал нас водить по всем углам здания школы и общежития офицеров, указывая, где находится и где припрятано оружие. Солдатскую команду мы не разоружили. Револьверы принимались по списку с указанием номера и системы каждого револьвера. У одного офицера была взята ценная шашка, фамильная, он просил меня вернуть ее ему. Шашка была тут же возвращена.

После разоружения школы и оставления части отряда на вокзале и в городе, отряд в специально составленном поезде двинулся дальше — в Питер. По дороге были еще школы офицеров в Петергофе и Красном селе. В этих местах стояли огромные запасные полки, в Красном селе стоял, если не ошибаюсь, 471-й полк. Но эти полки были безоружны, а офицерские и юнкерские школы были вооружены до зубов. Поэтому полки, большевистски настроенные, ничего не могли сделать и нетерпеливо ждали какой-нибудь помощи со стороны. Наше появление было достаточным, чтобы офицерье было разоружено без нас. В Петергофе 7-й отряд даже не вышел из вагонов, а разоружение велось местными частями. В Красном селе, когда узнали, что мы едем, разоружение было произведено уже до нашего прибытия.

Таким образом отряд беспрепятственно добрался к 8 часам вечера 25 октября до Балтийского вокзала в Питере, где узнали, что весь город в наших руках, что власть уже перешла в руки В.-Р. К. и лишь в Зимнем дворце сидит временное правительство. Ночью пал и Зимний дворец при содействии крейсера «Аврора». При взятии Зимнего дворца нами была проявлена организованность и система, и тогда уже выяснилась необходимость использовать в военном деле спецов, ибо солдаты одного питерского полка, участвовавшего во взятии дворца, заставили своих офицеров руководить ими, сказав им: «Если не пойдете и не будете командовать как следует быть, то не только погончики потеряете, но и головы».

А. Цветков-Просвещенский

В историческую ночь

(Разгон учредилки)

Петроград. 25 октября 1917 г. Сырой осенний день. Порывистый и холодный ветер с Финского залива рябил окованную гранитом многоводную Неву. На ней недалеко от Петропавловской крепости возвышались мачты крейсеров с наведенными на Зимний дворец жерлами пушек, пришедших из Кронштадта на помощь петроградскому пролетариату военных судов, во главе с восставшим против временного правительства крейсером «Аврора».

Бессильное, лишенное власти, временное правительство буржуазии «окопалось» в Зимнем дворце под охраной юнкеров, безнадежно пытаясь оказать сопротивление восставшему пролетариату и петроградскому гарнизону.

В рабочих районах и воинских частях петроградского гарнизона шла кипучая работа по завершению переворота.

Стены домов и заборы пестрели свежими приказами и воззваниями руководившего восстанием Военно-революционного комитета. Нередко, на ряду с ними, встречались также воззвания различных контрреволюционных организаций и партий, призывавших «демократию» к отпору большевикам. Военно-революционный комитет постепенно занимал вооруженными отрядами опорные пункты и правительственные здания. Кое-где слышны редкие ружейные выстрелы или стрекотня пулемета, но эта обычная в то революционное время «музыка» не привлекала особого внимания петроградцев.

Чем ближе к вечеру, тем меньше опорных пунктов оставалось в руках контрреволюционных отрядов. В ночь на 26-е октября предстояло взятие Зимнего дворца с засевшими в нем членами временного правительства.

В темноте наступивших сумерок штаб пролетарской революции — Смольный, сверкая тысячами огней, то принимал в свои двери, то выбрасывал из них бесчисленные серые

толпы людей, а внутри словно во встревоженном гигантском улье стоял непрерывный шум от топота ног и голосов. В отдельных залах и комнатах шли непрерывные заседания различных фракций и комиссий.

Поздно вечером состоялось чрезвычайное заседание Петроградского совета, на котором от имени Военно-революционного комитета было объявлено, что временного правительства больше не существует. В ответ на это Петроградский совет в своем постановлении заявлял:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом наредкость бескровном и наредкость успешном восстании.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и крестьянство со всей энергией беззаветно поддерживать рабочую и крестьянскую революцию».

На этом историческом заседании Петроградского совета впервые вышел из подполья и появился на эстраде перед массами рабочих и солдатских депутатов В. И. Ленин, до сих пор невидимо руководивший восстанием. При его появлении словно электрический ток пробежал по нестройным рядам депутатов и разрядился взрывом аплодисментов. Незабываемые минуты! С небывалым воодушевлением выходили мы из зала этого исторического заседания.

Утомленный в течение дня беспрерывными заседаниями и хождениями в перерывах между ними в Петергофский район (где я работал) и обратно, я остался в Смольном до открытия II Всероссийского с'езда советов.

Открытие с'езда было намечено днем 25 октября, однако, в виду происходивших весь день беспрерывных заседаний фракций, съезд мог открыться в том же Смольном лишь в 10 час. вечера.

Так как открытие и заседание с'езда происходили в момент восстания и небывалой вражды к съезду со стороны эсеров, меньшевиков и других фракций, то вполне понятно, что он, кроме газетных отчетов, не мог оставить после себя должного архива, тем более, что никаких протоколов или черновых секретарских записей не сохранилось (да и велись ли они!), а приглашенные на с'езд стенографистки из петроградской городской думы ушли с него вместе с контрреволюционными фракциями меньшевиков, эсеров и др.

Из того, что происходило в эту историческую ночь на с'езде, у меня наиболее сохранилось в памяти открытие с'езда. К его открытию почти все делегаты были на своих местах. Я стоял в левой стороне зала, откуда виден был почти весь зал с'езда, а также стол президиума.

Вот смолк многоголосый шумный говор делегатов и в зале установилась какая-то особо-напряженная торжественная тишина. Все уставились на возвышенную площадку впереди. За столом президиума появились «вожди» старого эсеровско-меньшевистского ЦИК советов: Дан, Гоц, Церетелли, Филипповский, Богданов и др. Усевшись за стол президиума, они уже знали, что подавляющее большинство делегатов—большевики, что вопрос о восстании предрешен и поэтому нет смысла говорить при открытии с'езда политических речей в соглашательском духе.

Дан стоит, опершись обеими руками на стол президиума, в потертой форме военного врача, делает паузу и с бледным смущенным лицом обращается к с'езду:

«Товарищи! С'езд советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК.

Без всяких речей об'являю заседание с'езда открытым и предлагаю приступить к выборам президиума. Прошу подать соответствующее предложение!»

Не слышно обычных в таких случаях рукоплесканий. Лишь легкий шум пролетел по рядам делегатов съезда. От большевиков на трибуне появляется тов. Аванесов, который информирует, что по соглашению бюро фракций решено составить президиум на основе пропорциональности. В президиум от имени большевиков тов. Аванесов предлагает: Ленина, Зиновьева, Троцкого, Каменева, Склянского, Ногина, Крыленко, Коллонтай, Рыкова, Антонова, Рязанова, Муралова, Луначарского и Стучку. От левых эсеров предлагаются: Камков, Спиридонова, Каховская, Мстиславский, Закс, Карелин, Гутман. Затем начинается саботаж работ съезда. При нестройном шуме в зале один за другим выходят на трибуну представители правых эсеров, меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов и заявляют о своем отказе участвовать в выборах президиума. После этих заявлений

предложенные списки членов президиума утверждаются при аплодисментах подавляющего большинства делегатов.

Вслед за этим зал прогремел новым взрывом аплодисментов. За столом президиума появляются большевики: Каменев, Луначарский и другие. Дан передает председательствование Каменеву. Остальные члены президиума старого меньшевистско-эсеровского ЦИК: Гоц, Богданов, Филипповский, Церетелли и др. встают со своих мест и медленно, в жалком смущении, удаляются от стола президиума и сходят с эстрады.

Это был символический момент: уход из президиума этих лиц знаменовал собой безвозвратный уход партий, которые они представляли, с революционной сцены в лагерь контрреволюции.

Недалеко от меня с жалким видом стал Церетелли и тихо говорил что-то на ухо одной из своих знакомых.

Заняв место председательствующего, Каменев заявляет, что в порядке дня съезда стоят следующие вопросы: 1) вопрос об организации власти, 2) вопрос о войне и мире, 3) вопрос об учредительном собрании.

Вслед за выступлением Каменева на трибуну поднимаются с внеочередными заявлениями и декларациями представители тех фракций с'езда, которые пытаются помешать победе пролетарской революции. В зале все время стоит несмолкаемый шум и крики по адресу предателей пролетарской революции, предлагавших предупредить переворот путем «мирного разрешения конфликта» с засевшим в Зимнем дворце временным правительством буржуазии.

Эсеры и меньшевики в своих речах в разных выражениях повторяют о происходящем якобы обстреле Зимнего дворца. Под влиянием этих разговоров и отчасти от шума под сводами зала, напоминавшего пушечные выстрелы, присутствующие напрасно то-и-дело прислушиваются к происходящему вне стен Смольного. Но вот проходит около 20 минут, как вдруг в темные окна зала врывается более отчетливый гул орудийных выстрелов. Зал встрепенулся. В ту же минуту мысль невольно пронеслась к Зимнему дворцу, где наши товарищи самоотверженно ликвидировали последний «опорный пункт» контрреволюции.

Вносится предложение вызвать на с'езд представителей крейсера «Аврора» для об'яснения причин обстрела Зимнего дворца, которое и принимается.

На трибуне делегат комитета 12-й армии Хараш.

«Пока, — говорит он, — здесь вносятся предложения о мирном улажении конфликта, на улицах Петрограда уже

идет бой. Вызывается призрак гражданской войны. Меньшевики и эсеры считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захвата власти. От имени фракции меньшевиков и с.-р. я категорически протестую против этих преступных деяний и заявляю, что мы все свои усилия направим к тому, чтобы противодействовать этой авантюре».

Выступают еще несколько ораторов, а затем оглашаются декларации меньшевиков и с.-р., направленные против переворота, после чего меньшевики, с.-р. и бундовцы отдельными кучками шумно уходят со с'езда.

— Дезертиры, корниловцы! — несется им вслед.

С уходом этих контрреволюционных фракций с'езд все же не «очистился» окончательно от соглашателей. В его рядах остались еще ничтожные группки «левых» с.-р. и меньшевиков-интернационалистов, продолжавших настаивать на «соглашении с демократией».

Однако, в принятой по предложению фракции большевиков резолюции II Всероссийский с'езд советов решительно заявил:

«Уход со с'езда делегатов меньшевиков и с.-р. представляет собой бессильную и преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает с'езд и революцию от натиска контрреволюции»...

Вскоре на трибуне появились делегаты матросов. На фуражках у них блестела надпись «Аврора». Один из делегатов утверждает, что крейсер «Аврора» вынужден был сделать по Зимнему дворцу два боевых и несколько холостых орудийных выстрелов благодаря провокационным попыткам со стороны защищавших дворец юнкеров. Далее он заверяет, что съезд может спокойно продолжать свою работу, так как судьба революции находится в верных руках восставших.

Продолжается выступление с внеочередными заявлениями представителей соглашательских фракций, а также с приветствиями съезду от прибывших на съезд многочисленных воинских делегаций. Около 3 час. ночи объявляется перерыв на полчаса.

Заседание возобновляется в 4-м часу ночи заявлением Каменева, что получено сообщение об аресте петроградским гарнизоном главарей контрреволюции, засевших в Зимнем дворце с только-что назначенным диктатором Кишкиным во

главе. Зимний дворец взят и комендантом дворца назначен Чудновский, а двинутый в Петроград Керенским 3-й батальон самокатчиков перешел на сторону народа. Последние слова Каменева с'езд покрывает бурными аплодисментами.

Первое заседание с'езда закончилось лишь в 6 час. утра, приняв воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам, в начале которого говорилось:

«Второй Всероссийский с'езд советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство советов. На с'езде присутствует и ряд делегатов от крестьянских советов. Полномочия соглашательского ЦИК кончились.

Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, с'езд берет власть в свои руки»...

Следующее заседание с'езда открылось 26 октября в 9 час. вечера. На этом заседании был принят ряд важнейших декретов. На с'езде, встреченный бурными аплодисментами, выступил тов. Ленин с декларацией по вопросу о мире.

После октябрьских исторических дней прошло более двух месяцев. Рожденная в эти дни молодая еще тогда республика Советов отбивалась от своих многочисленных врагов.

Все глубже вторгались в революционную страну армии Вильгельма II. При помощи ушедших со II с'езда советов меньшевиков и эсеров, под водительством царских генералов, на окраинах собираются черные тучи контрреволюции. Используя свободный режим Советской страны, организации меньшевиков и эсеров пытаются разложить революционное единство пролетарских и солдатских рядов.

Одной из попыток взорвать еще не окрепшую советскую власть явилась попытка меньшевиков и эсеров противопоставить учредилку диктатуре пролетариата.

5 января 1918 г. в Таврическом дворце собирается учредительное собрание, выборы в которое были произведены еще задолго до переворота, когда трудящиеся массы еще не успели разобраться в контрреволюционной сущности соглашательских партий, отдав им значительную часть своих голосов. Состоявшее в своем большинстве из представителей мелкобуржуазных партий и даже партий крупной буржуазии (кадеты), учредительное собрание, конечно, не могло примириться с завоеваниями Октябрьской революции, передавшей власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства в лице советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако, советское правительство допусти-

ло его созыв, чтобы еще раз продемонстрировать перед лицом трудящихся масс контрреволюционность этих партий, а когда учредительное собрание отказалось принять к обсуждению предложение верховного органа советской власти признать Октябрьскую революцию, советскую власть и изданые ею законы, то постановлением ЦИК от 6 января оно было об'явлено распущенным, окончив свое существование одним заседанием, с которого, между прочим, ушла значительная фракция большевиков и левых эсеров. Неизбежный роспуск учредительного собрания отлично учитывали и заправилы контрреволюции, поэтому они приняли все меры к тому, чтобы вызвать в защиту учредительного собрания соответствующее движение. Но каких жалких результатов удалось им добиться в этом отношении.

5 января я не успел попасть в Таврический дворец, где открылось учредительное собрание, но зато мог наблюдать движение «демократии» в его защиту.

Вот Невский проспект, богатый за время революции своими историческими событиями. Среди обычного движения по его широким тротуарам, на мостовой против Гостиного двора стоит пестрая колонна демонстрантов около 400 чел., чиновников и служащих, которые уже в течение нескольких месяцев саботируют работу в советских учреждениях. Над колонною возвышается несколько транспарантов с надписями: «вся власть учредительному собранию», «да здравствует единство демократии», «долой захватчиков-большевиков».

Несмотря на январские дни, серое петроградское небо обильно моросит как из сита мелким, почти осенним дождиком. Люди в шляпках, котелках и дамских манто стоят с поднятыми воротниками. Над головами демонстрантов пестрят зонтики. Красногвардейские патрули и любопытствующие группы рабочих стоят в стороне на тротуаре и шутливо забавляются «защитниками учредительного собрания».

— Шли бы по домам, нечего зря мерзнуть,— советует пожилой рабочий.

— А кто же будет защищать учредительное собрание? — иронически отвечает потертая солдатская шинель.

— Тоже защитники нашлись,— слышатся возгласы с тротуара.

Наконец также молчаливо, провожаемая ироническими возгласами, колонна демонстрантов тронулась к Таврическому дворцу. Я шел в том же направлении, опередив еще одну группу демонстрантов.

Район Таврического дворца был окружен небольшими красногвардейскими отрядами, которые стояли нестройной редкой цепью, вытянув вперед свои винтовки с привинченными к ним штыками. Среди них я узнал нескольких знакомых мне товарищей-печатников и, перейдя за их цепь, стал помогать задерживать подходившие группы таких же, что и те, которые стояли на Невском, защитников учредительного собрания. Это было характерное зрелище!

С одной стороны стояли вооруженные красногвардейцы в своих рабочих костюмах, защищавшие октябрьские завоевания; с другой — пестрые группы «демократической интеллигенции», об'явившие саботаж в советских учреждениях! Демонстранты несмело подходили к красногвардейской цепи и, вступая с нею в пререкания, требовали пропустить их к Таврическому дворцу. Красногвардейцы не уступали...

— А если мы все же пойдем, тогда что? — кричали котелки и шляпы.

— Мы просто-на-просто не пустим вас, а если нужно будет, то и отдубасим,— отвечали красногвардейцы.

— Насильники! Захватчики! — кричали из толпы.

В одном месте наиболее смелая группа демонстрантов сделала попытку прорваться за красногвардейскую цепь.

Наши ребята вначале стушевались: не стрелять же в них! Однако, вскоре же, сомкнув свои ряды, загородили дорогу редкой щетиной штыков.

Демонстранты в нерешительности остановились. В тот же момент седовласый демонстрант поднялся на тумбу и, поддерживаемый своими сторонниками, обратился к толпе с речью, призывая, в виду «насилия большевиков», повернуть обратно.

В это время в самом Таврическом дворце стоял беспорядочный шум. Меньшевики и эсеры под председательством Чернова спешили протолкнуть через учредительное собрание свои законы, пока состоящий из матросов караул Таврического дворца не положил конец всей этой контрреволюционной затее, закрыв в пятом часу дня заседание учредительного собрания.

Так окончило свое существование последнее на советской территории легальное сборище буржуазной контрреволюции.

И. Вегер (отец)

Из хроники Октября

(Питер — Гатчина — Москва)

I

В Смольный — о Москве

27 октября[1] вечером я выехал из Москвы в Питер. Утром 28 октября, по приходе поезда в Питер, я с вокзала отправился прямо в Смольный. У входа в Смольный — пулеметы, пушка...

«Смольный институт благородных девиц», где учились дочери «благородных» и знатных, дворянских фамилий, и откуда русские цари брали себе наложниц, попал в историю свержения русского царизма, в историю борьбы классов, сделался верховным центром власти нового класса — рабочего класса...

Третий день рабочий класс — большевики, его партия,— у власти. Государственная власть — в руках большевиков, в руках рабочего класса...

Получаю в нижнем этаже пропуск. Поднимаюсь по лестнице наверх.

Не раз я подымался по этой лестнице раньше. Тогда здесь царили меньшевики и эсеры, господствовавшие в совете рабочих и солдатских депутатов.

Ничего внутри здания не переменилось. А все кругом выглядит иначе, совсем иначе. И ты сам чувствуешь себя совсем другим...

Вот комната Военно-революционного комитета. Внутри — перегородка. Проверяют пропуска. Стучит пишущая машинка. Из соседней комнаты, где происходят заседания ВРК, выходит Урицкий.

— Вы из Москвы? Что там? Как там?

— Рябцев готовится к бою.

— А «мы»?

— Мы — ничего. Приготовлений не видать.

---

[1] Даты по старому стилю.

*

Вечером я, по командировке Военно-революционного комитета, выезжаю обратно в Москву для выяснения положения и для предложения помощи от питерского ВРК.

2

В Москве

Утром я вышел с Николаевского вокзала в Москве. Каланчевская площадь необычно пуста и безлюдна. Раздается далекий пушечный выстрел. Другой... Идет бой. Восстание началось.

Отправляюсь пешком в Совет рабочих депутатов на Тверскую. По чьей территории я двигаюсь, как расположены враждующие силы,— ничего не знаю. У Красных ворот меня останавливает патруль, обыскивает меня. Стараюсь понять, чей патруль, заговариваю. Ничего не получается. Патруль удовлетворяется моими об'яснениями, что огнестрельного оружия у меня нет, что я — военный врач, иду на работу в госпиталь.

Слева по Садовой к Красным воротам идет группа рабочих с винтовками.— Значит, думаю, территория наша. Но раздаются откуда-то выстрелы, и вооруженная группа рабочих рассеивается. Опять неизвестность...

Идет грузовой автомобиль. В нем несколько солдат с винтовками.

— Стойте! Сойдите ко мне, кто старший?—Я командирован из Питера в Совет,— говорю я слезшему, говорю медленно, с расстановкой, стараясь понять, с кем имею дело—свои или враги.

— Пожалуйста,—охотно и приветливо откликается солдат: подвезем вас к нашему комитету у Сухаревой. Оттуда вас доставят в Совет.

В районном комитете нахожу знакомых, но узнать что-либо об общем положении не удается.

Автомобиль подан. У крыльца—вооруженная молодежь. Кругом слышна ружейная стрельба.

— Патронов, видно, не жалеете,— говорю я стоящей у под'езда группе вооруженных молодых товарищей.

— Винтовки сами стреляют,— отвечает один из них.

Автомобиль мчится по Садовой к Тверской улице. На углах улиц толпы зевак. Когда раздается стрельба, люди прилипают к стенкам. Когда стрельба прекращается, вновь выпирает толпа на середину улицы.

Вон, на тротуаре, труп...

Под'езжаю к Совету. На углу Чернышева пер. стоит пушка, обращенная дулом к Садовой. У пушки — никого. Пу-

шек, обращенных к центру, нет. Где же фронт? — Где тыл? Обхожу знакомое здание Совета и двор. В одной комнате — группа солдат. Сидят, лежат.— Это вся оборона Совета?

Вбегает кто-то.

— Человек 10 солдат с ружьями, идите за мной, тут в переулке стреляют, надо отбить,—кричит он.

Никто из солдат не двигается с места. Понятно, почему: не военная команда. Старший должен бы скомандовать по-военному. Но старшего нет. Прибежавший уходит ни с чем...

...Решаю ехать по Москве—знакомиться с положением.

Дочь Елена надевает на руку повязку Красного креста и садится со мной в автомобиль в качестве сестры милосердия. Сын Евгений,—якобы фельдшер, санитар. Я—в своей форме военного врача. Ясно — едет санитарный отряд помощи раненым...

Задача — проникнуть по радиусам московских улиц возможно глубже к центру до соприкосновения с линией врага и таким образом определить линию фронта.

По улицам — никакого движения.

Едем по Мясницкой к центру. У Златоустинского переулка раздаются крики «стой», и из-под ворот справа выбегает несколько юнкеров с револьверами в руках.

— Ваши документы?

Пред'являю заготовленную бумажку.

— Документ от Совета — доктор,— об'являет, глядя в бумажку, юнкер.

— Знаем, какой доктор,— кричит другой юнкер,— шпионит...

Грянул выстрел и так близко от меня, что я невольно заслонил лицо рукой.

— Поворачивай назад и живей,— командует нам юнкер.

Дальнейшая наша рекогносцировка становилась, очевидно, бесцельной: либо санитарный отряд сам по себе столь необычен здесь, что вызывает подозрение, либо меня знают. Последнее весьма возможно.

... В заседании Военно-революционного комитета делаю доклад о цели своей командировки сюда и от имени питерского ВРК предлагаю военную помощь, если московский ВРК считает таковую нужной. После некоторых сомнений и колебаний («сами справимся»,— говорит Муралов) ВРК постановляет — просить питерский ВРК прислать помощь.

В тот же вечер отправляюсь обратно в Питер.

Иду на вокзал.

Темная звездная ночь. Москва совсем тиха. Далеко в городе тарахтит пулемет...

3

В Смольном за Москву

Утром 30 октября приезжаю в Питер. Прямо в Смольный. Делаю доклад на заседании ВРК о положении в Москве и о необходимости послать помощь. Определенного постановления ВРК не делает. Меня это совсем не удовлетворяет.

...По коридору навстречу идет Ильич и, в ответ на высказанное мной желание поговорить с ним, заходит в ближайшую комнату и здесь у стены внимательно выслушивает меня. Я ему вкратце рассказываю положение Москвы, результат моего доклада здесь в ВРК и доказываю необходимость немедленно взять Москву: то, что на Москве нет еще советского флага, вредно действует на настроение всей России. Излагаю план, как взять Москву и что для этого требуется.

— План ваш и все, что для этого требуется, изложите на бумаге — не более 20 строк — и передайте Троцкому. Сами будьте в какой-нибудь определенной комнате, чтоб можно было вас найти, когда понадобится. А если я вам понадоблюсь, то напишите на бумажке вашу фамилию и передайте часовому у дверей. Я вас тотчас приму.

... Подвойский и Антонов-Овсеенко говорят мне, что решено раньше ликвидировать Керенского под Гатчиной, а потом послать помощь Москве.

Надо ждать. Томительно тянется время. Ведутся здесь за столом переговоры с представителями воинских частей, намеченных к отправке в Москву,— матросских частей и пехотного Финляндского полка.

— Видите,—говорит Антонов-Овсеенко этим делегатам, указывая на меня: вас поведет человек солидный, седой...

И этот довод тоже брошен на чашку весов в числе убеждающих мотивов итти на завоевание Москвы.

4

На Гатчинском фронте

В собственно военных приготовлениях отряда мне нет надобности участвовать. А раз мы не двинемся, пока не ликвидирован Керенский, то еду на гатчинский фронт. Беру соответствующий мандат от ВРК. По дороге мой автомобиль обгоняет идущие в том же направлении воинские части и группы вооруженных рабочих. Шоссе грязное, моросит дождь...

В Царском селе наш военный штаб. О главнокомандующем Муравьеве товарищи высказывают сомнение в его лойяльности.

Об'ехав весь фронт, сижу вечером на вокзале в кабинете коменданта. Обширная комната полна народа. За столом — комендант, у стола — две группы матросов ведут переговоры с комендантом. Переговоры тянутся долго и не могут притти к концу, тянутся медленно, тягуче, с паузами. Матросы — делегаты от своих частей — просят отпустить матросские части «на несколько дней домой в Кронштадт — помыться, почиститься, отдохнуть». Затем они опять вернутся сюда...

Комендант что-то отвечает им, но больше отмалчивается, опустив голову в лежащие перед ним бумаги.

Ясно, что задумали матросы: уйти с фронта, но сделать это «благородно», с разрешения начальства...

Я сижу в углу в кресле за стеной спин. И кажется мне, будто матросы из всех нас, и прежде всего из коменданта, вытягивают душу...

Я встаю и начинаю говорить:

— Понимают ли матросы, что они делают, чего хотят? Они грязны, устали, хотят помыться, отдохнуть... На царской войне солдаты стоят на фронте в окопах грязными, завшивленными не 3—4 дня, а недели, месяцы, годы и не смеют думать уйти с фронта, страдая и умирая за чуждые интересы. Матросы должны знать, что уйти теперь с фронта,— значит обнажить фронт перед Керенским, изменить революции, предать интересы рабочих и крестьян...

Не помню, долго ли говорил на эту тему. Закончил так:

— Я сейчас возвращаюсь в Питер. Что я должен сказать рабоче-крестьянскому правительству: изменили ли кронштадтские матросы революции и бежали с фронта или нет?

— Да мы что,— смущенно и тихо заговорил один из матросов, — мы, ведь, не сами, не от себя: нас ребята послали... Пойти, потолковать с ребятами...

И ушли...

5

В Смольном и у викжельцев

Томительное ожидание мое в Смольном продолжается.

— Вы бы взяли на себя медицину,— обращается ко мне Бонч-Бруевич.

— Не до медицины теперь. Мне в особенности.

— Вы хоть только взгляните. Спуститесь вниз. Там у нас какой-то медицинский отдел. Что-то пишут... Взгляните.

Пошел взглянуть. Называется «Врачебно-санитарный отдел при Военно-революционном комитете». Во главе молодой зауряд-врач. Мандат его гласит, что он «является комиссаром-председателем»... Председатель — было всегдаш-

ним почетным званием, революция прибавила еще одно почетное красивое слово — комиссар. Он соединил в своем мандате оба красивых слова. Дальше в мандате было сказано, что ему, комиссару-председателю врачебно-санитарного отдела «поручается произвести реорганизацию медицинского дела в республике»... А делопроизводство показывало, что реорганизация медицинского дела в республике уже началась...

— Ну, что вы там нашли? — спрашивает, увидев меня, Бонч-Бруевич.

— Да что — смехота... Нужно быть вам все же осторожнее, чтобы не попасть в смешное положение. Какому-то зауряд-врачу выдается мандат на преобразование медицины в республике... Преобразовательная деятельность уже там началась, заготовлен приказ об увольнении в отставку главного врачебного инспектора Малиновского, которого давным-давно на этом месте нет...

На новое предложение — взять на себя медицину — отвечаю тем же: — медицина подождет. Не до медицины теперь...

... По коридору навстречу мне идет своей быстрой походкой Ильич. Я вопросительно смотрю на него. Он понимает мой взгляд и на ходу бросает мне:

— Ничего. Наши дела с Керенским не так уж плохи...

Таков диагноз положения.

Наконец мы начинаем грузиться.

Последняя встреча моя с Ильичем.

— Мы дали вам для Москвы все, что вы просили, да еще бронированный поезд. Вы довольны?

... Антонов-Овсеенко передает мне мандат от ВРК о назначении меня комиссаром отряда. Мандат — от 2 ноября, № 1882.

... Погрузка воинских эшелонов подвигается туго. Бесконечная беготня моя по лестницам управления дороги на Николаевском вокзале и в железнодорожном комитете от одного к другому... Викжельцы высшие играют в нейтралитет, эти прямо саботируют...

Наконец, в Смольном отдается приказ арестовать весь железнодорожный комитет. И тогда только нам удается погрузиться.

... Все погружено, составы поездов стоят. Нет паровозов. Наконец и паровозы поданы. На одном едет бывший помощник паровозного машиниста Франц Клепацкий, самостоятельно пришедший к нам на помощь во время саботажа.

Поздно ночью 2 ноября четыре поезда с войсками — один из них бронированный — двинулись один за другим с Николаевского вокзала.

6

На помощь Москве

Наш отряд состоял из войск всех родов оружия, с артиллерией, броневиками и пр. Командиром отряда был назначен подполковник Потапов, комиссарами Военно-революционного комитета — я и Еремеев К. С. Комиссаром одной из частей был Пригоровский. Матросский отряд был под командой Раскольникова, здесь же был и Ильин-Женевский.

Вскоре по выходе из Питера мы получили сведения, что из Новгорода идет через Чудово в Петроград бронированный, вооруженный поезд, ушедший с Гатчинского фронта после поражения Керенского. Установив враждебный характер этого поезда и возможную цель его — прорваться в Петроград или Москву,— предполагая в нем, по некоторым сведениям, присутствие Керенского и опасаясь вместе с тем нападения поезда этого на нас, мы решили предпринять преследование этого поезда. Вскоре выяснилось, что поезд этот через ст. Чудово вышел на Николаевскую дорогу и пошел по направлению к Москве, поставив блиндированный паровоз свой сзади. Мы дали по станциям приказ начальникам станций и местным ж.-д. рев. комитетам не пропускать его дальше. Поезду этому дали приказ остановиться. Вступили с ним в телеграфные и телефонные переговоры. Он отказывался остановиться, заявив, что идет на Кавказский фронт, что он — нейтрален, а в случае дальнейшего преследования его он, де, будет отчаянно сопротивляться, взрывать мосты и проч. Назвать себя командир этого поезда отказался, и в телеграмме его подписи также не было, а значилось «Блиндированный ударный железнодорожный батальон смерти». Обсудив положение, мы, штаб отряда, решили продолжать преследование, подтвердив распоряжение наше о задержке поезда этого в Бологом.

Хотя при угрозе из поезда белых — взрывать перед нашим поездом мосты и при сочувствии и помощи белым со стороны викжельцев, осуществить эту угрозу было им нетрудно, и нашему поезду грозила постоянная опасность слететь с моста или свергнуться под откос, однако среди нас не было об этой грозной опасности никаких разговоров: то ли потому, что все были увлечены мыслью догнать и взять враждебный поезд, то ли потому, что придумать какие-либо меры против этой угрожавшей опасности было все равно совершенно невозможно...

В погоне за этим бронепоездом штаб наш не пересел в наш бронепоезд, а остался в том же простом поезде, который и гнался за враждебным. Наш бронепоезд (несколько броневых площадок при простом паровозе) и наша артил-

лерия шли после нас, т. е. собственно мы гнались за враждебным бронепоездом с голыми руками, ибо наши винтовки против бронепоезда и его пушек ничего, конечно, не значили. Двумя-тремя орудийными выстрелами вражеский бронепоезд мог разнести наш поезд в щепы...

И никто из наших солдат и матросов не пенял на нас, не возражал против этой неразумной или прямо безумной погони. Таков был среди них под'ем духа. И этот под'ем духа взял верх над врагом. Офицеры преследуемого нами бронепоезда, требуя на станциях скорей пропустить их поезд, указывали на то, что за ними — «бешеная погоня банды матросов»...

А все поведение наших солдат и матросов, совершавших эту «бешеную погоню» с голыми руками, было самым обыденным и, где ни пройдешь по вагонам, эта погоня не служила предметом разговоров...

В Бологом бронепоезд тоже не был задержан. В Бологом поезд свернул на запад на Бологое-Полоцкую дорогу.

Здесь, в 17 верстах от Бологого, вблизи ст. Куженкино, мы его настигли. Мы останавливаемся недалеко от него. За нами вслед подходит наш поезд с артиллерией. Остальные два поезда оставлены в Бологом. Истинная причина остановки вражеского поезда нам неизвестна. Броневиками занимаем все колесные дороги, идущие из Куженкина. Решаем послать к поезду часть наших сил с бронированным нашим поездом. Я вызываюсь итти с этой частью. Полковник Потапов об'ясняет, что, по военным правилам, штаб остается сзади для руководства, и что он предпочел бы послать Раскольникова с матросами. Я не возражаю, хотя... очень становится досадно, что мой начальнический пост лишает меня возможности быть впереди. Совещание «штаба» происходит на площадке вагона. С последними инструкциями и напутствиями Раскольников исчезает в темноте...

Штаб переходит на паровоз поезда, тушатся все фонари, и мы в темноте и в тишине продвигаемся еще немного вперед и замираем...

*

— Взяли, сдался! раздается крик приближающихся, выплывших из темноты, матросов.

Торжествующие возвращаемся в Бологое.

Взятый броневой поезд оказывается весьма солидно построенным, технически прекрасно оборудованным и очень сильно вооруженным пушками, пулеметами и бесконечным количеством всякого другого огнестрельного оружия. Спе-

циально бронированный паровоз. Наш, кустарно сделанный броневой поезд, перед ним — ничтожество.

Странно, что они от нас так удирали...

Остановился поезд у Куженкина отнюдь не по собственному желанию. Оказалось, что поднятый нами по всей линии шум погоней нашей и телеграммами нашими достиг и Куженкина, и расположенная здесь какая-то воинская часть преградила поезду путь, разобрав рельсы. Но поезд имел у себя все необходимые железнодорожные приспособления и людей, и путь был им быстро исправлен. Тогда солдаты разобрали и разрыли путь на большом расстоянии. Поезд стал — мы настигли его.

В поезде оказалось 4 офицера и около полутораста солдат. Значительное число офицеров бежало с него до его сдачи.

Был, очевидно, и какой-то крупный офицерский чин, как можно судить из того, что там была найдена золотая шашка — «золотое оружие», крупнейшая офицерская награда за боевые заслуги.

Пленникам мы произвели допрос и выяснили историю этого поезда.

Поезд этот, действовавший на румынском фронте, получил там телеграмму Керенского от 17 октября перейти на северный фронт, а в Валке получил распоряжение итти в Петроград. Поезд пришел в Гатчину.

Здесь Керенский обратился к команде и к публике с речью, в которой заявил, что в Петрограде волнуется чернь, мерзавцы, которые хотят разрушить весь Петроград и уже разграбили Зимний дворец. Их поддерживают переодетые немецкие солдаты под командой немецких офицеров. В Петроград войска не пропускают, а в это время германский флот вышел из Киля и занял Аландские острова. Необходимо тотчас же очистить Петроград от этой черни для более успешного противодействия немцам. Далее Керенский указал на то, что им получена масса телеграмм от советов и разных общественных учреждений, и что к нему на помощь идут войска различного рода оружия... Генерал Краснов, обратившийся также с речью к солдатам, заявил, что действиями гарнизона в Петрограде руководили немецкие пленные, переодетые солдатами. Это подтверждается-де и тем, что тактика боя была немецкая—центр был слаб, а фланги сильны...

...Поезд участвовал в боях под Гатчиной. Его снарядом была убита Вера Слуцкая. В его бумагах найдена диспозиция нападения на ст. Дно.

Что Керенский был в этом поезде при нашем преследовании,—не подтвердилось.

Все взятые в плен отправлены под караулом в Питер. Бронированный поезд присоединен к нашему.

Из Бологого я отправил телеграмму Московскому военно-революционному комитету и в редакцию «Известий Моск. СРД», что идем на помощь, и перечислил силу и вооружение нашего отряда.

Отправились дальше на Москву.

За Клином на какой-то платформе наш поезд останавливают. Не успели узнать причину остановки, как поезд двинулся дальше. Выяснилось потом, что в Москве на вокзале в железнодорожном революционном комитете получились сведения, что на Москву идет какой-то неизвестный бронированный поезд. Из железнодорожного рев. комитета выехали на паровозе навстречу выяснить характер этого поезда и, «в случае чего», т. е. если он окажется враждебным, пустить ему навстречу паровоз и сделать все, чтобы поезд потерпел крушение. Остановив на платформе наш поезд, спросив, где вагон начальника и войдя в него, железнодорожник увидел там среди матросов меня, и для него без дальнейших слов и об'яснения стал ясен характер этого загадочного поезда... Через несколько минут железнодорожник сошел, велев пустить поезд дальше.

5 ноября утром наш отряд пришел в Москву — около 2½ суток после выхода из Питера. Викжель играл с нами весь путь в «кошку и мышку». Преследуемый нами поезд он пропускал и не препятствовал его движению, а нас всячески задерживал. Недаром наш отряд шел из Питера до Москвы, за вычетом остановки в Бологом, свыше 2 суток, вместо обычного хода пассажирского поезда 18—20 часов.

Восставшая Москва победила до нашего прихода.

7

Викжель

Не менее 48 часов шли наши поезда из Питера в Москву. Это должно быть всецело поставлено в счет Викжелю, тогдашнему главе железнодорожников. Он об'явил себя «нейтральным». Его нейтралитет был целиком на стороне врагов восставших рабочих и крестьян. За 12 лет перед тем, в октябре 1905 года, железнодорожники были в первом ряду борцов революции. Октябрьская железнодорожная забастовка 1905 г., впервые показавшая всему миру полную реальность и осуществимость угрозы пролетариата «все колеса станут, когда ты этого захочешь», нанесла царизму главный удар. И когда потом несвергнутый царизм оправился, все дикие расправы пали на голову железнодорожников. Карательные экспедиции царских генералов—Мина,

Римана, Ренненкампфа, Меллер-Закомельского с расстрелами и расправами обрушились на железнодорожников. А затем система министра Рухлова долго чистила железнодорожников и, главным образом, движенцев и заменяла их членами черносотенного «союза русского народа» или по его рекомендации. К 1917 году эта рухловская система сделала свое дело. Железнодорожная масса была непроходимо темна, а наверху—Викжель об'явил себя «нейтральным».

В первом заседании Совета Народных Комиссаров 3 ноября приехавший из Москвы председатель Московского совета рабочих депутатов Ногин докладывал о положении в Москве, о ходе восстания. Он, очевидно, выехал из Москвы до окончания боев, ибо в докладе он не говорил об окончании боев и о победе. В конце доклада он доказывал необходимость компромисса с Викжелем.

«...Чрезвычайно важно привлечь на свою сторону Викжель», говорил он: «это даст нам и гражданскую и военную победу. В противном случае мы будем уничтожены после того, как мы после продолжительнейшей войны истратили все силы. Нас раздавит грядущая действительная корниловщина и калединство». Ногин считает необходимым компромисс с Викжелем.

Легко предугадать ответ В. И. Ленина на это предложение компромисса—в особенности после того, что только накануне он убедился, что Викжель способен понимать только один язык: «арестовать», только этому доводу он уступает.

В. И. Ленин возражал против всяких соглашений с Викжелем, который завтра будет свергнут революционным путем с низов. Необходимо подкрепление Москвы творческими организующими революционными силами из Петрограда, именно матросским элементом... После взятия Москвы и свержения Викжеля снизу,—говорит он,—мы будем обеспечены продовольствием с Волги[1].

8

В Москве после восстания

В Совете—толчея. Внизу—редакция «Социал-демократа». Встречаю Ольминского. Всегда сумрачный, он улыбается и с веселой укоризной спрашивает меня:

— Почему ж вы не взяли в плен Керенского?

— А вы уже знаете?

---

[1] Из отчета, напечатанного т. Горбуновым в юбилейном номере Правды" 7/XI 1927 г.

— Раскольников описал...

Во дворе—тоже толчея: «Пленные». Среди них много студентов, гимназистов.

...Заседание у новоназначенного командующего войсками Московского округа солдата Муралова, который уже занял здание штаба округа на Пречистенке. Прихожу, застаю аллегорическую картину: солдат выметает из здания кучу старого мусора... Нет уж и галлереи генеральских портретов в орденах и звездах—бывших московских командующих войсками...

На заседании присутствует весь командный состав нашего отряда: полковник Потапов, Еремеев, я, Пригоровский, Раскольников, Ильин-Женевский.

Обсуждается положение Москвы и дальнейшие мероприятия. Сразу сказывается разница во взглядах. Москвичи говорят о Москве—необходимо выставить «дозоры» в 5 верстах от Москвы. Мы говорим о необходимости широкого масштаба: поминаем Дон, Украину, откуда-де грозит нам враг. Москвичи того мнения, что украинская рада,—с нами...

...Еду с дочерью Валентиной смотреть Москву после восстания. Между прочим, специально внимательно осматриваю храм Василия Блаженного на Красной площади: целехонек...

Вернусь в Питер, успокою Луначарского: целехонек...

...У Смоленского рынка наш автомобиль «перелетает» через окоп—и благополучно. Шофера удача подзадоривает, и он решает «взять» таким же образом и другой окоп—на Сухаревской площади — и... попадаем с автомобилем в окоп. Меня выбрасывает на радиатор, разбиваю себе руки и очки, дочь получает сильный удар в грудь. Наступает ночь.

Наше обозрение Москвы окончено...

9

Предотвращенное нападение на Питер

Наш отряд опоздал помочь Москве. Восставшая Москва победила до прихода нашего отряда. Но наш отряд сделал свое дело. Он не оказал помощи Москве, но он оказал помощь Питеру. Ликвидацией этого «железнодорожного ударного батальона смерти», этого враждебного бронированного поезда наш отряд сделал серьезное дело, ибо этот бронированный поезд имел несомненно особое назначение. Цель этого бронированного, весьма сильно вооруженного поезда была—напасть на Питер. С Гатчинского фронта он должен был кружным путем выйти по Нико-

лаевской дороге к Питеру и бомбардировать его. Итти ему из Гатчины в глубь России через Москву (по Николаевской дороге) не было никакого смысла.

Есть одно обстоятельство, вскрывающее эту его цель. Выйдя с Новгородской дороги на Николаевскую и повернув на Москву, команда поезда поставила бронированный паровоз свой в хвост поезда. Повернуть на Москву она вынуждена была под нашим давлением, ибо взять направление на Питер — значило вступить с нами в бой, чего поезд решительно избегал. Этой постановке паровоза в хвосте поезда можно дать только одно об'яснение: команда поезда не теряла надежды улучить удобный момент и рвануться назад мимо нас в Питер. И только наша неотступная погоня за ним не давала ему возможности попытаться прорваться в Питер.

Почему он, прекрасно вооруженный и технически во всех отношениях превосходивший наш поезд, не вступил с нами в бой?—Ему не было смысла драться с нами, ибо, даже в случае победы над нами, он, израсходовав боевые припасы, лишался возможности выполнить свою цель—нападения на Питер. Затем настроение солдатской массы этого поезда было, видимо, неважное, а вместе с тем и то, что и впоследствии, во всю гражданскую войну, давало нам победу—дух и сознательность революционных войск и матросов. И враг не мог не чувствовать этого даже на расстоянии — из нашей бешеной погони за ним, из наших разговоров с ним по телефону, из наших телеграмм.

Офицерство, видимо, струсило. На станциях они торопили пропустить их.

10

Большевикам все на пользу

Выйди наш отряд из Питера на несколько часов раньше, чем он вышел, он не получил бы никаких сведений о движении бронированного поезда, он прошел бы станцию Чудово раньше этого поезда, бронированный вышел бы на Николаевскую дорогу, пришел бы 2 ноября ночью на Николаевский вокзал в Питер и подверг бы определенные места города бомбардировке.

В его делах мы, как я указывал, нашли диспозицию нападения на ст. Дно. Могла, конечно, быть выработана и диспозиция нападения на Питер. Вооружен был поезд прекрасно, со всеми приспособлениями и усовершенствованиями, и обладал, видимо, соответствующей квалификации офицерским составом. Недаром же Керенский вызвал в

Питер себе на помощь с фронта именно этот поезд. Значит, он считал этот поезд большой и верной, надежной силой.

Но наш отряд, вследствие саботажа викжельцев, вышел на много часов позже. Этот поезд встретил на своем пути непреодолимое наше заграждение и не мог прорваться в Питер.

Большевикам «везет», и все им на пользу. Саботаж питерских викжельцев, сильно задержавших выход нашего отряда, пошел нам же на пользу.

И еще.

В момент выезда нашего отряда из Питера, ночью 2 ноября, наша помощь не нужна была уже Москве. Восставшая Москва победила 2 ноября и «мирный договор» с белыми был заключен ВРК вечером. И если бы между Москвой и Питером, между московскими и питерскими большевиками была организационная связь, и московские большевики дали бы знать в Смольный о своей победе, отправка нашего отряда была бы отменена. «Блиндированный ударный железнодорожный батальон смерти» не встретил бы на своем пути никакого препятствия, пришел бы в Питер и выполнил бы свое назначение...

О победе Москвы Питер не знал, наш отряд отправился на помощь Москве—и ликвидировал мчавшуюся на Питер опасность.

Большевикам оказалось все на пользу.

11

В Смольном о власти

Вернулся в Питер 7 ноября. Отряд остался в Москве. Несколько раз приходили мы с Еремеевым в Смольный, в Военно-революционный комитет, чтобы дать отчет о нашей командировке, подолгу просиживали на заседаниях в ожидании. Но, конечно, не до слушания отчетов было Военно-революционному комитету. Вот делегация питерского союза печатников явилась с требованием «свободы слова и печати». Председатель ВРК Иоффе своими большими глазами, которые в его очках кажутся еще большими, смотрит на них и выслушивает их, как и весь комитет, очень спокойно. Визгливым восклицаниям общих мест о свободе печати противопоставляется твердыня — интересы победившего пролетариата. Исчерпав и выкричав все свои немногочисленные доводы, которые еще так недавно имели силу и обаяние, а теперь оказались так ничтожны, печатники уходят.

Злобой дня в Смольном—кризис власти.

Меньшевики и эсеры не хотят входить в правительство, ставят свои условия. Сбились с пути и некоторые свои, большевики, не хотят «брать на себя ответственность», выходят из состава правительства.

В чайной, где целый день и ночь отпускается чай с черным хлебом, сыром, колбасой, идут словесные бои, «отчитывают» вышедших из правительства Милютина, Ногина, Рыкова и др.

8 ноября Антипов повез меня на завод резиновой мануфактуры «Треугольник» выступать на митинге по вопросу о власти.

На этом заводе мне приходилось выступать в июне, во время первого Всероссийского с'езда советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда здесь царили эсеры, и меня предупреждали, что большевикам там говорить не дают. И действительно, приехавшего тогда на этот же митинг Чернова встретили у ворот с помпой, с флагами. Тем не менее, меня не только тогда выслушали, но и аплодировали. Крепко злился и ругался тогда эсеровский комитет. Каково теперь настроение рабочих на заводе?

На заводе мы застали забастовку из-за конфликта рабочих с администрацией.

Митинг открывается, и я прежде всего выступаю по поводу забастовки. Раз'ясняю, что при советской власти, когда фабрики и заводы принадлежат рабоче-крестьянскому государству, забастовка на фабрике — бессмыслица и преступление против самих себя. Конфликты с администрацией улаживаются, и требования рабочих выполняются иными путями и способами, но не теми, какими рабочие боролись с фабрикантами. Собрание постановляет забастовку немедленно прекратить.

По текущему моменту выступают Евдокимов, М. Спиридонова и я. Принимается предложенная мною резолюция о власти:

«Общее собрание рабочих резиновой мануфактуры «Треугольник» признает:

1) стоящее ныне у власти советское правительство действует всецело в интересах русской революции, народа, рабочего класса;

2) мы не ждем от нового правительства чудес, не думаем, что оно может сразу и скоро наладить и исправить экономическую разруху, которая досталась нам от проклятого царского правительства и бывшего временного правительства;

3) мы не страшимся, что эти беды разрухи и голода продлятся еще, ибо мы знаем, что у власти находятся всецело преданные интересам рабочего класса наши пред-

ставители; знаем, что над чрезвычайно трудным делом строительства новой жизни, нового государственного строя должен работать весь рабочий класс;

4) бегство от власти социал-демократов-меньшевиков и социалистов-революционеров и их саботаж нынешнему правительству в то время, как рабочий класс ценой своей крови сбросил власть своих врагов и стал у власти, бегство меньшевиков и эсеров в такое время доказывает, что они против народа, против рабочего класса и против революции. И пусть нынешнее советское правительство обойдется без них».

...Одни не хотят входить в состав правительства, другие выходят из него—не хотят «брать на себя ответственности»...

А внизу ничего этого не знают и знать не хотят. Внизу сразу и накрепко признали новую власть... И стала Россия слать своих ходоков к новому правительству в Смольный...

Сколько их, ходоков от российских сел и деревень, перебывало в Смольном со своими запросами и требованиями к новой власти, никто, жаль, не считал. Какие запросы, вопросы и требования они пред'являли, никто, жаль не отмечал. Не было ни анкет, ни регистрации.

С ходоками в Смольном велись беседы.

— Отец! Папаша! — обращается ко мне Володарский: побеседуйте с ходоками. Там их масса набилась.

Большая комната. Длинный стол. За столом и в комнате сидят, стоят ходоки. Иные еще не сняли котомок с плеч. Садишься в конце стола и начинаешь беседу без ораторских приемов, негромко. Даешь ответ каждому на привезенные им с места вопросы. А затем делаешь общий обзор. Какие лица! Как слушают! Чувствуешь и знаешь, что каждое слово твое они понесут по селам и деревням, из села в село: «Так сказали, так об'яснили в Смольном»...

Кризис власти миновал. Тех, кто не хотел итти в правительство, не очень-то звали, а тех, кто вышел из правительства,—заменили другими.

12

Аппарат власти

Государственная власть завоевана. Для осуществления ее,—чтобы власть была тем, чем она должна быть по существу своему — орудием стоящего у власти класса,— нужен аппарат.

Аппарат государственной власти встретил новую власть отказом работать, саботажем.

Аппарат пришлось завоевывать, и завоевать его оказалось много труднее и неизмеримо дольше, чем завоевать власть...

Саботаж, саботажник... Крепко вошли в обиход и в историю Октябрьской революции эти слова...

Мне пришлось работать в управленческих головках трех ведомств.

А по вечерам тянуло в Смольный... Ездил «потолкаться» [1] по коридорам и комнатам славного дорогого Смольного...

Но вскоре Смольный опустел... Все комиссары перешли каждый в здание своего комиссариата. В Смольном остался только Совет Народных Комиссаров, занявший одно правое крыло здания.

*

Два слова о судьбе личного состава штаба этого отряда. Она оказалась для всех, кроме пишущего эти строки и Раскольникова, трагической.

Командир отряда подполковник Потапов, один из первых представителей высшего командного состава царской армии, пришедший на службу новой власти, воевал потом на северном фронте, попал в плен к англичанам и умер в тюрьме, в Кеми, от тифа.

Пригоровский — «прапорщик запаса», состоявший в партии об'единенцев, боролся и умер за интересы рабочего класса, как истый большевик. В 1918 году он командовал отрядом добровольцев в Финляндии, помогая финской Красной гвардии. Убит в неравном бою с финскими белогвардейцами.

Еремеев умер в 1930 г. от тяжелой болезни сосудистой системы вследствие несчастной страсти к курению: «Дядя Костя всегда и неизменно был с трубкой в зубах».

Эпизод с бронепоездом описали также: Раскольников («Пролетарская революция», 1924 г., октябрь); Ильин-Женевский — «От февраля — к захвату власти», 1927 г.; Еремеев — «Пламя», 1930 г.

---

[1] В Смольном мы, партработники, встречались по вечерам с целью обмена мнениями по вопросам нашей деятельности и взаимной информации.

Е. Трифонов

Как вооружался пролетариат

(*Петроградская Красная гвардия*)

Все, чем держались их троны,
Дело рабочей руки —
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

Штык — в порядок дня! Революция, приставившая штык к горлу врага и не опустившая его до конца, до полной победы. Октябрьское восстание, вооруженное классовой идеологией и скорострельным пулеметом. Социальный переворот, отбросивший пустозвонство конвентов и учредительных собраний и заговоривший четким языком броневых машин.

Итти с ружьями наперевес вперед, до конца, сквозь все этапы революции — эта замечательная тактика обеспечила победу пролетариата.

Рабочий класс наконец-то понял, чего недоставало всем прошлым революциям и что необходимо для его полного торжества: вооружиться — и не выпускать оружия из рук никогда!

Это впервые за всю историю человечества понял российский пролетариат.

Вооружаться — это он умел делать, российский пролетарий, в этом он понимал толк, это было его заветной идеей еще со времен 1905 года. И в неописуемые дни семнадцатого года эта идея мощно овладела сознанием широчайших рабочих масс.

Вооружаться. Керенские и Рябушинские, эсеры, меньшевики, кадеты — строчили свои декларации и конституции, суетились и жужжали в своих «комитетах спасения» и «предпарламентах» — а в это время пролетарий втихомолку вооружался. Контрреволюция бездарно проморгала это дело — и поплатилась шкурой за свое ротозейство.

В мае 1917 года в Петергофском райкоме большевиков, явочным порядком (еще задолго до партийных решений и директив по этому вопросу), трое невзрачных парней поставили столик в прихожей, прибили над ним табличку: «здесь запись в Рабочую гвардию», и уселись за столик с карандашами в руках. И когда мы записывали в Красную гвардию первых редких охотников, господа Керенские и Рябушинские тогда еще не подозревали, вероятно, что, спустя немного дней, красногвардейские колонны будут штурмовать Зимний дворец.

Но уже в июле грозно зачернели винтовки в руках рабочих. Штык стал в порядок дня пролетарской революции. Во время июльского выступления питерского пролетариата впереди рабочих демонстраций Выборгского района, василеостровцев и других — шли в строю вооруженные красногвардейцы. Городская милиция, призванная охранять законность и «порядок», взамен упраздненной полиции, обнаружила в эти дни свою настоящую, далеко не полицейскую, природу.

В июльские дни мне пришлось быть начальником милиции Путиловского завода. Я получил от начальства приказ: «приготовиться» к возможным волнениям на заводе. На рассвете 4 июля, когда Путиловский клокотал, точно котел с перегретым паром, заводская милиция в составе двух тысяч человек в боевом порядке с примкнутыми штыками подошла и построилась перед столовой, где заседал заводской комитет, решавший вопрос: выступить или воздержаться. Начальник милиции вошел в комнату и доложил заводскому комитету: милиция прибыла и находится в распоряжении комитета. И когда тридцатитысячная масса путиловцев двигалась через Нарвскую заставу к Таврическому, впереди колыхалась щетина милицейских штыков.

Штык стал в порядок дня.

И он уже поднимался к горлу контрреволюции. Это почувствовали после июльских дней господа Керенские и Рябушинские. Но, воспитанные на примерах классических буржуазных революций, они были уверены, что штык в руках рабочего — послушное орудие буржуазии и что в конце концов они сумеют повернуть этот штык туда, куда им потребуется. Они не учли нового, небывалого в истории фактора — наличия организованной классовой пролетарской партии большевиков. Они бездарно проморгали вооружение рабочих. Они даже сами официально декретировали вооружение рабочих, когда им требовалась вооруженная сила для

борьбы с реставраторами царизма. Керенский во время корниловского мятежа выдает рабочим Питера 7 000 винтовок. Вциковский (эсеро-меньшевистский) «комитет по борьбе с контрреволюцией» в сентябре постановляет вооружить 8 000 человек рабочей милиции.

Эти факты развязали еще больше стихию рабочего вооружения. Какой-нибудь завод, вывозя со складов 300 разрешенных ему винтовок, ухитрялся подцепить в пять раз больше. Оружие потекло рекой в рабочие районы.

Наконец, буржуазные власти всполошились. Буржуа с тревогой и удивлением обнаружили, что это дело совсем не похоже на трафареты «добрых старых» революций. Социал-лакейские газеты завопили о вооружении рабочих, о пушках, спрятанных на заводах, и т. д. Церетелли на заседании в кадетском корпусе требует «разоружения большевиков». Контрреволюция начинает действовать. Временное правительство издает приказ о роспуске «комитета по борьбе с контрреволюцией» (за попустительство вооружению рабочих). А питерская конференция большевиков принимает постановление о создании Красной гвардии. В середине июля Керенский издает грозное постановление о сдаче населением оружия. А в ответ на это рабочие продолжают лихорадочно вооружаться. В районах создаются районные комендатуры Красной гвардии. 5 сентября генерал-губернатор Пальчинский издает приказ о регистрации всего оружия населением. А в это время междурайонная конференция Красной гвардии создает центральную комендатуру (впоследствии переименованную в центральный штаб Красной гвардии). С этого момента вооруженные силы пролетариата приобретают боевой, оперативный и организационный центр.

Временное правительство бешено борется с вооружением рабочих при помощи крикливых приказов и постановлений. А большевики методично и молчаливо создают в Питере целую армию вооруженного пролетариата, достигающую 35—40 тысяч бойцов.

Центральный штаб Красной гвардии, перебравшись в Смольный, развернул огромную работу по формированию отрядов, обучению бойцов, набору инструкторов, вооружению Красной гвардии. Опираясь на эту силу, силу пролетарских штыков, — переворот, захват власти рабочими надвигался неотвратимо.

В начале октября через Путиловскую верфь красногвардейцы вывозят в Питер оружие с Сестрорецкого оружейного завода. 12 октября Питерский совет создает руководящий орган восстания — Военно-революционный комитет.

Правительство, поддерживаемое меньшевиками и эсерами, пытается сохранить на своей стороне наиболее отсталые части питерского гарнизона. Но Военно-революционный комитет уже охватил сетью своих комиссаров все полки, батареи и команды гарнизона, весь аппарат связи. Центральный штаб к 25 октября поставил под ружье всю Красную гвардию. Отборные силы красногвардейцев вызваны из районов и сконцентрированы в Смольном. 24 октября занята Красной гвардией и солдатами Петропавловская крепость.

Короткие бои закипают на улицах Петрограда. Красногвардейцы, поддержанные восставшими матросами и солдатами, рассеивают и уничтожают офицерские банды. Центральный штаб быстро бросает отряды Красной гвардии по всему городу. Овладевает правительственными зданиями, телефонными станциями, телеграфом и радио. Последний оплот царизма—юнкерские училища — одновременно штурмуются и захватываются отрядами Красной гвардии: Николаевское инженерное — отрядами Петербургского и Выборгского районов, Михайловское артиллерийское — занято шлиссельбуржцами и красногвардейцами Выборгского района, Владимирское юнкерское — отрядами Трубочного завода и матросами, Константиновское юнкерское — выборжцами и василеостровцами.

В то же время нависла опасность со стороны бессчисленных водочных складов, имевшихся в городе. Захват этих складов босяцким и контрреволюционным сбродом грозил вызвать стихийный пьяный погром. И центральный штаб Красной гвардии, мобилизовав силы районов, проделал огромную операцию по охране складов и уничтожению колоссальных количеств вина.

И, наконец, 25 октября красногвардейцами, революционными матросами и солдатами захвачено последнее прибежище контрреволюции — Зимний дворец.

Но восставший пролетариат не почил на лаврах и не успокоился после этого ошеломляющего успеха. Он продолжает то дело, какое обеспечило ему победу. Он вооружается. Центральный штаб становится настоящим оперативным и организационным центром пролетарской армии. Он формирует из питерских красногвардейцев крупные войсковые единицы по типу регулярных войск, укомплектовывает их командным составом, снабжает техническими, артиллерийскими и санитарными средствами.

Когда бежавший из города Керенский вместе с генералом Красновым попытались двинуть на Красный Питер контрреволюционные казачьи силы — центральный штаб смог в

короткий срок выставить против белых до 12.000 красногвардейцев. Как быстро и печально это покушение окончилось для эсеровского горе-диктатора, это общеизвестно. И затем, выполняя директиву Владимира Ильича, по приказу центрального штаба питерская Красная гвардия устремляется походными эшелонами на все окраины республики, чтобы там сразиться, помогать сплачивать вокруг себя и вести за собой боевые колонны пролетариев на всех фронтах гражданской войны.

А. Васильев

Мое участие в Красной гвардии и Октябрьской революции

Организация Красной гвардии в Ленинграде в 1917 году имеет своим началом не корниловские дни,— момент, официально принимаемый за дату организации Красной гвардии в Ленинграде,— начало ее создания необходимо отнести к гораздо более раннему периоду. Фактически Красная гвардия Ленинграда организовалась с февральских дней — с момента свержения самодержавия. В эти исторические дни рабочие фабрик и заводов Питера вооружились для достижения своих целей. Однако, революционные цели этих вооруженных отрядов рабочих еще не были тогда у огромной их массы теми ясными и определенными целями, какими они стали после июльских дней. Только после того, как эти цели были сформулированы В. И. Лениным и выражены в четких лозунгах, они, пройдя через сопротивление целого ряда групп, не желавших их ни понять, ни признать, дошли до самых глубоких народных низов и выкристаллизовались во вполне конкретные и понятные широким массам задачи — свержение власти буржуазии и передача власти в руки советов. Вооруженные отряды рабочих, ставившие себе эти именно цели и понимавшие их, начали организовываться действительно только в корниловские дни и только эти отряды получили название Красной гвардии. Но несмотря на это, все-таки нельзя корниловские дни считать резкой гранью, отделяющей отряды рабочей Красной гвардии, организованные для защиты завоеваний революции от реставрации, подготовлявшейся корниловским путчем, от таких же рабочих вооруженных отрядов, создавшихся еще в февральские дни. Эти созданные в феврале отряды также ставили своей целью защиту революции от всяких посягательств на нее путем недопущения разоружения пролетариата и добивались всеми возможными путями сохранения оружия в руках рабочих. Ведущими такую

борьбу вооруженными отрядами рабочих были в первые месяцы революции, еще задолго до корниловских дней отряды народной милиции рабочих окраин Петербурга, которые и нужно считать первыми отрядами Красной гвардии, предшественниками той Красной гвардии, которая в октябрьские дни положила историческую грань между предисторией человечества и только-что народившейся его настоящей историей — историей социалистической.

Вот этот-то период — докорниловский период существования Красной гвардии, совершенно выпавший теперь из истории революции, я и хочу сейчас восстановить по своим воспоминаниям, поскольку мне пришлось участвовать во всех этапах зарождения и развития рабочей милиции на окраине Питера, почти с первых дней ее возникновения.

В Ленинград я приехал 4 апреля 1917 года.

К этому времени на всех заводах и фабриках уже были довольно сильные отряды рабочих, не носившие еще названия Красной гвардии, а именовавшиеся рабочей милицией. Она уделяла очень мало времени военной подготовке и главным образом несла обязанности лишь по охране города и своих заводов. Эти отряды были вооружены и состояли исключительно из рабочих, но такой состав их был только на окраинах, в рабочих районах Ленинграда. В центре милиция имела совсем другой характер. Там была организована так называемая городская народная милиция, которая состояла преимущественно из студенчества, мелких ремесленников и торговцев, а в руководящем ее составе были отпускники офицеры и «георгиевские кавалеры».

Эта городская милиция постепенно расширяла свою территорию, продвигаясь от центра к окраине. В некоторых районах стали существовать параллельно комиссариат городской милиции и комиссариат рабочей милиции, с сохранением в рабочих районах доминирующей роли за рабочей милицией, которая вела упорную борьбу за свою самостоятельность и неподчинение совету городской милиции.

В ряды рабочей милиции наша партийная организация, а также фабрично-заводские и полковые комитеты выделяли наиболее надежных и крепких товарищей. Это выделение производилось как для укрепления рабочей милиции и усиления ее в борьбе с городской милицией, представлявшей собою оплот временного правительства и бывшей в этом отношении противовесом рабочей милиции, так и в предвидении близкого конца войны, а с ним и демобили-

зации постоянной армии. В последнем случае на рабочую милицию смотрели, как на зародыш и ядро будущей городской милиционной армии.

Более остро борьба рабочей милиции с городской разразилась после знаменитого апрельского приказа временного правительства о разоружении рабочих. Этот приказ коснулся главным образом рабочей милиции и против нее по существу и был направлен.

В городской милиции этот приказ был проведен довольно быстро и без эксцессов — в ней не было сколько-нибудь значительных групп рабочих, могущих оказать сопротивление распоряжению временного правительства.

Во исполнение этого приказа от милиционеров городской милиции отобрали винтовки и выдали револьверы, которыми, однако, можно было пользоваться только во время дежурства на посту, после чего они сдавались в комиссариат.

В рабочей же милиции положение создалось совсем иное. Рабочие категорически отказались сдавать винтовки. Этим отказом они сразу же резко обострили положение и всей рабочей милиции в целом, как организации, и каждого рабочего-милиционера в отдельности. Приказом о разоружении рабочим, числившимся в милиции и не работавшим у станков, при отказе сдать оружие и вернуться на завод, прекращалась выплата зарплаты, выдаваемая им за время дежурств в милиции тем заводом, на котором они работали до вступления в рабочую милицию. При дальнейшем неподчинении приказу последним предписывалось неподчиняющихся считать мобилизованными и отправлять на фронт. При таком положении отказ рабочей милиции разоружаться ставил ее в открытую борьбу с временным правительством.

Естественно, что такая борьба уже не могла вестись стихийно распыленными силами. Назревал вопрос об организации всей массы рабочих милиционеров для этой борьбы и создании общего руководящего центра. Наиболее передовая часть рабочей милиции скоро столкнулась вплотную с этой задачей и для ее разрешения решила созвать широкую конференцию представителей рабочей милиции всех районов совместно с представителями от фабрично-заводских и полковых комитетов, от партийных организаций, от профсоюзов и от районных советов рабочих и солдатских депутатов. Для подготовки этой конференции была создана инициативная группа, в которую, между прочим, вошло несколько человек амнистированных политкаторжан, насчи-

тывавшихся в довольно большом количестве в рядах рабочей милиции.

Для получения поддержки и для помощи в проведении этой конференции я был выделен, как член инициативной группы, для переговоров об этом с ЦК.

Придя в ЦК, я застал там тов. Крупскую и Стасову. Зная тов. Стасову еще по 1906 году, я обратился к ней и вскоре у нас с ней и т. Крупской завязался общий разговор. Он неожиданно был прерван вопросом, заданным мне кем-то стоявшим за моей спиной:

— А как массы-то, товарищ, за вами?

Я оглянулся и узнал т. Ленина, который, очевидно, подошел незаметно к нам и несколько минут слушал наш разговор.

В кратких словах я об'яснил ему настроение рабочей милиции, поддержку ее рабочими массами заводов и фабрик и твердое ее намерение не выпускать из своих рук оружие.

На это тов. Ленин мне ответил:

— Раз массы за вами, то в чем же дело? Действуйте. Созывайте конференцию, а за нашими представителями и поддержкой дело не станет.

После этого ЦК оказал нам поддержку и прислал на конференцию своих представителей.

Конференция эта состоялась в конце мая. В подавляющем большинстве избранными на нее оказались большевики и сочувствующие.

Заседала конференция в саду на даче Дурново, работа ее продолжалась два или три дня (не помню сейчас точно). Вынесенные конференцией постановления сводились к следующему:

— Оружие рабочим не сдавать,

— На фронт не ходить.

— Избрать из своей среды совет народной милиции, которому поручить взять власть над всей милицией и распустить совет городской милиции.

Тут же был избран и этот совет, состоявший из одиннадцати человек. Насколько я помню, в него вошли: Гессен, Нелюбин, Конюк, Феофантьев, Василевский, Лакутин, Дрезденко и я. Из числа всех членов совета 7 человек было большевиков.

Вновь избранный совет народной милиции заседал первые дни в одном из флигелей дачи Дурново, в помещении рабочей милиции металлургического завода, а затем перебрался на Петроградскую сторону, где мы заняли комнату в доме, в котором помещались бок-о-бок комиссариат го-

родской и комиссариат рабочей милиции Петроградского района. Вскоре нам удалось раздобыть где-то пишущую машинку и совет наш принял вид вполне «законного» учреждения и приступил к выполнению наказа конференции.

Понятно, что выполнить целиком этот наказ мы не смогли: он был такого свойства, что для полного его осуществления понадобилась Октябрьская революция. Но все же нам удалось сделать многое. Чувствуя за собою какой-то организующий центр, рабочие-милиционеры тверже держались на своих постах и не выпускали из своих рук оружия. Все комиссариаты и об'единения рабочей милиции пролетарских окраин подчинялись нашему совету и не признавали совета городской милиции. Распустить этот последний нам, конечно, не удалось. Центр же города, где хозяйничала городская милиция, становился все реакционнее, показываться рабочим туда, особенно в одиночку, становилось небезопасным. Надвигались июльские дни.

Таким образом еще до выступления Корнилова на пролетарских окраинах Ленинграда с начала февральской революции существовали сохранявшие в своих руках оружие рабочие отряды Красной гвардии, называвшиеся тогда рабочей милицией. Эта милиция не подчинялась созданному временным правительством совету городской милиции, а также не подчинилась и знаменитому апрельскому приказу о разоружении рабочих. С мая месяца эта Красная гвардия докорниловского периода сумела сплотиться в единую, хотя пока еще и не очень крепкую организацию, руководимую своим собственным рабочим центром — советом народной милиции.

Организация эта была известна ЦК партии и пользовалась его поддержкой.

Просуществовала она до июльских дней, во время которых совет народной милиции был разогнан юнкерами. Некоторые члены его были арестованы, а уцелевшим (в том числе и мне) нужно было скрываться от ареста.

В конце июля я поступил на завод беспроволочных телеграфов. На этом заводе из 1 000 рабочих — большевиков было не больше пяти человек, меньшевиков же и с.-р. было значительно больше, но несмотря на это, при перевыборах в Петросовет прошел большевик Пенков.

Во время корниловского наступления, когда Петросовет постановил организовать Красную гвардию, на нашем заводе сразу же организовался отряд из 70 человек, в создании которого принял горячее участие завком, несмотря на то, что председателем его был меньшевик Канкулькин, а

секретарем с.-р. Алексеев, тормозившие всеми силами организацию отряда. Между вступившими в отряд рабочими, за небольшими лишь исключениями, сошли на-нет все партийные споры, хотя в отряде были и большевики, и меньшевики, и эсеры. Вооружились также и все члены завкома.

С первых же дней своей организации отряд встал на военную ногу. Все охотно занимались военным делом. Нашлись и инструктора — из бывших солдат, но когда приступили к военному обучению, то инструктора эти оказались весьма никудышными: большинство их было из унтер-офицеров, но так как все они по специальности были квалифицированные рабочие, то всю свою военную службу провели не в строю, а в различных военных мастерских и строй знали не лучше тех, которые никогда не были в армии.

В корниловские дни нашему отряду не пришлось участвовать в действиях. Мы только несли караул при комендатуре райсовета да ходили в патрулях. Благодаря этому обстоятельству у нас было время для обучения военному делу, оказавшемуся таким необходимым в октябрьские дни и во весь период гражданской войны.

Отряд наш к этому времени значительно пополнился. В нем было уже до 150 человек, которые были разбиты на три самостоятельные единицы, каждая из которых имела своего начальника. Общее командование всем отрядом было поручено секретарю завкома Алексееву. Почти все члены отряда уже довольно прилично знали винтовку, многие научились обращаться и с пулеметом Максима и Кольтом; весь отряд мог вполне хорошо маршировать по Каменноостровскому проспекту.

23 октября начальник отряда Алексеев был выбран в комендатуру района и командование отрядом вместо него взял на себя т. Петров, бывший солдат, а в помощь ему назначен был Павловский. С этого же дня всех красногвардейцев отряда перевели на казарменное положение.

Под свою казарму мы приспособили небольшое деревянное здание во дворе завода в виде барака, служившее каким-то ненужным складом. Это здание мы освободили от камня, лежавшего в нем, устроили в два этажа нары, смастерили пирамиду для винтовок, поставили печку, и наше новое помещение приняло вполне казарменный вид.

Одна из трех единиц, на которые был разбит наш отряд, ежедневно дежурила по 8 час. в комендатуре райсовета, вторая несла караул внутри завода и третья считалась в резерве. Все сразу же как-то сжились с этой новой казармен-

ной обстановкой. Никто не стремился домой. Почти все свободное от караула время оставались в нашей новой казарме и проводили его в строевых занятиях, в обучении ружейным приемам, в разборке и чистке винтовок.

В августе хозяева завода сделали попытку эвакуировать часть оборудования из Ленинграда куда-то в окрестности Москвы. С этой целью снимались лучшие станки и упаковывались для отправки. Рабочие сразу же насторожились и потребовали созыва общего собрания для вынесения определенного решения в связи с этим намерением хозяев. Под давлением рабочих завком вынужден был созвать такое собрание. Председатель завкома — меньшевик Канкулькин выступил на этом собрании с речью, доказывающей необходимость эвакуации части завода, обосновывая это тем, что нужно расширять производство в провинции. Он подчеркивал, что рабочие не имеют никакого нравственного права препятствовать вывозу станков, так как они являются частной собственностью хозяина завода. Никакой поддержки со стороны рабочих эта речь не встретила и громадным большинством собравшихся была принята резолюция:

«Вменить в обязанность Красной гвардии строже охранять завод и не выпускать за его ворота ни одного станка. Уже снятые и упакованные станки распаковать и поставить снова на место.»

С первой половины октября началась забастовка деревообделочников во всем Петербурге. Столярная мастерская на нашем заводе также не работала и поэтому была свободна, что позволило превратить ее в штаб нашего красногвардейского отряда.

Круглые сутки она была полна народу. На верстаках вместо обычного столярного инструмента лежали разобранные для чистки винтовки и всевозможные принадлежности для чистки оружия и его частей: отвертки, протирки, надульники, накладники, шомпола, флакончики с ружейным маслом и т. д.

Мне именно в дни забастовки деревообделочников редко удавалось попадать днем на свой завод, я вырывался туда только к вечеру и оставался на нем обычно до утра, т. к. был председателем стачечного комитета деревообделочников на Охте, где я жил. Мне поручено было союзом деревообделочников держать непосредственную связь с бастующими столярами Охтенского района и руководить их забастовкой, потому что я был членом Охтенского райкома РСДРП большевиков.

25 октября почти весь день я провел сначала в Охтенском отделе профсоюза деревообделочников, а затем в центральном Петроградском, и только часа в четыре я пошел в комендатуру Петроградского райсовета, зная, что там находится наш отряд Красной гвардии.

В этот день, несмотря на скверную осеннюю погоду и выпавший мокрый снег, на улицах, по которым я проходил, было какое-то особенное оживление. Почти беспрерывно неслись автомобили с наклеенными на передних стеклах пропусками, шли группами рабочие и солдаты. На центральных улицах: Бассейной и Литейном проспекте, гораздо реже встречалась обычная для этих улиц буржуазная обывательская публика. Вместо оживленных отрывочных разговоров, какие всегда шли на больших центральных улицах, со всех сторон слышался один и тот же вопрос:

— Говорят, что все мосты разведены; как пробраться за Неву?

От Невы по Литейному проспекту шли отряды Красной гвардии, направляясь к Смольному. Это говорило за то, что Литейный мост не разведен. Неразведенным оказался также и Троицкий мост, по которому я проехал на трамвае до Б. Монетной улицы, где находился райсовет Петроградской стороны. Необычны были в этот день трамваи. В них ехали целыми группами солдаты и одиночками красногвардейцы, пробиравшиеся к своим штабам. Разговоры в трамвае велись исключительно о передаче власти советам, о желаемом в связи с этим близком конце войны. Редкие пассажиры не нашего лагеря только робко и молчаливо слушали, не решаясь заговорить сами. О войне до победного конца как будто совсем все забыли, несмотря на то, что еще недавно это было основной темой всех споров и в трамвае, и на улицах, при чем в центре города высказываться против войны было далеко небезопасно.

Выйдя из трамвая на углу Монетной и Каменноостровского проспекта, я увидел здесь еще большее оживление, отличавшееся какой-то деловитостью и целеустремленностью. По Каменноостровскому проходили усиленные патрули Красной гвардии. Они останавливали проезжавшие автомобили и спрашивали пропуска. По Б. Монетной один за одним подходили к комендатуре райсовета красногвардейские отряды. Одни из них оставались при комендатуре, другие направлялись прямо к Смольному. У входа в райсовет были выставлены два пулемета, дежурными у кото-

рых стояли пулеметчики нашего отряда тт. Пенков и Родионов.

Во всем помещении райсовета: в большом зале, в четырех занимаемых им комнатах, на кухне и в коридоре, было полно народу. В одном углу получали винтовки и патроны, в другом набивали пулеметные ленты. Всюду сидели и лежали на чем только возможно красногвардейцы: на столах, на стульях, на подоконниках, на скамейках. Лежа, сидя и на ходу закусывали и пили чай. На кухне разувались и сушили обувь приходившие из патрулей.

По всем лицам и движениям чувствовалось, что происходит что-то особенное и важное. И в предыдущие дни в райсовете часто бывала подобная же толчея и почти такое же скопление народа, но не было ни той деловитости, ни серьезности, ни сознания ответственности, какое чувствовалось в каждом действии в этот день. Еще накануне или за два-три дня в этих же комнатах часто бывали перебранки и споры красногвардейцев с начальниками отрядов о неправильной якобы посылке в патруль, о тех или иных недостатках. Часто слышалось:

— Не пойду я ни в какой патруль: только-что сменился, весь промок.

— Скоро ли отпустят домой? Чего мы тут зря сидим?

— Почему долго не приходит смена? Что мы за всех дежурить что ли будем?

— Почему не везут хлеба, сколько времени уж сидим голодные?

В этот же день ничего подобного не было слышно. Как раз наоборот — слышалась чаще всего только одна фраза:

— Скоро ли нас пошлют на настоящее дело? Надоело сидеть да у печки греться.

В маленькой комнатке, где помещалась комендатура, собрались начальники отрядов для получения назначений. От члена комендатуры и начальника нашего отряда т. Алексеева я узнал, что отряд наш разбит на три части: одна направлена по вызову в Смольный, другая остается пока при комендатуре и третья стоит в резерве на заводе. Мне он предложил немедленно поехать на завод, взять командование над этой частью и ждать дальнейших распоряжений, поставив в конторе завода у телефона двух часовых и дежурного телефониста.

На заводе, в штабе нашего отряда последних дней — столярной мастерской, я увидел почти такую же картину, как в райсовете. В наш заводской отряд были записаны дале-

ко не все столяры, но в этот вечер были в полном сборе обе смены, включая даже мастера нашей смены Морозова. Все имели боевой походный вид. У многих поверх пальто и шинелей были ремни с подсумками. Многие из окончивших работу в дневной смене рабочих механической и сборочной мастерских также не пошли домой, а пришли к нам в столярную мастерскую за получением оружия и для назначения в караулы. В связи с таким непредвиденным наплывом добровольцев в наш отряд мне пришлось сейчас же выяснить в комендатуре возможность их вооружения, так как на заводе у меня оружия нехватало.

Не получая пока никакого назначения и пользуясь свободным временем, мы набрали, сколько смогли, в заводской лавке хлеба и картошки и приступили к изготовлению на топившейся в мастерской плите импровизированного не то обеда, не то ужина, смотря по тому, кто в какое время последний раз ел.

Через некоторое время дежурившие на заводском дворе сообщили, что слышна пулеметная стрельба. Выходим несколько человек во двор и прислушиваемся: с небольшими перерывами слышится ровная трескотня пулемета. Пытаемся определить, где она происходит, но в это время меня вызывают к телефону. Подхожу. Говорит Алексеев: «Собрать всю наличную силу и прибыть с ней в район. На заводе оставить человек 10—12 для несения караула. У кого нет винтовок, пусть идут так — в райсовете получат».

Собираю отряд и передаю сообщение комендатуры. Начинаются споры — кому оставаться на заводе. Все хотят итти к райсовету. Наконец, договорились: остаться согласились те, у кого обувь была похуже — трудно итти по грязи.

Выйдя на двор, выстроились и тронулись за ворота. Всего в отряде оказалось человек семьдесят. Сейчас же по выходе из ворот соединились с отрядом завода военно-врачебных заготовлений. Этот отряд был значительно больше нашего и в нем была группа санитаров, шедших с сумками и повязками на рукавах. Вместе с ними направились колонной по Каменноостровскому проспекту к Б. Монетной.

Одновременно с нами сюда же подходили отряды завода «Дюфлон», аэропланного завода, завода Щетинина, Петроградского трамвайного парка и других.

Подойдя к зданию райсовета, все отряды выстроились. К нам вышли члены комендатуры во главе с тов. Скорохо-

довым, председателем райсовета (Б. Монетная улица называется теперь улицей имени Скороходова).

Из каждого отряда выделили по нескольку человек, которых оставили при комендатуре, а из остальных сформировали сводный отряд и сейчас же направили на подкрепление к Зимнему дворцу. Мы пошли по маршруту — Кронверкский проспект, Биржевой мост, мимо здания биржи к Дворцовому мосту.

Было уже поздно. Снег перестал падать. Мостовые немного подсохли. Итти было легко и отряд спешил. То-и-дело раздавались голоса:

— Дай ногу!

Трамваи уже не ходили. На мостовой было свободно.

На Кронверкском проспекте патруль остановил обгонявший нас броневик. Он оказался из нашей же комендатуры и шел по тому же маршруту, что и мы — к Зимнему.

Во всех направлениях шли группами рабочие. Многие обращались к нашему отряду с вопросом:

— Какой завод?

На Васильевском острове у биржи толпилось много народа. В эту историческую ночь немногие рабочие спали. Вся эта масса тянулась к Дворцовому мосту, но через него пропускали к Зимнему дворцу только вооруженные отряды.

У входа на мост стояли два грузовика с вооруженными матросами и рабочими.

За мостом у дворца раздавались ружейные и пулеметные выстрелы.

Когда наш отряд подошел к мосту, с него навстречу нам с'ехали три порожних грузовика, оказавшиеся из нашего района. Они отвозили отряд к дворцу, ссадили его на средине моста и возвращались обратно. Часть нашего отряда разместилась на этих грузовиках и поехала через мост. В это время раздалось два орудийных выстрела. Стреляли из Петропавловской крепости по Зимнему дворцу.

Когда мы подъехали к концу моста, в наши грузовики стали попадать пули. Оказались раненые. Открывать ответную стрельбу с нашей стороны было еще нельзя: мы знали, что впереди находятся только-что сошедшие с этих же грузовиков наши отряды и боялись, что будем стрелять в своих.

Чтобы выяснить точно свое положение, послали разведку. Она вернулась минут через пятнадцать и сообщила, что прошедший впереди отряд прорвался с моста налево по Дворцовой набережной и прошел к Зимней канавке. В

проезде же между оградой дворца и адмиралтейством находятся войска временного правительства, которые могут с тыла теснить передовой отряд, если он пройдет на набережную.

Мы открыли стрельбу по проезду — по войскам временного правительства. После нескольких наших залпов стрельба с проезда прекратилась. Тогда все, кто еще находился на грузовиках, сошли с них и направились мимо решетки дворца в проезд. Перед нами отступали к Дворцовой площади какие-то части, как потом выяснилось — юнкера и женский ударный батальон.

На одном из наших грузовиков увезли раненых, подобранных у моста, и нескольких красногвардейцев из нашего отряда, раненых еще при проезде через мост. На другом грузовике уехали смененные нами красногвардейцы, бывшие еще с вечера у дворца. На третью машину начали складывать оружие, брошенное юнкерами.

Со стороны Дворцовой площади пришли на соединение с нами матросы. Вместе с ними красногвардейцы нашего отряда стали разоружать сдавшихся юнкеров и неуспевшие прорваться на площадь части женского ударного батальона.

На площади в это время еще раздавались редкие ружейные выстрелы, поддерживаемые временами пулеметом.

Небольшая группа из женского батальона, забравшись на сложенные у дворцовой стены дрова, кричала:

— Да здравствует учредительное собрание. Долой большевиков!

На них никто не обращал внимания.

Кругом говорили:

— Зимний взят. В него вошли матросы и красногвардейцы. Временное правительство арестовано.

Некоторые говорили, что вместе со всем временным правительством арестован и Керенский. Другие утверждали, что он скрылся.

И. К. Сазонов

Об октябрьских днях 1917 года

Сначала мне казалось, что вспомнить на бумаге октябрьские дни и свое участие в них будет легко и просто.

Не то оказалось, когда я принялся за работу.

В то время как повседневная революционная работа в дни 1905 года не только с его кровавой неделей 9 января, митингами в университете и демонстрациями, но и множеством других, совсем, казалось бы, незаметных событий до сих пор ярко сидят в голове, отчетливо представляются и имеют несбивчивую хронологию, — то этого никак нельзя сказать про октябрьские дни, хотя с тех пор прошло лишь 15 лет.

Тут, мне кажется, дело в том, что слишком уж много различий между этими революциями.

Одна из них — это стремительное нарастание и непрерывающееся развертывание событий, отчего обе октябрьские недели слились как бы в одно целое и кажутся одним днем. К тому же и самое восстание требует совсем другого напряжения от участника: это уже не та повседневная из месяца в месяц подпольная работа, которая велась нами в 1905 году.

В Октябре человек как бы попадал в бешеный круговорот и пропадал в нем целиком со своей жизнью, мыслями и работой.

И главное — мое личное участие в борьбе этих дней в качестве лишь простого рядового красногвардейца.

*

В середине мая 1917 года прибыла в Петроград наша партия парижских эмигрантов. Добирались до Петрограда мы долго, ехать приходилось кружным путем через Лондон, Стокгольм и Гельсингфорс. В Петрограде комитет Веры Николаевны Фигнер сразу же разместил нас по общежитиям. Мне пришлось жить в женской гимназии на Каменноостровском проспекте. Оглядевшись и привыкнув немного к незнакомому мне революционному Петрограду, я начал

поиски работы. Вскоре через тов. Зубкова, теперь члена Общества политкаторжан, и тов. Клинова, члена заводского комитета, я уже работал на заводе «Русский Рено» на Сампсоньевском проспекте Выборгской стороны. Правда, временно начал работать в автоматной мастерской не по своей специальности шофера, так как в гараже не было свободных вакансий, но моя «временная» работа в автоматной продолжалась до самой Октябрьской революции.

«Русский Рено» работал в две смены, выполняя срочные военные заказы. Рабочих на заводе было около двух с половиной тысяч, большинство работало женщин.

По революционному настроению завод наш считался одним из боевых на Выборгской стороне. С первых дней февральской революции он послал в Петроградский совет рабочих депутатов своего бессменного делегата-большевика И. С. Ашкинази.

О настроении товарищей по заводу можно судить по результатам голосования при выборах заводского комитета, которые случайно сохранились в моей записной книжке. В нашей смене из 1094 голосов подано было: за большевиков — 906 гол.; за с.-р. (интернац.) — 92 гол. и за оборонцев — 62 гол.

Сохранились еще результаты голосования при выборах ревизионной комиссии заводского комитета.

Из 1242 человек нашей смены было подано 1020 бюллетеней, т. е. голосовало около 82%.

Большевики получили 583 гол. и провели 3 кандидатов; с.-р. (левые) — 78 гол., ни одного кандидата; секция чернорабочих — 166 гол. — 1 кандидата; чернорабочие прокатной мастерской — 29 гол. — без кандидата, и беспартийные — 111 гол. — 1 кандидата. Испорченных бюллетеней — 53.

Эти результаты двух голосований ярко характеризуют настроения нашего завода перед октябрьскими днями.

17 октября 1917 года на общем собрании после доклада т. Ашкинази было принято постановление приступить к организации Красной гвардии.

Сначала сорганизовались две гвардии: «красная» и «черная». «Черная» была организована анархистами, но так как среди анархистов-коммунистов и анархо-синдикалистов шли большие раздоры, то в нее записалось лишь около 40 человек и она впоследствии влилась в Красную гвардию, число которой быстро перевалило за 150 человек. Такое как будто незначительное число красногвардейцев на нашем заводе об'ясняется большим количеством работавших на нем женщин.

Немедленно на заводском дворе начались ежедневные строевые занятия. Шли они под руководством б. унтер-офицеров царской армии, побывавших уже на империалистической войне. Занятия велись сначала без оружия, хотя оно у нас имелось, правда, в незначительном количестве еще со времени корниловского заговора.

Через несколько дней члены Красной гвардии были сняты с работы у станков, поселены в специальном помещении и перешли на военный режим. С этого времени я стал жить на заводе. Главный корпус завода разделялся хорами на два этажа. Здесь и разместился отряд. Наши плотники устроили отдельный вход, стояки для винтовок, нечто в роде нар, и сколотили два стола. Военная жизнь закипела. А внизу попрежнему грохотали станки, гремело железо, сменялись смены. Завод не останавливался ни на минуту ни до, ни в октябрьские дни. Первое время мы не могли спать под постоянным грохотом и шумом завода. Но впоследствии, после длинных утомительных дежурств и в такой обстановке мы засыпали мертвым сном. Спать приходилось не раздеваясь, а так как в корпусе при открытых дверях было довольно прохладно, то все спали в пальто и шинелях. К этому времени я раздобыл себе настоящую военную шинель, реквизировав ее у знакомого драматурга Александра Сергеевича Вознесенского. Не помню, вернулась ли ему эта шинель, но помню, что под конец она имела вид страшно истерзанной и грязной.

Наш отряд дежурил круглые сутки: часть красногвардейцев уходила патрулями по району, часть дежурила при штабе Красной гвардии Выборгского района, остальные отсыпались в нашем помещении. Приходилось ездить и к Смольному, где охрану несли красногвардейцы различных районов поочереди. Во время дежурств питались бесплатно в штабе или в столовой Смольного. Работала и наша заводская столовая. Получали сахар, кажется, папиросы и усиленный хлебный паек. О жалованьи вопрос у нас не ставился, но впоследствии нам выплатила администрация и поденно и за все наши «сверхурочные» дежурства. Это, пожалуй, первый случай, когда буржуазия аккуратно заплатила нам за каждый час работы на революцию. В моей записной книжке сохранилась запись без даты, очевидно выписка из расчетной книжки:

«За Красную гвардию почасно 248 р. 40 к., поденно 165 р.

За последнюю неделю — 64 р. 04 к.».

Первые дни штаб Красной гвардии помещался на Сампсоньевском проспекте в помещении бывшего трактира, недалеко от завода «Новый Леснер». Назывался он кажется «Зима». Позднее штаб перевелся на Лесной проспект, около Финляндского вокзала, и здесь оставался уже до конца переворота, лишь выделив отдельно пункт Красного креста. Под него была взята большая квартира в одном из близлежащих переулков. И врачи и сестры тоже дежурили круглые сутки и спали в этом же помещении. Горячий чай, хлеб и сахар на столе не переводились тоже круглые сутки. Обед доставлялся из штаба, с которым у нас имелась телефонная связь.

Кажется, 24 октября получились на заводе сведения, что в районе Лесного появились казачьи патрули. Решили сделать разведку. Грузовик с бою брался красногвардейцами, желавшими принять участие в экспедиции. Никаких казаков мы не встретили. Лишь позднее мне удалось узнать причины тревоги: она была вызвана тем, что группа офицеров авиационной школы сделала попытку разоружить отряды Красной гвардии.

25 октября была произведена перерегистрация наличного состава нашего отряда и заводским комитетом нам были выданы членские билеты, которые одновременно служили и пропусками при входе и выходе из завода. Это был небольшой лист бумаги с текстом, напечатанным на гектографе за подписью т. Берзина, начальника нашего отряда, и снабженный печатью Исполнительной комиссии при заводском комитете нашего завода. Этот документ у меня случайно сохранился и до наших дней. Сохранился и один из пропусков на машину для проезда по городу. Писались они на ленточке папиросной бумаги, но уже на пишущей машинке и были снабжены печатью штаба Красной гвардии Выборгского района.

Первое время при штабе нашего района поочереди дежурили машины с заводов, в случае же нужды вызывались с заводов дополнительные машины, часть которых впоследствии была прикреплена к штабу. К этому времени в штабе завелись уже свои «собственные» машины, реквизированные на улицах. Все это совершенно оторвало нас, шоферов, от своего отряда и я встречался с товарищами или в штабе или в Смольном. Сначала я был прикомандирован и работал при штабе, а затем был переброшен для обслуживания пункта Красного креста.

Как я уже писал вначале, две недели Октябрьского восстания слились сейчас у меня в одно целое. Календарь для меня перестал существовать. Мы не раздевались; если спа-

ли, то чаще всего днем. Не помню случая, чтобы ночью у нас не было работы.

Из этого сводного длинного «дня» бессвязными островками всплывают в памяти отдельные моменты. Так, например, ярко вспоминаются поездки за винтовками на завод «Вулкан», расположенный на набережной реки Невки. Туда были свезены ящики с винтовками для Выборгского района. На заводском дворе, отделенном от набережной высокой красивой железной решеткой, были навалены горы этих новеньких продолговатых, похожих на гроб ящиков, стянутых железными обручами, только-что доставленные с государственного Сестрорецкого оружейного завода.

Ночь. Двор залит светом электрических фонарей. Вокруг ящиков копошатся рабочие, вооруженные ломами и топорами. Двор забит грузовиками. Но очередь строго соблюдается. Беспрерывной лентой входят через высокие ворота один за другим отряды Красной гвардии. Принесенными с собой инструментами тут же вскрываются ящики, винтовки разбираются по две на человека и разносятся по заводам. Представители заводов, приезжающие на машинах, забирают винтовки целыми ящиками. Работа идет без передышки быстро и сосредоточенно. В эту ночь весь наш отряд получил оружие. Не помню, откуда мы возили патроны и ручные гранаты. Вероятно, из Петропавловской крепости, так как помню, что там приходилось быть много раз.

Работа при штабе началась с ночных разведок по району. Помню одну из первых разведок в районе «Крестов». Улицы не освещались, полный мрак. На перекрестках останавливают патрули. То-и-дело приходится останавливать машину и пред'являть пропуск. И в темноте не знаешь, кто тебя останавливает. Свои? — Чужие? Держишь машину на скорости, одной рукой протягиваешь пропуск, в другой наготове наган. Особенно неприятно и напряженно положение шофера. Ведь каждый раз при отправке в разведку приходится выслушивать, как инструктор раз'ясняет красногвардейцам, что первым делом при встрече с машиной противника необходимо выводить из строя шофера, первый выстрел по шоферу.

И я больше любил работу при Смольном, где работа была более веселая и разнообразная.

Через несколько дней меня перекинули в распоряжение пункта Красного креста, где я и оставался до взятия Зимнего дворца.

Поздно вечером я получил распоряжение отправиться на машине с Красным крестом к Зимнему дворцу. Пришлось

подождать пока соберутся санитары и санитарки. Выехал я уже ночью. Переезжая Литейный мост, мы услыхали выстрелы с «Авроры». Свернув с набережной на Миллионную улицу, которая была погружена в полную тьму, мы попали под пулеметный огонь со стороны дворца. Санитары-мужчины с машины сбежали. Накрапывал дождь и так как санитарки сидели со мной рядом и были со всех сторон закрыты брезентом, то они остались на месте, повернуть же длинную машину, что в первый момент очень хотелось сделать, было невозможно. Но выстрелы в нашу сторону вскоре прекратились да и мы были уже под самой стеной дворца вне выстрелов. Очевидно борьба с дворцом уже заканчивалась. Я вывел машину на площадь и остановился под прикрытием пьедестала Александровской колонны. Площадь была ярко освещена светом, падавшим из окон Зимнего дворца. Там были освещены все окна. Юнкера стреляли уже с верхних этажей и крыши. Продолжался бой и у ворот во внутренний двор, где из длинных поленьев юнкерами и женским батальоном были устроены баррикады. Скоро юнкера отступили во внутренний двор, побросав винтовки. Винтовки брались нападающими нарасхват, чуть не с бою. Посчастливилось и мне захватить винтовку, показавшуюся мне легче и короче нашей.

Борьба за Зимний со стороны площади уже заканчивалась. И действительно, скоро мимо нас красногвардейцы с матросами провели на Миллионную взятый в плен женский батальон Керенского. Их вели для размещения в казармы Павловского полка на Марсово поле. Выстрелы теперь слышались лишь со стороны набережной. В раскрытые под'езды дворца с площади непрерывно вливалась Красная гвардия, матросы с вкрапленными среди них солдатскими шинелями и просто обыватели, глядевшие на осаду.

Оставив у машины своих санитарок, я проник во дворец. Внизу в под'езде все пространство обширной прихожей было завалено громадными ящиками. Готовилась эвакуация Зимнего дворца в Москву. Ни убитых, ни раненых здесь не было видно. Вместе с толпой я поднялся по широкой лестнице во второй этаж. Лишь местами на ступенях ее виднелись следы крови и обрывки бинтов. Никаких других следов только-что бывшей битвы. Раненых должно быть успели эвакуировать выше. В верхнем этаже встретил я раненых, но это оказались раненые на фронтах еще империалистической бойни. Все они были в больничных темносиних халатах, многие на костылях. Они казались совершенно спокойными, будто происходящее кругом их совсем не интересовало. Оказалось, я попал в помещение временного госпиталя.

Вслед за толпой, которая в розысках юнкеров стремилась вверх, попал я на чердачное помещение, где жили дворцовые слуги. Это уж совсем невзрачные помещения, тесные, с низкими потолками. Жили тут повидимому довольно скученно. От мебели не повернешься. Поиски юнкеров и здесь не дали никаких результатов. При розысках вся обстановка была перевернута. Жильцов налицо не оказалось, вероятно они были эвакуированы юнкерами, так как в некоторых комнатах еще стояли пулеметы. И уже тут были замечены нами первые попытки к расхищению незавидных домашних вещей служащих. С улицы в первые минуты несмотря на поздний час попало много постороннего элемента.

Но, когда я спустился вниз, оказалось, что двери в под'езде уже заперты и охраняются. И снаружи и внутри стоят патрули Красной гвардии и все подозрительные обыскиваются.

Я вернулся к своей машине. На площади уже тихо. Выстрелы прекратились. Наши раненые, очевидно, уже отправлены в госпитали. Я прибыл с машиной слишком поздно. Но тут же на площади, недалеко от поленицы дров, я подобрал двух раненых юнкеров из школы прапорщиков. Один ранен в голову, он без шапки, пуля попала в лоб. Другой ранен в руку. Но и этих раненых толпа матросов хотела расстрелять. Насилу удалось их от этого отговорить. Но матросы поставили условием, что они будут лично сопровождать раненых. Повезли их в школу прапорщиков на Кирочную улицу. Машину остались караулить матросы. В госпитале мы застали только фельдшера, оперировать было невозможно. Иду в главный корпус, чтобы позвонить в наш пункт и посоветоваться, что делать с ранеными. Выясняется, что наш пункт перегружен работой и решаю оставить раненых на попечении фельдшера.

Мне казалось, что я попал в другое царство. Поражала, после наших «окопов», необычайная чистота школы, тишина. Все в струнку, руки по швам. Юнкера же наоборот с большим удивлением слушали мои переговоры со штабом. Они оказались совершенно отрезанными от жизни. Не знали, что делается на улице, что Зимний уже взят Красной гвардией. Оказалось, что утром вся школа, кроме оставшихся для ее охраны юнкеров, выступила на охрану дворца, при чем их не предупредили, куда их поведут. Перед уходом им было выдано по пяти патронов. Очевидно запасы патронов заблаговременно были завезены во дворец. У нас с юнкерами началось нечто в роде митинга. Матросы, охранявшие мою машину, не видя меня долго, решили, что я захвачен юнкерами. Они ворвались в школу и требовали моего освобождения. И также приняли участие

в нашем митинге. Юнкера считали себя обманутыми и были отнюдь не на стороне Керенского.

Прошло только пятнадцать лет со времени Октябрьской революции и уже так многое забыто, вычеркнуто из памяти. Нет возможности изо дня в день проследить за сменой событий. Прежде всего запутан порядок событий. И сейчас совершенно не помню, что было сначала: выступление ли отрядов Красной гвардии Выборгского района в Царское село, юнкерский ли захват Михайловского манежа или бои под Пулковом.

Выступление Выборгского района (быть может, совместно с Петроградским районом) было в начале ноября. Сборы начались еще с раннего утра. Долго строились колонны. Цель сборов мало кому была известна. И лишь только к вечеру мы выступили по направлению к Царскосельскому вокзалу. Лента Красной гвардии вытянулась на много кварталов. Сзади тянулись колонной мы на грузовиках. Везли пулеметы, ящики с патронами, прочую аммуницию и хлеб. Двигались долго и медленно через Литейный и Владимирский к вокзалу. Было сыро, моросил дождь. На вокзале потребовали у начальника вокзала паровоз, так как последний перед нашим приходом железнодорожниками был отцеплен. Пришлось угрожать револьвером, и только тогда начальник станции решил подчиниться силе и паровоз был снова прицеплен. Мы погрузили свои пожитки, быстро перетаскав их через боковые ворота вокзала, через них же втянулась и красногвардейская лента. Мою машину вернули в район и я лишь на следующий день узнал подробности экспедиции.

Ни наши, ни на вокзале не знали, где находится фронт Керенского. Было лишь известно, что до Царского села дорога свободна. Наши благополучно добрались до Царского, высадились, а затем получили откуда-то сведения, что фронт они проехали и находятся в тылу у Керенского. Это произвело переполох и с тем же поездом часть экспедиции вернулась назад. Часть же примкнула к солдатским отрядам, которые образовали заслон между Керенским и Петроградом.

Керенский же в это время только собирался наступать на Царское.

Остались в памяти у меня и клочки воспоминаний о ноябрьском юнкерском восстании, когда ими были захвачены броневые машины в Михайловском манеже, телефонная станция и гостиница «Астория».

Мы получили задание из штаба выехать на Марсово поле и взять под обстрел Инженерный мост. Поставили на грузовик «максима», несколько ящиков с лентами, вооружились гранатами и отправились. Но должно быть нам было дано

неточное задание. Мы перепутали мосты и установили пулемет вдоль по Садовой со стороны Марсова поля. Нужен же был Сампсоньевский мост. Одним словом, простояли мы даром около двух часов. В нашем районе все было спокойно и ни с чем мы вернулись в штаб. Получили там нахлобучку и уже с инструктором выехали к телефонной станции взять под обстрел выход с Морской улицы на Невский проспект. В это время захваченная с утра юнкерами телефонная станция уже отбивалась матросами.

Проехали арку генерального штаба и на углу Невского, повернув машину, установили пулемет по направлению к Морской улице. Морская недалеко от Невского делает изгиб, который скрывал от места нашей стоянки телефонную станцию. Выслали гранатчиков для разведки и выяснили, что телефоная станция обстреливается, а вдоль Морской от станции до гостиницы «Астория» ходит юнкерский броневик. Мы приготовили пулемет, хотя у нас не было специальных лент против броневиков. В нашем районе броневик так и не появился, а вскоре он был подбит матросами при выезде на Мариинскую площадь. Гранатами ему взорвали колесо. После этого началась атака станции и вскоре юнкера были оттуда выбиты.

Из моих путешествий этого времени вспоминается моя поездка на Пулковский фронт. Это было, должно быть, уже после 10 ноября. Моя машина дежурила в Смольном. Под вечер нагрузили мой грузовик различной воинской аммуницией и предупредили, что скоро едем в Пулково. Машина не имела освещения и являлась старым инвалидом. С трудом удалось мне добиться свечки, я вставил ее в передний фонарь. Освещение получилось совсем незавидное. Но отказываться от поездки я не хотел, да и интересно было попасть на фронт. Со мной вместе выезжал легковой автомобиль с исправным освещением и мы условились, что он пойдет впереди показывать мне дорогу и не бросит меня в темноте. К тому же моя перегруженная машина не могла дать большой скорости. Но легковая не выполнила своего обещания. Лишь только выбрались мы на Московское шоссе, как она прибавила ходу и после первого заворота я потерял ее из виду. На этом шоссе мне приходилось быть в первый раз. Где находится деревня, в которой нужно было остановиться, я не знал. Моя свечка не могла осветить шоссе, тонувшее в сплошной темноте. Даже в двух шагах не видно было полотна шоссе. И как я ни старался держаться середины, меня все время тянуло вправо в канаву, которая отделялась от шоссе каменными столбиками. Кончилось тем, что я все же на них напоролся и погнул переднюю ось. Грузовик стал. Инструментов на машине не оказалось.

Исправить повреждение я был не в состоянии. Погода стояла отвратительная. Начался дождь. Пошел искать какой-нибудь инструмент. Отойдешь несколько шагов и огонек машины чуть виднеется — боишься отойти далеко: не найдешь потом и машины. Да и свеча каждую минуту может потухнуть. Чуть сошел с шоссе, — грязь непролазная. После часовых поисков мне посчастливилось в каком-то домике раздобыть лом и кое-как привести в порядок погнувшуюся ось.

Начало уже светать, когда я двинулся дальше. А до своей деревни добрался лишь утром, продрогший, голодный и злой на бросивших меня товарищей.

Штаб стоял в глубине двора посредине села. В'езд во двор разворочен попавшим казацким снарядом. Казаки стреляли со стороны Пулкова. Поручив машину часовому, я ввалился в помещение и меня поразило после петроградской голодовки изобилие съестного. Грудами лежало масло, сахар, колбаса и хлеб. Согревшись, я завалился спать.

Дела наши разворачивались хорошо, казаки отступали, орудийная перестрелка совсем затихла.

В обратную дорогу меня нагрузили солдатскими сапогами. Машину набили до отказу. Навалили без всякого счета. Ни накладной, ни записки, ни адреса:

— Там сдашь, в Смольном.

По знакомой дороге доехал без приключений. Провианту на дорогу дали много и обратный конец мне не показался уже таким бесконечным. Доехал я засветло.

Только очень долго пришлось бродить по Смольному и добиваться, чтобы кто-нибудь принял от меня сапоги.

Хорошо еще, что в этот день на охране Смольного стоял наш завод и было кого поставить на охрану привезенных мною сапог.

Так, изо дня в день, меняя машины и «начальство», тянулась моя невидная и незавидная работа шофера. Переездил я за это время на многих машинах, пересаживаясь с грузовика на легковой. Пришлось даже поработать на шикарном директорском шестицилиндровом «Рено». Вскоре профсоюз выдвинул меня на работу в учреждении, где в то время свирепствовал саботаж служащих и интеллигенции, я перекочевал с машины в министерский кабинет графини Паниной и началась моя работа секретарем Народного комиссариата государственного призрения

М. Сафонов

Эпизод

Я только-что приехал в Петроград из Туркестана. Приехал со срочным деловым поручением в Петроградский союз рабочих потребительских обществ (Петросоюз), правление которого было сплошь меньшевистское.

В Петросоюзе царила общая растерянность: никто не хотел давать никаких обязательств или поручений даже на завтрашний день. Уклонялись даже от переговоров и все почему-то бегали и шушукались, как бы подчеркивая, что больше всего заняты отнюдь не нормальной текущей работой.

В смысле выполнения моего поручения день пропал совершенно зря.

Не имея связи ни с каким руководящим центром, я мог воспринимать все только в порядке личного наблюдения. Я не знал, что готовится, что может и должно произойти, но скачок из сонных приаральских песков в бурливый Петроград чрезвычайно обострял потребность узнать, разобраться, принять активное участие, однако противоречивая неразбериха слухов, докатившихся через десятые руки, только запутывала ориентировку.

*

Около 8 часов вечера я был еще в нашем политкаторжанском общежитии (Покровская, 1), когда вбежал один из панических членов общежития с сообщением, что «на Невском стрельба и он еле-еле ноги унес».

У меня это вызвало обратное действие и, быстро одевшись, я побежал на Невский.

То ли наврал со страху наш «осведомитель», то ли за прошедший час изменилась обстановка, но никакой стрельбы не было и (между Садовой и Знаменской площадью) Невский был, как всегда, заполнен народом.

Однако, на квартале между Садовой и городской думой народу было заметно меньше, а стоявшие возле думы сол-

датские патрули к Полицейскому мосту не пускали вовсе. Кем поставлены? Кого и почему не пускают? Все это удалось выяснить не сразу, но наконец узнали, что Зимний дворец оцеплен со всех сторон.

Интересно отметить, что пока мы бродили по отдельным патрулям солдатского оцепления, пытаясь проникнуть на Дворцовую площадь, нас было человек двадцать, но как только стало известно, что внутри солдатской цепи расположены матросы и Красная гвардия, наши спутники сразу растаяли и осталось только двое — я и депутат из Минска (фамилию забыл), с которым мы решили пробраться во что бы то ни стало во внутрь оцепления.

На Кирпичном переулке либеральный подпрапор, начальник солдатской заставы, преисполненный уважения к депутатскому мандату моего спутника, пропустил нас обоих, но на углу Морской и Невского нас остановил матросский патруль и лишь после настойчивого требования «пропустить нас домой» (якобы в адмиралтейство) — нас пропустили. Но этой ложью определилось направление нашего пути (к началу Невского) и нам не удалось выяснить, кто находится и что делают возле ведущей на Дворцовую площадь арки главного штаба.

При выходе с Невского к адмиралтейскому скверу (Александровскому саду) нас снова остановил смешанный матросско-красногвардейский патруль. Заявление, что мы «свои» и «уже пропущены» не вызвало никаких пререканий и нас только предупредили, что из Зимнего дворца стреляют даже по отдельным прохожим. Узнали, что дворец занят юнкерами и женским батальоном, что внутри двора казаки и что все правительство Керенского также во дворце.

В противоположность мраку, царившему в кольце улиц, окружающих Зимний дворец, проезд между дворцом и адмиралтейством был ярко освещен. На Дворцовом и Биржевом мостах также горели электрические фонари.

Повидимому, наша сугубо штатская безоружная внешность никого не настраивала на воинственный лад, и до угла Адмиралтейской набережной мы дошли без всяких приключений, но, завернув налево за угол, увидали, что, прижавшись к домам, растянулась матросская цепь.

Нас сразу же остановили и, несмотря на просьбу пропустить «к Николаевскому мосту», категорически заявили, что «без пропуска — ни шагу», а к Николаевскому мосту предложили итти через Дворцовый мост (по Васильевскому острову).

Было уже часов 10 вечера, когда мы находились на средине Дворцового моста. Он (как и Дворцовая площадь и Дворцовая набережная) был абсолютно безлюдным.

В это время из дворца разнобойно, один за другим, грянули несколько винтовочных выстрелов.

Повидимому, не пропустившие нас на набережную матросы несколько отошли от стен и подались к углу адмиралтейства. Стреляли из дворца по ним. Среди них произошла какая-то торопливая передвижка. Кажется, кого-то из них ранили.

Я остановился среди моста и, подняв руку, зычно крикнул: «перед лицом истории свидетельствую — начали керенцы!»

Стыдно вспоминать про эту комическую попытку докричать до «истории», но в выкрике этом отразилась необычайная спутанность и куцость политического мышления, по которому как будто выходило, что неправ тот, кто производит первый выстрел.

Но жест был замечен. Из дворца грохнуло еще два выстрела и пара пуль провизжала около нас.

Мы прибавили шагу, а минский депутат решительно потребовал: «не демонстрировать»...

Васильевский остров с моста казался совершенно безлюдным, но, когда мы сошли на набережную, оказалось, что за ее гранитной оградой сидят и лежат вооруженные винтовками люди, — примерно, рота солдат (с белым околышем) и столько же вооруженных рабочих.

То, что по нас стреляли из дворца, послужило лучшим пропуском: нас безо всякого опрашивания приняли за своих.

Куда девался минский депутат — не помню, а я очутился в группе рабочих направо от моста...

Стрельба из дворца прекратилась. Окна дворца были темны. Он казался безлюдным. Под домами Адмиралтейской набережной маячили темные фигуры матросской цепи. Из-за Николаевского моста во все стороны стреляли лучами прожекторы крейсера «Аврора». Наша цепь, притаившись, лежала на граните. Закуривая цигарки, отдельные фигуры низко пригибались к тротуару.

— Это здесь какой отряд расположен? — спрашиваю я.

— Добровольцы.

— А вы не заметили, о т к у д а стреляли из дворца?

— Из угловых окон второго этажа... и с балконного выступа тоже.

— А почему вы по ним не стреляли? Ведь вам же удобнее, чем матросам с Адмиралтейской?

— А об'явить себя нельзя: крепость неизвестно за кого, а ведь вот она.

Поворачиваюсь к западным кронверкам крепости и вижу, что мы против нее совершенно беззащитны: никакого прикрытия на набережной Васильевского острова нет и нас — хоть картечью — можно всех перестрелять, как куропаток.

— Н-да-а.

Помолчали.

— А там, во дворце-то, знаете кто?

— Известно кто: казаки, юнкера да керенские бабы.

Несмотря на всю несложность ответа, в нем чувствуется и об'яснение, почему они ополчились против Зимнего дворца.

Ловлю себя на том, что и у меня отсутствуют какие бы то ни было другие побудители, и для меня все исчерпывается фактом: там — юнкера, казаки и керенские бабы, а здесь — рабочие и матросы...

Опять помолчали.

— Ну, а вдруг крепость по нас хватит?

— Тогда, кто останется,— спасайся прямо в окна, в академию или за биржу... или на Университетскую линию.

Ясно представляется два конца.

Если крепость «хватит», те, кто «останется», разбегутся, распылятся, превратятся в неуловимую и бесправную человеческую пыль. Если «не хватит»,— классовая группа добровольцев стоит наготове, для возможного боевого использования; может быть вырастет в большую боеспособную силу. Но пока эта опасность со стороны крепости еще не обнаружилась, пока, может быть, в самой крепости ожидают, по ком будет стрелять эта кучка — она не расходится, хотя и знает, что над ней висит смертельная угроза поголовного истребления. Истребления в несколько секунд...

Было, помнится, без 20 минут 11 часов, когда (после нескольких новых ружейных выстрелов из дворца) вдруг с крепости гулко бухнул орудийный выстрел. Потом почти тотчас же второй...

Всем стало ясно, что крепость послала снаряды в Зимний дворец.

Не было никакой команды, но тем неподдельнее, тем значительнее прозвучало единодушное «ура», которым сразу покрылся весь наш отряд.

Даже безо всякой нужды, просто, как восторженный порыв, загремели от нас выстрелы по Зимнему дворцу. Потом сразу же крики: «Стой! — Стой!»

Остановились.

— В чем дело?

— Чего зря патроны тратить!.. Может, наши уже с той стороны дворец занимают!

*

Всякий раз, когда этот эпизод и десятки ему подобных всплывают в памяти,— начало Октябрьской революции представляется мне в виде действий частей пролетариата, созревшего для классового протеста, каждое из которых способно было дать лишь маленькую вспышку, лишь отдельную, лишь небольшую волну.

И откатились бы далеко назад эти волны и затихли бы в собственной крови эти вспышки, если бы не было главного штаба революции, если бы не было стоящей на страже, выдержанно классовой партии пролетариата.

Это она — мозг пролетариата — отдельные вспышки превращала в общий пожар, об'единяла разрозненные волны и направляла их в единое русло.

Это она давала политруководство; росла вместе с массой; вместе с нею захватила аппарат государственной власти, овладела производством огромной страны, построила фундамент социализма и подошла всем многомиллионным массивом к построению бесклассового человеческого общества.

В. Деготь

Разгон учредительного собрания и III с‘езд советов

15 лет прошло с тех пор, как рабочий класс под руководством коммунистической партии захватил власть. Много пережито за это время. В эпоху гражданской войны, продолжавщуюся несколько лет, вооруженные до зубов внутренние и внешние враги делали все, чтобы уничтожить советскую власть, но рабочие и крестьяне отстояли свою власть и уничтожили капитализм, не дав возможности помещикам и фабрикантам восстановить буржуазный строй.

Парижская Коммуна, державшаяся 2 месяца и 10 дней, представляла собой зачатки советской власти, но буржуазия с ней расправилась беспощаднейшим образом. Умудренная опытом Парижской Коммуны наша партия не допустила тех ошибок, которые были сделаны руководителями Парижской Коммуны. Наша партия из опыта Коммуны взяла лишь все то, что было в нем положительного. Помимо того, она изучила опыт всех буржуазных революций, в которых буржуазия всегда, борясь за власть, использовывала рабочий класс в качестве пушечного мяса, а в дальнейшем беспощадно расправлялась с ним, отбирая у него все завоевания, сделанные в период революции. Особенно это наглядно показала революция 1848 года во Франции. Наша партия под руководством Ильича не дала возможности русской буржуазии использовать рабоче-крестьянские массы так, как их использовывала буржуазия в других буржуазных странах. Только два месяца и 10 дней продержалась Парижская Коммуна. Мы же прошли 15 лет и, оглядываясь назад, можем сказать, что никакая сила в мире не уничтожит диктатуру рабочего класса.

В период гражданской войны были разгромлены классовые враги, пытавшиеся с оружием в руках уничтожить диктатуру пролетариата. Перейдя к мирному строительству, мы и внутри партии имели противников, которые хотели повести партию не по ленинскому пути, а некоторые из них, как

Троцкий и его единомышленники, полностью перешли на сторону контрреволюции. Коммунистическая же партия, разгромив всех тех, которые тянули революцию назад и хотели под флагом Ленина извращать ленинизм и революционный марксизм, продолжала итти своим путем, намеченным тов. Лениным. Несмотря на ряд трудностей, нам удалось построить фундамент социализма, и рабочий класс и крестьянство продолжают под руководством партии строить свою социалистическую страну.

Зная, какую огромную ценность представляет для пролетариата капиталистических стран опыт нашей гражданской войны и соцстроительства, мы обязаны детально изучить все происходившее за эти 15 лет. Мы — деятели социалистической революции — должны по мере своих сил зафиксировать пережитое, показать, как партия под руководством гениального вождя тов. Ленина привела рабочий класс к победе. В этих целях мы остановимся здесь на разгоне учредительного собрания и 3-м с'езде советов (к сожалению, стенографического отчета этого с'езда советов не имеется).

Как известно, до февральской революции созыв учредительного собрания был не только лозунгом меньшевиков и эсеров, но и лозунгом нашей партии, выставленным еще задолго до возникновения советов. Изучив роль советов в революции 1905—6 гг. и в особенности в первые же недели после февральской революции 1917 г., В. И. Ленин был первым и единственным вождем пролетариата, сумевшим пророчески предвидеть, что советы рабочих депутатов являются той формой власти, которая в состоянии привести пролетариат к окончательной победе.

С этого времени лозунг — «Вся власть советам рабочих депутатов» стал боевым лозунгом нашей партии. Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным еще до Октябрьской революции, до величайшей победы пролетариата, естественно не могло отразить подлинных настроений широчайших масс рабочего класса и крестьянской бедноты. Ко времени Октябрьской революции эти массы убедились в том, что партии меньшевиков и эсеров много обещают и занимаются болтовней, а на деле помогают буржуазии укрепиться, что война продолжается, земли помещики не отдают, смертные казни восстанавливаются, тюрьмы переполняются, расстрелы рабочих и крестьян продолжаются, — убедившись в том, что ни одно из требований не выполняется, массы отшатнулись от этих мелкобуржуазных партий. Но указанные нами изменения в настроении масс не могли не отразиться и на настроениях низов соглашательских партий. Так, напр., в партии социалистов-революционеров произошел раскол на левых и правых. Левые

социалисты-революционеры, как и подобает мелкобуржуазным революционерам, были идеологически очень неустойчивы, но под напором масс стали высказываться даже за идею советской власти, но как это впоследствии выяснилось, вкладывали в нее свое, мелкобуржуазное понимание. Однако, потому что списки кандидатов в члены учредительного собрания составлялись в такой период, когда в партии с.-р. господствовало правое крыло, то, естественно, что левые эсеры, в дни Октябрьской революции и вскоре после нее пользовавшиеся большим, чем правые эсеры, влиянием на крестьянские массы, в учредительном собрании были представлены далеко несоответственно своему влиянию. Таким образом, «учредилка» еще до своего открытия оказалась уже пройденным этапом русской революции.

Большинство членов «Учредилки»», принадлежавшее как раз к тем партиям, власть которых была свергнута во время Октябрьской революции, несмотря на изменившиеся настроения пролетариата и крестьянства, восставших против соглашательской политики этих мелкобуржуазных партий, — высказалось против советской власти, против диктатуры пролетариата, против социалистической революции. Большинство членов учредительного собрания в первом же его заседании открыто стало на сторону контрреволюции, стремясь стать всероссийским центром всех антиреволюционных сил.

Естественно, что при такой ситуации разгон котрреволюционного центра должен был стать вопросом жизни и смерти еще недостаточно окрепшей диктатуры пролетариата.

18 января 1918 года открылось учредительное собрание, которому советским правительством был предложен проект декларации прав трудящихся. В декларации об'являлось, что вся власть в центре и на местах принадлежит только советам, что Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как Федерация советских национальных республик, что частная собственность на землю отменяется и вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства об'является достоянием всего трудящегося народа. В качестве выполнения одного из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала об'являлось, что все банки переходят в собственность пролетарского государства. Прокламировалась организация социалистической Красной армии из рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов. Аннулировались все займы, которые получила царская Россия.

Этот проект декларации, прочитанный тов. Свердловым, меньшевики и эсеры не хотели даже обсуждать. Этим самым они отвергли его и председатель учредительного собрания В. Чернов в своей длинной бессодержательной речи доказывал, что «единственной» верховной властью Российского государства является учредительное собрание... Учредительное собрание представляет собой самое живое единство всех народов России и потому уже фактом открытия провозглашается конец гражданской войне между народами, населяющими Россию». (Стен. отчет учредительного собрания, стр. 11.) Этим он сразу подчеркнул, что никакой советской власти он и его единомышленники не признают.

До открытия учредительного собрания, 3 января, было издано постановление ВЦИКа, в котором говорилось: «На основании всех завоеваний Октябрьской революции и согласно принятой на заседании Центрального исполнительного комитета 16 (3) января с. г. декларации трудового и эксплоатируемого народа вся власть в Российской Республике принадлежит советам и советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы». (Соч. Ленина, т. XXII, стр. 179.) Это постановление предостерегало учредительное собрание от попыток борьбы против Октябрьской революции, указывало, что такие его действия будут считаться контрреволюционными и советская власть поступит в таком случае с ним так, как нужно поступать с врагами народа.

Большевистская фракция резко выступила против эсеров и меньшевиков. Тов. Скворцов и тов. Бухарин ясно и четко ставили перед учредительным собранием вопрос — либо за советскую власть, либо против. А так как было давно известно, что лидеры учредительного собрания саботируют советскую власть и активно помогают саботажникам, что они в целях срыва работ в банках и в других государственных учреждениях платили чиновникам и служащим жалованье за три месяца вперед из средств известного миллионера Рябушинского и французского правительства, делая все это для того, чтобы уничтожить советскую власть, то был прав тов. Скворцов, который в своем маленьком выступлении резко заявил, что «между нами все кончено.

Мы делаем до конца Октябрьскую революцию против буржуазии. Мы с вами на разных сторонах баррикады».

В то время, когда в своих длинных речах господа Чернов и Церетелли говорили о святости учредительного собрания и о демократии, ясно было,—что они вместе с буржуазией идут против диктатуры рабочего класса. Исходя из принципа, что Россия переживает только буржуазную революцию, а не социалистическую, принимая во внимание, что народ дескать безграмотный, некультурный, что развитой промышленности нет, что Россия является в большей степени сельскохозяйственной страной, они приходили к выводу, что никакого социализма с таким народом и с такой культурой нельзя построить. Исходя из мелкобуржуазных предпосылок, они быстро перекатились на сторону буржуазии и очутились на другой стороне баррикады, т. е. против советской власти.

Когда вспоминаешь все происшедшее в 1917 и начале 1918 годов, то удивляешься тому, как «такие» партии под руководством «таких» вождей могли иметь в первые дни революции некоторую популярность.

Господа эсеры и меньшевики настолько были политически слепы, настолько не разбирались в происшедших грандиозных событиях, что не заметили факта учреждения диктатуры пролетариата и вели себя при открытии «учредилки» так, как ведут себя буржуазные парламентарии в буржуазном парламенте. Чернов все время прерывал ораторов-большевиков, заявляя, что мол в парламенте нужно быть вежливым, что не должно быть резких слов. Он забыл, что рабочий класс уже уничтожил парламентаризм и создал свой новый государственный аппарат, которого в истории человечества еще никогда не бывало — Советы рабочих депутатов.

Церетелли в своей речи хотел доказать, что большевики, захватив власть и владея ею больше двух месяцев, не успели еще разрешить коренных вопросов русской революции. Эти господа демагогически требовали от советской власти чудес, а сами не только не помогали ей, а на деле руководили саботажниками и контрреволюционерами в целях срыва всех начинаний советской власти.

Но несмотря на эти противодействия и саботаж, результаты деятельности молодой диктатуры пролетариата были большие: захват заводов, конфискация земли, банков, переговоры о мире с Германией. Но для Церетелли это ничего не значило и он в своей речи ехидно доказывал, что, мол, скоро вы провалитесь и вместо вас будет реакция, а не «демократия».

Ильич во время заседания учредительного собрания 6 января написал статью под названием «Люди с того света», в которой говорилось: «После живой, настоящей, советской работы среди рабочих и крестьян, которые заняты делом, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплоатации, — вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, прихлебателей, слуг и защитников. Из мира борьбы трудящихся масс и их советской организации против эксплоататоров, — в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных попрежнему на соглашательстве с капиталистами»... «...Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий, «социального», луиблановского фразерства, Чернова и Церетелли, это нечто нестерпимое» (В. И. Ленин, т. XXII, стр. 182).

Эти господа в своих речах обходили молчанием вопрос о советской власти и об Октябрьской революции, люди с того света говорили обо всем, но только не о том, как строить новое, социалистическое государство.

Когда учредительное собрание отказалось принять предложения советского правительства, большевистская фракция, а за нею и левые эсеры покинули учредительное собрание, предварительно прочтя декларацию, в которой говорилось:

«Учредительное собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до великой Октябрьской революции. Нынешнее контрреволюционное большинство учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем учредительное собрание с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части учредительного собрания» (В. И. Ленин, т. XXII, стр. 180).

И 6 января, по решению ВЦИК'а и по предложению В. И. Ленина, был похоронен навсегда русский буржуазный парламентаризм и издан декрет о роспуске «учредилки».

На чрезвычайном Всероссийском с'езде железнодорожников вопрос о разгоне учредительного собрания не стоял, но по запискам ясно было, что делегаты интересуются этим вопросом. Поэтому Ильич в своем докладе на этом с'езде говорил:

«Советская власть пришла в столкновение с учредительным собранием, и что все имущие классы: помещики, буржуазия, калединцы и их сторонники осыпают нас теперь градом упреков за то, что советская власть распустила учредительное собрание»... Но крестьяне и рабочие «никогда не сомневались в том, что советская власть стоит выше всякой другой власти и что никогда своих Советов, ими выбранных, ими созданных, ими контролируемых и проверяемых, ни рабочие, ни солдаты, ни крестьяне никому и никакому учреждению не отдадут» (В. И. Ленин, т. XXII, стр. 226).

Руководители учредительного собрания хотели использовать питерских рабочих и посредством восстания захватить власть и передать ее учредительному собранию. Несмотря на то, что все это подготовлялось секретно, об этом всем было известно и рабочие на призыв соглашателей не откликнулись. Только контрреволюционные группы хотели поднять восстание, но они были разгромлены и учредительное собрание без всякой поддержки народных масс умерло естественной смертью.

Самое интересное это то, что поздно ночью, несмотря на уход большевиков и социалистов-революционеров, учредительное собрание продолжало заседать, но явился матрос— начальник охраны Таврического дворца — и заявил, что охрана устала и предложил учредиловцам разойтись. Между председателем и матросом произошел следующий разговор, передаваемый мною по стенографическому отчету учред. собр. (стр. 98).

Матрос говорит: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседаний, потому что караул устал» (голоса: «нам не нужно караула»).

Председатель: Какую инструкцию, от кого?

Матрос: Я являюсь начальником охраны Таврического дворца и имею инструкцию от комиссара Дыбенко. Я прошу немедленно покинуть зал заседаний».

Этот матрос — тов. Железняк, по убеждениям анархист, стоявший на советской платформе, который активно боролся с белыми во время гражданской войны и умер, героически сражаясь, руководя бронепоездом против Деникина. Он же во время интервенции Украины, когда французская армия оккупировала Одессу, нелегально вместе с другими товарищами на французском языке издавал газету «La lutte finale», имея полный контакт с большевистским комитетом. На тов. Железняка, вышедшего из народа, выпала честь разогнать контрреволюционное учредительное собрание, а в дальнейшем этот сын народа с оружием в руках умер за диктатуру рабочего класса.

Мне в это время приходилось работать на Украине. В Одессе власть нам еще не принадлежала. Центральная рада, захватившая власть, кокетничала первое время со всеми революционными течениями, но на деле поддерживала все контрреволюционное. Бывшая военщина, перекрашиваясь, становилась в позы ярых украинских патриотов, создавая гайдамацкие военные части, целью которых была борьба с советской властью. А так как командный состав этих частей состоял из монархистов и кадетов, то они легко обманывали солдат, говоря им, что они мол за свободную Украину. Большевикам же приходилось раз'яснять, что эти господа не за свободную Украину, а за сохранение помещиками земель и фабрик капиталистами.

Центральная рада во главе с Винниченко и Петлюрой вела уже секретные переговоры с немецким империализмом об оккупации Украины или, как они выражались, о помощи Украине в деле борьбы с большевизмом. Но несмотря на это, большевизм все больше и больше завоевывал широкие рабочие и солдатские массы. Советы рабочих и солдатских депутатов в своем громадном большинстве переходили к большевикам, армия и флот Черноморско-Румынского фронта также стали на сторону большевиков. Таким образом, на Украине воцарилось двоевластие: с одной стороны, рада и ее представители, а с другой стороны — советы рабочих депутатов. Там, где большевики были слабы, рада разделывалась с ними вооруженной силой.

В Одессе широчайшие рабочие массы и военные части под руководством партии готовились к вооруженному перевороту, целью которого было провозглашение советской власти.

На 3-й с'езд советов украинским советам приходилось почти нелегально посылать своих представителей. Центральная рада не пропускала и арестовывала делегатов, выбранных на 3-й с'езд, так как прекрасно понимала, какую историческую роль сыграет этот с'езд советов, который будет заседать вместо разогнанного учредительного собрания.

От Румчерода, руководившего армией на Румынском фронте и Черноморским флотом, и от Одесского совета на 3-й с'езд советов было послано больше 20 делегатов.

Примерно в это же время состоялся Всероссийский чрезвычайный с'езд железнодорожников и 1-й Всероссийский с'езд профессиональных союзов. Питер притягивал все лучшее, что было в рабочем классе и в армии. Нам, большевикам-делегатам, пришлось быстро организовать нашу поездку, чтобы не провалиться. Сговорившись с железнодорожниками, тов. Очкановым и другими делегатами, которые должны были ехать на с'езд железнодорожников, мы соста-

вили план поездки, который заключался в том, чтобы сделать все возможное, чтобы в Киеве нас не арестовали. Чтобы предохранить себя от ареста, делегаты разместились в вагоне 4-го класса, с той целью, чтобы никто не знал, что в этом поезде едут делегаты, которые обычно на с'езды и совещания ездили в вагонах 1-го и 2-го класса. Каждый из нас по два часа с винтовкою в руках стоял у входа и никого не впускал в вагон, заявляя, что в нем везут секретные документы. Таким образом мы благополучно доехали до Киева, хотя благополучие заключалось только в том, что нас никто не остановил несмотря на то, что масса, бежавшая из траншей к себе домой с оружием в руках, старалась врываться к нам в вагон и приходилось путем длительных раз'яснений, а иногда и силой не впускать ее. Мы не делали никаких в этом отношении исключений, потому что если бы мы дали возможность только одному человеку войти в вагон, нас бы раскрыли, смяли бы и крестьянская масса, которая ничего не хотела знать, а старалась только как можно скорее попасть домой, захватила бы вагон. В Киеве опять благодаря Очканову нам удалось благополучно проехать дальше. Мы только в дальнейшем узнали (проехавши украинскую границу) о том, что были даны телеграммы с приказом о нашем аресте. Мы избежали этого «удовольствия» только потому, что нас искали в мягких вагонах. Так мы пробрались на 3-й с'езд советов и на чрезвычайный с'езд железнодорожников.

В Питере нас разместили в роскошном дворце; в больших комнатах находилось по нескольку человек. На с'езд прибыла масса делегатов — крестьян, солдат и рабочих.

Стояли сильные холода, улицы были засыпаны снегом так, что нельзя было пройти. При нас заставляли нетрудовой элемент чистить улицы и мы своими глазами впервые увидали, как хорошо одетые упитанные буржуи чистят на улицах снег. Мы приехали как раз в то время, когда учредительное собрание было разогнано и когда меньшевики и эсеры хотели поднять восстание против Совета народных комиссаров за учредительное собрание, но из этой попытки ничего кроме фарса не вышло, так как рабочие за ними не пошли.

С'езд открылся 23 января. На нем присутствовало 1 046 делегатов, из которых 942 человека было с решающим голосом и 104 с совещательным; о партийном составе делегатов сведений не сохранилось, но громадное большинство было большевиков и левых эсеров, несколько человек анархистов, меньшевиков, правых эсеров и беспартийных.

На повестке дня с'езда стояли следующие вопросы: отчет ЦИК'а — Я. Свердлова, декларация прав трудящегося и

эксплоатируемого народа, отчет Совнаркома — Ленина, доклад о войне и мире — Троцкого, доклад о Федеративной Советской Республике и по национальному вопросу — Сталина и выборы в ЦИК.

С'езд заседал в Таврическом дворце, там, где заседала при самодержавии Государственная дума, где зубры не давали говорить большевистским депутатам, которые были арестованы и посланы на каторгу за то, что они боролись против войны; там, где только четыре дня тому назад заседало учредительное собрание, представители которого называли себя социалистами, защитниками рабочих и крестьян, на деле хотели отнять все завоевания рабочего класса, сделанные во время Октябрьской революции, вернуть власть обратно помещикам и капиталистам и создать так называемую «демократическую республику». Учредительное собрание, несмотря на поднявшийся вой буржуазной печати во всех странах, было разогнано и на те кресла, на которых сидел цвет интеллигенции буржуазных и мелкобуржуазных партий, сели представители настоящего народа: оборванные, полуголодные, измученные рабочие, солдаты и крестьяне, с'ехавшиеся со всех концов России. В этой аудитории, состоявшей из представителей впервые поднявшихся к политической жизни пластов веками порабощенных самодержавием народов, приехавших сюда с жаждой скорее победить капитализм и стать хозяевами своей страны, — чувствовалась громаднейшая сила.

Делегаты с большим нетерпением ждали доклада Владимира Ильича и когда тов. Ленин появился на трибуне, он был встречен бурной овацией; громадное большинство делегатов стоя приветствовало вождя Октябрьской революции.

Я Ильича не видел с 1913 года. Несмотря на его утомленное лицо, в нем чувствовалась громаднейшая сила; особенно он был хорош, когда отвечал своим противникам.

Владимир Ильич развернул картину того, что было сделано Совнаркомом за 2 месяца и 15 дней. Мартов, Абрамович, Суханов и другие меньшевики и эсеры доказывали, что диктатура рабочего класса противоречит всему тому, за что боролись все революционеры, что большевизм разрушил «демократию». Мартов, возражая Ильичу, заявил, что его (Владимира Ильича) сравнение Октябрьской революции с Парижской Коммуной неправильно, так как, де, «в течение всех 70 дней существования Парижской Коммуны пролетариат Парижа гордился тем, что не нарушил гражданских свобод». Мартов прекрасно знал, что Маркс и Энгельс, изучая историю Парижской Коммуны, пришли к выводам, что Коммуна пала только потому, что она не использовала в

нужный момент вооруженную силу против своих врагов, что вместо того, чтобы перейти в решительное наступление против версальцев, находившихся в 15 километрах от Парижа, чтобы не дать им укрепиться, вожди Парижской Коммуны занимались разговорами и спорами, а версальцы в это время перешли в наступление, разгромив коммунаров. Большевики же сделали иначе: когда генерал Краснов вместе с Керенским наступали на Красный Питер с казаками, они под руководством партии перешли в решительное наступление и разгромили контрреволюцию в самом зародыше.

Пользуясь военной нерешительностью Коммуны, Тьер имел возможность договориться с немецким командованием о переброске французских воинских частей, взятых немцами в плен, на помощь версальцам, которые, воспользовавшись этой силой, разгромили коммунаров, залив улицы Парижа пролетарской кровью. И вот эту-то слабость Коммуны Мартов считал большой заслугой, возражал против применения насилия по отношению к врагам революции, считая, что революцию нужно делать в белых перчатках. Он забыл, что ни одна революция не обошлась без кровопролития и что во всех революциях кровь рабочих использовывалась буржуазией в ее корыстных целях и только в нашей революции — для укрепления диктатуры рабочего класса.

Ильич в своем заключительном слове особенно резко бил противников, он говорил: «Выслушав сегодня ораторов справа, выступавших с возражениями по моему докладу, я удивляюсь, как они до сих пор не научились ничему и забыли все то, что они всуе называют «марксизмом». Один из возражавших мне ораторов заявил, что мы стояли за диктатуру демократии, что мы признавали власть демократии. Это заявление столь нелепо, столь абсурдно и бессмысленно, что является сплошным набором слов. Это все равно, что сказать — железный снег, или что-либо в роде этого» [1].

Меньшевики выдвигали совершенно бессодержательные и ничего незначащие, пускающие пыль в глаза рабочим лозунги, что они, мол, за диктатуру, но за диктатуру демократии, то-есть это значит опять таки учредительное собрание, в котором принимают участие все классы. Это значит за диктатуру буржуазии.

Ленин, продолжая развивать эту мысль, говорил: «И странно, что люди, которые не могут или не хотят понять этой простой истины об определении смысла слов «демократия» и «диктатура пролетариата», осмеливаются выступать перед столь многочисленным собранием с таким старым, никуда не годным хламом, которым пестрят все речи господ возража-

---

[1] Ленин, том XXII, стр. 219.

телей. Демократия — формальный парламентаризм, а на деле — беспрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом. И возражать против этого могут только те, которые не являются истинными представителями рабочего класса, а жалкие человеки в футляре, которые все время стояли далеко в стороне от жизни, спали и, заснув, под подушкой бережно держали старую, истрепанную, никому ненужную книжку, которая является для них путеводителем и учебником в деле насаждения официального социализма»[1].

Помнится, как меньшевики и эсеры нас обвиняли в том, что мы боремся против социалистов и тогда каждый из нас уже видел на деле, как так называемые социалисты пятятся все дальше и дальше в сторону буржуазии, ничего общего не имеющую с социализмом. Было очень много искренних, преданных рабочему классу выходцев из рабочих, которые много лет шли за этими партиями, сидели в тюрьмах, на каторге и первое время никак не могли порвать с прошлым, доверяя своим вождям, думая, что большевики ошибаются, и только в дальнейшем все лучшее, что было в этих партиях, убедившись в том, что осталось только название «социалистическая», а на деле соглашение с Колчаком и Юденичем, ушли от меньшевизма и перешли к большевикам.

Меньшевизм после февральской революции имел большое влияние на профессиональные союзы. Союзы возникали как грибы и меньшевики благодаря революционной фразеологии оказывали на них влияние в такой мере, что Всесоюзная конференция профсоюзов после февральской революции в своем большинстве была меньшевистской.

Большевистская партия как до революции, так и после революции ставила перед собой задачу — завоевание широких рабочих масс, особенно организованных в профсоюзы, и естественно, что не только по советской линии, но и по профессиональной делалось все для того, чтобы рабочие массы шли за большевиками. Ко времени Октябрьской революции, несмотря на то, что центральный руководящий орган профсоюзов был в руках меньшевиков, организованные в союзы рабочие массы в своем громадном большинстве были уже с большевиками.

Каким способом рабочие массы были завоеваны большевиками и почему от меньшевистского штаба ушла армия? Об'ясняется это тем, что меньшевизм, как мы об этом уже говорили, все больше и больше дискредитировал себя в глазах рабочих. Церетелли — министр внутренних дел, лидер меньшевиков — даже издал приказ о разоружении ра-

[1] В. И. Ленин, том XXII, стр. 219.

бочих. Во время июльских событий, когда рабочая масса в Питере вышла на улицу с требованием: «Вся власть советам», в нее стреляли, а министр труда Скобелев и Майский резко выступали против контроля фабзавкомами производства, так как они так же, как и Церетелли, стояли на точке зрения защиты интересов буржуазии.

Большевизм снизу начал завоевывать рабочие массы. Фабзавкомы постепенно перешли полностью на сторону нашей партии; все конференции фабзавкомов и выбранные на них Центральные советы в своем громадном большинстве были большевистскими, несмотря на противодействие меньшевиков, имевших в своих руках весь аппарат профсоюзов. Ко времени Октябрьской революции в руках большевиков были: советы рабочих депутатов, выбросившие меньшевиков и правых эсеров, фабзавкомы и их центральные руководящие органы. Опираясь на эти организации, руководя ими, партия уничтожила одним ударом буржуазное правительство и капитализм.

Во время разгона учредительного собрания заседал не только 3-й с'езд советов, но впервые в истории российского революционного и профессионального движения заседал 1-й с'езд профсоюзов, на котором громадное большинство представителей стало на позиции большевиков, несмотря на то, что меньшевики хотели использовать с'езд против советского правительства и нашей партии, указывая, что учредительное собрание разогнано незаконно. Получив резкий отпор в ответ на эту демагогию, они пытались отвлечь внимание с'езда другим вопросом, доказывая, что профессиональные союзы должны быть независимы от государства. Под таким лозунгом меньшевики старались мобилизовать рабочих не на укрепление диктатуры рабочего класса, а для борьбы с ней.

Лидеры меньшевиков — Мартов и Майский, выступая на этом с'езде, пытались доказать, что Октябрьская революция не социалистическая, а буржуазная, а поскольку она буржуазная, то рабочий класс и профессиональные союзы должны быть независимы от этого государства и бороться с ним. Вот что сказал на этом с'езде от имени делегатов меньшевиков Майский:

«Правая сторона с'езда, с которой я идейно вполне солидаризируюсь, с самого начала русской революции стояла на той точке зрения, что эта революция по своему об'ективному политическому смыслу — революция буржуазная. Исходя из этой точки зрения, мы считали, что профессиональное движение в обстановке буржуазной революции имеет определенные задачи, сущность которых сводится к свободной, независимой классовой борьбе пролетариата за эко-

номические требования и за конечное социалистическое освобождение.

Поэтому мы стояли на той точке зрения, что профессиональные союзы должны быть независимыми органами классовой борьбы пролетариата; поэтому, когда я в числе других моих товарищей находился в прежнем министерстве труда, мы тщательно заботились о том, чтобы государственная власть как-нибудь не оказала влияния, давления на профессиональное движение (Стен. отчет I Всероссийского с'езда профсоюзов 7—14 янв. 1918 г.).

Как видно из этого, меньшевики старались профессиональные союзы сделать независимыми от государства, а эта независимость в условиях советской власти об'ективно сводилась к тому, что меньшевики при помощи этого лозунга стремились к разоружению рабочих, боролись против фабрично-заводского контроля над производством и считали, что нужно продолжать войну до победоносного конца. Таким образом на деле получалась не независимость, а как раз обратное. Пользуясь этим лозунгом, меньшевики делали все для того, чтобы буржуазия использовала профессиональные союзы в своих классовых интересах, т. е. вела борьбу против диктатуры пролетариата. Если отбросить словесную шелуху, меньшевики активно старались бороться с советской властью и под общими фразами о независимости профессиональных союзов хотели повернуть профсоюзы против диктатуры рабочего класса, против Октябрьской революции.

Заканчивая свои воспоминания, мы должны поставить вопрос: какую же историческую роль сыграл 3-й с'езд советов? Вот как Ильич характеризовал этот с'езд при его закрытии в своем заключительном слове:

«Перед закрытием третьего с'езда советов следует с полным беспристрастием установить ту историческую роль, которую сыграл этот с'езд в истории международной революции, в истории человечества. Можно сказать с неоспоримым основанием, что третий с'езд советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого с'езда начинает сознаваться все более и более. Этот с'езд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран» (В. И. Ленин, т. XXII, стр. 223).

На этих с'ездах меньшевики и социалисты-революционеры перед всем народом показали свое ничтожество, и громадным большинством голосов были приняты резолюции, предложенные большевиками.

Первый с'езд профсоюзов открыл новую страницу в истории русского профессионального движения при диктатуре рабочего класса. При диктатуре рабочего класса профессиональные союзы шли и идут по пути, намеченному революционным марксизмом, активно поддерживая советскую власть под руководством коммунистической партии.

Профессиональные союзы, игравшие крупнейшую роль в нашей стране во время гражданской войны, показали, что они ничего общего не имеют с контрреволюционными лозунгами независимости профессиональных союзов от государства при диктатуре пролетариата, а наоборот, мобилизуют все силы для победы над внутренним и внешним врагом. 1-й с'езд об'единял 2 млн. 638 тыс. человек членов союза, громадное большинство которых пошло за большевиками.

Впервые в истории революций всех стран большевизм в январе месяце 1918 года уничтожил буржуазный парламентаризм, который во всех буржуазных странах благодаря II Интернационалу использовывался и использовывается для порабощения рабочих масс с тем, чтобы отвлечь рабочих от классовой борьбы и этим самым дать возможность укрепиться фашизму.

Коммунисты же во всех буржуазных странах используют парламент как трибуну и через голову врагов пролетариата революционизируют широкие рабоче-крестьянские массы, призывая их к борьбе за диктатуру рабочего класса, за советскую власть.

В январе 1918 года в Стране советов был ликвидирован навсегда парламентаризм. И наш опыт ликвидации учредительного собрания будет использован революционным пролетариатом во всех странах. Впервые в истории человечества мы имеем новую государственную власть, созданную народом — советскую власть. Советская власть за 15 лет своего существования показала, как нужно бороться с врагами, как нужно их уничтожать и как нужно строить социалистическое государство.

Б. Горев

Меньшевики в Октябрьской революции в Петербурге

В дни пятнадцатилетия пролетарской революции для того, чтобы глубже понять гениальность В. И. Ленина и правильность позиций ВКП(б), нужно вспомнить и позиции тех политических партий, которые пытались в меру своих сил противодействовать победе пролетариата. Одной из таких партий является партия меньшевиков. С указанной нами точки зрения история нашего меньшевизма представляет исключительный интерес для международного пролетариата, особенно в настоящий момент, когда назревают грозные революционные бури во всем капиталистическом мире. Та длинная цепь шатаний, иезуитского двурушничества, прямых предательств и измен, которая привела меньшевиков от оппортунизма в рабочем движении к открытой буржуазной контрреволюции и затем к подготовке интервенции на службе у мирового империализма,— все время прикрывалась «марксистской» фразеологией и мнимой защитой интересов рабочего класса. И поскольку эпоха пролетарской революции началась в России, постольку наш доморощенный меньшевизм явился предтечей всех тех предательств, которые так характерны для международного социал-фашизма и которые так ярко проявились повсюду в «первом туре» послевоенных революций.

Теперь мы приближаемся ко «второму туру» этих революций, при чем они снова прежде всего прорывают более слабые звенья империалистической системы: это, с одной стороны, Китай и с другой — Испания. Прошлогодние события в Испании сразу были окрещены европейскими журналистами и политическими деятелями самых различных партий и направлений, как «испанская керенщина».

И в самом деле, многие подробности и особенно поведение «социалистов» в испанском правительстве чрезвычайно напоминают наш 1917 год (конечно, если отвлечься от условий империалистической войны). Бросаются

в глаза также рост влияния компартии, революционная активность масс и попытки как «республиканского» правительства, так и «социалистов» (на этот раз, в отличие от нашего 1917 г., вкупе с желтыми «анархистами») — не только силой подавить народное революционное движение, но и опорочить его, приписать его подстрекательству уголовных и монархистских элементов и т. п.

С этой точки зрения мы считаем небесполезным напомнить хотя бы в кратком и беглом очерке некоторые моменты взаимоотношений меньшевиков и пролетариата как перед Октябрем, так и в первые месяцы Октябрьской революции. Это тем более поучительно, что путь, проделанный меньшевиками от руководящего положения в советах до озлобленной хотя и бессильной борьбы с победившим пролетариатом,— этот путь был исключительно быстрым. Ленин, как известно, в первые же недели февральской революции метко окрестил позицию соглашательского большинства в советах — «луиблановщиной». Разница была лишь в том, что подлинная историческая луиблановщина была отражением наивных иллюзий пролетариата в первой буржуазной революции, в которой он, как класс, играл крупную политическую роль, и что сам Луи Блан лишь много лет спустя, во время Парижской Коммуны, открыто стал по ту сторону баррикады; тогда как наши меньшевики имели за собою опыт не только луиблановщины, но и мильерановщины и коалиционной политики «социалистов» во время войны и стали на путь прямой контрреволюционной борьбы с пролетарской революцией после низвержения царизма.

Впрочем, как типичная мелкобуржуазная партия, меньшевики выступили с самого начала февральской революции расколотыми на целый ряд групп и группочек, которые как будто даже враждовали между собой, чему еще содействовал тот глубокий водораздел, который провела война среди социалистических партий всех стран. Но характерно, что по мере развития и углубления революции, по мере роста влияния большевиков, по мере обострения классовой борьбы и появления угрозы пролетарской революции, а особенно после перехода власти в руки пролетариата,— постепенно сглаживались все противоречия, которые разделяли разные группы и фракции российского меньшевизма, и все они все более сливались в единый контрреволюционный блок. То единство, которое мы видели на процессе меньшевиков-интервентов, когда на одной скамье подсудимых оказались вместе такие ярые оборонцы 1917 г., как Шер и Иков, и такой «интернационалист», как Суханов,— это единство начало подготовляться еще д о Октября и было тогда же отмечено и подчеркнуто Лениным.

На крайнем правом фланге меньшевизма стояла, как известно, плехановская группа «Единство». Тогдашняя позиция Плеханова по своей откровенной контрреволюционности больше всего напоминала теперешнего Каутского, причем сходство еще усиливается тем, что и Плеханов, как и Каутский, непрерывно ссылался на свой «марксизм» и имел претензию считать себя единственным настоящим марксистом. Даже официальных представителей меньшевизма, возглавляемых «Рабочей газетой», он называл «полуленинцами», неимеющими ничего общего с марксизмом. В области международной политики для Плеханова все было совершенно ясно:

«С одной стороны стоят европейские демократии, эти учительницы всего цивилизованного мира в плодотворном деле политического прогресса. Бок-о-бок с ними борется революционная Россия, только-что разбившая вдребезги свой старый порядок. А через широкий океан им протягивает сильную руку помощи великая Северо-Американская демократическая республика, некогда возвестившая, провозглашением своей незивисимости, начало новой освободительной эры в истории человечества. А против них выступают центральные монархии, служащие теперь оплотом полуабсолютизма и имеющие своей союзницей Турцию, эту истинную представительницу социального застоя и политического варварства. Как же можно сомневаться хоть на минуту? Как можно не желать решительного поражения Австро-Германии? Как можно не желать столь же решительной победы России и ее демократическим союзникам?» [1].

Такова была «глубина» «марксистского» анализа Плеханова в оценке характера войны. В области внутренней политики он исходил из того, будто задачи пролетариата совпадают с ближайшими интересами всех тех классов и групп, которые не заинтересованы в возвращении старого порядка. Поэтому он стоял за примирение классов, был решительным и фанатичным сторонником коалиционной политики и высказывался даже против «отобрания помещичьих земель без выкупа».

Неудивительно поэтому, что пролетариат с самого начала революции с презрением отвернулся от Плеханова, и что от него на первых порах вынуждены были, до некоторой степени, отмежеваться все официальные органы меньшевиков и даже эсеров. Вот любопытное письмо, посланное Плеханову еще 24 апреля (ст. ст.) из Ревеля матросом Балтийского флота Степаном Кокотько и опубликованное в

[1] «Год на родине», парижское издание, т. I, стр. 60—61.

газете «Единство» под характерным заглавием «Письма темных людей»:

«Товарищ Плеханов!

Прочитав вашу газету «Единство» и обратив внимание на ваше воззвание — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», я бы советовал вам писать: «буржуазия всех стран, соединяйся», так как весь смысл вашей газеты противоречит рабочему и крестьянскому классу. Я открыто скажу, что вы — человек, продавший свою совесть капиталу. Прошу, товарищ, вас обратить внимание на то, что за вами никто не пойдет, кроме буржуазии. Я говорю открыто и смело»[1].

Плеханов много распространялся по поводу подобных «темных людей», говорил о своей незлобивости, припоминал старушку, подбросившую вязанку дров в костер, на котором жгли Гуса, и т. п., но если понять выражение «продавший свою совесть» не буквально, а об'ективно-исторически, то «темный» матрос Степан Кокотько оказался совершенно прав, и пророчество его сбылось буквально. На выборах в учредительное собрание группа «Единство», выставившая свои избирательные списки, получила по всей России 25 тысяч голосов, а в Петербурге всего 1 800.

И тем не менее между Плехановым и официальными меньшевиками, которых Ленин называл «партией О. К.», был целый ряд незаметных переходов, в лице газеты «День», которая именовала себя «органом социалистической мысли», но которую Ленин окрестил органом «буржуазно-шовинистическим», и где руководящую роль играл член партии меньшевиков Потресов. Потресов же, бывший злейший враг Плеханова в эпоху борьбы последнего с ликвидаторством, вместе со всем откровенно оборонческим крылом партии меньшевиков стал постепенно блокироваться с Плехановым, при чем и Плеханов охотно простил Потресову его былые грехи.

Констатируя, что от Плеханова отмежевывается и эсеровское «Дело народа» и меньшевистская «Рабочая газета», при чем эсеры писали даже, что «политическое единство «Единства» с либеральной буржуазией — факт общеизвестный», Ленин отмечал в «Правде», что те же народники и меньшевики блокируются с «Единством» на выборах в районные думы Петербурга, и писал: «Рабочие и солдаты! Ни одного голоса блоку народников с меньшевиками, прикрывающему и протаскивающему «Единство», «единое с либеральной буржуазией».

---

[1] «Год на родине», стр. 94.

Об этом же блоке писал в «Правде» с беспощадным сарказмом т. Сталин:

«Что же все-таки об'единило в блок все эти разношерстные группы? А то, что они одинаково неуверенно, но неотступно плетутся по стопам кадетов, что они одинаково определенно не долюбливают нашу партию. Все они, как и кадеты, за войну, но не для захватов (боже упаси!), а для... «мира без аннексий и контрибуций». Война для мира...

Все они, как и кадеты, за «железную дисциплину», но не для обуздания солдат (конечно, нет!), а в интересах... самих же солдат. Все они, как и кадеты, за наступление, но не в интересах англо-французских банкиров (боже упаси!), а в интересах... «нашей молодой свободы». Все они, как и кадеты, против «анархических поползновений рабочих захватить фабрики и заводы» (см. «Рабочую газету» за 21 мая), но не в интересах капиталистов (какие ужасы!), а для того, чтобы не отпугнуть капиталистов от революции, т. е. в интересах... революции.

Вообще все они за революцию, но постольку (постольку!), поскольку она не страшна для капиталистов и помещиков, поскольку она не идет вразрез с интересами последних.

Короче: все они за те же практические шаги, что и кадеты, но с оговорочками да прибауточками о «свободе», «революции» и пр. И так как слова и прибауточки остаются все же словами, то выходит, что на деле они ведут ту же кадетскую линию. Фразы о свободе и социализме лишь прикрывают их кадетскую сущность» [1].

Когда начавшееся наступление на фронте выявило оголтелый «патриотический» восторг всех соглашательских партий, Ленин поместил в «Правде» заметку под названием: «Чем же вы отличаетесь от Плеханова, господа эсеры и меньшевики?», в которой писал: «Теперь начавшееся наступление расчищает туман фраз и показывает народу неприкрашенную правду. Всякий видит, что в отношении к серьезному и деловому вопросу о начавшемся наступлении Плеханов и вожди эсеров и меньшевиков едины суть» [2].

Наконец, уже после Октябрьской революции Плеханов с полным правом выражал свое торжество по поводу того, что политический клуб меньшевиков-оборонцев «Рабочее знамя», не вышедших официально и не исключенных из меньшевистской партии, избрал его своим почетным председателем.

---

[1] И. Сталин. На путях к Октябрю. 2-е изд. Ленинград. 1925. Стр. 36—37.
[2] Ленин, соч., т. XX, стр. 433 и 552.

Партия меньшевиков представляла из себя блок откровенных оборонцев с разными оттенками центризма. При этом оборонцы, участвуя в центральном органе партии «Рабочей газете», в то же время вели и свою собственную политику, с осени 1917 г. организовали в Петербурге, как мы уже знаем, свой политический клуб, а на выборах в учредительное собрание выступали в том же Петербурге даже со своим избирательным списком, конкурируя с официальным списком петербургской организации меньшевиков, окрашенной в своем большинстве в умеренно «интернационалистские» цвета. За чистыми оборонцами, кроме мелкобуржуазной интеллигенции с «марксистским» прошлым, шел небольшой слой рабочих, составлявших до войны основные кадры ликвидаторства в рабочем движении. Это были, по большей части, рабочие-меньшевики, прошедшие революцию 1905—1907 гг., в значительной мере «обинтеллигентившиеся» и даже обуржуазившиеся и представлявшие из себя зародыш той тред'юнионистской и партийной бюрократии, которая возглавляла прежний западно-европейский реформизм, а теперь возглавляет социал-фашизм.

На крайнем левом фланге меньшевизма стояли: группа «интернационалистов» с Мартовым во главе, издававшая еженедельник «Искру», и группа «беспочвенных интеллигентов» (как их называли Ленин и Сталин), издававшая большую, политически и литературно интересно обслуживаемую и широко распространенную газету «Новая жизнь». Если «Новая жизнь» была, главным образом, органом радикальной интеллигенции и не имела за собой никаких оформленных рабочих организаций, то группа Мартова имела известное влияние на революционную и интернационалистски настроенную верхушку меньшевистских рабочих. Обе эти группы об'ективно играли ту самую роль, какую сознательно взяло на себя, впоследствии, так называемое, «левое» крыло европейского социал-фашизма, и которая сводится к обману рабочих мнимо «левой» фразеологией, для того чтобы удержать рабочую массу от перехода к коммунистам.

В частности о группе «Новой жизни», которая выставила свой список на выборах в петербургскую городскую думу, т. Сталин писал в «Пролетарии» 20 августа ст. ст. 1917 г. следующее:

«Группа эта выражает настроения беспочвенных интеллигентов, оторванных от жизни и движения. Поэтому она вечно колеблется между революцией и контрреволюцией, между войной и миром, между рабочими и капиталистами, между помещиками и крестьянами...

Если группа «Новой жизни», предлагая борьбу за мир, в то же время призывает поддерживать «заем свободы», то так и знайте, что она льет воду на мельницу империалистов. Если группа «Новой жизни», заигрывая иногда с большевиками, поддерживает в то же время оборонцев, то так и знайте, что она льет воду на мельницу контрреволюции»[1].

На «об'единительном» с'езде меньшевиков в августе 17 г. все течения и фракции меньшевизма, за исключением группы Плеханова, как известно, вошли в одну партию, хотя долго еще сохраняли свои отличные «оттенки», которые, впрочем, все более сглаживались по мере приближения к Октябрю и особенно после Октября.

На первых порах наибольшим влиянием в слоях рабочей аристократии пользовался меньшевистский «центр» (Церетелли, Дан и др.) во главе с «Рабочей газетой» и «Известиями ЦИК» первого созыва. Этому же меньшевистскому центру принадлежало фактически почти монопольное руководство в советах до тех пор, пока эти советы не попали под влияние большевиков. Характерно, что эсеры, которые формально вместе с меньшевиками составляли руководящий блок в советах, на самом деле никакой своей самостоятельной линии не имели и не вели и во всех важнейших вопросах принимали готовые директивы меньшевиков. Очень часто бывало, что во время фракционных совещаний ЦИК, пока меньшевики вырабатывали свои «хитроумные» двурушнические резолюции, фракция эсеров ничего не делала и дремала в ожидании того, когда Дан торжественно вручит меньшевистскую резолюцию эсеровскому лидеру Гоцу, после чего она принималась в эсеровской фракции без особых формальностей и почти без всякого обсуждения.

Между тем рабочий класс неуклонно отходил от соглашательского болота и все больше становился под знамя большевиков. В июньской демонстрации питерского пролетариата большевистские настроения и лозунги уже преобладали. А в Москве, если еще в июне на выборах в центральную и районные думы меньшевики получили 12 мест, а большевики 11, то уже в сентябре число меньшевиков упало до 4, а большевистская фракция выросла до 47. Даже бешеная контрреволюционная вакханалия, охватившая Россию после июльских дней и загнавшая почти всю большевистскую печать в подполье, лишь на короткое время задержала этот процесс большевизации рабочего класса. Тираж «Рабочей газеты», которая в марте 1917 г. выходила в количестве 100.000 экземпляров, неуклонно и катастрофически падал, достигнув в сентябре 10—15 тысяч, несмотря на

[1] И. Сталин. На путях к Октябрю, 2-е изд., стр. 138.

то, что в это время из маленького листка «Рабочая газета» стала большим, обычного газетного типа органом. Открытие московского «государственного совещания» московский пролетариат, по призыву большевистского бюро профессиональных союзов и против соглашательского большинства совета, как известно, встретил единодушной общей стачкой. Бастовали даже трамваи и извозчики, так что представителям «революционной демократии», в том числе меньшевистским членам ЦИК, приехавшим утром в день открытия совещания в Москву, пришлось с весьма смущенным видом брести пешком со своими чемоданчиками в назначенные им общежития.

Как же реагировали меньшевики на революционизирование пролетарских масс и на их отход к большевизму?

Бешеной кампанией травли и клеветы.

В ответ на совершенно резонный наказ, данный большевиками своим кандидатам при перевыборах в совет депутатов, где они выдвинули следующие лозунги: «Никакого доверия «новому» правительству [1], ибо оно остается правительством капиталистов, никакой поддержки ему, ни копейки денег ему! Никакого доверия к «оборонческим» партиям, проповедующим соглашение с капиталистами и участие в правительстве капиталистов»,—«Рабочая газета» уже 9 мая в статье пишущего эти строки [2] истерически восклицала: «Смертью и разложением веет от этих исступленных криков. Черное знамя анархии глядит на нас со столбцов «Правды», и борьба с этой анархией является теперь, более чем когда-либо, нашим насущным делом, делом спасения революции». Обвинения большевиков в анархизме, в потакании самым темным инстинктам масс и в разнуздывании этих инстинктов, в об'ективной работе на пользу контрреволюции и германского империализма не сходили со столбцов меньшевистских газет, при чем «День» даже намекал на сознательные стремления большевиков разложить армию, а «Единство», как известно, солидаризировалось с гнусными провокаторскими измышлениями Алексинского, члена ЦК «Единства», насчет «немецких денег».

Рабочие, шедшие за большевиками, об'являлись темными, слепыми, бессознательными или шкурниками, которые хотели использовать большевистские лозунги в своих корыстных, индивидуальных, эгоистических интересах. С особенным злорадством подхватывались и смаковались все случаи «примазывания» к революционному движению масс — отдельных уголовных или провокаторских элементов. Вот

[1] Т. е. правительству первой коалиции.—Б. Г.
[2] Бывшего тогда меньшевиком.

как, например, об'ясняла «Рабочая газета» московскую забастовку в день открытия «государственного совещания», которую она назвала «ударом по революции»: «Исторически неизбежная политическая отсталость масс, их глубокая общая некультурность, отсутствие каких бы то ни было организационных навыков и гражданского сознания провели глубокую борозду между массами и тонким слоем ее организованных представителей и руководителей».

По мере приближения к Октябрю в общем антибольшевистском хоре все явственнее начинают звучать и выступления «Новой жизни». Уже 1 августа (ст. ст.) передовая «Рабочей газеты» с радостью констатировала «знаменательный поворот» в позиции «Новой жизни», имея в виду статью В. Базарова «Интернационализм и революционное оборончество», в которой он писал: «У нас об'ективно нет почвы для полного разрыва между пролетариатом и мелкобуржуазной демократией по вопросам внешней политики». «И поэтому,— продолжал он, — не только беспочвенным, но прямо-таки преступным фракционным доктринерством являются упорные попытки расколоть самый пролетариат по линии интернационализма и оборончества».

А 13 октября (ст. ст.) та же «Новая жизнь» уже писала, очевидно, «увещевая» большевиков: «Выступление, а тем более выступление вооруженное, имеющее все шансы вылиться в гражданскую войну, ничего не разрешает и ничего не облегчает. Есть только одна партия, которой это послужит на пользу: это партия Корнилова и его присных. Играть ей на руку не входит в задачи революционных организаций, и было бы постыдно, если бы хотя одна из них оказала содействие планам корниловских молодцов. В переживаемые нами дни на карту поставлена не судьба отдельных партий и фракций, а судьба революции, судьба всей завоеванной нами свободы».

По существу то же самое хотя не столь вялым языком и не в столь «академической» форме, а со злобой и ненавистью писала листовка «петроградского избирательного комитета меньшевиков-оборонцев» всего несколько дней спустя: «Большевистская газета «Рабочий путь»... льстит темным и несознательным элементам, вкрадывается в их доверие, обольщает рабочих и солдат, суля им золотые горы... А с другой стороны, идут слухи — слухи о том, что темные силы, царские прислужники, германские агенты радостно потирают руки. Они готовы соединиться с большевиками и вместе с ними раздуть беспорядки в гражданскую войну». Поэтому «пусть все знают, что каждый, кто в эти грозные дни призывает вас выйти на улицу против прави-

тельства, есть либо тайный царский прислужник, провокатор, либо бессознательный помощник врагов народа, либо подкупленный шпион Вильгельма».

А «Искра», орган «интернационалистской» группы Мартова, тогда же опубликовала воззвание к рабочим и солдатам, где запугивала тем, что «малейшее нарушение правильности уличного передвижения (не говоря уже о железнодорожном) должно оставить районы без хлеба на следующий же день», что «всякое потрясение в Балтийском флоте, вызванное выступлением в Петрограде, сделает возможной высадку германских войск вблизи столицы», и наконец, что «малейшее вооруженное столкновение Петрограда разнуздает черносотенные и монархические погромные шайки и создаст подходящие условия для торжества той контрреволюции, той корниловщины, с которой вы хотите раз навсегда покончить».

Итак, как мы видим, перед самым Октябрем все фракции меньшевизма были единодушны как в своем непонимании пролетарской революции, так и в своем страхе перед ней. После Октябрьского переворота этот хор стал еще единодушнее. «Это не революция,— писала «Рабочая газета» 26 октября ст. ст.,— и даже не восстание. Это — военный заговор, вроде младотурецкого или тех, какие знает история Испании и южно-американских республик. Народные массы, даже пролетариат, который, казалось, идет за большевиками, в этом «пронунциаменто», в этом военном заговоре активно не участвуют». Мало того, в своей речи на ночном экстренном заседании старого ЦИК Дан попытался опорочить питерский пролетариат указанием на то, будто «на фабриках, заводах и казармах гораздо более значительным успехом пользуется черносотенная печать, газета «Новая Русь» и «Живое слово», чем печать социалистическая».

Петербургский пролетариат ответил на эти гнусные выпады своим героическим единодушным выступлением в те дни, когда Керенский и Краснов, которых с нетерпением ожидал «комитет спасения родины и революции» (в нем участвовали и меньшевики) подходили со своими казаками к революционной столице. Вот как описывает это замечательное выступление 28 октября ст. ст. такой вдумчивый и правдивый наблюдатель, как Джон Рид:

«Когда мы вышли из Смольного и очутились на темной и мрачной улице, все окрестные фабричные гудки свистели. Звук резкий и нервный, полный мрачных предчувствий. Рабочие и работницы выходили на улицу десятками тысяч. Гудящие предместья выбрасывали наружу свои мрачные и обтрепанные толпы. Красный Петроград в опасности! Ка-

заки!.. Мужчины, женщины и подростки с ружьями, пиками, саблями, бунтами проволоки и патронными лентами тянулись по грязным улицам к югу и юго-западу, к Московской заставе... Никогда не видал город такого огромного и стихийного людского потока. Люди катились, как река, вперемежку с солдатскими отрядами, с пулеметами, с грузовиками, с повозками. Революционный пролетариат встал грудью на защиту столицы рабоче-крестьянской республики»[1].

Энтузиазм рабочей массы был так велик и могуч, что он заразил даже значительные группы более революционно настроенных рабочих-меньшевиков, находившихся под влиянием интернационалистов. Они приходили в помещение меньшевистского ЦК и решительно протестовали против позиции партийных лидеров, требовали новых революционных лозунгов, говорили, что их классовая пролетарская совесть не позволяет им итти против этого мощного революционного потока, не позволяет им оставаться дома, когда буквально весь питерский пролетариат пошел на фронт.

Как встретили меньшевики Октябрьскую революцию, слишком хорошо известно. Даже «Новая жизнь» писала в середине ноября ст. ст. по поводу выборов в учредительное собрание: «Ни один гражданин не должен голосовать за кандидатов партии большевиков, которая называет себя партией бедноты, но ведет бедноту города и деревни по недостойным и ложным путям — н е к социализму, а к полному развалу страны и гибели революционных завоеваний. Ни один сознательный демократ не может поддерживать партию, которая политикой штыка и репрессий прикрывает только свою полную неспособность, полное неумение приступить к осуществлению программы мира и хлеба».

Меньшевики выдвинули с самого начала Октябрьской революции свою замечательную «идею», что Октябрьская революция — это, в сущности, к о н т р р е в о л ю ц и я, своеобразный «анархистский бонапартизм». Как мы видим, и в этом отношении Каутский повторяет в настоящее время лишь старые меньшевистские зады. В специальном «манифесте», который выпустил чрезвычайный с'езд меньшевиков, происходивший в начале декабря 1917 г., «Ко всему Интернационалу, ко всем социалистическим партиям воюющих и нейтральных стран», мы находим следующую «философию истории», которая пытается об'яснить победу большевистской партии. Говоря о крушении надежд на «скорый и справедливый мир» под «дружным воздействи-

[1] Д ж о н Р и д. „Десять дней, которые потрясли мир". Дешевая библ. ГИЗ, 1930 г., стр. 187.

ем Интернационала», а также о длящейся экономической разрухе, которая усиливала озлобление в широких народных и особенно рабочих массах, «манифест» заявляет далее: «Так создались условия, при которых отсталая часть рабочих масс, пополнявшихся за время войны случайными элементами из различных слоев населения, лишенными пролетарского классового опыта и самосознания, легко могла пойти за демагогической партией, получившей громадную материальную силу в лице миллионов усталых солдат, готовых поддержать всякого, кто обещает немедленный мир».

Но отдавая большевикам «отсталую часть рабочих масс», меньшевики в это самое время катастрофически покидались и теми не «отсталыми», которые до сих пор еще шли за ними, и все более становились даже по своему составу чисто интеллигентской партией, партией типично мелкобуржуазной[1]. Факт своего поражения они должны были сами признать в воззвании (от 19 ноября ст. ст.) меньшевиков членов ЦК, выбранных от «интернационалистского» меньшинства на об'единительном с'езде:

«Партия стоит перед фактом великого политического поражения. Она поражена 25 октября, как одна из партий, на которые опиралось временное правительство, свергнутое большевистским переворотом; она поражена, как пролетарская партия, фактом последовательных неудач на политических выборах всякого рода в крупнейших центрах, поражена последовательными разгромами при перевыборах советов и армейских комитетов. Она поражена, наконец, как организация, которая через три месяца после об'единительного с'езда находится в состоянии внутренней анархии, образования на местах параллельных фракционных организаций, конкуренции фракционных списков на выборах в учредительное собрание и т. п.».

Но, обвиняя в этом поражении официальное руководство партии, т. е. меньшевистский «центр», «интернационалистское» меньшинство, выступив в последний раз со своими платформами и проектами резолюций на чрезвычайном декабрьском с'езде, после того благополучно слилось с этим самым центром и отказалось в дальнейшем от какой бы то ни было самостоятельной политической линии. И здесь «левые» меньшевики первые проделали то, что впоследствии сделала часть германских «независимых», слившихся с шейдемановцами, равно как и весь 2½ Интернационал, вернувшийся, как блудный сын, в лоно II Интернационала.

[1] Чрезвычайно любопытное зрелище представляло общегородское партийное собрание питерских меньшевиков, созванное в конце ноября или начале декабря в бывшем Техническом училище; на нем почти совершенно не было рабочих.

А пролетариат на выборах в учредительное собрание дал новый сокрушительный удар по осколкам меньшевистской партии. В то время как эсеры, благодаря старым спискам, получили 21 млн. голосов, а большевики 9 с лишним миллионов, меньшевики получили всего около 700 тысяч, в том числе в Петербурге оба конкурирующих списка вместе, оборонческий и «об'единенный», получили всего 29 тысяч голосов, тогда как большевики — 424 тысячи. Таково же, приблизительно, было процентное отношение меньшевистских и большевистских голосов в огромном большинстве крупных промышленных и пролетарских центров.

Так пролетариат своей Октябрьской революцией окончательно сорвал с меньшевиков их «рабочие» маски, окончательно отбросил их в лагерь открытой контрреволюции, разоблачил их подлинное классовое лицо, лицо агентов буржуазии.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ и ОБЛАСТИ

А. П. Голубков

Как это было

В то время как в Петрограде уже было свергнуто временное правительство и власть перешла в руки большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов, Москва была только еще накануне революционных боев. Только 27 октября — уже после знаменательного дня победы пролетариата — на улицах Москвы раздались первые выстрелы. Но они не были неожиданностью. Еще задолго до Октября рабочие массы накапливали силы и готовились к боям за власть советов. Партийные организации вели широкую подготовку и на заводах и в казармах к предстоящему выступлению. Московский совет уже был большевистским, так же как и многие районные думы, выборы которых происходили в сентябре.

Большевистской была и Сокольническая районная дума, в которой мне пришлось работать в качестве члена управы. Правда, наше большинство было крайне неустойчиво: из 40 членов думы большевиков было 21, представителей же других партий — от меньшевиков до кадетов — 19. Заседания думы проходили в бесконечных и ожесточенных прениях с нашими противниками, из которых особой злостностью и активностью выделялись меньшевик Кибрик и кадет инженер Алексеев. Но управа, председателем которой был т. Иван Васильевич Русаков, расстрелянный в 1921 г. мятежниками в Кронштадте, состояла только из большевиков, и таким образом фактически вся текущая работа велась нами.

27 октября вечером в помещении бывшего трактира Романова на Сухаревской площади назначено было общее собрание гласных всех 17 районных дум. Никаких конкретных вопросов на повестку дня этого собрания поставлено, разумеется, не было; это был скорее всего смотр сил, но пожалуй и это было в тот момент излишне, так как отвлекало большевистские силы от непосредственной задачи подготовки к выступлению.

Надо сказать, что противная сторона была представлена довольно компактной группой представителей различных партий, грозившей одно время оказаться большинством на собрании. Но тем не менее выборы председателя собрания показали обратное. Вместо выставленного меньшевистско-эсеро-кадетским блоком кадета князя Шаховского был выбран наш представитель т. А. Г. Шлихтер, бывший тогда председателем, кажется, Басманной районной думы.

Прения с обеих сторон происходили в раскаленной атмосфере; трудно даже представить себе сейчас ту зараженную страстной полемикой обстановку, в которой они происходили. Чувствовалось, что между большевиками и остальной частью собрания уже вырастала баррикада [1]. Мы уже знали, что создавшийся за день до этого Военно-революционный комитет ведет переговоры с кадетским «комитетом общественной безопасности» и командующим Московским военным округом полковником Рябцевым, пред'явившими требование о сдаче. Результаты этих переговоров вскоре выяснились. В самый разгар прений на сцене, где помещался президиум, появился т. М. Ф. Владимирский, заявивший о том, что переговоры прерваны, что в то время как мы заседаем, уже начались боевые действия, и что в виду этого всем членам большевистской фракции надлежит немедленно отправиться по районам в распоряжение районных военно-революционных комитетов. Бросившись из залы и зацепившись за какой-то грузовик, мы направились в Сокольники.

Там уже функционировал Военно-революционный комитет, выделенный райкомом партии. В него, помню, входили тт. Русаков, Ефремов (впоследствии секретарь М. К. партии, умерший в 1925 г.), Сарра Бродская и Медведь (работавший потом в органах ВЧК и ОГПУ). В Военно-революционном комитете, помещавшемся в небольшой квартире на узенькой, довольно глухой 8-й Сокольнической улице, накопилось уже много народу. Приходили рабочие с заводов с требованием оружия, в котором первые два дня ощущался крайний недостаток, собирались партийные товарищи, среди которых комитет распределял обязанности.

Среди них, кроме перечисленных, помню окружавших ревком товарищей — Месинга (работавшего потом в ВЧК), С. Н. Волконскую, братьев Арнштам, двое из которых погибли впоследствии на фронтах гражданской войны, рабочего Ростовщикова, председателя нашей районной думы, Смирнова, умершего вскоре от сыпного тифа на одном из фронтов, Медведкова, члена нашей управы, Конакотина, рабо-

[1] Это выражение фигуральное. На самом деле в Октябрьские дни 1917 г. в Москве баррикад не было.

чего Сокольнического трамвайного парка и гласного районной думы, Маленкова, прибывшего на 2-й или 3-й день восстания, вскоре ставшего первым при советской власти председателем районного совета и в 1918 г. убитого на чехословацком фронте на Урале и др.

Помню также, как у нас в помещении Военно-революционного комитета появился офицер Лозовский, — известный в районе как меньшевик-интернационалист, принявший в эти дни бесповоротное решение примкнуть к восстанию. Он отдавал себя в полное распоряжение Военно-революционного комитета. В 1919 г. он погиб, растерзанный неприятелем, на южном фронте. Но он пришел несколькими днями позже. В этот же вечер, вскоре после возвращения с собрания членов районных дум, т. Волконской и мне пришлось выехать в Центральный революционный комитет, помещавшийся на Тверской в здании Совета, для организации санитарной части.

Поехали на автомобиле по совершенно темным улицам, слушая все время перестрелку, раздававшуюся в различных направлениях. На какой-то улице, ближе к центру, наш автомобиль был остановлен патрулем, — была минута замешательства, нельзя было сразу определить принадлежность подошедших к автомобилю людей к тому или другому лагерю; но тут же все раз'яснилось — патруль оказался советский, мы тронулись дальше и благополучно доехали до Тверской.

В доме Совета ярко освещены залы, комнаты почти пусты, торопливо проходят из комнаты в комнату тт. Усиевич, Смидович, Смирнов, Ногин, воинской охраны почти нет. Нам отвели в задней части дома две комнаты, в которых уже налаживали санитарную часть принадлежавшие к медицинскому персоналу товарищи, — врач Деев, Додонова, вскоре после нас приехавшая женщина-врач Азарх и др. Вскоре привезли и первого раненого; это оказался юнкер, раненый в руку и арестованный около градоначальства на Тверском бульваре. Вел он себя, помню, чрезвычайно неспокойно: поминутно вскакивал с дивана, то плакал, то о чем-то просил, то требовал, чтобы его расстреляли.

В одной из верхних комнат находились под охраной караула арестованные. Среди них выделялся один матрос своим крайне шумным поведением: он бегал по комнате, кричал, стучал в дверь и был вообще очень неспокоен. К нему под утро меня позвали. Он стоял среди комнаты и, что-то выкрикивая, разрывал на себе рубашку. Мне сказали, что это известный матрос эсер Баткин, крайний оборонец,

игравший во флоте контрреволюционную роль во времена Керенского.

В Совете мне пришлось побывать еще раз в один из следующих дней, не помню уже по какому поводу. Тогда я был свидетелем одного эпизода, который курьезным диссонансом врезался в тогдашнюю боевую обстановку и который таким странным представляется в настоящее время. Речь идет о посещении Совета митрополитом «Московским и Коломенским». «Его преосвященство», обеспокоенное за судьбу святынь московских, которым угрожали боевые действия, решило войти в непосредственное сношение с Военно-революционным комитетом. Кажется, были предварительные переговоры, после которых поздно вечером митрополит приехал в Совет. Запомнилась эта странная фигура в соответствующем облачении, столь необычайном на фоне обстановки военного революционного штаба, когда ее другие служители церкви влекли по крутой лестнице Московского совета. Митрополита направили в одну из зал, куда вышел для переговоров с ним один из членов Военно-революционного комитета, кажется, т. Смирнов. В дни, когда решалась судьба пролетарской революции, — в суровое, серьезное, полное решимости настроение участников ее этот эпизод своею колоритностью внес некоторое развлечение.

После того как все необходимое по санитарной части было налажено, утром на следующий день после бессонной ночи я отправился обратно в район. Пришлось итти пешком и очень долго. Нужно было выбирать дорогу, сворачивать с прямого пути, пробираться там, где меньше была слышна ружейная стрельба и трещание пулеметов. Почему-то особенно сильная стрельба была с колокольни церкви на площади Самотеки. Там пришлось долго простоять, укрывшись около каких-то ворот, и потом уже двинуться дальше обходными путями.

Район в это время приходил в боевую готовность, хотя боевых действий в самом районе почти не было: они были сосредоточены в центре. Основной работой, наряду с укреплением района и созданием опорных пунктов на предприятиях и казармах, была организация вооруженных отрядов и посылка их в центр. Надо отметить, что дело с оружием первые два дня обстояло очень плохо; его почти не было, а требования со стороны рабочих, естественно, предъявлялись огромные. Тесные комнатки помещения были буквально набиты приходившими с различных предприятий, а в особенности из Сокольнического трамвайного парка, рабочими. И много умения и выдержки нужно было иметь членам ревкома, чтобы маневрировать с тем небольшим количеством оружия, которое было налицо.

Вопрос с оружием разрешился, когда к концу второго дня железнодорожниками было захвачено на Казанской железной дороге несколько вагонов с винтовками, которые и были доставлены в район. С этого времени и пошла успешная организация вооруженных дружин. К тому же вскоре оружие стало прибывать и из складов в Мызе Раево.

Районная управа в это время, разумеется, никакой работы не вела, и работники ее выполняли различные распоряжения ревкома. Была попытка со стороны меньшевиков и кадетов созвать районную думу, но она кончилась полной неудачей. Но вместе с тем в виду отрыва от центра нормальное снабжение района продовольствием нарушалось, и в виду этого ревком поручил нескольким работникам организовать продовольственное дело. С этой целью в один из дней восстания, нам — тт. Русакову, Медведкову и мне — пришлось отправиться в соседний район, на Старую Басманную, для переговоров с т. Шлихтером, Идя туда, мы несколько раз попадали в зону перестрелки, приходилось иногда возвращаться и выбирать обходные пути. Вообще в этом районе велись упорные боевые действия с обеих сторон. Здесь, в Лефортове, были расположены кадетские корпуса и Алексеевское военное училище, служившее штабом для контрреволюционеров, и советская артиллерия из пушек громила это гнездо юнкеров.

30 октября, как известно, центральный ревком подписал с противником соглашение о перемирии. Это соглашение было заключено при посредничестве пресловутого Викжеля (Всероссийский союз железнодорожников) и впоследствии своим соглашательством игравшего предательскую роль в революции. Помню, что известие о перемирии вызвало большое возмущение и в ревкоме — особенно негодовали тт. Русаков и Ефремов — и среди рабочих масс. И действительно, готовность победить была полная, энтузиазм не остывал, к перемирию никаких оснований не чувствовалось, и ревком, извещая о нем, правильно предлагал использовать его для дальнейшего боевого укрепления. Впрочем, оно продолжалось всего до вечера 30 октября, а на следующий день уже началось новое наступление.

Вспоминается и один «боевой» эпизод, в котором мне пришлось принять участие. Одна из задач ревкома заключалась в том, чтобы занять отделения милиции, которые могли сделаться опорными пунктами для контрреволюционеров, так как до восстания комиссарами в них сидели кадеты. В один из дней восстания мне и было поручено занять 2-е (кажется) отделение милиции на Сокольническом шоссе (теперь Русаковское). В помощь были даны десять вооруженных винтовками красногвардейцев.

Залезли на грузовик и поехали; остановившись у дома, где помещалось отделение, мы, нужно сказать, с довольно приподнятым боевым настроением, готовые встретить сопротивление, побежали вверх по лестнице на второй этаж. Но здесь, к своему удивлению, а может быть и разочарованию, мы встретили среди всего немногочисленного персонала полную готовность подчиниться нам. Комиссар, какой-то адвокат, оказалось, давно оставил свое отделение, и служебный персонал чувствовал себя беспризорным. Были принесены откуда-то ключи от стола комиссара, и один из товарищей был назначен ревкомом на должность начальника этого отделения.

Наконец, 2 ноября (ст. ст.) революция победила. Правда и на этот раз Центральный ревком подписал договор с «комитетом общественной безопасности» о прекращении военных действий. И когда т. Владимирский приехал к нам в район с этим известием, он мог видеть на лицах слушавших его товарищей явное неудовольствие, в особенности теми пунктами соглашения, в которых говорилось, что офицерам и юнкерам оставляется присвоенное им оружие и гарантируется личная неприкосновенность. Но тем не менее было уже ясно, на чьей стороне реальная сила, и было ясно, что последующее развертывание революции превратит этот договор в ничего не стоящий «клочок бумаги».

Так это и случилось.

Н. Мещеряков

В дни Октября

Всякая боевая работа требует целого ряда психических, главным образом, волевых свойств характера, которыми к сожалению природа меня скупо наградила. Хорошо сознавая эти свои недостатки, я в предвидении Октябрьской революции и не пытался брать на себя какие-нибудь боевые задания, зная, что ничего хорошего из этой моей работы не выйдет, что другой лучше меня выполнит эту работу. К счастью, подготовка революции и даже самый акт вооруженного восстания есть процесс, совершающийся в самых разнообразных сферах деятельности, процесс, в котором могут найти себе применение самые разнообразные способности. В частности, он требует энергичнейшей работы в области пропаганды, а в особенности агитации, как пером, так и словом. В этой области я и сосредоточил свою работу в период подготовки к октябрьскому выступлению и в самые дни Октября. Этой областью я и ограничу поэтому свои воспоминания.

Летом 1917 года я был избран председателем Московского губернского совета рабочих депутатов. В этом совете безраздельно господствовали большевики; меньшевиков и эсеров в нем совсем не было. Была небольшая группа так называемых «объединенцев», но они не имели никакой опоры в массах: это были офицеры без всякой армии. Они были в хороших отношениях с нами — большевиками — и проводились в Исполком совета нашими голосами, ибо мы очень нуждались в квалифицированных силах, с одной стороны, а с другой — твердо надеялись, что ход революционных событий неизбежно приведет этих хороших товарищей в наш большевистский лагерь. Так и случилось. Вся эта группа (в составе ее были между прочим Е. А. Литкенс, В. Ф. Плетнев, Ш. М. Дволайцкий, И. Г. Сольц и несколько других) очень скоро после Октябрьской революции целиком перешла в наши большевистские ряды. Пока работа сосредоточивалась в области пропаганды и агитации и сво-

дилась в борьбе с меньшевиками и эсерами в этих областях, я чувствовал себя на своем месте.

Пропагандистов и агитаторов в нашей Московской окружной организации было очень мало, а потому чуть не ежедневно приходилось отправляться куда-нибудь за город, чтобы выступить на одном-двух-трех митингах. Денег у нас в партийной организации было очень мало, а потому очень много приходилось ходить пешком. За август и сентябрь я изъездил и исходил таким образом чуть не весь Московский уезд, ежедневно возвращаясь домой только поздним вечером или глубокой ночью. Такую же работу, так сказать «не покладая ног», вели и другие товарищи. И работа эта оправдала себя. Несмотря на скудость наших пропагандистских революционных сил, нашей Московской окружной организации удалось добиться того, что на выборах в учредительное собрание большевики в Московской губернии (без города Москвы, составлявшего самостоятельный избирательный округ) провели 6 депутатов из 9 — больше даже чем в Москве, где было выбрано 6 большевиков из 10 депутатов. Абсолютное большинство мы получили и во всех главнейших уездных земствах Московской губернии. Но нужда в работниках была невероятная: я, например, был избран гласным целых 4 уездных земств, а кроме того еще и гласным Московского губернского земства.

Эта агитационная пропагандистская работа шла у меня хорошо. Но осенью 1917 года надо было переносить центр тяжести работы из области пропаганды и агитации на чисто боевые участки: формировать Красную гвардию, запасаться оружием, подготовляться к тому, чтобы взять власть в губернии в свои руки. Чувствуя и сознавая, что с этой боевой работой на таком важном участке, как окрестности Москвы, я как следует не справлюсь, я убедил Исполком освободить меня от обязанностей председателя, уступив это место работавшему тогда в Москве М. Ф. Владимирскому. Я остался его заместителем, руководя только всей будничной работой центрального аппарата Московского губернского совета. Центр тяжести своей работы я перенес в литературную область, тем более, что в сентябре, в связи с приобретением большевиками большинства в Московском совете (по г. Москве), произошла перемена редакции «Известий Московского совета рабочих и солдатских депутатов». Я был назначен этим советом одним из членов новой редакции. В состав ее вошли сперва: И. И. Скворцов-Степанов и я от большевиков и В. П. Волгин от объединенцев. И здесь мы были очень бедны своими чисто большевистскими силами. Тов. Скворцов, я да секретарь редак-

ции — Е. И. Ривлина — вот все редакционные, чисто большевистские кадры, которыми мы тогда располагали. К счастью, с нами дружно и недурно работала группа объединенцев. И эта группа наших тогдашних союзников, сработавшись с нами на редакционной работе, очень скоро после Октябрьской революции покончила со своими колебаниями и перешла в наши большевистские ряды. Упомяну из них В. П. Волгина, Р. П. Катаняна, Ш. М. Дволайцкого, К. П. Новицкого и покойного тов. Малинина.

Они оказывали нам много услуг, но некоторую часть работы приходилось делать обязательно большевистскими руками. Я уже сказал, что из чисто литературных работников мы были только вдвоем с И. И. Скворцовым. К тому же Скворцов был сильно занят по работе в Московской городской думе, где он был руководителем большевистской фракции. Бывали поэтому дни, когда вся работа по составлению номера (включая сюда и писание передовой статьи) падала на одного меня. Пришлось изобрести для себя несколько псевдонимов (теперь я уже совершенно забыл их), чтобы не появляться повсюду под одной и той же фамилией [1].

Можно себе представить поэтому, как мы обрадовались, когда в начале октября к нам в редакцию явился приехавший незадолго перед тем из-за границы и долго хворавший после этого М. Н. Покровский и скромно заявил: «Товарищи! Приближаются боевые дни. Каждый солдат революции должен быть на посту. Я еще не успел приступить к революционной работе. Мне кажется, что теперь больше всего я могу быть полезен как литератор. Надеюсь, вы позволите помочь вам в газетной работе в качестве вашего сотрудника и помощника». Скворцов и я хорошо знали раньше Михаила Николаевича по его революционной и литературной работе, а потому с восторгом ухватились за его предложение, и он был немедленно введен в состав нашей ре-

---

[1] Вот маленький случай, рассказанный мне тов. Сокольниковым, показывающий, каковы были те силы, на которые мы могли опираться в нашей редакционной работе в начале революции. В редакцию „Правды" пришлось взять одного старого репортера дореволюционных газет. Он чувствовал, что теперь надо писать как-то по-другому, но не знал, как это нужно делать. Однажды он доставил в редакцию отчет о каком-то заседании, в котором так описывал начало этого заседания: „На трибуну всходит тов. Свердлов и голосом человека, много поработавшего для революции, произносит: „Заседание открыто!" С такими же репортерами приходилось иметь дело и нам. Глядеть за ними конечно приходилось даже не в два, а в четыре глаза. Помню, как однажды один из таких репортеров тайком подсунул заведующему редакцией т. Новицкому в папку окончательно принятых статей свою никем непросмотренную и совершенно недопустимую заметку.

дакции. В его лице мы приобрели громадную литературную силу.

Наступило 27 октября. Редакционная работа была в полном разгаре, когда на улицах Москвы загремели первые выстрелы. Нам стало ясно, что завтрашний номер надо составлять совершенно по-другому, а не так, как мы его начали. Тов. Скворцов пошел в президиум совета за информацией о событиях и перспективах, а я бросил теперь уже ненужную прежнюю работу и пошел по комнатам совета. К моему изумлению я нигде не нашел никакой охраны. Штаб Московской революции остался совершенно беззащитным, и если бы белогвардейцы знали это, два-три десятка юнкеров могли бы захватить здание совета и арестовать всех, кто там находился. Пошел в президиум и сообщил о таком положении. Там немножко забеспокоились, но людей для работы было так мало, что поручили мне же найти где-нибудь какую-нибудь войсковую часть и привести ее для охраны совета, при чем не дали никаких указаний, где я — человек глубоко штатский — могу найти такую часть. Вспомнил, что будучи днем в гостинице «Дрезден», я видел там команду самокатчиков. Пошел туда и попросил их перебраться в совет. Команда немедленно перешла туда.

Вернувшись в редакцию, застал там И. И. Скворцова, возвратившегося из президиума и работавшего над воззваниями, заказанными президиумом. Окончив одно воззвание, он читал его текст мне и Покровскому. Мы подвергали его обсуждению, исправляли, переписывали, а Скворцов брался за другое воззвание. Текущая редакционная работа потеряла всякий смысл и интерес. Не помню даже вышел ли в свет тот номер «Известий», который мы заканчивали в то время, когда на улицах Москвы началась стрельба. Работу время от времени прерывали, чтобы сходить в президиум и узнать о ходе событий. Так прошла вся ночь. Рано утром я ушел домой, но к вечеру уже не мог пробраться назад к зданию совета. Только на следующий день мне удалось пройти в совет и добраться до Военно-революционного комитета, где я узнал, что редакцию «Известий (теперь они должны были уже выходить под названием «Известия Военно-революционного комитета») перевели в Замоскворечье. В комитете мне сказали, что такая оторванность редакции при трудности сообщения страшно неудобна. Комитет должен иметь редакцию возле себя, а потому мне поручили немедленно приступить к формированию новой редакции, которая будет работать около здания совета, а перешедших в Замоскворечье товарищей известят, чтобы они перебрались к нам в новое помеще-

ние. Помещение для редакции мне дали при типографии на Петровке. Вместе с тем дали охрану в виде отряда в несколько десятков человек для типографии и редакции.

К счастью, я очень быстро нашел К. П. Новицкого, а немного спустя Р. П. Катаняна, и мы немедленно принялись за дело. Замоскворецкая часть редакции (тт. Скворцов и Покровский), ничего не зная о нас, со своей стороны пыталась организовать работу, но кажется это ей не удалось, иначе могло случиться, что вышли бы два органа Военно-революционного комитета. К тому же ее удалось скоро известить, и она на другой день перебралась к нам на Петровку.

Работа была организована довольно оригинально. У нас ничего не было, кроме бумаги, перьев и чернил. Никаких курьеров, никакого аппарата репортеров, никакой связи с миром, кроме связи с Военно-революционным комитетом. Самим редакторам приходилось время от времени ходить в Московский совет (местопребывание Военно-революционного комитета) и там получать информацию. Сперва нам дали одну маленькую комнатку при типографии, а потом прибавили другую, наполовину заполненную бумагой, на которой я и М. Н. Покровский две ночи спали, чтобы не возвращаться домой поздно ночью. Дня через два нам это надоело, и я убедил Покровского поселиться на время у меня (я жил тогда на Самотеке), куда с Петровки пройти было и недалеко, и не особенно трудно.

В одно из посещений Московского совета я попал на Советскую площадь в тот момент, когда туда прорвался из Кремля бронированый автомобиль с юнкерами и стал обстреливать из пулемета здание совета. Было брошено несколько бомб. Назад пришлось возвращаться, делая большой крюк — через Никитскую, занятую юнкерами. Имея в кармане билет члена исполкома Московского губернского совета и члена редакции «Известий», я раза два встретил патрули юнкеров, но, очевидно, мой глубоко штатский вид закоренелого интеллигента не внушал им никаких опасений [1], и они ни разу не остановили меня. В Комитет на этот раз я ходил за тем, чтобы попросить дать мне небольшую воинскую часть, чтобы арестовать членов Московского губернского совета крестьянских депутатов (эсеров и меньшевиков), засевших в своем помещении (Тверская, бывший дом московского губернатора, почти напротив современного Музея революции) и пытавшихся приказами по телефону

---

[1] Тов. Катанян во время одного из возвращений домой из редакции попал в руки белогвардейского отряда, но он, к счастью, ограничился тем, что отобрал у него все деньги и отпустил его.

возбудить в окрестных деревнях контрреволюционное движение. Мне ответили в комитете, что не стоит тратить силы на борьбу с этими болтунами, и посоветовали просто испортить их телефон.

Я сказал, что у нашей редакции не было почти никакой связи с миром. Приходилось питаться слухами, сплошь да рядом неверными. Однажды пришел кто-то и сообщил, что на Пресне убит Гриша Беленький. Я и Покровский его хорошо знали. Пожалели и кто-то из нас написал о нем чувствительный некролог. Велика была наша радость, когда на другой день Беленький явился в редакцию и лично сообщил нам, что «слухи о его смерти были преувеличены».

Работа наша шла в необыкновенно приподнятом настроении. Я уже сказал, что уговорил М. Н. Покровского поселиться на время восстания у меня. Окончив часов в 11—12 ночи редакционную работу, мы отправлялись с ним ко мне домой. На улицах ни души. Фонари не горят. В окнах домов также темнота. Издалека слышны артиллерийские выстрелы. Где-то вблизи кто-то во что-то стреляет. Но Михаил Николаевич невозмутим. В этой обстановке он совершенно спокойно ведет какой-нибудь научный разговор, причем по обыкновению блещет остроумием и парадоксами. Помню, что во время этих ночных возвращений домой он умудрялся вести длинный и интересный разговор не только о событиях дня и о перспективах будущего (об этом больше говорили днем в редакции), но и об исторических работах Рожкова и Павлова-Сильванского.

За целый день в редакции мы питались обыкновенно одним-двумя ломтями черного хлеба и чаем в неограниченном количестве. Зато дома у меня нас ждало наше тогдашнее традиционное блюдо — вареная картошка с прекрасным черно-зеленым конопляным маслом.

Ежедневно я заходил в дни восстания в помещение Московского губернского совета рабочих депутатов, но делать там было нечего. Невозможно было установить связь из московского центра с многочисленными фабриками и заводами на территории всей Московской губернии. Кроме того рабочие массы фабрик и заводов окрестностей Москвы, не ожидая никаких директив, но следя за лозунгами партии, самостийно вступили в борьбу, и сформированные ими отряды Красной гвардии дрались бок-о-бок с московскими красногвардейцами под руководством Московского Военно-революционного комитета.

Д. Паперников

Воспоминания об Октябрьской революции 1917 г.

Вернувшись в Москву незадолго до Октябрьской революции из дома отдыха (Орловской губ.), я был в общем порядке призван в армию. Я попал в 55-й пехотный стрелковый полк, который был расположен на Серпуховской площади в Александровских казармах.

Солдат усиленно обучали военному искусству. Нас готовили к отправке на фронт против немцев. Только немногие солдаты, связанные с теми или иными политическими партиями, были информированы о том, что назревают большие события. Командный состав полка принял меры к тому, чтобы препятствовать проникновению в полк агитаторов-большевиков и в особенности проникновению в казармы органа Московского комитета большевиков «Социал-демократ», который пользовался в солдатских массах большой популярностью. Настроение солдат 55-го полка было явно враждебным правительству Керенского. С образованием в Москве Военно-революционного комитета солдаты нашего полка не скрывали своей готовности встать в случае необходимости на его защиту. Больше того, многие солдаты из 1-го батальона, в котором я числился, высказывали даже недовольство тем, что Военно-революционный комитет медлит и не переходит в решительное наступление против городской думы, вокруг которой группировались все контрреволюционные и вооруженные и невооруженные силы. Полковой комитет, во главе которого стоял беспартийный товарищ Соколов, был также в своем подавляющем большинстве настроен в пользу ВРК. Положение в полку стало особенно напряженным после того, как город был объявлен на военном положении и командующий Московским военным районом Рябцев предъявил ВРК ультиматум, в котором он требовал упразднения ВРК, немедленного вывода из Кремля 56-го полка и возврата захваченного из арсенала оружия, при чем для ответа был дан очень короткий срок. В случае неисполнения требований Рябцев угрожал открыть

артиллерийский огонь. Как известно, ВРК решительно отверг ультиматум Рябцева и в последних числах октября начались военные действия.

Еще за несколько дней до начала военных действий в полку тщательно проверяли наличие патронов. Этот факт говорил о том, что необходимо готовиться к выступлению. Но никто в полку, в том числе и полковой комитет, не знал и не мог знать, что ожидавшееся всеми выступление станет неизбежным именно в ближайшие дни. К этому заключению я прихожу потому, что за день до выступления полка я, как всегда, получил от полкового комитета пропуск в город. Вечером, направляясь домой — в общежитие политических освобожденных на Спиридоновской ул., д. № 11, я заметил, что к зданию Московского совета непрерывно подъезжали грузовики с вооруженными до зубов рабочими и, получив нужные распоряжения, быстро отъезжали. Было ясно, что события нарастают, но почему-то трудно было допустить, что рано утром, если не ошибаюсь, 29 октября Москва проснется от грохота артиллерийских выстрелов.

Мы в общежитии были разбужены звуками артиллерийских выстрелов: стреляли советские войска по зданию градоначальства (Тверской бульвар).

Всем в общежитии стало ясно, что началась вторая, на этот раз — пролетарская революция; но, к сожалению, не все понимали, что в такой момент преступно сидеть в общежитии и не участвовать в боях на стороне восставшего пролетариата и большинства Московского гарнизона. Лично для меня было ясно, что надо пробраться к своему полку. Так же, как я, застряли в общежитии еще двое товарищей, служивших в 56-м пехотном полку, фамилия одного из них Штокфиш (адм. ссыльный), а другой, фамилию которого не помню, был ссыльно-поселенцем, бундовцем, лодзинским текстильным рабочим. Вместе с еще одним товарищем, тоже бундовцем, Шлямбергом, мы, быстро одевшись, вышли с решением влиться в первый встреченный нами красногвардейский отряд или отряд советских солдат. Большинство же из общежития не вышло, ограничившись дискуссией на тему о возможном исходе боев. Некоторые бундовцы, находясь еще под влиянием яро-контрреволюционной речи, произнесенной за несколько дней до восстания на бундовском собрании в гостинице б. «Дрезден» лидером Бунда Либером, не прочь были ругать большевиков за их «безумные шаги».

Итак, мы вышли из общежития, не имея никакого оружия. Но выйти за ворота нам не удалось. Спиридоновская

улица была буржуазной, заселенной не малым количеством офицеров. У ворот нас остановило несколько человек вооруженных револьверами, в том числе один в офицерской форме. На наши настойчивые требования пропустить нас последовал категорический отказ. Им было ясно, что мы намереваемся принять участие в боях и для этой цели желаем пробраться к своим частям. По нашим погонам было видно, из каких мы полков, о революционных настроениях которых было в городе хорошо известно. Нам ничего больше не оставалось делать, как вернуться домой. Прошло несколько мучительных дней нашего невольного бездействия. Хотя формально мы четверо еще были членами «Бунда», который в те исторические для революции дни занимал трусливую, позорную позицию контрреволюционного нейтралитета, что было равносильно предательству интересов рабочего класса, предательству в отношении пролетарской революции, нам было ясно, что в такой момент наше место в рядах восставшего пролетариата. Мучило сознание нашей беспомощности в тот момент, когда на улицах решается судьба революции. Хотя мы были неповинны в том, что оказались оторванными от своих частей, восставших на стороне большевиков,— мы все же чувствовали себя так, как будто мы в чем-то виноваты. Нас выручило заключенное после нескольких дней сражения «перемирие». Приходится брать перемирие в кавычки, так как фактически перемирия не наступило. Боевые действия не прекращались ни той, ни другой стороной. За время т. н. «перемирия» трещали пулеметы, гремела артиллерия. Мы четверо вышли и направились в 56-й пехотный полк, который был расположен в Покровских казармах. Шли по Садовой улице через Сухаревку. Прохожих на улице было очень мало. Женщины нередко с риском для жизни пробирались к магазинам получить свой хлебный паек — ⅛ ф. хлеба.

По всей дороге мы натыкались на красногвардейские патрули или патрули советских войск. На Сухаревской площади в нескольких местах были вырыты окопы. Все говорило о том, что улицы, по которым мы проходили, находятся всецело в руках советских войск. Многочисленные заградительные отряды из красногвардейцев и солдат нас часто останавливали, но так как у нас были соответствующие воинские документы, то нас нигде не задержали и мы благополучно добрались до Покровских казарм, где был расположен 56-й полк. Войдя в казармы, мы обратили внимание на почти полное отсутствие солдат. И это было понятно, ибо все были в отрядах на улицах, значительная же

часть солдат находилась в Кремле, который был окружен со всех сторон юнкерами. С трудом разыскали одного из ответственных работников полка, которого я от имени нашей группы просил принять нас в полк и тем самым дать нам возможность участвовать в борьбе с юнкерами. Однако, к нашему, т. е. моему и т. Шлямберга, огорчению мы получили от него отказ, по той причине, что он нас не знает. Таким образом в полку остался только т. Штокфиш.

Лично я решил в общежитие не возвращаться, а пробраться во что бы то ни стало к моему полку. Тов. Шлямберг, подавленный своей неудачей, вынужден был вернуться домой. Проходя мимо незнакомых переулков и улиц, я вынужден был вплотную держаться к фасадам. По всему пути не прекращалась трескотня то ружейной, то пулеметной стрельбы. Реже раздавались револьверные выстрелы то из одного, то из другого дома. Когда я наконец попал в Замоскворечье, то сразу бросилась в глаза разница между этим и только-что пройденным мною районом. Здесь царило оживление на улицах. Многие магазины были открыты. Объяснялось это, как я узнал потом, тем, что в Замоскворецком районе почти не происходило военных действий за отсутствием в этом районе крупных сил противника, а буржуазное население района, за отдельными исключениями, держалось нейтрально, вернее, пассивно. Таким образом, район с первых же дней восстания был советским районом. Вооруженные же силы контрреволюционеров — юнкера, находились, главным образом, в центре города, который связан с Замоскворецким районом мостами, главным образом, Чугунным и Каменным. Наконец я добрался до Александровских казарм, места расположения 55-го полка. В отличие от Покровских казарм, здесь было в казарме довольно много солдат и молодых красногвардейцев. Так как связь между районами была не на должной высоте и полк очевидно был плохо информирован о том, что делается в других районах, то меня сразу окружили со всех сторон и засыпали вопросами относительно положения в других районах. Я мог с ними поделиться только своими личными наблюдениями о немногом, виденном мною в тех районах, через которые мне приходилось пробираться.

На нарах крепким сном спали солдаты, а рядом с ними лежали винтовки; некоторые же из лежащих на нарах спали, обняв винтовки. Отдельные солдаты были слегка «навеселе» и забавляли других веселыми рассказами о своих боевых похождениях. Я направился в полковой комитет. Там сидело много народу, в том числе знакомые мне лица: пред-

седатель полкового комитета Б. Соколов, а также член полкового комитета, левый эсер, бывш. до военной службы народным учителем, по фамилии, если не ошибаюсь, Кулябка. В полковом комитете, где присутствовали также оставшиеся в полку немногие лица из старого командного состава, обсуждался вопрос о том, как быть с «неприятным соседом». Дело в том, что рядом помещалась школа прапорщиков, которая хотя активно не выступала, но в то же время не думала сдаваться и, выставив у всех входных дверей вооруженных винтовками и ручными гранатами часовых, в школу никого не допускала. Большинство полкового комитета выражало желание по возможности избежать столкновения со школой, ибо она все равно была отрезана от всего происходящего и не обнаруживала желания показаться за пределами своего здания. Решили тут же еще раз попытаться пойти в школу и уговорить ее сдаться.

Все, кто был в этот момент в полковом комитете, высыпали на площадь и направились к входу в школу прапорщиков; к нам присоединилось и много солдат. Винтовки, как было решено, с собой не взяли. Когда мы группой подошли к входу в школу прапорщиков, стоявший там постовой угрожающе приподнял ручную гранату, и наши попытки сговориться с ним о пропуске нас для переговоров ни к чему не привели. Тогда было решено, не предпринимая пока никаких военных действий, «блокировать» школу, т. е. не допускать в нее продовольствие и тем самым заставить ее сдаться. Однако, на следующий день, по распоряжению очевидно Революционного комитета, на площади была установлена тяжелая пушка и сделаны приготовления для обстрела школы. Обошлось, однако, без обстрела, так как самый факт установки против здания школы пушки произвел соответствующее впечатление на прапорщиков, и они сдались. На следующий день, после моего возвращения в полк, нужно было сменять солдат нашего батальона, защищавших от юнкеров не то Каменный, не то Чугунный мост. На вопрос командира, кто желает сменить товарищей у моста, отозвалось человек 25—30, в том числе и я.

Мы отправились в строевом порядке к мосту. Чем ближе мы подходили к нему, тем реже становилось население на улицах. Объяснялось это конечно тем, что даже во время т. н. «перемирия» там почти не прекращались перестрелки между нашими солдатами и юнкерами, стоявшими по другую сторону моста.

Мы поодиночке, прижимаясь к фасадам домов, перебежали к мосту и спустились в окопы, где находились наши солдаты и красногвардейцы. До наступления темноты раздавались только отдельные выстрелы, которые говорили скорее о «шаловливости» отдельных солдат, чем о сражении. Когда стемнело, несколько человек вызвались попытаться произвести перебежку через мост. Но при первых же попытках юнкера открыли сильный ружейный огонь и заставили их вернуться в окопы. Не вернулся только один товарищ той роты, в которой я служил. Он был убит наповал пулей юнкеров, и только рано утром проезжавшая карета Кр. креста (эти кареты пользовались свободным передвижением по всему городу) подобрала убитого товарища. Во время попытки к перебежке мы не могли открыть огонь из боязни попасть в своих же товарищей. Но после их возвращения в окопы все бойцы, которых насчитывалось вместе с красногвардейцами человек 30—35, открыли усиленный, но беспорядочный огонь по направлению к юнкерам, которые также отвечали ружейными залпами. Эта перестрелка длилась примерно полчаса. Стреляли, конечно, без прицела, ибо мы врага не видели. Единственный смысл в наших выстрелах был только в том, чтобы помешать юнкерам попытаться, пользуясь темнотой, произвести перебежку. Ночь прошла более или менее спокойно. Зато мы все основательно продрогли от осеннего дождика. Часа в 4 утра нас сменили другие товарищи. Район не освещался. В казармы мы шли цепью, так как довольно часто то из того, то из другого дома раздавались револьверные выстрелы. Идя всю дорогу с винтовками наперевес, мы натыкались на патрули солдат и красногвардейцев. В таких случаях с обеих сторон раздавались громкие окрики: «Кто идет?» «Свой» — следовал ответ, при чем в темноте за «своих» могли сойти и не «свои», потому что никакого условленного пароля патрули не имели.

Для того, чтобы убедиться, что «свои» действительно не чужие, нужно было вплотную подойти с винтовками на изготовку к встречному патрулю и в темноте его «прощупать».

Придя в казарму, я не успел еще подняться на нары, как в ночной тишине послышался с площади цокот копыт лошади, подскакавшей к нашему зданию. Через пару минут выяснилось, что это подскакал комиссар Серпуховского комиссариата милиции, помещавшегося недалеко от нас. Он заявил, что, по его сведению, по Серпуховскому шоссе двигаются казаки, которые неизбежно должны проехать

мимо комиссариата. Поэтому он просит дать в помощь ему десяток-другой солдат. Было ли это сообщение фантазией комиссара, который хотел продемонстрировать свою осведомленность и решимость встретить казаков с боем,— никому не было известно. Никто, в том числе и я, об этом не подумал. Командир нашей роты, не сбежавший из полка, как другие старые командиры, только потому, что, как он объяснил, всегда будет на той стороне, где будут солдаты, вопросительно посмотрел на нас, не успевших еще прилечь, и произнес: «ну, как, хлопцы?». «Раз надо, то о чем тут разговаривать»,— ответил я. Меня поддержали другие и мы человек 15 отправились вместе с комиссаром в комиссариат. Там мы застали человек 10 молодых красногвардейцев. В камере сидело несколько «профессионалов»-бандитов, которые в первые же дни восстания пытались грабить магазины в районе. Они сыпали ругань по адресу большевиков, которые «порядочным» людям не дают-де жить спокойно. Досталось и нам, пришедшим, как они думали, охранять их. Но нам было не до них. Мы пришли для серьезной боевой операции. Начало понемногу светать. По распоряжению комиссара милиции мы вышли на улицу, и цепью легли на панели у здания комиссариата. Не обращая внимания на холод, на грязь, в которую легли, на усталость от несения охраны в окопах и у моста, мы лежали с винтовками на изготовку в нескольких шагах друг от друга и молча переглядывались.

Время тянулось мучительно медленно. Через некоторое время к нам стал доноситься отдаленный шум конских копыт. «Скачут», подумали мы, переглядываясь. Постепенно шум, возбуждавший наше подозрение, все больше к нам приближался. Нам казалось, что вот-вот казаки покажутся из переулка, и мы направили винтовки в соответствующем направлении. Каково же было наше удивление, когда из переулка показалась медленно двигавшаяся лошаденка, впряженная в бочку с водой. Из уст некоторых вырвалась многоэтажная ругань по адресу лошаденки и сидевшего на бочке водовоза. Вскоре после этого явился комиссар и, заявив, что все в порядке, велел вернуться в казарму.

В следующую ночь я участвовал в патруле по обходу района. Отдельные револьверные выстрелы, раздававшиеся от времени до времени то из того, то из другого дома, нарушали ночную тишину. Кроме патрулей нашего же полка нам почти никто не попадался. Изредка мимо нас быстро проезжали грузовики, мотоциклы, легковые. На наши окрики: «Стой», слышалось обычное: «Свои». Мы повернули в

какую-то улицу, где двухэтажное здание, освещенное внутри, выделялось в ночной темноте. Направились туда. В этом здании раньше был ресторан. Теперь же здесь помещался штаб Замоскворецкого военно-революционного комитета. Все время к этому зданию подъезжали грузовики, мотоциклы, оставляли какие-то проволочные материалы, иногда оружие и, получив нужные распоряжения, исчезали в темноте. На полу смачно храпели шофера, красногвардейцы, солдаты. Об усталости этих людей, которые вероятно не спали несколько ночей, можно судить по тому, что когда у одного из солдат нашего патруля случайно выпала из рук винтовка и раздался выстрел, то никто из храпевших не проснулся. Услышав выстрел, из комнаты, которая была отделена от большого зала только занавесом, выглянул уже седой человек высокого роста, справляясь, «что случилось». Как потом я узнал, это был тов. Смидович. Видел я там также знакомое мне лицо младшего из братьев Коссиоров, имени его я не помню, но я его знал по Иркутску, где он работал на кожевенном заводе Монгольского общества.

У занавеса стояли два красногвардейца с винтовками и револьверами, пропускавшие за занавес только тогда, когда на доклад часовых о желающих войти в ответ раздавалось: «пропустить». Мы сидели в зале и все время посматривали в сторону таинственного для нас уголка зала, завешенного занавесью, откуда все время доносились отрывистые боевые распоряжения. В противоположном углу зала стояла стеклянная телефонная будка, в которой сидели два арестованных офицера. Попросив закурить у стоявшего у будки часового, молоденького красногвардейца, офицеры пытались завязать с ним разговор на тему о текущих событиях. Часовой был очень скуп на разговоры и только от времени до времени бросал в сторону офицеров, пристававших к нему с разными вопросами, отдельные слова в роде: «справимся», «трудностей не боимся» и т. д.

Отдохнув и согревшись, мы вышли на улицу продолжать обход района. Моросил мелкий осенний дождик. В темноте прошли целый ряд незнакомых улиц и переулков и, неожиданно для себя, очутились на площади, где расположены наши казармы. Не раздеваясь, я лег как и остальные на нары и быстро заснул.

Утром, напившись чаю, созвали солдат всего полка на митинг. На митинге присутствовали одетые в солдатскую форму тов. Антонов, кажется бывший каторжанин, и член ВРК города Москвы тов. Будзинский. Особенно горячую речь о значении происходящих событий произнес тов. Буд-

зинский. Человек с темпераментом, не плохой массовый оратор, он сумел приковать к себе внимание аудитории и произвести на нее сильное впечатление. Цель этого митинга заключалась очевидно в своего рода проверке настроения солдат, участвовавших уже в течение пяти или шести дней в боях с контрреволюцией.

Громом аплодисментов и криками «ура» были встречены последние слова докладчика. Это достаточно убедительно говорило о настроениях солдат. Когда один прапорщик, занимавший за все время военных действий нейтральную позицию, также пытался обратиться к солдатам с речью, он с первых же слов был освистан и прогнан с митинга. Если не ошибаюсь, второго или третьего ноября военные действия прекратились. Белые сдались на условиях, разработанных Военно-революционным комитетом. Контрреволюция была побеждена и разоружена.

Началось восстановление хозяйственной жизни Красной Советской Москвы.

Пл. Алисов

Организация советской власти в бывш. Михайловском уезде Рязанской губернии

(Воспоминания)

Осенью 1917 г. я как амнистированный прибыл в свой родной город Михайлов.

Страдая некоторой долей «патриотизма», я надеялся встретить у себя на родине такой же революционный подъем, такие же революционные дела, как и в других местах, где мне пришлось побывать за этот бурный период времени, но мои предположения не оправдались. Город патриархально дремал, утопая в осенней грязи, и никаких революционных дел не творил, и даже гром пушек московских октябрьских боев, несмотря на их значительную территориальную близость, не потревожил мирного мещанского благополучия.

Редкие прохожие, одолевая непролазную грязь, на минуту останавливались у сиротливых уличных витрин, облепленных плакатами всевозможных списков кандидатов в учредительное собрание. Предвыборная горячка, как видно, не минула и этого захолустья.

— Скажите, товарищ, — обращается ко мне молодой парень, показывая на один из списков, — «партия народной свободы» — хорошая партия? И стоит ли за эту партию голосовать.

Разъясняю всю лживость заманчивого названия кадетской партии.

— Вот сволочи, — слышу реплику, — как же это пишут одно, а на деле выходит другое? Полный обман, можно сказать.

Чувствую, что меня слушают с интересом, и круг слушателей значительно увеличивается, так что получается подобие импровизированного митинга. Это меня подбодряет и я, как заправский агитатор, перехожу на текущие политические темы... Вдруг резкий окрик:

— Это что за банда?

Оглядываюсь. Офицер, поблескивая золотыми погонами, сдерживая красивую лошадь, неистово орет. Сзади его человек 15—20 кавалеристов.

Выхожу из толпы и также кричу офицеру:

— А это что за опричники?!

Слушатели мои, очевидно опасаясь навлечь на себя немилость блюстителей порядка, моментально смылись, и я остался один-на-один с офицером.

— Большевистский агитатор, — злобствует офицер, — арестовать его!

— Попробуй! — не менее злобно кричу я.

Вижу, как кричавшему офицеру что-то нашептывает другой, под'ехавший после офицер... Кавалькада круто повернула коней и удалилась, не приведя своей угрозы в исполнение. Такого благоприятного для себя конца я никак не ожидал.

Очевидно, московские октябрьские события проняли толстую шкуру и этих «блюстителей порядка» и они уже действуют нерешительно.

Вот так встреча! — думаю я, озираясь на пустую, покрытую осенней грязью площадь. Такой «встрече» не всякий мог бы позавидовать из моих амнистированных товарищей.

«У нас все по-старому. У власти как и раньше помещики и купцы», — вспоминаю я письмо одного из моих земляков.

Уездный комиссар — помещик Соколов и начальник милиции — купеческий сынок Бурмин были прямыми выполнителями воли и защитниками интересов помещиков и местной буржуазии. Это они, следуя указаниям помещиков, для охраны помещичьих имений и «порядка» в городе вытребовали из Тамбова эскадрон драгун, который, разъезжая по уезду, устанавливал порядок нагайкой, так как крестьяне никак не хотели подождать учредительного собрания и кое-где пытались потеснить помещиков.

Отвыкший за период революции от такого, можно сказать, «вежливого» жандармского обращения, я был очень возмущен сценой с драгунами и решил прибегнуть к авторитету местного совета депутатов, указав ему на недопустимость такого поведения со стороны отряда драгун.

— Где у вас тут помещается совет рабочих депутатов? — обращаюсь я к одному из прохожих.

— Совет депутатов? Что-то не слыхали о таком.

После долгих поисков мне удалось найти бюро крестьянских депутатов, помещавшееся в доме уездного земства, в одной небольшой комнатке — в свидетельской судебного зала.

— Могу я видеть председателя бюро? — обращаюсь я к субъекту, лежащему на обитом клеенкой диване.

— Председателя нет. Уехал,— заикаясь произнес субъект.

— Тогда секретаря нельзя ли? — не унимаюсь я.

— Нет...

— Тоже уехал?

Субъект вскакивает с дивана.

— Я член бюро и заменяю и председателя, и секретаря. Что вам угодно?

Член бюро оказался левым эсером.

Начинаю обрабатывать этого универсального представителя крестьянских депутатов. В этих случаях требуется «быстрота и натиск».

— Что же, товарищ, вы, можно сказать, являетесь представителем власти, а не видите, что творится у вас под носом: в городе какие-то драгуны разгоняют митинги, а в уезде эти драгуны порят крестьян нагайками... Это не 1905 год, когда казаки и карательные отряды чинили суд и расправу над восставшими против своих угнетателей-помещиков крестьянами. За такое попустительство контрреволюции в уезде вы, как представитель совета, должны будете дать ответ уездному съезду советов.

После такого вступления я предлагаю этому члену бюро совета немедленно вызвать начальника отряда и от имени совета предложить ему немедленно покинуть пределы уезда.

Мои «доводы» подействовали на члена бюро, и он во всем со мною согласился.

Вызванные нами офицеры отряда, как и нужно было ожидать, наотрез отказались покинуть уезд, заявив, что они подчиняются только Тамбовскому гарнизонному совету и что они стоят на платформе Керенского.

Получив отказ офицеров подчиниться нашему требованию, я составил текст телеграммы, которая от имени совета, за подписью члена бюро, была направлена на имя Тамбовского гарнизонного совета, с требованием отозвать драгун из нашего уезда.

По истечении трех дней драгуны покинули наш уезд. Телеграмма возымела свое действие.

В виду того, что бюро крестьянских депутатов в уезде по существу своему никакой роли не играло, не имело никаких определенных функций и было лишь ширмой, тем не менее достаточно было энергично заговорить именем совета, как контрреволюционное офицерство спасовало и отступило. Конечно, бравые офицеры отступили не потому, что испугались какого-то там бюро крестьянских депутатов, не имеющего за собой никакой реальной силы, а потому,

что им уже был сломан хребет в октябрьские бои в Москве.

С уходом драгун «отцы города» всполошились, зачастили собрания, где они, сердито стуча о пол своими увесистыми посохами, настойчиво требовали «охраны порядка».

На этих собраниях подвизался местный краснобай, учитель городского училища — меньшевик Осипцев, который сладко пел о демократии, о выборах в уездное земство, которое придет и как хозяин уезда возьмет в свои руки «охрану порядка».

Советской власти, как я уже говорил, в уезде не существовало, все дела собиралось вершить уездное земство. Ранее созванный уездный съезд крестьянских депутатов ограничился лишь принятием решения о созыве «малого съезда» для перевыборов уездного комиссара. Как видно, организаторы этого съезда отводили ему очень незначительную роль и органичивались только пустыми декларативными, ничего не говорящими, резолюциями.

Примерно в половине ноября был созван малый съезд, на котором я выступил с докладом о необходимости организации советской власти в уезде. Съезд отнесся к моим предложениям очень сочувственно и было решено, кроме замены уездного комиссара — помещика Соколова и начальника уездной милиции — купца Бурмина, созвать съезд рабочих и крестьянских депутатов для организации советской власти в уезде. Вскоре такой съезд состоялся и на нем был избран уездный исполнительный комитет Совета рабочих, красногвардейских и крестьянских депутатов под моим председательством.

Для работы в совете мне пришлось организовать актив, в который входили товарищи: Мохов, Шешнин, Данилов, Горячев (железнодорожник), сыгравшие немаловажную роль в организации советской власти в бывш. Михайловском уезде.

С организацией советской власти в городе, уисполком деятельно приступил к организации сельских советов и волисполкомов в уезде, но успешной организации советской власти и ее укреплению в значительной степени мешало вновь избранное уездное земство, которое стремилось, во главе с председателем своим Осипцевым, занять господствующее положение в уезде.

Постановлением уисполкома уездная земская управа и городская управа были распущены.

Организация Красной гвардии в уезде прошла неудачно; присланный из губернии инструктор по организации Красной гвардии набрал в отряд сынков местной буржуазии, яв-

ных белогвардейцев, и на деле оказалось — не Красная, а белая гвардия, которая в первый же день своего появления на свет мною была распущена. Инструктор же оказался действительно белогвардейцем и впоследствии скрылся.

Стремление местной контрреволюции создать вооруженный отряд под видом Красной гвардии можно объяснить попытками использовать этот отряд для охраны помещичьих имений, которые в то время захватывались крестьянами.

Потерпев поражение на легальном фронте, белогвардейцы организовали контрреволюционное выступление крестьян Прудской волости, жертвой которого были мои соратники тт. Мохов и Шешнин, смерть которых заложила прочный фундамент советской власти в бывш. Михайловском уезде.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В БУЗУЛУКСКОМ УЕЗДЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Э. Г. Цебер

В отрядах особого назначения (ЧОН)

Лето 1917 года.

Кумысолечебный санаторий для политических амнистированных около г. Бугуруслана, Самарской губ.

Организация первого комитета РСДРП большевиков. Бугурусланская организация ВКП(б) возникла из небольшой группы лиц, из которых 9 чел. было бывших политкаторжан-большевиков: Остроухов, Рытвинский, Цебер, Гофман (супруги), Рицберг (супруги), Сокольский, Иоффе, Климов и Самсонов. Много энергии отнимала у нас организационная работа, связь с Самарским губкомом, распространение литературы и агитация. Особо усиленная работа велась в местном гарнизоне против войны и временного правительства.

160-й запасный полк, находившийся в лагерях вблизи санатория, благодаря усиленной агитации группы большевиков, был окончательно разложен и расформирован. Не помогла яростная контрагитация офицерства и местной буржуазии. В сентябре усилилась агитация за передачу полноты власти советам.

В октябрьские дни власть перешла к советам в гор. Бугуруслане без кровопролития. Но силы контрреволюции не были разбиты и черные вороны начали усиленно организовываться вокруг партии кадетов и правых эсеров. Настроение масс в городе было выжидательное. Шла явная подготовка к борьбе со стороны контрреволюции. Партия большевиков вела усиленную работу по обучению и пополнению Красной гвардии.

В декабре мы получили от губкома постановление ЦК партии о том, что вся организация мобилизована. Получили инструкцию о создании новых о с о б ы х ч а с т е й при комитетах партии из коммунистов. Нас вооружили японскими винтовками и стали поспешно обучать военным приемам. Ежедневно после окончания занятий в учреждениях,

под руководством инструктора военкомата, мы проводили 3-часовое военное обучение. Так создались части особого назначения. В феврале 1918 года в Бугурусланской уездной организации большевиков насчитывалось уже 82 чел. Такой численный рост организации явился результатом неустанной работы старых большевиков-политкаторжан. Самарский губком отметил это явление и с нами держал живую связь. Из ответработников губкома частенько посещали нашу организацию тт. Куйбышев, Тронин, Сокольский и др. Организация росла за счет местных мельничных рабочих, пожарных и рабочих ж.-д. депо. В феврале месяце взбунтовался местный полк и над городом нависла угроза разгрома, грабежей и белого террора. Агитация местной буржуазии велась почти открыто за изгнание коммунистов из советов и захват власти кадетами. На общем закрытом собрании вооруженных коммунистов мы долго и детально обсуждали вопрос о разоружении полка. Попытки военкома агитационно воздействовать на солдат потерпели полную неудачу, и комиссар еле спасся от самосуда солдат. Ночью, часов в 12, часть особого назначения окружила казармы и группа коммунистов ворвалась в казармы. От имени Исполнительного комитета было категорически предложено сдаться и разоружиться. В первую очередь потребовали оружие у полковника. Последний оглядывался на солдат и прапорщиков, ожидая сигнала к нападению. Но такой стремительный и властный подход группы лиц, вооруженных винтовками, револьверами и гранатами, оказал свое влияние. Солдаты растерялись и прижались к углам казармы, а часть ушла из помещения. Первым сдал оружие поручик П., после чего командир полка, покрасневши от ярости и стыда за неудачу мятежа, выступил на середину комнаты штаба и заговорил: «Я подчиняюсь грубой власти большевиков и признаю это беззаконием». Сняв револьвер и шашку, положил их на стол. Его примеру последовали прапорщики и началось полное разоружение полка. Таким образом тщательно организованный бугурусланский контрреволюционный заговор был подавлен в самом зародыше горсточкой коммунистов. Организация одержала одну из величайших своих побед. Найденные впоследствие Чека при арестах представителей местной буржуазии материалы показали в полной мере, что этот бунт был не случайной вспышкой, а вполне организованной попыткой контрреволюционного переворота, органически связанной с южной контрреволюцией. Этой попытке я уделил столько внимания потому, что подавление этого

мятежа было блестяще выполнено еще не окрепшими частями особого назначения.

Наблюдая ежедневно регулярное обучение части особого назначения военно-тактическим приемам, местная Бугурусланская контрреволюция ушла в подполье, так как часть особого назначения представляла внушительную боевую единицу. Власть советов в уезде также была обеспечена усилиями и бдительностью части особого назначения. Деятельность бугурусланской контрреволюции, после поражения в городе, была переброшена в уезд по селам и опиралась на попов и кулаков.

Приблизительно в конце февраля вспыхнуло кулацкое восстание в одной из волостей, километров 25 от города.

После тревожного сигнала, поздно вечером клуб коммунистов-большевиков наполнился вооруженными товарищами. Под руководством военного комиссара, выделенный из части особого назначения отряд в 30 чел. на подводах выехал на подавление кулацкого восстания. Настроение в отряде было бодрое. Мы, члены отряда, отправлялись на борьбу с восставшими кулаками, как на веселое и приятное времяпрепровождение. Всю дорогу слышались песни, шутки, остроты, анекдоты.

Под утро село было оцеплено нами; расставив постовых, мы двинулись к дому местного попа и главы восстания. Дом застали спящим. Разбуженный поп, бледный и расстроенный, божился святым крестом, что он ни малейшего участия в восстании не принимал, что это стихийное крестьянское восстание против продовольственных отрядов и из'ятия хлеба. Обыск в доме ничего не дал, кроме нескольких писем от видных городских кадетов.

Но наш командир этим не удовлетворился, и мы стали обыскивать двор и хозяйственные строения. После двухчасовой работы в стоге сена за хлевом обнаружили пулемет системы Кольта с 2 лентами патронов, а по другую сторону стога — 5 винтовок с боевыми патронами. Взятый под стражу поп, в конце концов, под угрозой расстрела на месте, указал всех главных участников восстания. Впоследствии нами также было установлено, кем были убиты секретарь volячейки и зам. предисполкома. По постановлению коллегии Чека пять человек из восставших кулаков были расстреляны. В результате произведенных обысков мы нашли: пулемет, 12 винтовок и около 40 револьверов разных систем. Арестованных отправили в город. Таким образом частями особого назначения было ликвидировано первое кулацкое восстание в Бугурусланском уезде.

Следующее кулацкое восстание вспыхнуло месяца полтора спустя в Кинельском районе, куда пришлось выехать всему отряду особого назначения. После предварительной полуторачасовой перестрелки и действия нашего пулемета кулачье разбежалось и мы заняли село. Приехали члены ревкома и коллегия ЧК. Отряд отправился обратно в город.

В начале апреля мы усиленно готовились к встрече чехословаков, которые в это время заняли г. Сызрань и готовили удар по Самаре. Шла усиленная подготовка к борьбе с ними, производилось обучение и вооружение ЧОН'а. Наш отряд был об'явлен на военно-казарменном положении.

Отряд Красной гвардии был всецело подчинен ревкому, а наш — ЧК. Несмотря на то, что благодаря тревожной обстановке нам приходилось днем работать в учреждении, а ночью находиться под ружьем, члены отряда не чувствовали утомления. Боевая спайка делала нашу часть сильной, здоровой духом и непобедимой. Бугурусланская буржуазия знала могущество нашего отряда особого назначения и считалась с его силой.

В апреле чехословаки захватили Самару и нам предстояла усиленная работа по эвакуации города. Как-то раз, в день какого-то церковного праздника, местные попы города и буржуазия решили под прикрытием крестного хода сделать переворот и облегчить чешским гостям захватить город Бугуруслан.

Рано утром начался бешеный колокольный звон и к собору стали собираться богомольцы. Партия кадетов, которая в то время не была еще окончательно разгромлена, отсиживавшаяся в подполье, чувствуя близость «избавителей» чехословаков и смакуя известия об учиненных ими погромах и зверствах в Самаре,— под прикрытием крестного хода готовилась к захвату власти в городе.

От собора вся эта дикая орда богомольцев двинулась к зданию Исполкома, где в то время заседал Революционный комитет. Вызванные к Исполкому части Красной гвардии заняли вход и лестницу наверх, где на средней площадке был установлен пулемет. Несмотря на это, толпа местных буржуев, кулаков, лавочников и др. сброда сильно напирала и вошла в нижний этаж здания. Красногвардейцы постепенно отступали наверх. В толпе слышались угрозы, ругательства по адресу Ревкома и партии большевиков. Предревкома т. Сокольский пытался с балкона Исполкома уговорить толпу богомольцев разойтись мирно, но эта по-

пытка ни привела ни к чему, а толпа между тем становилась все более раз'яренной.

В это время в клубе коммунистов шло собрание отряда особого назначения. Тов. Сокольский по телефону вызвал наш отряд для того, чтобы рассеять этот контрреволюционный крестный ход. Члены отряда моментально выстроились и через 5 минут мы были уже на площади. Мы окружили площадь с трех сторон и дали предупредительный залп вверх. Из толпы последовало несколько выстрелов по нашему адресу, но эти выстрелы никого из нас не ранили. Толпа растерялась и бросилась бежать в ближайшие дворы. После второго залпа крестный ход разбежался и мы освободили здание Ревкома с красногвардейцами и пулеметом.

Две недели спустя, мы оставили гор. Бугуруслан под давлением чехословаков, наступавших со стороны Кинеля на вокзал. Ревком в полном составе отступил на ст. Дымка ж. д. Белебей — Симбирск. Отряд особого назначения полностью влился на ст. Бугуруслан в отряд т. Блохина и с подрывниками отступил по направлению Белебей—Уфа.

В тот же день белогвардейцы заняли г. Бугуруслан и нарядили отряд в догонку Ревкому. На утро следующего дня Ревком с отрядом был настигнут белыми в имении Рычкова и дал последний бой. Белые в этом бою понесли большой урон и отступили назад к Бугуруслану. В этом бою Красная гвардия потеряла до 12 человек убитыми. Ревком ушел в Симбирск и соединился с Самарским губ. Ревкомом. Отряд особого назначения под командой Блохина прибыл позже в Симбирск и рассеялся по разным частям и городам.

Из Симбирска я уехал в Балаков-Покровск, куда прибыл и Самарский губернский Революционный комитет. В октябре Красная армия выбила белогвардейцев из Самары и Революционный комитет направился в Самару. С Самарским губревкомом из-под Покровска прибыл в Самару и я. Гор. Бугуруслан был еще в руках белых. Бои шли в районе ст. Кинель. Белые под натиском Красной армии отступали по направлению к Сибири. Дней десять спустя, Бугуруслан был освобожден от белогвардейцев и чехословаков.

По распоряжению Самарского ревкома я отправился в Бугуруслан для партийной и советской работы. Постепенно с'ехались наши бугурусланские работники. Состав партийной организации изменился и порядочно увеличился после ухода белых. Часть старых товарищей-партийцев осталась в рядах Красной армии, часть застряла в других

городах. Тов. Сокольский — наш предревкома — остался в Самаре, а заместитель его т. Розанов—в 5-й Красной армии под Уфой. После приезда работников и заполнения советских учреждений, был избран уездный комитет партии и снова была сформирована часть особого назначения. Это было зимою 1919 г. Но теперь состав части особого назначения увеличился до 80 чел. Мы опять наладили военную учебу. Наш отряд состоял из нескольких взводов или отделений. В городе закипала организационная работа по линии налаживания работы в советском аппарате и по восстановлению разрушенных буржуазией промышленных точек: мельниц, фабрик, кирпичных заводов, ремонтных мастерских и т. д. Я, как член коллегии и зам. председателя уездного совнархоза, много работал по приемке предприятий: аптек, мельниц, бань, мастерских и магазинов.

Вскоре со стороны Сибири опять поднялась волна контрреволюции — колчаковщина. Опять часть особого назначения стояла на боевом посту по охране революции.

Оставшаяся после бегства чехов буржуазия начала агитацию в крестьянской массе, в ее зажиточной части — кулачестве. Приходилось усилить коммунистами продовольственные отряды, так как центры — Москва, Ленинград и крупные промышленные города — уже находились в тисках голода. Из Москвы поступали телеграммы одна тревожней другой: центры без хлеба.

Гражданская война была в самом разгаре. Советский Союз был зажат в кольце контрреволюции. Отрезаны Донбасс, Украина, Сибирь, Нижняя Волга. Продовольственный вопрос был вопросом жизни и смерти. Были случаи, когда продовольственные отряды в кулацких селах нашего уезда не в состоянии были бороться с поднявшими головы кулаками. Под натиском обнаглевших кулаков продотрядам приходилось отступать и они взывали о помощи. Отряд особого назначения вынужден был посылать целые отделения в помощь продотрядам. Опять отряд особого назначения был на военном положении и находился в самой гуще борьбы с контрреволюцией. В конце 1919 г. под влиянием агитации попов и кулаков началось усиленное среди кулацкой части крестьян брожение. Фронт сибирской контрреволюции — Колчака — продвинулся к Уфе. Обнаглела и бугурусланская буржуазия, особенно кулачество. В некоторых селах Бугурусланского уезда появились кулацкие листовки, призывавшие крестьян не давать ни единого зерна большевикам, якобы отправляющим зерно в Германию в уплату за оружие.

Местами продовольственные отряды были смяты, ответработники из сел были вынуждены скрыться и началась полоса кулацких восстаний. Вспыхнули кулацкие восстания в Кинель-Черкассе, Коровинской, Обдулинской и Сургутской волостях. Отряд особого назначения ликвидировал постепенно контрреволюционные вспышки. В уезде продовольственная разверстка была выполнена. Были жертвы и в нашем отряде: были убиты при подавлении контрреволюционных восстаний в уезде тт. Карпов, Бриль и Сорлин. В г. Бугуруслане, благодаря внушительной силе отряда особого назначения, буржуазия не осмелилась поднять голову, даже при приближении фронта. В городе до полной эвакуации при наступлении Колчака царило спокойствие и порядок. Местная контрреволюция, потерпев неудачу в попытках поднять восстание в крестьянстве,—ушла в подполье и смиренно решила дожидаться «своего» несущего власть капиталистам и «богом помазанного» правителя Колчака.

В первых числах апреля началось отступление Красной армии через Бугуруслан: потянулись наши обозы, резервные части. Мы закончили эвакуацию города, оставили его в распоряжении военного командования и выехали на ст. Кротовка, где влились в части 5-й армии. Так славно кончила свое существование наша часть особого назначения. И мы, участники этого отряда, гордимся за его почетный, славный боевой путь.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ДОНБАССЕ

Пучков-Безродный

Октябрь в Донбассе

(Из записок красногвардейца)

Шахтеры Донбасса в Октябрьской революции

Таганрог. Июнь — июль 1917 года.

Социал-революционеры во главе со своим лидером, сыном попа, прапорщиком Никольским — в зените своей славы. Мобилизованы лучшие силы партии эсеров для сокрушения местной группы большевиков и максималистов. Большую активность развивают меньшевики. Председатель Таганрогского совета Берман, он же Павел Кожаный, называвший себя интернационалистом, произносит уйму речей на тему о консолидации сил революции против экстремистов-большевиков. Он — юрист, говорит красиво и его слушают со вниманием; однако, когда Берман призывает рабочую аудиторию спасать положение в тылу и на фронте во имя революции, ему хором кричат: «Долой! Довольно!» Рабочие уже знают, что меньшевики и эсеры спасают помещиков и капиталистов, что они хотят так же, как и кадеты и все темные силы реакции, войны до конца и полной победы вместе с «доблестными союзниками».

А вот один из дарданелльских героев — местный кадет Бухштаб. Он ужасный патриот и националист. В 1905 году его спасла рабочая дружина от погрома. Теперь же, в 1917 году, ему нехватает необ'ятных просторов России. Он хотел бы увеличить территорию полицейской родины присоединением к ней Галиции и отнять у турок Дарданеллы и Босфор.

Кадеты засуетились. В Таганрог приехал Родичев. Он мобилизует общественное мнение за войну до конца. На митинге в театре Бондаренко он призывал во имя родины и революции сокрушить всякого врага и супостата, сиречь большевиков, вставляющих палки в колеса войны. Вот бестия! И ему аплодировали. Особенно аплодировали, когда он патетически воскликнул: «Пусть лучше погибнут извер-

ги Вильгельма, прибывшие в Россию в запломбированных вагонах, нежели будут погибать борцы и герои за общечеловеческую культуру».

Аудитория была избранной: кадетско-меньшевистско-эсеровская. Все знали, что Родичев сознательно лжет на Ленина, на большевиков вообще. Знали и аплодировали. Хотелось бросить всем в лицо и Родичеву в особенности: «Ложь!»

Не взошел, а вскочил я на трибуну и зычным гневным голосом крикнул: «Седой лжец, гадина политическая, столичная... тебе умирать пора, не смерди здесь на трибуне. Не революцию, а контрреволюцию приехал ты внедрять здесь. У буржуазии и пролетариата разные родины. И они суть враги и между ними и вашим отечеством нет ничего общего. Рабочие и крестьяне не будут защищать отечества помещиков и капиталистов».

Свист. Шум. Крики: «Долой, вон, провокатор. Шпион Вильгельма». Наконец, меня схватили за шиворот и стащили с подмостков трибуны. Человек 10 рабочих и десятка два военных сгрудились вокруг меня, взяли под свою защиту, и мы сравнительно благополучно ретировались. «Грубо, неделикатно выступал ты»,— заметили мне товарищи. «Но здорово, однако, отчитал ты их. Очень хорошо. Коротко и ясно. Обедню испортил им...»

Действительно, мы кадетам «испортили обедню», сорвав их митинг моим выступлением и обструкцией присуствовавших на митинге большевиков; как только теперь я выяснил, нашей организации удалось достать 120 пригласительных на этот митинг билетов, распределить их среди солдат местного гарнизона, которые аккуратно явились на собрание и, действуя по директивам партийцев, спасли меня, как выше уже сказано, от избиения и помешали кадетам довести собрание до конца.

Горсть рабочих-большевиков Таганрога: Шаблевский, Мейстер, А. Глушко, Володя Смирнов, Хильков, Стернин и другие, день и ночь вели упорно кропотливую организационно-пропагандистскую работу, готовя к октябрьским боям рабочих Балтийского, Металлургического и других заводов. Подпольная нелегальная работа чередовалась с открытыми выступлениями на митингах. Эсеры боролись с большевистскими агитаторами системой физического насилия. Митинги окружались эскадроном кавалерии и эсеры вылавливали крамолу. Однако, я не знаю случая, чтобы им удавалось таким образом задержать большевиков. При налете кавалерии заводской митинг рассыпался как дождь или агитатор тонул в рабочей массе.

Большая оживленная работа шла в эсеровском партко-митете. Черносотенное хулиганье, бравые царские генералы и политически тупое и безличное офицерье там стояли в очереди, записываясь в партию знаменитого своей позорной славой «полководца» Александра Керенского.

Происходила консолидация сил революции, только не в том плане, как мыслил себе пред. Таганрогского совета меньшевик Берман. Пролетариат сплачивался и отходил от эсеров и меньшевиков, а эсеры органически врастали в самую матерую контрреволюцию.

Чувствовалось, что напряженные дискуссионные схватки между блоком кадетов, меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и пролетариатом во главе с большевиками — с другой, — вот-вот выльются в открытую вооруженную классовую борьбу.

В августе-сентябре Таганрог осаждали делегаты от шахтерских масс Донбасса. Там, на местах, жаждали разобраться в событиях. Требовали ораторов, лекторов, докладчиков-организаторов. Мое скромное участие в Октябрьской революции выразилось в том, что я летом, накануне октября, не выжидая событий, отправился из Таганрога в Шахты, Крындачевского района и обосновался там в качестве организатора красногвардейских отрядов.

Штаб-квартира Красной гвардии находилась в шахте Капитальной. Формирование красногвардейских отрядов шло весьма успешно на Прохоровских, Иваново-Вознесенских рудниках и дальше в Боково-Хрустальском районе. Тут большую работу по организации вооруженного сопротивления калединской контрреволюции вел тов. Быков — председатель ревкома Боково-Хрустальского угольного района. Следует отметить полезную работу тов. Коняева. Тов. Коняев, политэмигрант, называл себя анархистом - синдикалистом и до наступления Каледина вел культурно-просветительную и профсоюзную работу. Но как только стала надвигаться угроза со стороны калединских банд, тов. Коняеву не помешал его анархо-синдикализм, чтобы выступить в качестве активного организатора красногвардейских боевых сил для защиты Боково-Хрустальского участка. В районе Боково действовал тогда довольно сильный красный партизанский отряд под командой Першина. Между штабом отряда и ревкомом возникали перманентные трения. Партизаны не доверяли ревкому, а ревком, в лице тов. Быкова — партизанам. В беседе по этому вопросу с тов. Быковым я узнал, что причины разлада были стратегические и идеологические. Здесь, кстати, считаю необходимым сказать несколько слов о товарище Быкове. Ростовский

Истпарт однажды просил меня дать характеристику т. Быкова в связи с неясным отношением его в качестве пред. ревкома к калединскому наступлению. Пользуясь случаем, я позволю себе ответить здесь на этот вопрос. Тов. Быков студент-казак. Называл себя большевиком, хотя партбилет мне не представлялось случая у него видеть. Однако, у меня осталась уверенность, что он несомненно член ВКП(б). Тов. Быков представлял из себя энергичного и очень способного организатора и смелого бойца. Таковы мои впечатления о нем из трех наших встреч, имевших место в связи с организацией красногвардейских частей и их вооружением. В последний раз я расстался с тов. Быковым при следующих обстоятельствах: в виду крайней нужды в оружии перед лицом наступавшего противника, я был весьма срочно командирован в Екатеринослав с убедительной просьбой о вооружении углекопов, организованных в красногвардейские отряды в Крындачевском и Боково-Хрустальском районах.

Екатеринославский ревком в оружии нам отказал, мотивируя свой отказ тем обстоятельством, что оно может попасть к калединцам, так как последние к этому времени взяли ст. Зверево и приближались к станциям Штеровка, Дебальцево, Никитовка. На мои убедительные заверения, что настроение шахтерских масс таково, что при условии вооружения их калединские гимназисты и юнкера будут нами разбиты в пух и прах, член ревкома тов. Ишханов ответил: «Оружия ревком выдать не может, потому что его у ревкома нет; используйте боевое настроение шахтеров и отнимите его у врага.»

Приехав в Боково с пустыми руками и сообщив ответ Екатеринославского ревкома тов. Быкову, я серьезно предложил ему претворить в жизнь совет тов. Ишханова: собрать силы, какими мы только располагаем, и немедленно, теперь же, ночью, напасть на казачий калединский лагерь, расположившийся в палатках окрестной станицы (на расстоянии 30—40 километров от Боково-Хрустальска). Имелись сведения, что казачий отряд располагает 3-мя пушками, пулеметами и большим количеством винтовок. Предложение было принято и санкционировано ревкомом. Тут же был составлен план нападения на лагерь. Нашлось больше чем достаточное количество добровольцев. Выдавалась одна винтовка на 10 бойцов, револьвер на 5 человек. Приказ штаба: «В случае неудачи отступать с боем в направлении Дебальцево, Никитовка, откуда будут даны подкрепления».

12 часов ночи. Холодный осенний ветер и дождь. Донесения с фронта: «Противник развивает сильный огонь, его за-

дача захватить ст. Штеровку и таким образом отрезать отступление из Боково-Хрустальска по линии жел. дороги».

Приказ ревкома: «Штабу немедленно переброситься на ст. Штеровка».

Паровоз. В паровозе тт. Быков, Коняев, я и др. члены ревкома и штаба. Слышны ружейные и орудийные выстрелы. Стрельба в самом Бокове...

Не доезжая с полкилометра до ст. Штеровка, паровоз подвергается сильному обстрелу. Стал. Командует тов. Быков: «Товарищи! К оружию! Стройся! Ложись!» Отвечаем на выстрелы. По линии благополучно добираемся до Штеровки.

Штеровка в наших руках.

Здесь я прощаюсь с тов. Быковым и другими и немедленно отправляюсь в Крындачевский район в шахту Капитальную. Несколько месяцев спустя, я узнал, что тов. Быков и Коняев повешены в Новочеркасске.

Где, когда и при каких обстоятельствах попал т. Быков в плен к калединцам я не знаю, так как дальнейшим наступлением Каледина был отрезан от Штеровско-Дебальцевского фронта.

Контрреволюционное наступление казачьего генерала Каледина на рабочий Донбасс встретило сопротивление не только со стороны шахтерских масс, но и со стороны малоземельного донского крестьянства, т. н. «иногородних», и огромной массы рядового казачества, жаждавшего мира и нежелавшего воевать с большевиками. Основные силы, на которые опиралась и которыми действовала калединская контрреволюция, — это политически безграмотное и тупое офицерское быдло, юнкера, гимназисты, буржуазное студенчество и пожилое «куркулье» — казачье кулачество.

Прибыв в шахту Капитальную, я узнал, что здесь распространено печатное об'явление, обещающее большую награду тому, кто доставит в штаб добровольческой армии беглого каторжника Пучкова. Воззвание начиналось словами: «Братья рабочие, свяжите руки к лопаткам и доставьте законному начальству беглого преступника—каторжника Пучкова или уничтожьте его на месте и труп доставьте в штаб в селение Павловское. Не бойтесь наказания или мести. Добровольческая армия не борется с рабочими и не трогает мирных селян. Она лишь безжалостна к ворам и разбойникам-большевикам, попирающим божеские и человеческие законы, сеющим смуту и нарушающим мирный наш труд. Изымите же из вашей среды смутьяна мерзавца, подкупленного христопродавцами-жидами».

Подпись: «Штаб Иисусовой дружины, с. Павловское».

Штаб белой банды иисусиков действительно находился в 35 километрах от Капитальной в селе Павловском и отдельные группы его делали вылазку и набеги в Крындачевку.

Положение становилось угрожающим. Собрав в кулак красногвардейский актив в шахте Капитальной и расставив дозоры на заставах от Крындачевских до Прохоровских и Иваново-Вознесенских рудников и дальше до рудников б. князя Эристова, Красная гвардия, почти безоружная, насчитывавшая около сотни винтовок, решила дать бой здесь калединским иисусикам, а затем, в зависимости от обстоятельств, отступить в Макеевский горнозаводский округ. На шахте Капитальной были неутомимыми агитаторами-пропагандистами и энтузиастами беспощадной борьбы с калединской контрреволюцией следующие товарищи: Жиготская-Нарбекова, Михаил. Жиготский, Щербаков и многие другие.

В рудниках быв. князя Эристова насчитывалось около пяти тысяч бойцов-шахтеров, половина из коих по национальности татары. Это был действительно грозный красногвардейский кулак, который при других условиях и большевистском руководстве мог бы разметать добровольцев и наступить на грудь калединской контрреволюции.

Здесь, во главе эристовских рудников, в качестве директора и политического вождя стоял некто Коноплянников. Он, как удав, загипнотизировал весь этот смелый боевой пятитысячный коллектив. Он сумел внушить шахтерской массе, что он, Коноплянников, и только он является олицетворением революции, правды и справедливости. Коноплянников не подчинялся временному правительству, совершенно верно именуя его контрреволюционным. Но в то же время он внушал углекопам, что каждая партия, в том числе и большевики, — враги народа и революции. Приехав в Эристово с целью поднять шахтеров против добрармии и договориться с Коноплянниковым насчет единого фронта, я был свидетелем поистине сумасшедшей и дикой сцены.

Коноплянников с балкона 2-этажного особняка держит речь перед 6—7-тысячной массой углекопов.

«На колени, целуйте землю!» — крикнул повелительно зычным голосом бравого командира Коноплянников. 6-тысячная масса, как подкошенная трава, опустилась на колени. «Поднимите руки и клянитесь, повторяя мои слова».

— Клянемся! — вылетает из 6 тысяч шахтерских глоток и гулким эхом еще раз отдается в лесу.

— Клянемся! Все умрем за Коноплянникова. За нашу республику-коммуну. Все умрем! Никому не выдадим. Не изменим. Умрем!

Я, видавший всякие виды, не понимаю, что это? Комедия? Мелодрама? Всматриваюсь в лицо Коноплянникова, хочу разгадать — сумасшедший он или авантюрист. И заключаю, что он — сумасшедший авантюрист.

Дальнейшие, вслед за этим последовавшие события показали, что это была репетиция к разыгрыванию самой доподлинной классовой драмы.

Эристовские рудники расположены базисом в центре густого леса. И вот по лесной дороге, ведущей к митингу, вдруг мчится несколько десятков кавалеристов. Часть из них осталась на лошадях, окружив митинг, другая часть, спешившись, подошла вплотную поближе к особняку, где на балконе продолжал стоять Коноплянников. Первым требованием белого офицера был категорический приказ выдать им Коноплянникова и мирно разойтись по баракам на свои места.

— В противном случае, — сказал золотопогонник, — будет применена сила и прольется кровь!

Шахтерская масса хранила гробовое молчание, как парализованная.

— Ну! — зыкнул белогвардеец, подняв плетку над шахтером. — Скорей поворачивайся. Тащи сюда Коноплянникова.

В эту минуту шахтерская масса всколыхнулась, наперла, сгрудилась лицом к лицу с белыми вояками. Два стрелка, взяв винтовки на изготовку, целились, брали на мушку продолжавшего стоять на балконе Коноплянникова.

Л. Я. Липовецкая, приехавшая со мной на переговоры с Коноплянниковым, с удивительной быстротой очутилась на балконе и, заслонив собой Коноплянникова, энергично втолкнула его в помещение.

Раздались выстрелы: залп, другой. Это пачками отступающие белобандиты стреляли в шахтерскую гущу. Вижу: на руках несут раненых. Никакой паники. Кто-то с красным флагом бросился вперед, за ним густой стеной бросилась вперед масса, с криком: «Бей, бей!».

Шахтеры стали отстреливаться.

Затем выстрелы стали реже. Борьба шла уже в лесу.

Здесь — во дворе — я насчитал 11 трупов белых. Своих ни одного, их успели унести в бараки.

Коноплянников, Липовецкая, я и группа шахтеров с фонариками насчитали в лесу и на опушке 38 белогвардейских трупов. Подбирая трофеи, философствуем: «спите, белые голубчики, так постепенно мы вас уложим всех».

Оказалось, что налетчики — отряд временного правительства, а не казаки Донской независимой области (Каледин после Октября провозгласил Донскую область независимой).

В период захвата власти Калединым милиция и местные гарнизоны временного правительства оставались как бы нейтральными.

В данном случае отряд временного правительства, составленный из милиции, солдат и комсостава, договорился со штабом калединцев и получил задание ликвидировать Эристовскую коммуну-республику и ее атамана Коноплянникова.

Коноплянников категорически отказался действовать совместно. «Вы защищайте Капитальную, а мы здесь сумеем отстоять свою коммуну», — ответил он мне на предложение действовать единым фронтом.

Вскоре после моего визита коноплянниковская республика была ликвидирована хорошо подготовленным ночным налетом калединских банд, стоявших лагерем в селе Павловке. Атаман Эристовской коммуны Коноплянников успел скрыться в лесу, но в тот же день к вечеру был задержан казачьим патрулем и доставлен в Новочеркасск. Дальнейшая судьба странного атамана Эристовских копей мне неизвестна.

В районе Крындачевских шахт в августе и ноябре — декабре 1917 года вел большую работу по подготовке октябрьских побед в Донбассе член О-ва старых большевиков, ныне живущий в Москве тов. Вайнман Абрам Ильич. Правда, его работа носила характер чисто партийной пропаганды и сколачивания ком. ячеек среди шахтеров, но она тем более была ценна, что этот район долгое время находился под эгидой эсеровского и меньшевистского влияния и руководства.

В ответ на об'явление меня и штаба Красной гвардии «вне закона» мы ответили калединцам «манифестом» к трудовому казачеству. Манифест был отпечатан в количестве 30 тысяч экземпляров и широко распространен среди станичников и в частях добр. армии. Манифест призывал казачество взять в штыки контрреволюцию и разрешить вооруженной борьбой, а не голосованием в учредилке великий вопрос о том, кому быть хозяином на земле — труду или капиталу.

«Вам говорят, что революция окончена и теперь осталось только подавить крамолу. Не верьте, революция рабочих и крестьян не парад и не кончается песнями и поцелуями с классовым врагом. Пролетарская революция только начинается и горе тем, кто пойдет с генералами против трудящихся. Будьте же на страже своих интересов, трудовые казаки. Бейте в позвоночник контрреволюцию и наградой вам будут мир, хлеб и свобода. Долой учредительное собрание помещиков и капиталистов»[1].

---

[1] Оригинал „манифеста"—в Таганрогском музее революции.

Манифест подвергся ядовитым нападкам со стороны ростовской газеты «Приазовский край». Газета обращала внимание населения, что до революции манифесты давались монархом, а теперь какой-то беглый каторжник Пучков-Безродный нахально навязывает себя народу, и так далее и тому под.

Однако белобандитские комментарии производили совершенно обратное действие и впечатление на трудовое казачество и особенно на иногородних, которых в Донской области насчитывалось около 2 млн., а коренного казачества лишь 1 млн. 500 тысяч.

В конце декабря 1917 г. советские красногвардейские войска начали планомерное наступление на донскую Вандею. Пролетариат городов и трудовое крестьянство и казачество сел и станиц не сидели сложа руки, не выжидали событий. Массы активно выступили с оружием против калединской диктатуры. 17 января 1918 года восстал пролетариат Таганрога.

Там рядовые рабочие обнаружили не только беспримерную отвагу и смелость, как, например, рабочий слесарь металлургического завода тов. Зайцев Иван Иванович, разоруживший юнкеров в то время, когда в Таганрогском совете меньшевики и эсеры выносили постановление о преждевременности и авантюрности выступления.

Пролетариат Таганрога обнаружил не только героизм и отвагу, но и поразительную способность усвоить ленинскую стратегию и тактику классовой борьбы. Рабочие большевики Шаблиевский, Андрюша Глушко, Володя Смирнов, старый большевик Стернин и многие другие сумели отнять оружие у противника и в течение 19-дневной партизанской борьбы выбросить регулярные добровольческие войска из города.

В это время советские войска уже подходили к Новочеркасску.

Таким образом одновременным ударом с тыла и с фронта был перебит позвоночник войсковому правительству и всей калединской контрреволюции. 29 января 1918 года Каледин имел полное основание заявить своим коллегам: «Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но оно перешло в решительное против нас наступление».

В тот же день генерал Каледин покончил жизнь самоубийством, а войсковое правительство разбежалось.

Власть перешла в руки совета. 23 февраля (нов. стиля) советскими войсками был занят Ростов, а 25-го — Новочеркасск.

В конце декабря 1917 г. пишущий эти строки должен был выехать из Донбасса в Харьков, а оттуда в Петроград. В Смольном, где билось сердце революции, интересовались положением в Донбассе. Покойный тов. Свердлов, заслушав мою информацию о Донбассе, нашел необходимым, чтобы я немедленно отправился к Ильичу и доложил ему все, что касается Донбасса. «Владимир Ильич, — сказал тов. Свердлов, — сейчас интересуется делами Донбасса больше чем когда-либо», — и позвонил тут же обо мне Ильичу.

«Ильич хочет сейчас говорить о Донбассе», — сказал Яков Михайлович.

У входа в рабочую комнату Ильича меня встретила истерическим криком: «Не пущу, нельзя!» — эсерка Мария Спиридонова. Не зная, какие функции она здесь при Ильиче выполняет, я продекламировал ей с добродушной иронией: «О, Мария, пусть погибнет весь буржуазный мир, лишь бы остался на память потомству твой божественный голосок. Чего орешь ты, держишь и не пущаешь?! Меня послал тов. Свердлов к тов. Ленину по чрезвычайно важному делу».

Наша пикировка вероятно была услышана Ильичем, так как приоткрылась вдруг дверь в коридор, и я увидел высунувшуюся из двери характерную лысину Ильича.

— Кто тут? — спросил Ильич.

Я назвал себя.

— Заходите, — попросил Ильич.

Спиридонова удалилась и я вошел в рабочее помещение Ильича вместе со своей спутницей Л. Я. Липовецкой. Ильич окинул нас пристальным взглядом и сказал добродушно: «Присаживайтесь пока». Ильичу долго не удавалось начать с нами разговор, так как его беспрестанно вызывал аппарат, и ему то-и-дело приходилось подходить то к одному, то к другому аппарату, выслушивать и отвечать.

Отвечая кому-то, Ильич вразумительно такал: «Так! Так!» и наконец сказал: «Что ж, вы полагаете, что у меня готовые истины в кармане? И я их раздаю по телефонным запросам нуждающимся? Это дело надо проверить и еще раз проверить, подсчитать карандашиком. Вносите дополнения, поправки, коррективы».

Несколько раз Ильич подводил меня к карте с просьбой указать и рассказать, где и что имеется у нас в Донбассе, чего недостает, чтобы развернуть добычу угля; каков удельный вес и влияние там большевиков, каково положение и настроение рабочих-углекопов, каковы силы и какие места занимает Каледин. Мне приходилось отвечать Ильичу односложными фразами, так как он снова и снова подходил

к аппаратам. В общей сложности мы пробыли у Ильича около 2 часов. Наконец, заслушав деловую часть моей информации о Донбассе, Ильич сказал мне:

«Не кажется ли вам, что весьма полезно бы для нашего дела отправиться вам опять на Дон. Вы знаете край, людей, вас знают люди. Я пошлю вас под Ростов в штаб Антонова-Овсеенко, о работе вы там договоритесь, а я напишу туда письмо о вас, чтобы вас теплее, по-товарищески встретили. Согласны?»

Я ответил утвердительно. Обращаясь к Липовецкой, Ильич сказал: «А вы что делаете при Безродном? Помогаете или мешаете ему?» «Я большевичка,— ответила она,— и даже больше чем Безродный». «Вот как, — заметил Ильич,— и вы часто царапаетесь с ним?»...

Затем, Ильич вручил мне письмо к тов. Антонову-Овсеенко и мы, попрощавшись, вышли из кабинета Владимира Ильича.

В другом месте я расскажу подробно о моих 3-х встречах с Владимиром Ильичем. В настоящей статье я лишь скажу, что первая встреча с Ильичем дала мне такую зарядку, которая до сих пор помогает преодолевать всякого рода препятствия и трудности, лежащие на пути нашей борьбы за утверждение социализма. Образ Владимира Ильича Ленина, как вождя, человека и товарища, простого и обаятельного, от общения с которым лечится и умнеет человек, стоит предо мной, как идеал, в котором рабочий класс воплотил все лучшее и совершенное.

Роль таганрогского пролетариата в разгроме донской Вандеи[1]

При помощи товарища Зайцева И. И., бывшего во время восстания товарищем председателя Таганрогского Военно-революционного комитета, мне удалось восстановить картину первых боев за пролетарскую революцию в Таганроге в таком виде.

Генерал Краснов, возглавивший донскую контрреволюцию и с 16 мая 1918 г., в качестве атамана «Всевеликого войска донского», отменивший советские декреты и законы времен-

---

[1] Вандея — французский департамент, заселенный во времена Великой французской революции отсталым, фанатически настроенным крестьянством, под руководством духовенства и помещиков устроившим контрреволюционное восстание.

С того времени Вандея стала синомимом для обозначения центров контрреволюции.— Ред.

ного правительства и ставший верноподданным вассалом кайзеровской Германии, 18 мая писал Вильгельму: «Прошу признать, ваше императорское величество, границы Всевеликого войска донского в прежних географических и этнографических его размерах, помочь разрешению спора между Украиной и Войском донским из-за Таганрога и его округа в пользу войска донского, которое владеет Таганрогским округом более пятисот лет» [1].

Отсюда мы видим, что атаман Краснов не представлял себе самостоятельного существования «Всевеликого войска донского» без Таганрога. Понятно, что не географические и этнографические обстоятельства продиктовали Краснову необходимость стать на колени с челобитной перед Вильгельмом, а мотивы хозяйственно-экономического значения Таганрогского района. Во время империалистической войны все таганрогские заводы были приспособлены к потребностям военного времени, кроме того, в 1915 г., Н. Н. Романов в компании с любовницей Николая II Ксешинской и другими знатными персонами начали строить завод, под фирмой «Русско-Балтийского акционерного общества».

В 1916 году завод был закончен и по своему оборудованию он представлял собою последнее слово техники, на котором было до 4 тысяч различных лучших станков и работало около 15 тысяч рабочих. Главное производство завода — пушечные снаряды и другие виды военной продукции.

Вторым по величине заводом был большой Таганрогский металлургический завод. До революции здесь работало около 5.200 рабочих. Здесь же функционировали такие заводы, как кожевенный, котельный, железнодорожные и портовые мастерские, завод Кебер и др.

В 1917 году в Таганроге насчитывалось до 50 тысяч рабочих. Рабочие Балтийского завода по своему составу являлись наиболее квалифицированными и политически зрелыми.

Рабочие Балтийского завода в своем большинстве были: питерцы, москвичи, уральцы. Поэтому, естественно, что балтийцы вскоре заняли руководящее место в остальной массе рабочих Таганрога. Рабочие организации крепко были спаяны и особенной монолитности они достигли накануне гражданской войны на юге.

Таганрогское металлургческое общество, котельный и другие заводы входили в известный, виднейший в то время синдикат «Продамет».

---

[1] По Брестскому договору, Таганрог и его округ отходили к Украине.

Таганрогским рабочим приходилось вести борьбу с этой мощной капиталистической организацией. И эта борьба не ослабела, а усилилась после февраля 1917 г.

Февральская революция не разрешила, а наоборот, обострила отношения между трудом и капиталом. Рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты, а «Продамет» грозил локаутом и жестко сокращал производство, выбрасывая пролетариев в качестве безработных на улицу. С другой стороны мы наблюдаем там после февраля перманентные итальянские забастовки, волынки, лозунг которых работать «скорей помалу». Эта история кончилась тем, что правление акц. о-ва, находившееся тогда в Петрограде, поставило вопрос перед временным правительством о закрытии заводов.

Всероссийский союз металлистов, раскрывший закулисные махинации акционерного общества и беспрерывно бомбардировавший временное правительство телеграммами, не позволил предпринимателям закрыть заводы, но материальное положение рабочих продолжало оставаться нестерпимо тяжелым.

После Октябрьского переворота в Питере борьба за обладание властью приняла особенно острый и затяжной характер на Дону.

Белогвардейщина, разбитая в Питере, в Москве и других центрах России, слеталась на Дон. Сюда прибыли: Корнилов, Алексеев, Савинков и другие. В Таганрог была переведена школа юнкеров, разбитая, но недобитая в Киеве. Однако, слетевшаяся на юг контрреволюция отнюдь не представляла собой единого целого. Основное противоречие было заложено между казачеством, с одной стороны, и добрармией — с другой. В то время как добрармия, по своему социальному составу состоявшая из буржуазно-помещичьих верхушечных слоев, хотела использовать казачество в своих интересах, в то же самое время донское казачество хотело бы, исходя из сепаратистских интересов, обратить добрармию в орудие, при помощи которого можно было бы обеспечить Дон от вторжения наступавших большевистских войск.

Генерал Каледин полагал найти выход из создавшегося положения в организации правительства, в состав которого входили бы все слои населения области и партии, за исключением большевиков.

5 января 1918 года такое правительство было создано. В состав этого правительства, так называемого «Об'единенного войскового правительства Донской области», вошли представители всех политических партий, за исключением большевиков и левых эсеров. По случаю образования вла-

сти, созданной на основе «демократических» принципов (так выражались тогда кадеты), генералу Каледину преподнесли таганрогские кадеты прочувствованный адрес, одобрявший решения войскового атамана. Таганрогская организация кадетской партии была в то время довольно сильна. Достаточно указать, что во главе ее стояли такие опытные политические жонглеры как Бухштаб, личный друг Милюкова, Араканцев, один из виднейших юристов, Бесчинский и другие светила контрреволюции юга России.

Если же принять во внимание, что подрывная работа партии правых эсеров и меньшевиков была более контрреволюционна, чем самая оголтелая контрреволюция, если учесть, что наши «друзья» социал-предатели боялись победы пролетарской революции не менее, чем кадеты и все черносотенцы и монархисты вместе взятые, то становится вполне ясной та обстановка, в которой рос и закалялся донской пролетариат и тот авангард, который сыграл такую исключительную роль в разгроме донской Вандеи.

В единой организации

В апреле 1917 г. таганрогские большевики вошли в состав об'единенной организации РСДРП. Аргументация сторонников вхождения в состав об'единенной РСДРП сводилась к следующему: меньшевики имеют в составе организации 350 рабочих, большевики же по разным заводам — от 15 до 20 человек; так как меньшевистские иллюзии еще не изжиты, то завоевать рабочие массы иначе как изнутри — нельзя; обединение не помешает большевикам вести самостоятельную работу в массах, а также и внутри об'единенной организации; ввиду особой ситуации на Дону, заключающейся в постоянной угрозе со стороны казачества, об'единение полезно и необходимо. За вышеизложенную позицию было большинство и об'единение состоялось. Во главе этой группы стоял рабочий Балтийского завода тов. Мейстер.

Таганрогская организация большевиков не связывала свою деятельность формальностями об'единенного комитета, наоборот, она стремилась быть независимой и проводила свои особые собрания для выработки политической линии.

После апрельской конференции РСДРП в большевистском секторе и внутри об'единенной организации начался процесс расслоения. В начале об'единения меньшевики были уверены в том, что им удастся растворить большевиков в своем меньшевистском котле. Однако, вскоре после июль-

ских дней, особенно в связи с генеральным походом меньшевиков и эсеров против В. И. Ленина и большевиков в Питере, начался крестовый поход эсеров и меньшевиков на рабочие массы Таганрога.

Их задача сводилась не только к тому, чтобы разгромить большевиков, но и дискредитировать растущее влияние их на массы. С этой целью меньшевики и эсеры пытались выступать на заводах и фабриках, распространяя известную клевету о запломбированных вагонах и прочую ложь о Ленине и большевиках. Но большевики, при активном участии большинства рабочей массы, не только отбивают атаки меньшевиков и эсеров, но сами переходят в наступление. Потерпев первое поражение в открытой борьбе с большевиками, меньшевики меняют свою тактику и издают следующий приказ:

1. Все собрания, митинги и сборища на улицах г. Таганрога в течение 3-х дней, 6, 7, 8 июля, — запрещены; против нарушителей порядка будут применены самые энергичные меры, вплоть до применения вооруженных сил.

2. Порядок в городе будет охраняться войсками, под руководством соединенных президиумов Общегородского совета и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Подписи: Президиум совета, нач. милиции и нач. гарнизона.

4 октября 1917 года большевиками было созвано общегородское собрание об'единенной организации РСДРП, где со всей резкостью и четкостью был поставлен вопрос о расколе.

Усилия меньшевиков сохранить единство организации оказались окончательно битыми. Рабочие социал-демократы, почти все целиком раньше шедшие за меньшевиками, отошли к большевикам. Из 400 присутствовавших на собрании — остались верными меньшевикам человек 20. Остальные приняли большевистскую платформу и здесь же избрали новый большевистский комитет, вписавший немало героических страниц в историю революционной борьбы таганрогского пролетариата. Факт создания единой большевистской организации в Таганроге нагнал страх на местную буржуазию настолько, что последняя, в лице своей партии «народной свободы», немедленно обратилась к Каледину с просьбой о присылке воинских частей для поддержания порядка.

Меньшевики же категорически отказали большевикам в пользовании типографией для партийных нужд, так что для напечатания листовок большевики вынуждены были в праздничный день захватить типографию силой и отпеча-

тать несколько тысяч прокламаций и воззваний, разоблачающих меньшевистско-эсеровскую провокацию и ложь, возводимую на Ленина и партию большевиков.

Соотношение сил накануне восстания

Непосредственно после раскола с меньшевиками большевики по-военному, быстро перестраиваются, меняют свою тактику и решительно берут курс на восстание.

В это время таганрогские меньшевики имели в своих рядах совсем ничтожное количество рабочих и довольно солидный процент интеллигенции. Правые эсеры также потеряли свои рабочие кадры, часть из них перешла к большевикам, а другая часть пошла за левыми эсерами.

Таганрогская организация большевиков в это время имела на всех без исключения заводах весьма спаянные большевистские коллективы.

Во главе Балтийской группы стояли: Шаблиевский, Мейстер, Глушко; во главе металлургического: Матюшин и Кабанов. Левые эсеры опирались главным образом на рабочих кожевенного и металлургического заводов. Соотношение сил со всей четкостью определилось в пользу большевиков, так как левые эсеры в это время в известной степени перешли на сторону революционного крыла и стали поддерживать большевиков.

Меньшевики, эсеры — правые и центр, также учитывая своеобразие донской обстановки, решаются на последний политический шаг — ва-банк.

Соглашатели, пользуясь своим большинством в Совете рабочих и солдатских депутатов, в начале ноября 1917 года создают так называемый таганрогский революционный комитет, в состав которого входят в подавляющем большинстве эсеры и меньшевики и в меньшинстве — левые эсеры и большевики.

Для характеристики позиций этого революционного комитета, вернее контрреволюционного[1], приводим некоторые пункты декларации, оглашенной 15 ноября 1917 года на пленуме этого, с позволения сказать, революционного комитета:

«В виду того, что Областной военно-революционный комитет, вместо первоначально принятой им позиции — организации общественно-демократической власти Донской области и недопущения гражданской войны — старается навязать власть народных комиссаров, а также в виду того,

---

[1] Контрреволюционный постольку, поскольку в нем доминирующую роль играли эсеры и меньшевики.

что в городе Таганроге нет никаких данных к тому, чтобы начать гражданскую войну, представители партии эсеров, совместно с представителями партии меньшевиков, требуют: 1) отмежеваться и не признавать власти Областного военно-революционного комитета; 2) реорганизовать военно-революционный комитет на новых началах. Состав определить в пять человек при трех представителях партии эсеров и 2-х меньшевиков (имелось в виду удаление из состава ревкома большевиков и левых эсеров); 3) приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить гражданскую войну в Таганроге; 4) представители партии эсеров заявляют, что партия может взять на себя тяжелое бремя при условии, если ее декларация будет комитетом принята полностью. Ежели комитет станет на иную позицию, то представители эсеров из состава революционного комитета выйдут».

С ответной декларацией выступил представитель большевиков А. К. Глушко:

«1. Если мы откажемся от Областного военно-революционного комитета, а значит и от власти Совета народных комиссаров, то присутствующие здесь недостойны звания революционеров.

2. Неверно утверждение, что в Таганроге нет данных к гражданской войне. Эсеры и меньшевики не хотят видеть, что в Горном районе и Таганроге свирепствует контрреволюция. Военное положение, введенное Калединым, проводится с настойчивостью и остервенением. Некоторые советы в Горном районе уже разгромлены. Абсолютно нет никаких гарантий, что завтра Каледин не разгромит рабочих Таганрога.

3. Мы должны проявить усилия к тому, чтобы военное положение было снято. Необходимо вывести школу юнкеров и оставить военных моряков. Охрана города должна перейти к рабочим».

Полемика соглашателей с большевиками вокруг этих деклараций и платформ закончилась неподчинением рабочих-эсеров своей партийной дисциплине, и вместе с большевиками и левыми эсерами они отвергли меньшевистско-эсеровскую декларацию. Этот момент и был моментом окончательной позорной смерти этого бесславного ревкома. Эсеры — правые и центр — навсегда себя ликвидировали как политическую единицу и открыто перешли на сторону контрреволюции.

Их коллеги, меньшевики, также позорно сошли со сцены и влачили жалкое существование в ожидании победы контрреволюции.

В ответ на призыв меньшевистско-эсеровского блока к «спокойствию» организация таганрогских большевиков пере-

несла и сосредоточила свою работу на заводах, развивая максимальные темпы по подготовке к восстанию.

Расстановка классовых сил накануне восстания таганрогского пролетариата была такова. Опорой контрреволюции была юнкерская школа, насчитывавшая около 1000 штыков. Во главе юнкеров стоял ставленник Каледина полковник Мостыта. Его поддерживали учащиеся средних учебных заведений, создавшие организацию «социалистического» студенчества. Штаб Мостыты приступил к вербовке добровольческих отрядов из демобилизованных офицеров и представителей черносотенной и деклассированной части населения.

Организация «социалистического» студенчества издала несколько листовок, призывавших записываться в добровольческую дружину.

Что же касается пехотных полков, расквартированных в Таганроге, в том числе и Заамурского, в котором имелось достаточно контрреволюционного офицерства, то они ко времени восстания в силу крайнего разложения находились в стадии самодемобилизации и никакой боевой силы не представляли. Очень незначительная часть пехотинцев примкнула к революции, а остальные просто разошлись по домам.

По линии железной дороги Таганрог — Никитовка в это время действовала белогвардейская часть Кутепова против отряда Сиверса. В начале января 1918 года Каледин в качестве подкрепления кутеповцам прислал в Таганрог несколько рот казаков с артиллерией и пулеметами под командой генерала Назарова. Но отряд Назарова быстро поддался большевистской агитации и вскоре генерал Назаров со своими частями был отозван в Новочеркасск. С уходом отряда Назарова развитие событий было предоставлено на разрешение местных борющихся сил.

Восстание таганрогского пролетариата

Перед восстанием заработная плата рабочим в течение 2—3 месяцев совсем не выдавалась. Часть предпринимателей или руководителей предприятий разбежалась. Оставшиеся— саботировали. Под влиянием сложившейся обстановки Таганрогская организация большевиков, а вместе с ней и рабочая масса, приходит к выводу, что единственный выход из положения — это вооруженная борьба.

Началось скрытое и открытое формирование вооруженных отрядов Красной гвардии. Наибольшую активность по формированию Красной гвардии проявили большевики Балтийского, металлургического и котельного заводов. На

котельном заводе левые эсеры организовали весьма солидную боевую дружину. Само собой разумеется, что техническое вооружение рабочих красногвардейских и боевых дружин количественно и качественно сильно уступало и не могло итти ни в какое сравнение с вооружением юнкеров. В то время как противники располагали достаточным количеством патронов, винтовок, пулеметов и прочим вооружением, рабочие красногвардейские отряды имели лишь около 300 винтовок и очень ограниченное количество патронов. Немаловажную роль сыграла выдуманная рабочими Балтийского завода большого калибра пушка, которой на самом деле у них совсем не было. Однако об этой пушке ходило столько легенд, что в нее поверили не только юнкера и гимназисты, но и сами рабочие Таганрога. Таково было вооружение нескольких тысяч красногвардейцев, хотевших драться и победить юнкерско-казацкие банды.

Восстание началось в январе 1918 года при следующих обстоятельствах: юнкер-часовой, охранявший цейхауз школы, выстрелил в рабочего котельного завода. Боевая дружина котельного завода пришла на помощь попавшим под обстрел рабочим и между дружинниками и юнкерами завязался бой. Были даны условные сигнальные гудки по всем заводам, и рабочие все, как один, от юнцов до бородачей, с быстротой, которой могут позавидовать военные части, были на месте и бесстрашно шли в бой.

В то время как фронт ежеминутно расширялся и в бой втягивалось все рабочее население, когда позиции растянулись от Котельного завода до Греческой улицы и дальше, в конторе Котельного завода шли горячие, словесные бои о том, не отложить ли восстание до приближения красных войск Антонова-Овсеенко. Особенно на этом настаивал тов. Штыб. Однако, большинство товарищей, как, например, старый большевик товарищ Матюшин, Родионов и в особенности тов. Зайцев стояли за решительное безоговорочное продолжение восстания до полного разгрома белых банд. Здесь же было принято следующее решение:

1. Образовать инициативную группу для технического руководства восстанием.

2. Через президиум Совета предложить юнкерам сдать оружие и немедленно покинуть пределы Таганрога.

3. Решение считается обязательным и никакому изменению не подлежит.

Военное руководство перешло к т. Родионову. Тов. Зайцеву было дано поручение установить связь с заводами и изложить требования восставших рабочих президиуму Совета. Ночью тов. Зайцев далекими обходными путями уста-

новил связь с заводами и прежде всего с Балтийским. Там от тов. Стернина и Канского тов. Зайцев узнает, что рабочие-балтийцы все до одного участвуют в бою, захватили один пулемет и сейчас осаждают станцию железной дороги—вокзал.

30 января рано утром Зайцев нашел в Совете меньшевистско-эсеровский президиум инкорпоре. (Тут были Гуро, Солдатенко, Варшавский и др.). Теперь они немедленно вынесли следующее решение:

1. Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов всякую ответственность за могущие быть последствия снимает и об'являет себя нейтральным.

2. Президиум Совета высказывается против вооруженной борьбы; необходимо во что бы то ни стало предупредить кровавое столкновение.

Тут же члены президиума заявили тов. Зайцеву, что они хотят ехать с ним на заводы, чтобы выступить перед рабочими со своей платформой. Тов. Зайцев охотно соглашается и везет меньшевиков к восставшим рабочим. При первом появлении последних на трибуне раздаются крики: «Смерть предателям!» Жизнь Гуро, Солдатенко и Варшавского с большим трудом была спасена тт. Медовщиковым и Калашниковым.

Тов. Зайцев был «очень любезен» и предложил меньшевикам проехаться с ним еще к балтийцам с изложением своей платформы, но представители Совета были настолько ошеломлены и подавлены приемом рабочих, что на них и костюмы повисли, как на покойниках. Наши «герои» предпочли ретироваться туда, где господствовали белогвардейцы.

30 января 1918 г. стали все фабрики и заводы. Центр города погрузился в темноту. В рабочих кварталах кипела боевая жизнь. Враг располагал неограниченным количеством вооружения и буквально засыпал ружейным и пулеметным огнем рабочие поселки и позиции. Ночью стрельба достигла наивысшей силы напряжения. Пауза. Инициатива начала переходить к рабочим красногвардейским отрядам. И несмотря на то, что военные специалисты—офицерье и юнкера — вели бой по всем правилам военной науки, однако беспредельный энтузиазм Красной гвардии, решимость победить векового врага и впервые в истории наступить рабочим сапогом на грудь контрреволюции — делали чудеса.

Так, например, сводные дружины Красной гвардии, состоявшие из большевиков и левых эсеров, ведут осаду винного завода. Белогвардейцы засели в здании и упорно защищаются. У красногвардейцев иссякли патроны. Еще несколько часов и противник вырвется из засады и перейдет

в наступление. «И мы будем биты», — утверждают некоторые товарищи, прошедшие школу империалистической войны.

Красногвардейцы атакуют тов. Зайцева и немедленно требуют у него патронов: «Заварили кашу, так расхлебывайте, требуем патронов». Тов. Зайцев отправляется на металлургический завод, разоружает заводскую милицию и привозит 36 патронов.

Радость безграничная. Некоторые рабочие-красногвардейцы полушутя, полусерьезно восклицают: «С таким запасом можно взять самого Каледина и Новочеркасск». Эврика, выход найден. Лазутчику дано задание поджечь склад винного завода. Одновременно красногвардейцы бросаются в атаку. Есть! Склад горит. Юнкера панически, в беспорядке прорываются к их главному штабу, но целиком уничтожаются красной засадой.

36 патронов, доставленных Иваном Ивановичем Зайцевым, использованы превосходно. Ленинская стратегия и тактика гражданской войны победила белогвардейско-генеральскую.

После взятия винного завода красногвардейцы вооружились за счет трофеев разбитого врага. Движение вперед, к осаде главного штаба белых, находившегося в помещении быв. Европейской гостиницы.

Здесь другая боевая дружина, преимущественно из большевиков и рабочих Балтийского завода, котельного и железнодорожников, тоже придумала сюрприз для белых. Дружинники пустили на всех парах паровоз и пульман, которые врезались в станцию, наполненную юнкерами. Неожиданный гостинец вносит переполох-панику. Юнкера отступают. Красная гвардия занимает вокзал. С другого конца города ведется осада штаба белых в Европейской гостинице, где теперь сосредоточены главные силы противника.

Полковник Мостыта, желая с честью и в порядке отступить из Таганрога, выдвигает повозки с ранеными вперед по главной улице, по сторонам их сопровождает вооруженный эскорт юнкеров. Красная гвардия встречает этот караван пулеметным и ружейным огнем и целиком уничтожает его во главе с полковником Мостытой.

2 февраля 1918 года Таганрог был во власти пролетариата.

Собралось первое заседание Военно-революционного комитета в освобожденном от белого врага городе. Ревком заседает в следующем составе: Глушко — председатель, Зайцев Иван Иванович, на котором лежит разрешение политических вопросов и представительство; тов. Г. Варелас, ведающий организационно-финансовыми делами ревкома;

тов. Стернин — гражданский комиссар и Родионов — военный комиссар.

Ревком издает приказ-воззвание:

«Товарищи красногвардейцы!

Контрреволюционное калединское правительство с Милюковым и корниловцами во главе, опираясь на продажную шайку юнкеров и офицерство, втянула нас в кровавую классовую борьбу. Оно подготовило город к продовольственной разрухе, натравило на большевиков-рабочих бессознательное юношество — учащуюся молодежь, которая с оружием в руках выступила против трудового народа.

Однако победа осталась за вами. Как один из авангардов всего российского пролетариата, вы боролись за общее дело, за социализм, за обобществление всех орудий производства, земель и за полное народовластие[1]. Изгнав калединскую банду из города, отбросив на десятки верст остатки их, перед вами стоит еще задача упорядочения внутренней жизни заводов и города Таганрога.

В вашем сознательном отношении к делу — залог победы революции.

Вот почему революционный комитет обращается к вам, товарищи, за содействием в борьбе с самочинными обысками, реквизициями, грабежами, воровством, арестами и пьянством; все, не исключая и тех, кто себя называет красногвардейцами, замешанные в уголовных преступлениях, содеянных ими после переворота, должны быть немедленно исключаемы.

На вашей сознательности лежит обязанность ввести в ваши ряды строгую партийную товарищескую дисциплину.

К делу же, товарищи! Покажите, что вы — таганрогские рабочие — так же, как и наши товарищи рабочие, солдаты Москвы, Петрограда и других городов, можете творить и сознательно строить свою новую грядущую жизнь. Заводские комитеты должны также взять на себя организацию батальонов Красной гвардии из самых сознательных и партийных товарищей.

Только при этих условиях, только в согласованной товарищеской трезвой работе мы придем к победе, к социализму!

Революционный комитет».

---

[1] Авторы воззвания вместо большевистски четкого лозунга — За власть советов — употребляют набивший оскомину эсеро-меньшевистский термин — за полное народовластие.

Военный комиссариат издал следующие два воззвания:

I

«Воззвание

Всем, всем, всем!

Кому дороги святые завоевания революции, в чьей душе еще теплится искра революционера-борца, кто хочет остаться свободным человеком, но не рабом и преступником перед свободой и своей совестью, тот должен взяться за винтовку.

Товарищи красноармейцы!

От вашего натиска дрогнули враги русской революции. Бесславной смертью погиб под Екатеринодаром вероломный Корнилов, вздумавший состязаться силами с революционными советскими войсками.

В панике бежали из Новочеркасска жалкие остатки приверженцев кнута, нагайки и царского самодержавия. Дрогнули и руководимые немецким кайзером и гайдамацкими министрами банды, несущие разорение богатой Украине и порабощение пролетариату и крестьянству Украины и смежной с ней нашей Донской республике.

Еще шаг, еще один дружный напор, и от края до края, от советского Дона до окровавленного Днепра и социалистической Невы пронесется слава вам, беззаветным борцам за пролетарское дело.

Вернее прицел, смелее рука, дружней вперед!

Комиссары и командиры частей, в первые ряды революционной Красной армии!

Товарищески-строго внушайте революционеру-борцу любовь к защите революции и стремление к самодисциплине. Сознательно-революционно пресекайте в корне контрреволюционную агитацию и пропаганду, открытую и тайную.

Товарищи комиссары и командиры частей! Свято соблюдайте посты и обязанности свои, как на поле брани, идя впереди всех, так и в тылу, производя аккуратно и систематически обучение вверенных вам частей.

Солдаты Красной армии! На вас с восторгом смотрят окровавленные Украина и Дон. Не пятнайте себя поступками, чернящими имя ваше и дело общее. Боритесь с пьянством и преступностью, с низменными инстинктами, с анархией и произволом. Изгоняйте из своей среды тех, кто осмеливается в бою ли, в тылу ли ослушаться революционных командиров и комиссаров. К позорному столбу пригвождайте тех, кто выше революционного долга ставит

мелкий свой интерес. Будьте стойки, мужественны и беззаветно храбры!

Правда с вами. Будьте верны революции и социализму до конца.

Да здравствует Интернационал!

Да здравствует победа труда!

Военный комиссар г. Таганрога и его округа
Родионов».

II

«Воззвание

Кому дороги завоевания революции.

Кто хочет довести до победного конца великую русскую социальную революцию.

Кто сознает необходимость свержения ига буржуазии во всемирном масштабе.

Кто понимает, что буржуазная власть на западе грозит свободе, завоеванной на востоке.

Кто верит, что царство труда должно во что бы то ни стало смести гнет капитала.

Кто верен остался революции и социализму,— записывайтесь в социалистический батальон Красной армии.

Военный комиссар г. Таганрога
и его округа».

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОСТОВЕ н/ДОНУ

Г. Яковенко

В боях за власть советов

В настоящий великий исторический момент, когда под ударами мирового экономического кризиса на Западе все больше и больше назревают предпосылки революционного кризиса и мировой пролетарской революции; когда рабочий класс всего мира все в большей мере переходит, вопреки заклинаниям социал-фашистов, к формам и методам борьбы русской революции, окончательно становясь на сторону величайшего учения В. И. Ленина; когда, наконец, в капиталистических странах рабочему классу и его авангарду — Коммунистическому Интернационалу необходимо, как никогда раньше, использовать весь богатейший опыт нашей Октябрьской революции в интересах революционизирования и интернационального воспитания широчайших масс и подведения их к решающим крупным боям за диктатуру пролетариата, — в этот момент нам нужно наиболее полно и всесторонне осветить ход событий в памятные октябрьские дни.

Нужно сознаться, что мы — непосредственные участники Октября — еще далеко не все рассказали о русской революции.

И теперь, когда мы подошли к 15-й годовщине великой Октябрьской революции, сопровождающейся грандиозными достижениями в области построения социализма в нашей стране, обусловленными правильным руководством ЦК нашей партии и ее гениального вождя товарища Сталина, я считаю своей особой обязанностью поделиться воспоминаниями о событиях и фактах, участником и свидетелем которых я был.

Долгожданная революция, наконец, пришла в марте 1917 года.

Жил я в то время, как и многие политические ссыльные, в Иркутске, служил кассиром в обществе «Мазут». Как раз в день опубликования манифеста Керенского об амни-

стии, встречаю на улице только-что освобожденных из иркутской тюрьмы С. Ф. Васильченко и М. П. Жакова. Лица у обоих радостно возбужденные. Поздоровались, приглашаю к себе.

— Нет, нам некогда, мы сегодня уезжаем. А ты остаешься?

— Нет, я тоже скоро уеду. Вот ликвидирую службу, устрою семью и уеду.

13 марта я уже был в поезде. Амнистированным был предоставлен отдельный вагон. Нужно сказать, что основная масса ссыльных, для перевозки которой потом потребовались целые поезда, еще к Иркутску не подошла. На всех вокзалах по пути нашего следования народ встречал нас приветствиями. Наш вагон был украшен красными знаменами и зелеными хвойными ветками. Из вагона мы произносили краткие агитационные речи.

Числа 22 мы приехали в Петроград. Сейчас же я стал на учет в Петроградском комитете с.-д. большевиков, помещавшемся в особняке Ксешинской. Обязанности мои заключались в ведении агитации среди солдат, с целью привлечения их на сторону большевиков.

В первых числах апреля происходило Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов в помещении Государственной думы. В день открытия совещания, на первом его заседании, проходившем под председательством Чхеидзе и Плеханова, выступил с напыщенной речью меньшевик министр Церетелли. После него с еще более напыщенной и высокомерной речью выступил Керенский. Плеханов, обращаясь к делегатам, говорил им нравоучения по части того, чтобы «не погубить» революцию.

В числе других амнистированных я был приглашен в технические секретари съезда, но в качестве секретаря провел всего 2 заседания.

В кулуарах думы я встретил С. Ф. Васильченко, который прибыл из Ростова уже в качестве делегата на Всероссийскую конференцию большевиков. В тот же день готовилась встреча В. И. Ленина. Мы сговорились итти вместе встречать любимого нашего вождя.

Когда мы пришли вечером на Финляндский вокзал, то там мы увидели впервые мощные колонны петербургского пролетариата, с броневиками и многочисленными знаменами.

Вид этой, строго организованной демонстрации произвел на нас глубоко волнующее впечатление. Это было совсем непохоже на то зрелище, которое мне также приш-

лось наблюдать при встрече Г. В. Плеханова, приехавшего несколько раньше Владимира Ильича и которого встречала довольно убогая группка меньшевистской и либеральной интеллигенции. Рабочих делегаций при встрече Плеханова не было видно. Это сравнение двух встреч лишний раз показывает, за кем шел рабочий класс, какая партия и кто из вождей пользовался уже тогда авторитетом и симпатиями российского пролетариата. Меньшевики и эсеры злобствовали и с завистью смотрели на нашу большевистскую демонстрацию. Как им было не завидовать! Вот прибыл поезд. Толпа заколыхалась. Владимир Ильич стоит на броневике!

Демонстрация росла и ширилась.

По всему пути от вокзала до особняка Ксешинской любимейший вождь рабочего класса и крестьянства В. И. Ленин произносил с броневика убедительные, простые и в то же время глубоко волнующие речи. Он бросал зажигательные лозунги.

Народ не расходился и все требовал Ленина. Тогда вышел Зиновьев и объявил, что товарищ Ленин сильно устал с дороги, потерял голос и больше не может говорить, но что он еще не мало будет выступать и писать, и просил товарищей рабочих успокоиться и итти по домам. И только после этого огромное собрание стало расходиться.

Мы с С. Ф. были все время в толпе, так как во время речей ораторов какими-то темными личностями велась контрагитация, которую мы старались тут же ликвидировать, что нам вполне удалось. Так закончился вечер встречи Владимира Ильича и других приехавших с ним эмигрантов.

На другой день Владимир Ильич выступил на собрании большевиков — делегатов Всероссийского совещания советов. Через несколько дней тезисы, оглашенные на этом собрании Владимиром Ильичом, были опубликованы. С этого момента началась сильная травля большевиков. На улицах собирались кучки народа, в них проникали «агитаторы в котелках», агитируя за временное правительство, за необходимость продолжать войну «до победного конца», и распространяли клевету на большевиков: Ленин — германский шпион и т. д. Мы вели контратаку против «котелков». Дело доходило до потасовки, иногда приходилось «смываться».

Так я пробыл в Петрограде до средины апреля, когда из-за климатических условий выехал на юг.

В Армавире, куда я приехал, как в место прежней своей подпольной работы, я тотчас же был арестован местными меньшевиками. Просидел 11 часов под арестом, после чего

мне было предложено «в 24 часа покинуть город», чего я, конечно, не исполнил и продолжал вести борьбу с меньшевиками.

Об этом событии я написал в свое время статью, которая была напечатана Я. Полуяном в «Красном знамени», издававшемся тогда нашей Кубанской организацией в нынешнем Краснодаре.

В июле — сентябре, приехав в Ростов н/Д, я принял участие в ожесточенной борьбе, которую вела наша организация с меньшевиками и эсерами, особенно во время перевыборов в Совет рабочих и солдатских депутатов. В результате этой кампании я оказался избранным в совет.

После сентябрьских перевыборов мы получили в совете большинство, но эсеры и меньшевики, перейдя в оппозицию, всячески срывали нашу работу.

Все силы нашей организации были брошены в совет. Меньшевикам и эсерам удалось удержать за собой лишь городское самоуправление, не игравшее с этого момента в качестве органа власти никакой роли.

Основное ядро Ростовско-Нахичеванской организации большевиков в этот период состояло из следующих работников:

1) Васильченко С. Ф., 2) Жаков М. П., 3) Сырцов С. И., 4) Ставский И. И., 5) Ченцов И. Ю., 6) Турло С. С., 7) Решетков И., 8) Христенко, 9) Блохин, 10) Яковенко Г. И., 11) Щелкунова К. Ю., 12) Богданов И., 13) Мухан, 14) Ботвинов, 15) Симброс Галя, 16) Гришин А., 17) Черкасова В. Ю., 18) Крылов Ю., 19) Богуславская М., 20) Черепахин, 21) Ильин, 22) Журавлев М. И., 23) Фурсова З. Я., 24) Кузнецов Ив., 25) Кундэ, 26) Котенко, 27) Жук П., 28) Соколов В. Т., 29) Тыркалов, 30) Зинченко, 31) Пашков, 32) Мельхер, 33) Хилков, 34) Власенко, 35) Ронис, 36) Филиппов, 37) Шаблиевский, и ряда других работников, фамилии которых никак не могу вспомнить. Выдающуюся роль в деле создания большевистского руководства Ростовско-Нахичеванской организацией играли два человека—Васильченко и Жаков, вынесшие большую тяжесть идейной борьбы в Ростове с оплотом мелкобуржуазной меньшевистско-эсеровской контрреволюции, организаторы и руководители «Нашего знамени», сыгравшего исключительную роль в качестве органа печати, организующего и концентрирующего большевистские силы не только в Ростове и за пределами его, но и на всем юге России.

С ростом революционных сил росли на Дону одновременно и силы контрреволюции. Крупнейшие помещики-кон-

нозаводчики, казацкие генералы и атаманы Дона и Кубани были всегда оплотом реакции, а теперь стали оплотом контрреволюции. Разбитые в твердынях пролетариата — Петрограде и Москве, они сконцентрировались на Дону и снова бросились в атаку на революцию.

В ночь на 26 ноября по директиве из Новочеркасска школа юнкеров и кадеты напали на здание Совета рабочих и солдатских депутатов, разгромила все помещение и убила двух членов штаба Красной гвардии — тт. Кундэ и Казберюка, старого петербургского рабочего большевика. Произошло это при следующих памятных исторических обстоятельствах.

Волна Октябрьской революции на юге нарастала несколько медленней чем на севере, в пролетарских центрах. Однако в Ростове к этому моменту власть фактически находилась в руках Совета рабочих и солдатских депутатов. Но не доставало главного —ростовский пролетариат не был вооружен и оружия взять было неоткуда. Местный гарнизон, состоявший из нескольких стрелковых полков, находился под влиянием меньшевистско-эсеровского офицерства, был настроен ими демобилизационно и оружия не мог выдать.

Необходимость вооружения пролетариата — нашей организацией, имевшей уже опыт борьбы за власть в первую революцию 1905 года, сознавалась очень остро. Но часть Военно-революционного комитета, состоявшая из меньшевиков и эсеров, всячески саботировала вооружение и вела линию на срыв всех предложений большевиков по этой части. Практически вопрос о создании боевых единиц из ростовского пролетариата и обучении его военному делу мы, большевики, решили тем, что совет постановил создать Красную гвардию, для чего выделили штаб Красной гвардии.

В состав штаба были избраны двенадцать человек, куда вошли исключительно большевики: Тулак (начальник — убит), Ченцов, Кундэ (убит), я, Казберюк (убит), Жук П. и другие, фамилии которых не помню. Первые дни работа штаба заключалась в том, что он начал создавать отряды Красной гвардии по заводам и фабрикам. Были выделены начальники отрядов, десятники; составлялись общие списки красногвардейцев, устанавливалась связь отрядов со штабом, дежурства на предприятиях и т. д. Все настоятельно требовали оружия. Но оружия не было. Поэтому обучение красногвардейцев на предприятиях происходило при помощи... простых палок. В штабе не было не только часовых, пропусков, начкаров и т. д., не было даже канцелярии. Транс-

порт штаба состоял из одной легковой машины, какого-то полуфордика, которому, однако, было суждено сыграть немаловажную роль разведчика.

Накануне памятной ночи в Ростов прибыла для поддержки Совета рабочих и солдатских депутатов черноморская флотилия, под командой матроса Пералука (с.-р.), в составе небольшого учебного судна «Колхида» и 3 тральщиков, вооруженных дальнобойными морскими орудиями. В честь прибытия черноморских моряков было устроено торжественное заседание совета, профсоюзных и партийных организаций, а также штаба Красной гвардии. С приветственным словом от штаба Красной гвардии было поручено выступить мне. Торжественная смычка ростовского пролетариата с прибывшими моряками, как и весь вечер смотра и единения революционных сил, прошла как нельзя лучше. Правда, на заседании присутствовали принципиальные и тактические противники большевиков — меньшевики и эсеры, которые ехидно посмеивались и перебивали репликами ораторов-большевиков, говоривших о необходимости поголовного вооружения рабочего класса в целях борьбы с надвигавшейся помещичье-буржуазной контрреволюцией, но это обстоятельство не омрачило общего боевого настроения. Торжественное заседание закончилось в 12 часов ночи.

Все разошлись.

В здании театра «Марс», где помещался совет и штаб Красной гвардии, почти никого не осталось за исключением нескольких человек членов последнего, в том числе Ченцов, я, Казберюк и Кундэ.

Военно-революционный комитет в ту же ночь заседал на «Колхиде». Мы же, оставшиеся члены штаба, обсуждали план дальнейшей нашей работы и в частности вопрос о том, как использовать только-что полученный из Александровско-Грушевских шахт ящик динамита. В это время, уже около часу ночи, явился один из красногвардейцев и доложил, что в «Ротонде» (здание в городском саду, где помещался комитет большевиков) горят огни и полно солдат. Немедленно было решено отправиться мне на «полуфорде», проверить это донесение. Расстояние от штаба до городского сада — 2 километра. Когда я подъехал к «Ротонде» с Пушкинской улицы, то действительно увидел в освещенные окна, как там шел разгром помещения, разбрасывались бумаги и пр. Орудовали люди в солдатской форме с винтовками в руках.

Я тотчас же возвратился обратно в штаб, чтобы информировать о случившемся. Сомнения не оставалось: юнкера и кадеты громили комитет большевиков. Когда я подъехал к совету, то увидел, что все здание окружено солдатами, которые беспрерывно палили вверх из винтовок. Что происходило внутри здания, я не мог представить себе. Я велел шоферу повернуть в переулок и ехать в гавань, где стояла «Колхида», чтобы сообщить о случившемся заседавшему там Военно-революционному комитету; я так близко проехал мимо стрелявших, что была опасность, что они остановят машину и арестуют меня, но они так увлеклись стрельбой, что не заметили, как возле них проехала машина.

Я подъехал к «Колхиде». На ней все было спокойно. Часовой спросил:

— Кто идет?

— Свои, — ответил я, — важное донесение.

— Пропустить, — раздалась команда.

Я доложил о происшедшем. Заседание Военно-революционного комитета немедленно было прервано. Тут же Брачук отдал приказ зарядить орудия.

«Есть», — послышался ответ. И началось!

В этот момент я был охвачен боевым радостным настроением. Все члены ревкома поспешили на свои боевые места. Я поехал в совет. Солдат с винтовками уже не было возле здания.

Разгром, очевидно, уже кончился и бандиты-юнкера и кадеты уже удрали. Когда я вошел во внутрь помещения, моим глазам представилась следующая картина: вся мебель была сломана, огромные зеркала во всю стену вдребезги разбиты.

В штабе не было никого. Вскоре во дворе были найдены убитыми члены штаба товарищи Кундэ и Казберюк Ченцову в момент нападения, которое по его словам было совершенно неожиданным, удалось выскочить в окно и спрятаться так, что его бандиты не могли найти. До самого утра шла напряженнейшая мобилизация Красной гвардии. Отряды беспрерывно прибывали; шла раздача винтовок, ручных гранат. На балконе совета были установлены два пулемета, расставлены часовые. Штаб действительно превратился в боевой руководящий орган. Параллельно работал Военно-революционный комитет, который независимо вел ту же работу. Все наблюдаемое мною говорило за то, что на этот раз дело будет стоять куда лучше нежели в 1905 году, когда у нас на Темернике не было даже винтовок.

На рассвете кадеты и юнкера напали на казармы гарнизона со стороны Балабановской рощи, очевидно, с целью его разоружения. Но тут и меньшевистско-эсеровское офицерье не смогло дальше удерживать солдат от участия в отпоре обнаглевшей казацкой контрреволюции, угрожавшей их собственной жизни. Завязался настоящий бой. Красная гвардия сражалась наравне с солдатами. Я с отрядом красногвардейцев расположился в лесочке, который находился против Балабановской рощи, рядом с военной ротой, подчинившись общему командованию офицера-комроты. Стреляли сначала по невидимому противнику стоя, но когда рядом со мной один красногвардеец был убит наповал, а другой ранен в грудь навылет, то офицер скомандовал: «Ложись на землю!» Все легли. Бой в таком виде продолжался целый день и только к вечеру прекратился. Я попал в штаб поздно вечером, где застал лишь Тулака. Он работал один с огромным напряжением, как и полагается военоначальнику. Я стал ему помогать отправлять патрули. Отправленный мною патруль в 3 человека, под командой моего брата Сергея Яковенко попал в плен к кадетам в ту же ночь и был зверски уничтожен: им распороли животы и повесили, как я потом установил, на деревьях в районе Балабановской рощи. Беспрерывно в штаб приходили и уходили красногвардейцы.

В штаб доставлялись на грузовиках боеприпасы и оружие, которое первые два дня раздавалось всем без всякого учета. Так можно было вооружить кого угодно, вплоть до воров.

Благодаря этому по городу начались самочинные «конфискации», с которыми потом Военно-революционному комитету пришлось вести борьбу. Только спустя два дня, мы стали выдавать оружие по спискам, составленным на предприятиях. На второй день сражения, к вечеру, кадетов удалось выбить из Балабановской рощи и прилегающих к ней районов и оттеснить их за Кизитеринскую балку к ст. Аксайской.

Первые дня дня гарнизон принимал участие совместно с Красной гвардией в сражениях, но на третий день командиры — меньшевики и эсеры окончательно разложили солдат, с каковой целью командованием был отдан приказ о демобилизации солдат. Красная гвардия, предоставленная самой себе, плохо вооруженная, не подготовленная к бою и без надлежащего военного руководства, смогла продержаться еще дней пять, пока не подошли из Новочеркасска регулярные казачьи полки атамана Каледина, которые и

принудили нас оставить Ростов без боя. Ростовская буржуазия ликовала, засыпая Каледина цветами.

Но ликовать им пришлось недолго: через 3 месяца Ростов снова оказался в руках большевиков.

Под напором регулярных казачьих войск Каледина, 2 декабря Красная гвардия вынуждена была отступить, направляясь главным образом на Кубань. Черноморская флотилия также отступила. Растерянность в наших рядах была полная. В день эвакуации никто толком не знал, что делается; никто не знал, куда и в каком порядке нужно отступать. В день отступления я находился в штабе. С Кизитеринского фронта то и дело приходили красногвардейцы и заявляли, что патронов нет, смены не идут и потому с фронта все бегут. Часа в 2 дня смотрю: все помещения совета опустели. Тогда я отправляюсь на берег. Оказывается, флотилия уже снялась и уходит. По гавани бегут за нею вслед красногвардейцы, не успевшие эвакуироваться, с целью попасть как-нибудь на суда. Но так как попасть на «Колхиду» не представлялось возможным, то все направились к железнодорожному мосту, куда пошел и я. Здесь нам удалось сесть на поезд, который медленно двигался через Дон по направлению к Батайску. Когда поезд пришел в Тихорецкую, оказалось, что тут находится часть штаба и часть Военно-революционного комитета. Было созвано совещание, на котором постановили командировать И. И. Ставского, меня и Гришина Аполлона в Севастополь, с целью добиться от Черноморского флота существенной помощи временно разбитому ростовскому пролетариату. Однако, мы доехали до Новороссийска и там застряли из-за отсутствия пароходов. Все же дня через 3—4 мы добрались до Ялты, а оттуда уже на миноносце доехали до Севастополя. Здесь мы не получили никакой помощи от Черноморского флота, так как в этот момент флот буквально разваливался под действием контрреволюционных сил. Для всех нас было ясно, что после отступления из Ростова с такими силами, как наша ростовская Красная гвардия, рассеянная по Кубани, без военного руководства и без поддержки, мы воевать с регулярными войсками не сможем. Нужно было думать о создании регулярной Красной армии, которая с этого момента и начала складываться из отдельных более организованных и наиболее дисциплинированных боевых единиц, укомплектованных как из бойцов старой армии, так и из красногвардейских отрядов. Так выросли VIII и IX армии Южного фронта.

В своих кратких воспоминаниях об Октябрьской революции в Ростове-на-Дону я старался изложить факты и собы-

тия так, как они сохранились в моей памяти, избегая однако преувеличений и затушевывания действительности. Цель моих воспоминаний—рассказать молодому поколению о героической освободительной борьбе рабочего класса недавнего прошлого, чтобы оно понимало и ясней видело, в чем именно заключаются положительные и отрицательные стороны стратегии и тактики, применявшихся большевиками в различные периоды гражданской войны. Российский опыт завоевания диктатуры пролетариата нужно знать также и нашим зарубежным братским компартиям, чтобы они, изучив этот опыт, не допустили тех ошибок, которые быть может допустили мы.

Гр. Таран

В октябрьские бури

I

В связи с 15-летием советской власти, сопровождающимся блестящими победами рабочего класса на фронте соцстроительства, еще раз хочется вспомнить прошлое: как рабочий класс готовился к октябрьским завоеваниям, к последнему штурму капиталистических твердынь и затем в огне и буре гражданской войны окончательно разгромил все вооруженные силы буржуазной контрреволюции...

Март 1917 г. После освобождения из иркутской тюрьмы я вернулся из Сибири на родину в Курскую губернию. Повидавшись после долгой разлуки со своими стариками, родными, я через недельку отправился в Донбасс, именно туда, куда хотел попасть еще до тюрьмы. В апреле месяце я поступил на работу на Западно-Донецкий (теперь уже выработанный) рудник при ст. Гришино; рабочих на руднике было около 800 чел. Там же по соседству находился рудник «Лысая Гора» и еще два: Гродовский и Ново-Экономический; последний в то время был еще новым рудником, несколько механизированным, имевшим в перспективе (а теперь в действительности) не плохую будущность.

Все эти перечисленные рудники, с прилегающими к ним несколькими крестьянскими мелкими шахтами, представляли собой рудничный Гришинский район, насчитывавший до 3 000 рабочих.

Так вот, только-что вышедший из тюрьмы, в течение нескольких лет оторванный от производства, я снова возвратился в семью рабочего класса, чтобы вместе с ним драться за осуществление классовых требований широких рабочих масс, готовиться к грядущим боям с буржуазией и к смертельной схватке с отечественной и зарубежной контрреволюцией.

Пробывши несколько дней на руднике, я сразу увидел, что настроение рабочих нашего рудника, а также, как через некоторое время выяснилось, и всего района, было

крайне туманным. Организаций среди рабочих не было. Существовал рудничный комитет, так сказать отзвук февральской революции, который сплошь состоял из представителей администрации и небольшого количества рабочих. Некоторые члены администрации примыкали к кадетам (управляющий рудником Сергеев, штейгер Сафонов), а кое-кто из администраторов придерживался меньшевистских и правоэсеровских взглядов.

Администраторы с такой контрреволюционной идеологией и их приспешники возглавляли рудники и управляли по существу промышленной жизнью района.

Хотя довольно многочисленны были железнодорожники ст. Гришино, но среди них преобладали меньшевики и эсеры, а большевиков насчитывалось всего 2-3 человека.

Весь рудничный район находился в окружении многочисленных кулацких сел и отрубных хозяйств.

В самом Гришино существовал районный Совет рабочих депутатов, но в описываемое время он играл роль исключительно посредника при разборе в примирительных камерах конфликтов между рабочими и администрацией рудников и почти весь состоял из меньшевиков и эсеров.

Приближалось первое мая. Рабочие рудников, готовясь к нему, за недостаточностью большевистского руководства не могли занять четких классовых позиций. 1 мая на площади при огромном стечении рабочих рудников и железнодорожников преобладали плакаты с портретами Родзянко, Милюкова и Керенского. И вместо Интернационала во-всю разносились кадетские песнопения.

Видя, в какое болото я попал, я списался с тт. Медне Эдуардом и Беленьким Андреем, жившими в Харькове (оба большевика), вызвал их для работы на рудники, а сам стал работать секретарем рудничного комитета. С этого времени мы втроем повели интенсивную работу среди рабочих всего нашего угольного района. Нам приходилось выступать также на митингах у железнодорожников и в Совете рабочих депутатов. Разъясняя рабочим всю пагубность и продажность буржуазного правительства во главе с Керенским, а также политику русской буржуазии с ее лозунгами «войны до победного конца», мы сразу разрушили между рабочими и администрацией тот мост, на котором последняя строила свои соглашения. Все, что было наиболее активного среди рабочих, мы сразу же привлекли на свою сторону. После июльских дней, когда обнаглевшая реакция перешла в решительное наступление на рабочий класс, мы усилили работу по ознакомлению широких масс района с большевистскими лозун-

гами, подробно объясняя, чего хотят большевики и при помощи каких средств они намереваются добиться осуществления своих целей. После корниловского выступления мы на митингах разъясняли рабочим, куда завела трудящихся политика коалиционного правительства, и указывали им на необходимость немедленно браться за оружие, чтобы добить окончательно гидру контрреволюции. С июля 1917 года на наш рудник стали поглядывать очень косо, называя его большевистским, а председатель районного совета Гр. Давыдов — эсер, после одного моего выступления на митинге на ст. Гришино, где меньшевики усиленно провоцировали рабочих на то, чтобы они меня стащили с трибуны, заявил мне, чтобы я с рудника на станцию не показывался, иначе они, эсеры, не ручаются за мою безопасность, хотя я в то время был членом районного совета.

В этот летний период как на Западно-Донецком руднике, так и в других районах мы вели упорную борьбу с администрацией за повышение зарплаты, чему администрация чрезвычайно противилась. Чтобы парализовать наше влияние на рабочих (а последние наши выступления сопровождались большим успехом[1]), в августе 1917 года на рудники были выписаны из Петрограда георгиевские батальоны. Администрация думала при их помощи проводить свою контрреволюционную политику как на производстве, так и вообще. Эти георгиевцы были поставлены в лучшие условия, чем остальные рабочие, как в отношении зарплаты, так и в остальных бытовых условиях. Мы за это ухватились, разъяснили рабочим, а заодно и «георгиевским кавалерам», махинации буржуазии в целом и в частности местной администрации. После нескольких собраний, на которых выступали лучшие ораторы и агитаторы из рудничных кадровиков, нам удалось провалить контрреволюционную затею администрации. Попрежнему рабочие через свой актив требовали увеличения зарплаты, улучшения жилищно-бытовых условий, контроля над производством и т. д.

К этому времени (август) на руднике уже наметилась крепкая большевистская ячейка, которая держала связь с Никитовкой. Нам удалось сагитировать присланных георгиевцев и, отобрав из их числа наиболее подходящих ребят, втянуть их в работу ячейки (некоторые из них стали впоследствии хорошими инструкторами Красной гвардии, например, т. Сергей Зацеплин).

---

[1] Особенно выделялся из наших агитаторов забойщик т. Леванцов, впоследствии выработавшийся в хорошего оратора.

Проведя большую работу, мы в одну сентябрьскую прекрасную ночь забрали на ст. Гришино вагон винтовок и наутро вооружили всех рабочих. Таким образом мы положили начало организации Красной гвардии на руднике, а потом и во всем районе. Создали штаб. Меня назначили начальником штаба. Начали ежедневно утром и вечером производить обучение владеть оружием, проводить тактические занятия и даже учебную стрельбу. Как только разнеслась весть, что рудник вооружился, никто из местных и уездных властей (Бахмут) к нам не показывался. Мы сразу стали хозяевами положения. Администрация номинально управляла, но распоряжения и приказы старались фактически выполнять наши.

Помню случай. Глухая октябрьская ночь. Мы получили сведения, что с фронта движется на Дон походным порядком казачий полк — и маршрут его на Гришино. Дабы не дать ему возможности войти в район рудников и двигаться Донбассом, были выставлены из Гришино красногвардейские заслоны. Нам приказано было тоже выслать отряд. Это была первая проверка нашей боевой готовности. Заработал штаб, понеслись распоряжения по казармам и семейным квартирам, и в течение 15—20 минут, под причитания и крики жен, человек 200 шахтеров с винтовками и патронами в строгом порядке двинулись, утопая по колени в грязи, к Гришино. Точно по времени прибыли к месту назначения. Противник, проведав о заслоне, изменил направление своего движения и направился в другую сторону. Утром наш отряд вернулся в веселом и бодром настроении. Поставив в пирамиды винтовки, взяли кайла и пошли в шахты на работы.

Это был один из прологов той недалекой героической борьбы с контрреволюционным казачеством, калединскими и другими белогвардейскими франтами, которая уже маячила на политическом горизонте. Так с этого времени мы и жили с винтовкой в одной и кайлом или лопатой в другой руке.

Донбасс стал вооружаться. Стал с оружием в руках защищать рудники. Контрреволюция, заметавшись, искала путей для своих действий. К этому времени в районе Никитовки была расквартирована прибывшая с фронта кавалерийская дивизия, командиром которой был небезызвестный генерал Бискупский. Считаясь с тем, что Никитовский район стал настолько большевистским, что дивизию нельзя было там оставлять, ее в ноябре перебросили в Гришинский район в г. Гришино и прилегающие хутора. К этому же вре-

мени и в Юзовке (теперь Сталино) начался организовываться Центральный штаб — «Центроштаб» красногвардейских отрядов Донбасса. Задача большевистских организаций как в Юзовке, так и в Никитовке заключалась в том, чтобы во чтобы то ни стало, путем разложения, разоружить эту дивизию. Как Бискупский, так и весь командный состав дивизии прекрасно это понимали и все меры принимали к тому, чтобы этого не допустить и сохранить для целей контрреволюции эту часть в боеспособном состоянии. На долю нашей большевистской рудничной организации, а также начальника штаба Красной гвардии, которым был я, встала задача принять участие в проведении энергичной агитации среди солдат, заключавшейся в убеждении последних в том, что им необходимо складывать оружие и уходить по домам, а офицеров арестовывать и направлять в Юзово. В этом отношении нам большую помощь оказывали тт. Хилков и Пономарев. Основная масса кавалеристов сочувствовала нашей агитации, но солдатский комитет мялся и тормозил. В конце концов нам удалось его сломить. Созвано было общее собрание полка. Оно постановило: солдатам демобилизоваться, а офицеров арестовать и выдать (многие из офицеров еще до этого собрания убежали, в том числе и Бискупский, уехавший ночью на автомобиле на Дон). Все оружие и лошадей дивизия сдала на ст. Гришино. Отсюда и пошло начало организации (январь 1918 г.) красной кавалерии в Донбассе.

II

Июль 1919 года. Кипит гражданская война, происходят ожесточенные классовые битвы с поднявшей голову отечественной контрреволюцией. Враг наседает. Деникин движется с белогвардейскими бандами к Харькову, захватывает пункт за пунктом и направляет часть своих сил на Курск.

На участке Богодухов—Борисоглебск противник, сдержанный нашими частями, останавливается.

Я в это время работаю председателем Грайворонского исполкома. Бригада т. Саблина занимает участок Грайворон—Головчин. Командир полка т. Ламанов (уже тогда краснознаменец) геройски отбивает ожесточенные атаки противника на город. Наша задача: организовать уборку хлеба с полей и не отдать его врагу; снабдить продовольствием и одеждой воинские части; вести ежедневную и неустанную агитацию среди населения за советскую власть; производить вербовку рабочих в ряды Красной армии и оказывать ей всемерную поддержку. Помню как теперь: сидим в Рев-

коме, в маленькой комнатке, все вооруженные до зубов. Вторые сутки не выходим из-за стола: разрабатываем вопрос о подготовке транспорта к предстоящему нашему контрнаступлению, а также организации эвакуации города, снабжении продовольствием тыла одного из полков, защищавшего очень важный железнодорожный узел — ст. Готня, Сев.-Дон. ж. д.

Один из товарищей не выдержал, свалился под стол. Вызвали врача, который констатировал высокую температуру. Больного положили в кровать, а остальные продолжали работать. А ночью в окопы, к тт. красноармейцам, проводить беседы, поднять дух бойцов перед назначенным на утро боем. И так сорок с лишним дней!

Противник в бешенстве бросает свои части, но безуспешно. В конечном счете охватывает нас широким кольцом. Рискуем остаться в плену. Снимаемся, отходим, но свое дело — дело пролетарской революции — сделали. Хлеб убран и отправлен на север. Сахар с сахарозаводов эвакуирован, скот тоже. Укрепили части и с боем спокойно отошли.

Сентябрь. Ясная погода. Я в качестве политбойца в окопах у Селиховых дворов под Курском. Генерал Кутепов ведет наступление на Курск.

Кипит ожесточенный бой по всему участку. Дождь пуль не дает поднять голову. Вижу: взвод белогвардейцев подбегает к проволочному заграждению, таща с собой пулеметы. Бросаюсь к пулеметному гнезду. Кричу пулеметчику: «Огонь. Очередь!»

Противник приник к земле или совсем сметен огнем. Слева тревога: противник прорвался, нас обходит. Начинает строчить по флангу пулеметным огнем. Бойцы в панике бросаются назад. Не хочу оставить пулемет: впрягаюсь и тащу его по тяжелой пахоте, а белые пытаются снять меня разрывными пулями. Не удалось: дотащил пулемет до оврага и на повозке увез.

Враг к вечеру занимает подступы к г. Курску, обходит его и утром входит в город. Мы отступаем вдоль Московско-Курской ж. д. Задерживаем противника на фронте Фатеж — Малоархангельск — Поныри.

Отборные части белых наседают. Мы, упорно дерясь, медленно отходим. Вечереет. Отходим еще от одной станции. Я командую отрядом. Собрал всех товарищей вокруг себя, внимательно в каждого всматриваюсь. Молодые и бородатые старики внимательно слушают меня. Говорю им, что необходимо до подхода слева наших частей удержать станцию. Поздно вечером должен из глухого тупика подойти поезд с

продовольствием. По времени рассчитываю, что станция еще будет в наших руках и поезд выручим. Но враг с ожесточением наседает. Наши фланги отходят. Поезд опаздывает. Приходится оставить станцию. Расположились неподалеку. Темно.

Пришел запоздавший поезд. Решаю: сесть на один из ушедших с ними паровозов, взяв с собою человек 10 красноармейцев, подойти тихо на стрелки станции и взять вагоны. Удается. Подошли к составу тихо. Два товарища соскочили, стали делать сцепку. Вдруг с двух сторон по нас, по паровозу стрельба пачками. Командую машинисту: вперед! Но последний как-то осел. Подскочил к нему. Вижу: ранен в шею. Подхватываю его на руки. Он дает полный ход вперед и мы выскакиваем под огнем противника за стрелки и уходим к своим.

Еще один незабываемый эпизод.

Наша доблестная дивизия совместно с другими частями Красной армии занимает снова Орел. Двигаемся в направлении Малоархангельского шоссе к ст. Золотарево и д. Собакино. Отборные корниловские части упорно защищают уже около недели опорный тактический узел. Для дальнейшего продвижения необходимо их сбить.

Раннее утро последних дней октября. Туман. Комбриг т. Куйбышев, ком. полка Михайлов составляют из полковых конных разведок кулак в сто сабель и бросают его на стыке частей противника ему в тыл с задачей разрушить его коммуникации, навести панику. А в это время с фронта решительной атакой сбить противника с занимаемых им позиций. Первую часть задачи выполняем удачно: в тылу противника захватываем обозы. Налетаю с двумя кавалеристами на движущуюся кучку: «Стой! Руки вверх!» Подскакиваем: корниловский офицер, с ним два рядовых. Солдаты растерялись, подняли руки. Забираю документы. Оказывается: штабная почта корниловского полка. Ценные документы. Бережно вешаю сумку на себя. Подоспевшим товарищам передаем пленных. Сами догоняем головной отряд. По всем признакам противник заметил наше присутствие в своем тылу. Видно как со ст. Золотарево поспешно уводят эшелон. В поле тоже паника. Еще несколько минут езды. Выскакиваем из оврага и встретились лицом к лицу с конной сотней белых. С нашей стороны краткая команда старого усатого вахмистра: «Ура!» И развернутой лавой бурей понеслись на белых. Сшиблись. Выстрелы. Сабельные удары. Пулеметная стрельба с фланга. Противник рассеялся. Распылились и мы. Туман. Плохо видно. Под'езжаю рысью к трем всадникам. В ожидании машут шашкой, думают: свой. Под'езжаю

ближе, вижу офецера и с ними двое кубанцев. Он заметил меня, кричит: «Бросай винтовку!» Думаю: дело плохо. Схватываю карабин. Прицеливаюсь. Стреляю. Вижу: офицер ранен, упал на шею лошади. Противник тоже выпустил по мне несколько пуль. Круто поворачиваю. Карьером. Ищу своих. Пропали. Нет никого. Только бегают по полю несколько лошадей из-под убитых всадников. Лошадь устала. Глубокая грязь. Дальше не идет. Под'езжаю к одному из убитых всадников. Перескакиваю из седла своей лошади в седло лошади одного из убитых и держу направление на лес. По дороге еще встречаю комиссара бригады т. Зайцева и трех красноармейцев. Тоже отбились во время атаки от своих. Всю ночь вместе бродили в тылу у белых. К утру набрели на стоянку своих частей. Мокрые, грязные, но радостные сознанием исполненного нами долга. Прихожу в штаб, а там глазам своим не верят:

— Да ведь вчера вернулась сотня и сказала, что видели, как тебя зарубили в атаке?

— Жив,— говорю,— и привез с собой всю оперативную почту корниловского полка.

Разматывая ленту прошлого, можно было бы рассказать про Донбасс, широкие степи Кубани, Крым. Как с 9-й стрелковой дивизией пришлось в дальнейшем, уже в качестве ее комиссара, совершить поход до самого Новороссийска. По Дону, Кубани и Крыму ликвидировались банды Назарова, Улагая и Врангеля.

А дальше?

Дальше снова мирный фронт. Снова председатель исполкома. Строительство хозяйственной жизни страны. Выполнение продналога и многое другое. Может быть, на первый взгляд серое, не такое красочное, как в дни гражданской войны. Для меня поет и красками и звуками все, что крепит диктатуру пролетариата, все, что помогает строить социализм.

Все красочно, все возвышенно, все героично, что необходимо для построения бесклассового человеческого общества и чем сильна советская власть в дни своего 15-летнего юбилея.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЯЛТЕ

Пучков-Безродный

Ялта под пятой немецких интервентов и петлюровских банд

(*Апрель 1918 года*)

Октябрьская революция в Крыму, в силу отсутствия там крупных промышленных предприятий и вытекающей отсюда слабости пролетариата, началась с большим запозданием.

Первая половина 1917 года проходила в Крыму под доминирующим влиянием меньшевиков и эсеров. Массы шли тогда за оборонцами.

И только 15 декабря, под давлением матросских масс, в Севастополе организуется ревком. В декабре—январе мы видим, что революционные массы под руководством большевиков дают генеральный бой обоим белогвардейским правительствам и ликвидируют их. Весьма короткое существование советской власти в Крыму, в условиях подрыва и разлагающей работы меньшевиков и эсеров, не дало возможности первому Крымскому совнаркому разрешить национальный вопрос. Вот одна из причин стремительного продвижения немецких интервентов и петлюровских гайдамаков в Крым и захват его. При приближении немцев восставшее местное кулачество при участии эсеров расстреляло первый совнарком и жестоко расправилось с крымскими большевиками.

Здесь в небольшой статье я не имею в виду рассматривать общую ситуацию классовой борьбы за советскую власть в Крыму. Моя задача — поделиться воспоминаниями лишь о том, что в свое время мною было занесено в памятную книжку и входило в поле моего зрения сначала как красногвардейца, а затем члена военного совета штаба Красной гвардии в Ялте (семерка).

★

Крым перед нашествием интервентов

Согласно Брестскому договору, в состав РСФСР из всей украинской территории входила только непричисленная к Украине бывшая Таврическая губерния, т. е. Крымский полуостров.

В начале 1918 года по постановлению ВЦИК на Крымском полуострове была организована Советская Республика Тавриды, с центром в городе Симферополе.

В средних числах марта 1918 года (время моего пребывания в Симферополе) в Крыму функционировали уже следующие наркоматы: военный, финансов, продовольственный, просвещения, юстиции, земледелия и путей сообщения.

Из этих комиссариатов был создан совнарком Тавриды под председательством тов. Слуцкого. Весь аппарат Крымского совнаркома и его учреждений был весьма слаб, так как находился еще в стадии организации. Вся текущая работа наркоматов и даже самого совнаркома исполнялась Центральным исполнительным комитетом. Все совучреждения республики возглавлялись одним-двумя прикомандированными к ним так называемыми «ответработниками». Кстати сказать, некоторые из этих ответработников были чуждыми пролетарской идеологии и иногда даже ярко выраженными врагами советской власти и большевиков. Что же касается военспецов, работавших в аппарате, то последние представляли из себя самую злостную белогвардейщину.

Симферополь 1918 года, вернее, весь Крым того времени, кишмя кишел самой оголтелой контрреволюцией; сюда съехались разбитые на севере и на Дону эсеровские и меньшевистские заправилы, находившиеся в тесном контакте с Колчаком и его аппаратом.

Если к этому добавить постоянные трения между Симферопольским правительственным центром и Севастопольским военным центром, каждый из коих требовал беспрекословного себе подчинения, а также и то, что среди контрреволюционной стихии работала в буквальном смысле горсть большевиков, то станет вполне ясным, почему первому Крымскому совнаркому не удалось организовать трудящиеся массы Крымского полуострова, чтобы противопоставить их немецким оккупантам и петлюровским бандам.

Кроме петлюровской меньшевистско-эсеровской контрреволюции, здесь, в Крыму, находила себе место и дезорганизаторская работа анархистов, особенно имевшая успех среди известной части разлагавшегося в то время Черноморского флота. Эти анархиствующие моряки представляли

из себя достаточно солидную военную силу и с их лозунгом — «быть свободными, значит, подчиняться самим себе» — они действительно никого не хотели ни слушать, ни тем более подчиняться. Черноморские «братишки» или, как их называли, «ура-анархисты» в то время делали что хотели и что им нравилось—делали не по убеждению, а по настроению.

Таково было положение в Крыму в марте 1918 года, когда к Перекопу уже подходили немецкие интервенты и петлюровские головорезы-погромщики.

Черноморские моряки не сразу заняли в революционном движении свое место, как это имело место с революционными моряками Балтфлота.

Правда и то, что Черноморский флот, будучи отдален от промышленных центров и от влияния пролетариата и его большевистской партии, слишком медленно ориентировался в событиях.

Социальный состав чернофлотцев в своей значительной части набирался из зажиточных слоев деревни и в меньшей своей части представлял из себя пролетарское ядро, не поддававшееся колчаковско-эсеровскому влиянию и анархокулацким тенденциям, которые вносила с собой остальная крестьянская масса чернофлотцев.

Все же время и поступательный ход революции под руководством большевиков наконец сделали свое дело и среди черноморских моряков.

В ночь с 16 на 17 декабря 1917 года чернофлотцы, хотя и с запозданием, предъявили эсеровско-колчаковской компании те требования, которые были предъявлены в феврале 1917 года моряками Балтфлота, но и здесь, как и во всех стадиях революции, чернофлотцы оказались в плену мелкобуржуазной идеологии. Высший выборный революционный орган моряков — Центрофлот — находился в руках жирондистов русской революции, которые, жонглируя национализмом, сделали все возможное, чтобы разложить рабочие и матросские массы. Ведь не кто иной, как Центрофлот, своей предательской политикой лжеукраинизации подготовил почву для церемониального шествия немецких оккупантов по Украине и Крыму под прикрытием петлюровской самостийной украинской республики.

19 апреля 1918 года, в виду стремительного продвижения немцев к Симферополю, ЦИК и совнарком Республики Тавриды поставили вопрос об эвакуации совучреждений и правительства из Симферополя. Маршрут эвакуации был определен в направлении: Керчь, Ялта или Севастополь.

Недооценивая боеспособность чернофлотцев и рассматривая Центрофлот, как контрреволюционную предательскую организацию, члены ЦИК и совнаркома окончательно решили эвакуироваться на Ялту. В средних числах апреля 1918 года Ялта получила директиву Севастопольского военно-морского комиссариата организовать местные военные силы и двинуть их против восставшего татарского кулачества, немцев и петлюровских гайдамаков, по примеру Севастополя, который в это время выслал все боевые силы на фронт. 20 апреля, когда в Ялту прибыли Симферопольский ЦИК и совнарком в лице тт. Слуцкого, Новосельского, Коляденко, Торвадского, Финогенова, Семенова, Акимочкина и двух членов Севастопольского исполкома, товарищей Бейм и Баранова, все ялтинские организации, включая и руководителей учреждений, находились под ружьем. Тов. Жадановский Борис Петрович, возглавлявший продовольственный комиссариат в Ялте, немедленно организовал социалистический красногвардейский отряд из политических амнистированных и каторжан, находившихся тогда на излечении в Ялте, и двинулся с ними в горы против гайдамаков и восставшего кулачества. Тогда же прибыл на подкрепление ялтинским бойцам известный отряд тов. Чижикова, состоявший из черноморских моряков.

День приезда Симферопольского совнаркома в Ялту совпал с самыми тяжкими боями с немцами, гайдамаками и восставшим татарским населением. Весь транспорт и все человеческие силы были заняты фронтом. Из гор, где шли бои, беспрестанно прибывали раненые красногвардейцы и приводились пленные.

Естественно, что в такой обстановке симферопольские товарищи были предоставлены самим себе, им не было уделено должного внимания. Требование членов правительства о предоставлении им возможности посадки на один из стоящих в Ялте пароходов было отклонено в виду того, что это судно было предназначено для эвакуации ялтинских учреждений и Красной гвардии. В виду этого члены правительства, не желая выжидать событий в Ялте, решили изменить свой маршрут, взяв направление через Алушту и Феодосию на Керчь [1].

21 апреля члены правительства, не зная, что Алушта захвачена восставшим кулачьем, эсерами и украинскими белогвардейцами, выехали на двух автомобилях по направлению

[1] Редакция просит товарищей, знакомых с историей гибели первого советского правительства, подробнее осветить этот момент гражданской войны в Крыму.

к Алуште. Поездка эта была вообще безрассудна, так как выехавшие товарищи безусловно были осведомлены, что окрестное татарское население восстало и находится в состоянии партизанской войны с Красной гвардией и что автомобиль, высланный накануне с разведчиками, еще не возвратился. (Позже было установлено, что разведчики попали в плен и были расстреляны восставшими.) Перед отъездом членов правительства в Алушту один из них предварительно справился по телефону о положении в Алуште. Оттуда засевшие белогвардейцы от имени якобы Алуштинского исполкома ответили, что все обстоит благополучно и что они, как и в Ялте, организовывают красногвардейские отряды для встречи немцев. После этого члены ЦИК и совнаркома утром 21 апреля выехали в Алушту, где их выжидала белогвардейская банда, так как в дополнение ко всему по телефону из Ялты было сообщено исполкому, т. е. захватившим власть белогвардейцам, псевдо-исполкому, что туда выехали члены ЦИК и совнаркома по пути в Керчь. Кончилась эта поездка драматически: все выехавшие товарищи были захвачены в плен белогвардейцами и после мучительных надругательств были расстреляны. Так, были зверски растерзаны: пред. совнаркома — Слуцкий, пред. Симферопольского совета — тов. Торвацкий, наркомфин — Коляденко и тов. Новосельский. Когда в Ялте узнали о захвате Алушты белыми, то немедленно дали знать в Севастополь с просьбой прислать подкрепление, чтобы вырвать из рук бандитов попавших в плен членов ЦИК и совнаркома. Севастополь немедленно отправил в Ялту миноносец с десантом моряков, который подверг бомбардировке Алушту и окрестности Ялты.

Белогвардейцы под натиском моряков и красногвардейцев поспешно отступили, захватив с собой и пленных членов правительства. Уйдя с ними в горы, белогвардейцы-палачи в одном из ущелий расстреляли пленных мучеников, исколов их тела штыками. Белогвардейские изверги, дрожа за свои шкуры, слишком торопились и не всем нанесли смертельные раны. Тов Бейм, Акимочкин и тов. Семенов оказались живы и в страшных мучениях, истекая кровью, нашли в себе силы, чтобы выползти из ущелья к месту, где им оказана была первая медицинская помощь. Тов. Бейм, не вынеся мучений, удавился на собственном поясе, а тов. Акимочкин свалился на дороге, истекая кровью. Он был после подобран, отправлен в больницу и умер уже у немцев, перевезенный в Севастополь. Только тов. Семенов и неизвестный рабочий добрались в Алушту, где они подлечились

и передали о предсмертных муках остальных погибших товарищей.

Из членов совнаркома остался еще в живых т. Финогенов, при поспешном бегстве забытый белогвардейцами в тюрьме.

Социалистический отряд на фронте. Смерть тов. Жадановского

В январе 1918 года, будучи в Ялте, когда там развернулась борьба с эскадронцами[1], руководимыми штабом белых, тов. Жадановский был избран комендантом города и в одной из схваток был взят в плен офицерьем. Торжествовавшие победу золотопогонные белобандиты, расстреляв группу захваченных с ним товарищей, Жадановского решили доставить в Симферополь, где обещали каленым железом заставить заговорить его с ними откровенно.

Грузовик, сопровождаемый офицерами, повез Жадановского в Симферополь на расправу. Ночью под самым Симферополем вдруг раздалась команда: «Стой! Кто едет?» Послышалось несколько выстрелов — это стреляла рабочая боевая дружина. В минуту грузовик опустел, все офицерье бросилось в канавы по бокам шоссе, оставив пленных. Жадановский ползет в сторону тех, кто остановил грузовик, узнает, что здесь свои, и что сегодня в Симферополе власть перешла в руки рабочих. Тов. Жадановский сообщает им, что белые, не зная, что в Симферополе совершен переворот, везут его и нескольких других товарищей в белогвардейский штаб на расправу. Жадановский попросил товарищей немедленно сообщить в совет, чтобы прислали подкрепление для захвата офицеров. Рабочие мялись, не совсем доверяя его заявлению. Тогда Жадановский бежит на фабрику Абрикосова и из совета, по телефону, вызывает подкрепление. Скоро офицеры под конвоем были доставлены в совет, а Жадановский и другие товарищи вернулись в Ялту.

В конце апреля 1918 года социалистический отряд тов. Жадановского прошел с боем из Ялты до Мамут-Султана, находящегося в 14 километрах от Симферополя. На этом

---

[1] Эскадронцы—детище национальной крымской буржуазии По своему социальному составу — кулаки и контрреволюционное российское офицерье,

Татарская национальная буржуазия, восставшая против Октябрьской революции, в своем национальном парламенте (курултай) 10 февраля 1917 г. вручила диктаторскую власть директору национального правительства Сейдамату, руководившему так называемым штабом крымских войск и входившими в него эскадронцами.

Эскадронцы были брошены Сейдаматом для разгрома революции в Крыму, но были ликвидированы чернофлотцами.

участке, увлекшись движением вперед, т. Жадановский отошел на значительное расстояние от отряда и, будучи тяжело ранен в ногу и затем в голову, продолжал сражаться (по официальным донесениям с фронта) с группой петлюровцев. Подошедший на выручку социалистический отряд подобрал тов. Жадановского и доставил в Алушту, где он к вечеру скончался на руках близких товарищей.

В лице тов. Жадановского рабочий класс потерял исключительно светлую и преданную делу пролетарской революции личность.

Тов. Жадановский повел социалистический отряд в бой, когда окрестности Ялты находились в руках кулацких повстанцев, а к Симферополю и Севастополю подходили регулярные немецкие войска и петлюровские банды.

Во время этих боев в качестве смелых и активных красногвардейцев проявили себя тт. Федорович П. А., Сосновский Г., Валентинова, Н. М. (Бойковская) и другие.

Тов. Федорович за день до эвакуации Ялты на Новороссийск сообщил мне в штаб из Алушты: «Социалистический отряд в боевом порядке находится в районе Алушты. Какие имеются задания отряду?» — Ответ: «В том же боевом порядке, без промедления направляйтесь в виллу «Елену» (помещение красногвардейского штаба «семерки» в Ялте). Тов. Федорович занимал пост зам. заведующего комиссариатом финансов в Ялте и, когда начались бои, заявил штабу, что не может больше заниматься финансовыми делами, когда требуются бойцы на фронте. Ему штабом дано было поручение заняться разведкой, как одному из аборигенов Крыма, хорошо знающему местность. Однако тов. Федорович не ограничивался функциями разведчика, он вместе с социалистическим отрядом, когда требовали обстоятельства, первым шел в бой, заражая своим примером остальных.

Нина Марковна Валентинова (Бойковская), находясь для особых поручений при штабе «семерки», весьма преданно и по-боевому выполняла свою работу, особенно в последние дни напряженной борьбы. Она как никто умела воодушевлять и внушать бодрость бойцам, отправлявшимся на фронт.

Эвакуация

В ночь под 1 мая 1918 года социалистический отряд Красной гвардии и часть Ялтинской Красной армии со всеми учреждениями и организациями Ялты были посажены на пароход, стоявший на молу. Окрестности Ялты были заня-

ты противником, а в самом городе изо всех щелей начали выползать белогвардейцы; офицерье надевало погоны. Немецко-петлюровская агентура подстрекала рабочее население к разгрому штаба и задержанию вывозимых ценностей. Красногвардейский кулак, охранявший штаб, делал вылазки и то тут, то там давал бои, захватывая в плен слишком нетерпеливых белогвардейцев.

В 8 часов вечера штаб Красной гвардии выехал из виллы «Елена» на пароход. Попытки задержать автомобиль, вооруженный пулеметом и охраняемый Красной гвардией, успеха не имели. На отдельные выстрелы мы отвечала залпами.

На пароходе

— Тов. начальник, разрешите нам отправиться в город посмотреть, как хозяйничают там белогвардейцы.

— Через двадцать минут пароход отчаливает в Новороссийск, — отвечаю я обратившимся ко мне красногвардейцам.

— Успеем, нас тридцать человек добровольцев и все трезвенники.

— Хорошо. Только не опаздывать. Слушайте сирену.

Через 40—50 минут на мол к пароходу приводят 14 белобандитов.

— Куда прикажете девать гостей?

— К праотцам, — отвечаю я, — только предварительно узнать, нет ли там своих.

— Нет, все золотопогонники.

— Пли!..

Это был последний наш салют по контрреволюции. Пароход тронулся и мы благополучно добрались до Новороссийска.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОДЕССЕ

В. Юдовский [1]

Одесский Военно-революционный комитет 1918 года

I

Революционные события, развернувшиеся в Одессе в конце 1917 и в начале 1918 годов, представляют собою весьма яркую страницу в истории пролетарской революции на Украине. Эти события несомненно заслуживают подробных разработок и тщательного изучения, так как в них содержится немало таких моментов революционной практики, которые не без успеха могли бы быть использованы в качестве опыта для грядущих боев мировой пролетарской революции.

Одесса — портовый город с чрезвычайно пестрым в социальном и национальном отношениях населением. Обладая довольно высоко развитой промышленностью и значительным массивом пролетариата, город вместе с тем в недрах своего населения имел огромную массу мелкой буржуазии, по преимуществу еврейской национальности. Моряки торгового и военного флота также обладали немалым удельным весом в массе одесского населения. Гигантское передвижение людских масс, связанное с мировой войной, в свою очередь соответствующим образом отразилось на составе городского населения Одессы в результате оседания более или менее значительных воинских единиц, различных учреждений, общественных органов и т. д. Далее необходимо учесть отрицательное влияние войны на состав одесского пролетариата, который за время войны, не в меньшей степени чем пролетариат других промышленных центров, подвергся весьма заметному засорению окопавшимися в производстве буржуазными и мелкобуржуазными элементами. И, наконец, не следует ни на минуту упускать из виду, что Одесса и ее область являются частью Украины и поэто-

[1] Тов. Юдовский был председателем Военно-революционного комитета Одессе в 1918 году.— **Ред.**

му вполне естественно, что национальные противоречия наложили свою яркую печать на революционные события рассматриваемого периода.

Учитывая перечисленные условия, характерные для общественных соотношений Одессы, необходимо вместе с тем принять во внимание также историческое прошлое этого города. Героические дни Потемкинского восстания, борьба одесского пролетариата в 1905 году, партийные группировки, исторически сложившиеся в Одессе, исключительно свирепый разгул черносотенной реакции в 1905 году и в период столыпинщины, кровавые еврейские погромы и т. д. и т. д.— все это, конечно, не могло быть вычеркнуто из памяти населения и не могло не оказать своего влияния на расположение общественных сил в момент решительных боев 1917 — 1918 годов.

Настоящий очерк не имеет, конечно, в виду дать исчерпывающую картину развития революционных событий в Одессе с момента свержения царизма и до перехода власти к советам. Его задача гораздо уже: она заключается в том, чтобы проследить процесс образования в Одессе Военно-революционного комитета, возглавлявшего восстание рабочих и моряков в январе 1918 г.

II

В Одессе, как и в других центрах страны, нарастание сил пролетарской революции становится особенно ярким и могучим после корниловского мятежа и его ликвидации. Тот упадок революционных настроений, который явился прямым результатом июльских событий, после корниловщины стал быстро изживаться. Революционное настроение масс поднималось не по дням, а по часам.

Задача одесской организации большевиков заключалась в том, чтобы возглавить это нарастающее движение и ввести его в русло пролетарской революции. Надо было освободить массы от разлагающего влияния различных соглашательских организаций, которых в Одессе в то время было немалое число.

Меньшевики, правые эсеры, украинские группировки различных толков, еврейские организации — все они более или менее дружно выступали против большевиков достаточно сильным фронтом. Большевики пользовались усиленной поддержкой лишь со стороны левых эсеров и анархистов.

Хотя большевики и не обладали в то время достаточным числом агитаторских сил, тем не менее они с большим успехом боролись за массы и быстро укрепили свои позиции

среди рабочих, моряков и солдат. Можно без преувеличений констатировать, что во второй половине сентября влияние большевиков в массах настолько укрепилось, что враждебные им политические течения неизменно терпели крах при каждом выступлении. Таким образом радикализация масс в Одессе, как и во всей стране в этот период, совершилась чрезвычайно быстро.

А между тем советские организации еще далеко не были большевизированы. Румчерод[1] первого созыва представлял собою гнездо самых отъявленных социал-предателей-оборонцев, с огромным преобладанием меньшевиков, либералов и эсеров типа Авксентьева—Гоца. Большевистская фракция Румчерода была чрезвычайно слаба и маловлиятельна. Само собой разумеется, что Румчерод представлял собой организацию явно враждебную большевизму.

Одесский совет рабочих депутатов был обессилен в своей деятельности чрезвычайной пестротой политических течений, в нем представленных. Там были и правые эсеры, и левые эсеры, и меньшевики, и большевики, и бундовцы, и пепеэсовцы, и анархисты, и разные иные течения и группировки. При таком составе, само собой разумеется, мудрено было ждать от совета необходимой активности в деле руководства быстро революционизировавшимися массами. Обессиленный внутренними непреодолимыми противоречиями, «истекая» в бесплодных словопрениях, совет мало отражал настроение масс и не имел достаточно живого контакта с последними.

Партийная организация большевиков несла на себе печать своего недавнего прошлого. Дело в том, что окончательная размежевка с меньшевиками осуществилась довольно поздно, лишь в половине лета 1917 г.

Организация с трудом изжила свои былые примиренческие настроения, что конечно, не могло не отразиться на выработке форм борьбы применительно к быстро назревавшей революционной ситуации.

III

Октябрьское восстание ленинградских и московских рабочих и переход власти к советам в центрах страны застали советские организации Одессы еще далеко не подготовленными к решительным действиям. Соглашательский Румчерод, окончательно потерявший к этому времени всякое влияние в массах как на фронте, так и в тылу, безуспешно

---

[1] Румчерод — Исполнительный комитет советов румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. — Ред.

пытался удержаться на своих старых позициях, на позициях контрреволюционной керенщины. Далеко еще небольшевизированный Совет рабочих депутатов не имел достаточных сил, чтобы стать на путь решительной борьбы за власть. При таких условиях основная задача партийной организации единственно могла заключаться в том, чтобы крепче связаться с массами и развернуть среди них широчайшую агитацию, всяческими путями выясняя значение совершившихся в центрах событий. Дальнейшие события показали, что эта задача была разрешена успешно. Организация сумела подготовить массы к решительным действиям, сумела увлечь их на путь вооруженного восстания.

Но в первый период Октябрьской революции в Одессе не было такой организации, которая бы обладала достаточными силами, чтобы пойти по путям Ленинграда и Москвы. Этим положением воспользовалась Центральная украинская рада для установления своей власти в Одессе. Опираясь на довольно многочисленные украинизированные воинские части, на «гайдамацкие курени», рада без всяких затруднений овладела властью. Революционные элементы не были в состоянии оказать ей сопротивления. Да и сколько-нибудь серьезных попыток к такому сопротивлению не было. Начались нудные попытки соглашательской политики, создание всевозможных контактных комбинаций, партийных представительств и т. п. Совершенно очевидно, что все эти мероприятия ни к чему хорошему привести не могли. Нельзя было примирить пролетарскую революцию с такой буржуазной организацией, какой являлась рада.

Нужно сказать определенно, что в создавшейся ситуации массы разобрались весьма скоро и весьма успешно. Уже выборы на съезд Румчерода и атмосфера, господствовавшая на самом съезде (начало декабря 1917 г.), показали, что революционные настроения масс достигли максимального напряжения. Одесская область, Черноморский флот и румынский фронт послали на съезд в подавляющем большинстве большевиков и левых социалистов-революционеров. Соглашательские партии и украинцы были представлены на съезде в незначительном и маловлиятельном количестве.

В результате бурно нараставших революционных настроений масс, рядом с советами и помимо советов, начали возникать «самочинные» революционные организации, явно и решительно претендовавшие на власть. В достаточной мере дезорганизованная рада уже не в силах была бороться с гигантским натиском быстро назревавшей революции. По инициативе военных моряков был организован революционный трибунал, успешно поведший борьбу против контрре-

волюционных элементов. Возникла мощная организация безработных, сразу взявшая в ежовые рукавицы одесскую буржуазию. Восстание назревало. Восстание властно врывалось во все щели действительности. Но не было еще органа, который взял бы на себя руководство массами, рвущимися в бой.

Такой орган возник в конце декабря, зародившись непосредственно в гуще революционных масс. Он возник по вполне конкретному поводу — из-за полной несостоятельности рады удовлетворить насущные потребности масс. Рада не обладала денежными ресурсами, необходимыми для уплаты заработка рабочим. Нужда пролетарских масс достигла небывалых размеров. Это обстоятельство в сильнейшей степени активизировало рабочих. После ряда попыток путем массового давления добиться от рады необходимых мероприятий, массы на живых уроках жизни убедились, что только путем решительной борьбы, только в результате перехода власти к советам возможно выбраться из тяжелого тупика. Не встречая активного руководства со стороны советских организаций и находясь под сильнейшим влиянием большевистской агитации, массы вступили на путь самостоятельных действий, под непосредственным руководством большевистской организации.

Совещание представителей 49 одесских предприятий, созванное во второй половине декабря для обсуждения финансового положения, сумело правильно увязать нужные моменты с вопросом о власти. На этом собрании был избран Революционный комитет на основе твердого и категорического задания немедленной борьбы за власть.

Совершенно очевидно, что вне существовавших тогда в Одессе советских организаций, без них и помимо их вновь образованный революционный комитет не мог достаточно целесообразно развернуть свою деятельность. Была существенно необходима и фактическая и организационная связь с этими организациями. Поэтому революционный комитет наименовал себя «Военно-революционным комитетом при Румчероде» и председателя Румчерода избрал своим председателем.

IV

Военно-революционный комитет был создан рабочими Одессы для непосредственной подготовки вооруженного восстания. Его возникновение знаменовало собой максимальную зрелость революционной ситуации. Пробил последний час. Дальнейшие проволочки и оттяжки могли привести к чрезвычайно тяжелым последствиям в смысле демо-

рализации революционных масс и укрепления контрреволюции.

Надо было немедленно начинать решительные действия и Военно-революционный комитет их начал.

Две задачи стали перед Военно-революционным комитетом на первых этапах его деятельности: нужно было, во-первых, собрать вокруг себя и подчинить своему руководящему влиянию революционные элементы и, во-вторых, по возможности разложить, ослабить, дезорганизовать силы контрреволюции. Осуществление первой цели не встретило особых затруднений. Атмосфера была накалена до последней степени. Как только в городе стало известно о возникновении Военно-революционного комитета, последний немедленно стал центром сосредоточения революционных сил. Красная гвардия, пролетарские организации, революционные моряки, воинские части тотчас же послали в комитет своих представителей. Установилась крепкая связь с массами. Комитет не по дням, а по часам креп и вырастал на могучем хребте быстро зреющей революции.

Гораздо труднее было влиять на боевые силы контрреволюции. Нужно было провести огромную работу по разложению украинских частей, так называемых «гайдамацких куреней». Замордованные бесшабашной националистической демагогией, гайдамаки довольно прочно сгрудились вокруг своего желто-голубого знамени. Прикрываясь лозунгами «самостийной Украины», патентованные контрреволюционеры крепко держали под своим влиянием ловко одураченную ими массу. Надо было начать борьбу за эту массу. Революционный комитет сумел пробраться в гайдамацкие курени, сумел связаться с отдельными представителями гайдамацких частей, сумел развернуть в куренях широкую разоблачительную агитацию.

Гайдамаки — украинизированные солдаты империалистической войны — так же жаждали мира, как и вообще солдаты царской армии. Гайдамаки — украинские крестьяне — также ненавидели помещиков, как и крестьяне любой части России. Поэтому нельзя было сомневаться в том, что классовый инстинкт правильно подскажет им, с кем и куда пойти. Успех работы Военно-революционного комитета среди гайдамаков был вполне обеспечен. Несмотря на свою многочисленность, они не могли послужить прочной опорой для контрреволюции. И если бы к гайдамакам не присоединились в момент восстания юнкера, офицеры и прочая белогвардейщина, то вооруженная борьба революционных масс закончилась бы гораздо скорей и с гораздо меньшей затратой сил и жертв.

Разложению гайдамацких сил способствовало также и то обстоятельство, что специфические условия Одессы исключали возможность сколько-нибудь прочного контакта гайдамаков с местным населением. Одесская мелкая буржуазия не могла питать особенно теплых чувств к националистической пропаганде украинцев, которая совершенно неизбежно густо окрашивалась разнузданным погромным антисемитизмом. Обывательские и мелкобуржуазные слои одесского населения по сути дела занимали нейтральную позицию с большим однако перевесом своих симпатий в сторону большевиков. Для гайдамаков одесское население не являлось питательной средой. Такая изоляция от окружающего населения в острый момент гражданской войны и вооруженных восстаний чрезвычайно деморализующе действует на бойцов, тем более если эти бойцы движутся не своими органическими классовыми интересами, а идут на поводу у демагогов, поддавшись их лживым лозунгам и обещаниям.

Для того чтобы повлиять на гайдамаков, агитаторам Военно-революционного комитета нужно было говорить только голую правду, правду о войне, земле и свободе. Надо было правдиво рассказать о Ленине, о большевиках. Надо было последовательно выявить контрреволюционную природу украинского буржуазного национализма и пригвоздить его вождей.

Эта работа чрезвычайно быстро дала свои плоды. На заседаниях Военно-революционного комитета все чаще стали появляться представители гайдамацких низов, все внимательнее стали прислушиваться «курени» к речам наших агитаторов. Украинец-гайдамак и украинец-большевик нашли общий язык, язык пролетарской революции.

V

В течение первой половины января основная работа была закончена. Приближался решительный момент. В Военно-революционном комитете жизнь кипела как в котле. Шла огромная организационная и агитационная работа. Революционные силы быстро консолидировались. Украинизированные корабли военного флота, например, «Память Меркурия», были нейтрализованы под дулом орудий революционных судов. Красная гвардия находилась в полной боевой готовности. В рабочих районах шла усиленная подготовка к приближавшемуся решительному бою. Революционное настроение било через край. Контрреволюция притаилась.

В ночь с 15 на 16 января началось выступление. Ко всем важным в военном отношении пунктам города были посла-

ны красногвардейские отряды. Телеграф, телефонная станция, арсенал, военные склады, банки были заняты без боя. Снятие гайдамацких караулов осуществилось без единого выстрела. Во все учреждения были посланы комиссары Военно-революционного комитета. Улицы патрулировались красногвардейскими частями.

На утро Одесса проснулась под флагом пролетарской власти.

Но, увы, Одессе не суждено было миновать уличных боев. К вечеру гайдамацкой верхушке удалось сколотить кое-какие силы. Удалось привлечь на свою сторону некоторую часть гайдамаков, предварительно накачав их спиртом. Белогвардейцы также потянулись к куреням. Прибывшие в Военно-революционный комитет представители гайдамаков предъявили ультимативно ряд требований, сводившихся к установлению прежнего порядка. В случае невыполнения этого требования гайдамаки угрожали наступлением.

Само собой разумеется, ультиматум был решительно отвергнут.

На утро начался бой.

Первый заслон против наступавших гайдамаков образовали красногвардейцы. Плохо вооруженные, но полные революционного энтузиазма, они дрались, как львы. Почти голыми руками они набрасывались на вооруженных до зубов гайдамаков и почти повсеместно дружно сдерживали их натиск. Уже в первые часы боя красногвардейцам удалось овладеть несколькими броневыми машинами, находившимися в руках гайдамаков. Не менее энергичное участие принимали в бою также военные моряки. Под прикрытием красногвардейских и матросских отрядов происходила спешная мобилизация рабочих масс. Как только до районов долетели звуки первых выстрелов начавшегося боя, пролетариат густыми возбужденными массами двинулся к Военно-революционному комитету. Тысячи рук потянулись за винтовками. Революционный комитет не успевал снабжать оружием всех желающих принять участие в бою. На линию боя посылался один отряд за другим. В районах в свою очередь шла усиленная работа по вооружению масс. Пересыпь [1] представляла неиссякаемый источник революционной энергии. Пересыпские рабочие в неудержимом революционном порыве массами заполняли фронт пролетарской революции. В железнодорожном районе не менее энергично формировались боевые отряды, сооружался броневой поезд, организовывалась разведка в тыл противника. Матро-

---

[1] Окраина города, заселенная фабрично-заводскими рабочими.—Ред.

сы военных кораблей шли в бой с обычным для них героизмом. Отогнав противника, они тщательно очищали тыл и снова бросались вперед.

На второй день восстания Военно-революционный комитет дал директиву перехода в наступление. Положение было неопределенное. Ни та, ни другая сторона не могла констатировать сколько-нибудь значительного успеха своих действий. Ожесточенный бой развертывался постепенно. На всех улицах, концетрически сходившихся к революционному штабу, шла жесточайшая борьба. К вечеру третьего дня в бой вступила могучая морская артиллерия. Начался артиллерийский обстрел гайдамацких «куреней» из района вокзала, где бой принял особенно ожесточенный характер. Гайдамацкие пушки не могли успешно бороться с морскими гигантами. Успех стал явно склоняться на сторону революции. Среди сил контрреволюции началось разложение. Юнкера и офицеры в панике стали разбегаться. Среди гайдамаков началось усиленное колебание.

В ночь на четвертый день в Военно-революционный комитет явилась делегация от гайдамаков с предложением перемирия на одни сутки. Расчет был очевиден. Комитет решительно отверг это предложение и потребовал от гайдамаков полной капитуляции и выдачи вожаков.

Перемирие не состоялось. Бой продолжался. Гремела артиллерия. Над городом с характерным гулом проносились снаряды. Покрытое тучами небо озарялось вспышками артиллерийской канонады. Шел дождь.

В комитете кипела работа. Чувствовалось, что наступает решительный момент. Враг поколеблен. Надо нанести ему окончательный удар.

Ранним утром явилась вторая гайдамацкая делегация. Гайдамаки согласились принять все условия Военно-революционного комитета. Были приняты меры к прекращению боя.

В Одессе укрепилась пролетарская власть.

В. Коробков

По ту сторону баррикад

(*Из записок бывшего меньшевика*)

«Весело жить в такое время, когда политической жизнью начинают жить народные массы. Все главные общественные группы современной России выступили уже, так или иначе, на путь открытого и массового политического действия. Коренные различия интересов вскрываются беспощадно благодаря открытому выступлению. Партии вырисовываются в своем настоящем виде. События размежевывают с железной силой сторонников разных классов, заставляя определить, кто с кем, кто против кого.» (В. И. Ленин, сочин., изд. 3, т. IX, «О современном политическом положении», стр. 314).

Эти слова В. И. Ленина, хотя и написанные еще в июне 1906 г., как нельзя ярче характеризуют ту политическую обстановку, которая сложилась вскоре после февральской революции 1917 года.

Одну лишь «поправку» нужно в них внести:

— Не всем было весело!

Чем более широкие пласты народных масс приобщались к политической жизни, тем меньше веселья испытывали те, кто в первые дни революции горделиво покачивался на гребнях ее волн.

В том числе все менее и менее веселья ощущали и меньшевики, горестно наблюдавшие за ростом политической активности масс, все больше и больше заострявшейся против них, меньшевиков, и временного правительства, поддерживавшегося ими.

Мне, бывшему с августа месяца председателем одесского комитета партии меньшевиков, не раз приходилось тревожно задумываться над этим обстоятельством — отходом масс от соглашательских партий.

Именно потому, что я не знал и не понимал Ленина и большевиков, я не мог понять фактов прихода масс к политике и их отхода от меньшевиков.

Тогда, в 1917 году, я не мог понять, что это две стороны одного и того же явления. И я единое явление это квалифицировал как два, случайно совпадающих по времени.

* * *

В июле 1917 года «единая» одесская организация РСДРП раскололась.

За несколько минут до раскола я произнес речь. Бил по оборонцам и по большевикам. Громил наступление, только что предпринятое Керенским и поддержанное воплями соглашателей всех оттенков. Требовал заключения мира.

Бил по большевикам. Страна якутов и самоедов (в прямом и переносном смысле), страна мелких собственников, еще вчера ползавшая на брюхе перед дворянским и полицейским околышем, социализма не хочет.

Она его построить не сможет.

Но несмотря на это, не буржуазия спасет страну.

Буржуазия контрреволюционна. Она не хочет кончать войны, она боится доведения революции до конца.

В чем же выход?

Единое социалистическое министерство: «от энесов до большевиков», заключающее, если нужно, сепаратный мир, отдающее землю крестьянам до созыва учредительного собрания, доводящее буржуазно-демократическую революцию, против воли буржуазии, в борьбе с нею, до конца...

По своей политической наивности, обусловленной незнанием и непониманием ленинизма, напичканностью «марксизмом» плехановского толка, я не понимал, я не знал, что не только буржуазия, но и все соглашательские партии, включая и интернационалистов, стоят на пути победоносного завершения даже буржуазно-демократической, последовательно-буржуазной революции.

Оперируя революционными фразами, я не обладал последовательно-революционным миросозерцанием, могущим базироваться только на марксизме-ленинизме.

Отсутствие настоящего (марксистско-ленинского) миросозерцания в дальнейшем привело к тому, что, субъективно стремясь к победе революции, рабочего класса, я фактически, объективно спаялся с контрреволюционерами и боролся с пролетарской революцией.

Я заметил: мне бурно аплодировало две трети присутствовавших на партсобрании, когда я выступил против наступления временного правительства и требовал заключения мира.

Не менее страстно мне аплодировала одна треть собравшихся, когда я говорил о невозможности социализма в нашей стране. Таким образом мне аплодировали и обо-

ронцы. Часть моей речи пришлась и им по душе. Очевидно плехановская закваска проглядывала довольно явственно и сквозь шелуху интернационалистских фраз.

Возбужденный и утомленный мой мозг не зафиксировал происходившего между моею речью и моментом раскола. Даже причины его.

Я вернулся к действительности только тогда, когда после необычайного шума часть присутствовавших стала покидать партсобрание.

В большом зале Народной аудитории остались интернационалисты и большевики. Плехановцы и оборонцы ушли.

И даже тогда мне, взволнованному своей речью и совершенно неожиданным для меня фактом раскола, бросилось в глаза:

— Ушли служащие и интеллигенты и ничтожное количество рабочих. 95% оставшихся в зале — рабочие. В подавляющей массе — металлисты.

...В зале царит возбуждение. Оставшиеся разбились на группы. Возбужденно беседуют.

Лидером оставшихся — Воронский. Он очень популярен среди рабочих и солдат. Расколом он доволен. Бритое улыбающееся лицо ни в одной складке своей не хранит тревоги.

Подхожу к нему. Он протягивает мне небольшой красный листочек бумаги — список кандидатов в члены одесского комитета партии. Список объединенный — интернационалистов и большевиков. Отпечатан типографским способом. Значится и моя фамилия.

Воронский говорит мне:

— Вы остались, значит, будем вместе работать?

Отвечаю:

— Войти в комитет отказываюсь: я против раскола.

— Что же, к оборонцам пойдете, вы ведь интернационалист?

— Нет. Предложу нашему (Слободскому) району не примыкать ни к одной фракции и настаивать на объединении.

— Слишком глубоки разногласия. Примирить их невозможно, да и незачем. И вас не понимаю: час тому назад вы выступали и громили оборонцев, Керенского и затеянное им и временным правительством наступление. По вашим же словам, оборонцы хотят продолжать империалистическую войну, а вы требуете заключения мира. Оборонцы и убеждением, и принуждением заставляют массы продолжать войну. Для того, чтобы массы завоевали мир, нужно раз-

громить оборонцев. А для этого прежде всего нужно порвать с ними.

Я перебиваю его:

— Принципиально против раскола с верхушкой оборонцев, с вождями ничего не имею. Но ведь с ними ушли и рабочие?

— Не беспокойтесь, рабочие завтра вернутся к нам.

Снова перебиваю:

— Когда от оборонцев уйдут рабочие, я буду за раскол. Войти в комитет не могу еще и потому, что переход власти к советам считаю несвоевременным, даже бедствием.

— Знаю, речь вашу слышал. Но вы напрасно полагаете, что мы сейчас — немедленно стремимся взять власть в свои руки. Власть советам — лозунг, могущий претвориться в жизнь не так скоро. А если советы и возьмут власть, то это не значит, что они сейчас же начнут строить социализм. Прежде чем строить, придется очень многое разрушить.

— Власть советам, по моему мнению, и социалистическая революция неразрывны. А я считаю, что Европа для социализма созрела, Россия — нет. Поэтому за власть советов можно будет начать борьбу только после того, как на Западе начнется социалистическая революция.

Воронский зло рассмеялся:

— А войну-то вы как закончите без перехода власти к советам?

Продолжать дискуссию нам помешали. И я сейчас же покинул собрание.

Я не знал, что тогда, в июльскую ночь 1917 года, я надолго покинул ряды рабочего класса, стал по другую сторону баррикад...

Только несколько дней Слободская районная с.-д. организация не примыкала ни к одной из фракций.

На ближайшем собрании под влиянием Аршака Александрова Слободская организация постановила присоединиться к большевикам. В этой районной организации не было ни единого интеллигента. Все 100% ее членов были рабочие.

И я бы ушел с ними.

Ушел с ними, если бы над моим сознанием не тяготела, в конце концов, идеология II Интернационала, если бы мои субъективно-революционные настроения были обоснованы марксистско-ленинским мировоззрением, а не плехановско-меньшевистским.

К этому же присоединился и момент личной обиды. Аршак, чтобы дискредитировать меня и мою нелепую и вредную позицию автономности Слободской организации, об-

винил меня в оборончестве. Конкретно: в поддержке мною «займа свободы».

На самом деле этого не было.

Я оскорбился, возмутился и... через несколько дней вошел в оборонческую организацию, в которой начинали задавать тон интернационалисты мартовского толка. Оборончество, оппортунизм приспосабливался к политической погоде.

Об'единяясь с оборонцами, я все еще твердил:

— Буржуазия русская контрреволюционна. Русскую буржуазно-демократическую революцию довести до конца сможет только пролетариат в союзе с крестьянством. Для осуществления этого союза должно быть создано правительство, включающее в свой состав представителей всех социалистических партий.

Я не знал тогда, что все, абсолютно все течения и группировки, прикрывавшиеся социалистическими ярлыками и противопоставляющие себя большевизму, по сути оппортунистические, реформистские, а в эпоху пролетарской революции — контрреволюционны.

Я глубоко был уверен в том, что я — революционный марксист, что моя концепция единственно правильна.

В те времена я не знал ленинской теории перерастания буржуазной революции в социалистическую...

Может быть, ошибаюсь, но думаю:

— Если бы я знал эту теорию перерастания в 1917 году, я бы в самые тяжкие годы гражданской войны не покинул ряды революции, я остался бы в рядах рабочего класса.

**
*

В сентябре стало ясно, что от меньшевиков уходят не только рабочие, но и мелкая буржуазия.

На каждом заседании одесского комитета меньшевиков приходилось констатировать разрыв связи то с тем, то с другим заводом и катастрофическое падение численности членов организации вообще.

Вскоре пришлось меньшевистскую ежедневную газету «Южный рабочий» выпускать только 2 раза в неделю, а затем и прекратить ее выпуск совсем.

По простой причине.

Не было денег, не было читателей. Газета печаталась в 1.000—2.000 экземпляров, а распространялась... в 100—300.

Да, даже мелкая буржуазия в этот период меньшевистской газетой не интересовалась. А о рабочих и говорить не приходится.

Пытались вдохнуть «душу живую» в эту газету двое: В. Е. Гереминович и я — оба интернационалисты.

Но меньшевизм, хотя бы и в интернационалистском одеянии, рабочими был распознан досконально и они ушли от всех его фракций.

Даже печатники в массе своей покидали ряды меньшевистской организации. Ко времени октябрьской революции и их число упало до 10—15 человек (активистов).

***

В Одессе известия о победоносной Октябрьской революции стали получаться во второй половине дня 26 октября.

В исполнительном комитете Совета рабочих депутатов и возбуждение, и растерянность.

Хотя большинство депутатов и принадлежит еще номинально к соглашательским партиям, но дух Октября, дыхание пролетарской революции сказалось в том, что депутаты голосуют за предложения большевиков и исполком фактически становится на рельсы Октябрьской революции.

Отдел труда совета из организации, пытавшейся примирять, мирно улаживать конфликты между предпринимателями и рабочими, превращается в боевой орган рабочего класса.

Он не «угашает» стачечного азарта, он не уговаривает предпринимателей. Он требует у них удовлетворения требований рабочих. В случае отказа он их даже арестовывает.

После ареста отделом труда француза—владельца мастерской дамских шляп или дамского платья, меня организация отзывает из отдела труда. Но ряд меньшевиков в нем продолжает оставаться.

Известие о переходе в Петрограде власти в руки советов ввергает в величайшее смущение всех, кроме большевиков.

Соглашатели в смущении, потому что временное правительство — они это сознают, но не признаются в этом — дискредитировано и в их глазах.

Временное правительство перестало быть их идеалом, но... большевики?

Всем существом своим они чувствуют, что победа большевиков — их, соглашателей, поражение. Даже больше: поражение их концепций, их мировоззрения...

Исполком совета жаждет все новых и новых известий. Большевистская фракция в целом и отдельные депутаты-большевики осаждаются беспартийными и членами враждебных Октябрьской революции партий.

— А здесь, в Одессе, что вы, большевики, намерены предпринять? — спрашивает большинство.

— Увидим, подождем директив из Питера.

На заседании исполкома принимаются два решения: обратиться от имени совета к рабочим с призывом сохранять спокойствие; составить из представителей всех «советских» партий Военно-революционный комитет.

Воззвание предложено написать мне. К моему удивлению, оно единогласно принимается и максимум через два-три часа белеет на всех столбах и витринах города.

Правые эсеры отказываются войти в Военно-революционный комитет. Я с согласия наличных членов меньшевистской организации соглашаюсь представлять меньшевиков в этом комитете.

Вечером на заседании меньшевистского комитета получаю нахлобучку.

— Военно-революционный комитет либо орган власти, либо орган, руководящий борьбой за власть. Мы — меньшевики — за временное правительство и поэтому в Военно-революционном комитете не должны быть представлены.

Но большинство «викжелит»:

— представителя организации из ВРК не отзывать, но его присутствие там будет оправдано только в том случае, если ВРК ограничит свои функции поддержанием гражданского мира.

Я соглашаюсь.

Мой интернационализм линяет с каждым днем и в эти исторические дни выражается только в том, что я соглашаюсь не поддерживать правительство Керенского.

Моя позиция — обывательская: недопустить возникновения гражданской войны в Одессе. Победят большевики в руководящих центрах, власть должна мирно перейти в руки советов. Если победит Керенский, не мешать ему.

Мне кажется: с этого момента я начинаю фетишизировать гражданский мир. Т.-е. во мне побеждает типичный оппортунист, типичный соглашатель.

В одно из ближайших заседаний ВРК выносится решение об установлении цензуры для телеграмм, с целью борьбы с провокационной информацией буржуазных газет.

Но фетиш свободы печати во мне заслоняет марксиста-диалектика на заседании меньшевистского комитета. Я не нахожу в себе доводов за ограничение свободы печати.

Меньшевистский комитет, считая мое, как председателя комитета, присутствие в ВРК нежелательным, вместо меня делегирует Э. А. Моравицкого. И то только с информационными целями! Т.-е. с целями соглядатайскими.

**
*

Через некоторое время меня встретил в Воронцовском дворце Петр Старостин, один из талантливейших рабочих города Одессы, большевик примерно с 1903 г., мой сокамерник по Александровской каторжной тюрьме. Подходит ко мне:

— Брось дурака валять, переходи к нам. Вспомни, что ты — рабочий и плюнь им в харю, твоим оборонцам. Все равно в вашей организации рабочих нет.

Перебиваю:

— Нет, есть...

Петр бьет до боли по плечу и говорит:

— Если есть, то «барахло»: бывшие мелкие лавочники. Массы у нас и за нами. Иди, не кочевряжься. Будешь работать, как в Черемхово, помнишь?

(В конце 1912 — начале 1913 г. мы вели подпольную работу среди рабочих каменноугольных Черемховских копей.)

— Единое министерство...

Но Старостин взбеленился и кричит...

— Что, со всякой контрреволюционной сволочью делать революцию? С энесами, эсерами, с меньшевиками?

Он яростно плюет на пол, быстро отходит от меня, но, сделав несколько шагов, говорит:

— Если ты со своей оборонческой сволочью будешь тереть «волынку», я тебе в морду дам.

Октябрьская революция победила. И каждый день ее развития приводил к еще дальнейшему, еще более катастрофическому сужению базы под меньшевиками.

Но, теряя массы, меньшевики компенсировали себя тем, что внутрифракционная борьба стала сходить на-нет.

Бесстыдный оппортунизм-оборончество, уступив на ноябрьско-декабрьском партсъезде руководящее место оппортунизму стыдливому — интернационалистам-мартовцам, сумел однако победить в области «идейной».

С каждой новой победой пролетарской революции меньшевизм консолидировался, однотипился. Разгон учредительного собрания, уничтожение свободы печати и ЧК — вот источник контрреволюционных вдохновений меньшевизма в целом.

Нужно констатировать факт:

Большевизм и Октябрьская революция — вот главнейший враг меньшевизма и единственное знамя его — демократия. Не пролетарская, не советская, а классически-буржуазная.

Владимир Ильич писал:

«События размежевывают с железной силой сторонников разных классов, заставляют определить, кто с кем, кто против кого».

Пролетарская революция размежевала и в самой яркой форме показала, кто против кого.

Весь меньшевизм, все его фракции оказались мазаными единым миром. И даже рабочие, которые вовлекались в его орбиту, превращались в ненавистников пролетарской революции, в контрреволюционеров.

Так было и со мной.

И логика борьбы и, — это является основной причиной моего политического грехопадения, — карикатурное восприятие марксизма, меньшевистское выхолащивание из него его революционного содержания обусловили тот факт, что я — рабочий и из рабочей семьи, неоднократно подвергавшийся репрессиям царского правительства вплоть до ссылки и каторги, оказался в рядах злейших врагов пролетариата.

*

Январь 1918 г. — одесский Октябрь. На улицах города — вооруженная борьба. Раздается беспорядочная ружейная стрельба. Иногда слышится трескотня пулеметов. Громыхают орудия.

Украинские полки под руководством оголтелой контрреволюции ведут борьбу за власть с большевиками, с советами.

Рабочие с большевиками.

Обыватель напуган. Забился в свои щели. Он нейтрален. Он жаждет гражданского мира. Он признает какую угодно власть, — только бы не гремели выстрелы.

Меньшевики тоже нейтральны. В большинстве они также забились в свои щели. Но, в отличие от обывателей, они хотят правительства... демократического, т. е. буржуазно-демократического.

Брожу по улицам.

Со Слободки спускаюсь на Пересыпь, оттуда поднимаюсь в город.

Рабочие-красногвардейцы окликают меня:

— Товарищ Коробков! Бери винтовку, помогай нам.

Как и огромное большинство населения города, я против украинского командования. И для меня оно несомненно контрреволюционно. В этой борьбе моя психика на стороне большевиков.

Но я — меньшевик. Я, видите ли, против гражданской войны.

Я не стыдился, по неведению, конечно, называть себя марксистом, но в этот период мой «марксизм» был в сущности очень дешевой марки.

Я против гражданской войны. И в момент, когда борются близкие мне по классу люди, борются с врагом, являющимся и моим врагом, я не беру винтовки, я не становлюсь в ряды борющихся, ибо я — меньшевик.

В мою затуманенную меньшевизмом голову не проникает простая мысль, что нейтральности не существует в природе.

Если ты нейтрален, то это значит, что уменьшаешь силы одной из борющихся сторон и этим самым объективно увеличиваешь силы другой.

Оглядывая пройденный мною путь врага диктатуры пролетариата и мое поведение даже в моменты вооруженной борьбы пролетариата за власть, позицию меньшевиков вообще, и мною в частности, в годы гражданской войны можно заклеймить глубоко верными словами Ильича:

«Политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы... путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу». (т. IX, стр. 95).

Да, так было со мною в январе 1918 года!

Я подходил к красногвардейцам, боровшимся с моим врагом, и заявлял:

— Я за демократию. Большевики и украинцы в одинаковой степени ведут себя антидемократично. Ни той, ни другой стороне, поэтому, я помогать не стану.

Красногвардейцы смеялись зло или добродушно, в зависимости от характера и настроения.

У Ропита (пароходо-ремонтные и судостроительные мастерские Русского общества пароходства и торговли) встретил снова несколько человек знакомых красногвардейцев и в том числе большевика Сергеева, рабочего Ропита.

— Товарищ Коробков! Шагай в наш отряд — чего без дела шляешься.

Подошел к отряду, пожал руки и отвечаю:

— Я против гражданской войны.

— Ну что ж, что против, — перебивает старик-рабочий Антонов, знающий меня с детства, — а если иначе нельзя?

Нет, до моего сознания тогда не дошло еще это простое, но преисполненное жизненной правды:

— Иначе нельзя.

И отвечаю:

— Можно.

Начинаю разводить контрреволюционные меньшевистские благоглупости о демократии и гражданской войне.

Сергеев меня перебивает:

— А при царе ты признавал гражданскую войну?

— Признавал.

— А сейчас?

— Сейчас нет.

И я сыплю с жаром омертвевшую шелуху меньшевистских слов.

Антонов говорит:

— Ты, Виктор, окончательно свихнулся: говоришь не порабочему.

Прощаемся. Я направляюсь по Херсонскому спуску в город. На Херсонской улице пули отбивают штукатурку домов. Одна впивается в кисть руки стоящего рядом со мной красногвардейца бородача. Перевязочных средств нет. Носовым платком перевязываю ему руку.

Шагаю дальше.

А раненый красногвардеец, не выпуская винтовки из рук, спрашивает меня:

— Почему вы не в отряде?

Поворачиваюсь и говорю:

— Я — меньшевик.

— А как вы не боитесь?

Начинаю подробно объяснять ему причины моего неприятия гражданской войны.

В конце моей речи он оттолкнул меня, опустился на колено и стал выпускать пулю за пулей в показавшийся украинский броневик.

Его примеру последовали стоявшие в воротах ближайшего дома товарищи из его отряда.

Броневик остановился, попыхтел на месте и, неуклюже повернувшись, скрылся по направлению к Преображенской улице.

Когда стрельба прекратилась, красногвардеец сурово сказал:

— Неправильно все это. Если мы не будем наступать, на нас наступят да так, что и пикнуть не сумеем...

В плену трафарета, политической инерции, оглупленный мертвящими живой пролетарский мозг меньшевистскими схемами я не понимал жизненной правды слов красногвардейца.

—Каждая буржуазная революция заканчивалась победой буржуазии, как же может у нас закончиться победой пролетариата?

— Социализм возможен только в полнокровном капиталистическом обществе, а у нас социализм — химера, бредни, «чарованье красных вымыслов», — говорил и писал П. А. Гарви. Он же — Юрий, он же Ю. Чацкий.

Он — самый последовательный меньшевик, ибо самый последовательный враг пролетарской революции.

На Пушкинской улице, квартала за два до вокзала, набредаю на картину настоящего сражения.

Красногвардейцы лежат на мостовой и тротуаре. Перед ними нечто вроде бруствера.

Гайдамаки занимают вокзал. Они же залегли цепью у Пушкинской на углу Новорыбной и беспорядочной стрельбой сдерживают наступающие красногвардейские цепи.

В момент моего подхода к месту сражения советские части повели наступление на вокзал с флангов.

Ползком приближаюсь к красногвардейцам. В одном узнаю рабочего завода Гена Никитина. Угощаю папиросами. В момент, когда закуриваем, гайдамаки ползком и пригнувшись стремительно покидают позиции.

После выяснили:

Артиллерийский обстрел и прорыв флангов заставили гайдамаков очистить позиции перед вокзалом, удерживая последний за собою.

Вскоре подошедшие с других участков красногвардейцы подтвердили наше впечатление:

— Успех на нашей стороне.

Но бой не закончен. Гайдамаки, оправившись от замешательства, обстреливают снова улицы. Громыхают их пушки.

Но морская советская артиллерия заглушает трехдюймовки гайдамаков.

Ночью борьба не прекращалась и гул артиллерийской канонады приводил в смущение не один десяток одесситов, тревожно ворочавшихся в постели и вероятно проклинавших и гайдамаков и большевиков.

Эти, отнюдь не возвышенные, переживания трех дней борьбы создали те настроения, которые приблизили обывателя-мещанина, мелкого буржуа к меньшевикам.

На утро гайдамаки капитулировали. Советская власть утвердилась в Одессе.

В моей памяти окончательная победа советской власти совпадает со днем получения в Одессе известия о разгоне «учредилки».

Мне помнится. На улицах города еще не улеглась тревога. Редкие прохожие боязливо оглядываются на перекрестках, занятых красногвардейскими патрулями.

Я спешу в типографию «Одесских новостей», администрация которых согласилась печатать меньшевистскую газету «Южный рабочий».

В течение нескольких месяцев группа печатников производила по типографиям сборы на издание газеты. Собрано около тысячи рублей. Можно начинать выпуск газеты, правда, не ежедневно, а раз—два в неделю.

Комитет меньшевиков предоставил ведение газеты в мои руки. Первый номер я решаю посвятить двум событиям: годовщине 9 января и разгону учредительного собрания.

В акцидентном отделении «Одесских новостей» засилье активных тогда членов меньшевистской организации: Гриша Фетисов, Давид и Осип Губерманы и другие.

В этом отделении на наборной кассе пишу «боевые», глубоко враждебные только-что победившей пролетарской революции статьи.

Разгон учредительного собрания подействовал на меня возбуждающим образом:

— Большевики нарушили все принципы демократии. Большевики — захватчики. Большевики — виновники братубийственной борьбы, борьбы внутри рабочего класса. Они, большевики, несплачивают, а раскалывают пролетариат.

Вот в плену каких даже не идеек, а просто фраз я находился тогда, в январские дни 18 года и значительно позже.

Учредительное собрание, демократия вообще, политические свободы для всех, т. е. и для буржуазии (теперь я знаю, что нужно сказать не «и для буржуазии», а именно для нее и ее поддерживающих слоев и элементов), — вот те фетиши, во имя которых я боролся со всей страстностью, на какую способен, с партией большевиков.

Так мне тогда казалось, потому что я тщательно старался отделять пролетариат, социализм, пролетарскую революцию от партии большевиков, от учения Владимира Ильича Ленина.

Должен сознаться:

В те дни, когда молодая рабочая власть в Одессе изнемогала от свалившихся на нее задач, я, в качестве меньшевика, не был нейтрален. Я бросился в борьбу с советской властью, с диктатурой пролетариата, с партией Ленина с таким азартом, с такой энергией, что меня стали глубоко ненавидеть даже те из большевиков, которые были друзьями моего детства.

В Одесском комитете меньшевиков были люди значительно крупнее меня. В тот период, насколько помню, в него входили: Александр Афанасьевич Сухов, Павел Лукич Тучапский, Петр Абрамович Гарви, Софья Самойловна Брон-

штейн, Герман Вениаминович Кон, Эдмунд Антонович Моравицкий (может быть, Яков Моисеевич Гринцер),— рабочие печатники: Осип Кейлис, Ной Маш; рабочий электрик Пономарев; Марк Харитонович Оржеровский и ряд других.

Оржеровский и Кейлис неустанно тянули совместно с Коном комитет влево. С. Бронштейн, Гарви, Маш и Гринцер — вправо. П. Л. Тучапский, Моравицкий и я (после разгона учредительного собрания) являлись центром, задававшим тон!

Я делал, что мог, чтобы в глазах рабочих масс подорвать доверие к советской власти, к большевизму.

В статьях в «Южном рабочем», на митингах, собраниях, на заседаниях городской думы, в заседаниях нашего комитета, на профсоюзных и партсобраниях я выступал с самыми резкими статьями и речами против большевиков.

На заводах мне удавалось проводить резолюции против советской власти и за учредительное собрание, за «демократию».

Я ликовал:

— Рабочие отходят от большевиков и приходят к меньшевикам!

Но это ликование было самообманом.

Вскоре после разгона учредительного собрания я выступал на заводе Шполянского с докладом о 9 января и о разгоне учредительного собрания. Против меня выступали большевик и левый эсер. Моя резолюция собрала подавляющее большинство голосов.

Выходя из завода с моими противниками, я говорил им.

— Видите, рабочие за учредительное собрание, за демократию и против советской власти.

Левый эсер результатами собрания был подавлен, а большевик совершенно спокойно мне сказал:

— За нас рабочие проголосовали винтовками, а это куда крепче голосования поднятием рук. А кроме того, сколько на этом заводе настоящих рабочих? Девяносто процентов рабочих завода Шполянского — мелкие буржуйчики, ставшие работать «на оборону», только во время войны.

Это правда.

Одесский пролетариат издавна был засорен ремесленниками, а в годы войны мелкобуржуазная прослойка в нем стала преобладать.

* *
*

Резкий тон статей «Южного рабочего» привлек к нему читателя. Газета стала пользоваться такой популярностью, о которой и я, и другие меньшевики и не мечтали.

Но какого читателя привлек «Южный рабочий»?

Со всей искренностью должен сказать: десятки тысяч экземпляров этой газеты расходились не в рабочих кварталах, а в центре города.

Некоторые особенно заостренные против советской власти номера «Южного рабочего» вместо пятачка продавались по рублю и выше. Продавцы газет буквально атаковывали и помещение комитета, и экспедицию газеты, устраивали драки, выхватывая друг у друга эземпляры «Южного рабочего». В эти дни не было случая, чтобы в экспедиции осталось хотя бы несколько десятков экземпляров газеты.

Нашлись предприимчивые люди, которые развозили газету по близлежащим городам, зарабатывая себе таким способом на пропитание.

Но и но.

Я зорко следил за тем, кто читает газету и тогда же выяснил: читает меньшевистскую газету, главным образом, буржуазия.

Конечно, читали и рабочие, но не помню случая, когда бы мог констатировать, что число читателей рабочих было выше десяти процентов.

Значит в л у ч ш е м случае: девяносто процентов читателей из враждебных пролетариату слоев и только десять процентов из засоренного мелкобуржуазными элементами пролетариата.

Этим фактом я был обескуражен. Я совсем или почти совсем перестал писать.

П. С. Юшкевич и П. А. Гарви говорили мне:

— Ничего, газета станет на ноги, появится и рабочий читатель.

Но он не появлялся и не появился.

Сейчас знаю: и не мог появиться, потому что он был против меньшевиков. А меньшевики были агентурой и рупором буржуазии.

Раньше меня обижали и возмущали утверждения Ильича о том, что меньшевики — агенты буржуазии.

В таких случаях я возмущенно восклицал:

— Ну, какой же я агент буржуазии? Ведь я ее ненавижу не меньше большевиков!

А вот сейчас я чувствую, я совершенно отчетливо представляю, как во весь период своей борьбы с советской властью меньшевики вообще и я в частности... какой прекрасной агентурой буржуазии мы (и я) являлись!

Конечно, в политическом смысле слова.

**
*

Ярко антисоветский характер «Южного рабочего» незадолго до ухода советской власти из Одессы побудил одесское советское правительство предать редколлегию газеты суду революционного трибунала.

Комитет меньшевиков солидаризировался с редколлегией и инкорпоре сел на скамью подсудимых.

Обвинителями выступали три народных комиссара: Рузер, Хмельницкий (большевики) и Алексеев (левый эсер).

Факт предания суду редколлегии произвел фурор. Не было помещения, которое могло бы вместить всех желающих попасть на процесс.

Все три обвинителя цитатами из статей доказали абсолютно антисоветский и, значит, контрреволюционный характер газеты.

Революционный трибунал, хотя и констатировал факт несомненной контрреволюционности газеты, однако, никакой мере воздействия преданных суду (П. Л. Тучапского, П. А. Гарви, Б. Е. Гереминовича и меня) не подверг.

**
*

Примерно, в конце марта или в начале апреля 1918 г., за несколько дней до ухода советской власти из Одессы, на фабриках и заводах было неспокойно.

Бежавшие из города офицеры, «окопавшиеся» в наиболее кулацких селах уезда, стали во главе кулачья и подняли восстание против советской власти.

Не было предела зверству распаленной ненавистью к рабочему классу офицерни.

Не только членов партии, — служащих советского аппарата, беспартийных убивали, издевались, подвергая пыткам. Четвертовали, живьем закапывали в землю.

А город, в том числе и под влиянием агитации меньшевиков, возбужден до последней степени против... большевистского террора.

Агитация ведется только (именно так) против террора и, конечно, особенно против Чека.

Чека — вот кто сконцентрировал против себя всю звериную ненависть буржуазной контрреволюции.

И меньшевики подпевают ей. И не только подпевают.

Если принять во внимание антисоветскую агитацию, которую вел «Южный рабочий» с первых дней существования советской власти, то доля вины за волнения на фабриках и заводах в те дни в значительной степени ложится на меньшевиков.

Формально, конечно, меньшевики не призывали к забастовкам, не призывали к свержению советской власти.

Но принципу диктатуры пролетариата они противопоставляли принцип буржуазной демократии и особенно страстно восставали против террора, против Чека.

Один из самых больших заводов — Ропит забастовал.

Конечно, ни одна организация не призывала к ней.

Не призывала, но делала все, чтобы восстановить рабочих против власти, чтобы дискредитировать ее.

В комитете меньшевиков о забастовке узнали только часов через шесть после ее возникновения, когда в комитет приехала группа рабочих с требованием прислать своего представителя на бурный общезаводской митинг.

Кроме А. А. Сухова, в этот момент в комитете никого не оказалось. Рабочие захватили его в «плен» и отправились на завод.

Когда я появился в помещении комитета, меня атаковала вторая группа ропитовцев, приехавшая за представителем комитета и разминувшаяся с первой делегацией.

Узнав от рабочих о происходящем на заводе, я с ропитовцами отправился на общезаводской митинг.

По дороге рабочие мне рассказали, что забастовка вспыхнула стихийно.

Причина?

Якобы, явившись с утра на работу, рабочие в нескольких шагах от стены завода нашли несколько трупов. И «стоустая молва» сейчас же об'яснила: Чека расстреляла. А по костюму и загрубелости рук расстрелянные — рабочие.

Возмущенные рабочие не приступили к работе, требуя приезда властей и представителей Чека, но те якобы не явились.

За достоверность изложенного не ручаюсь, ибо и тогда, в 1918 году я во всей этой истории почувствовал провокаторскую руку. Так и сказал моим спутникам, но они упорно не соглашались со мной.

Огромный ропитовский двор был заполнен до отказа и, как мне говорили некоторые ропитовцы-большевики, в числе присутствовавших находилось значительное количество неропитовцев.

Когда я подошел к трибуне, голосовалась предложенная Суховым резолюция, в которой говорилось о том, что рабочие протестуют против: «черного, белого и красного террора».

Настроение, очевидно в первые часы очень и очень бурное, спало.

Я уселся на какую-то часть пароходной машины. Ко мне подошло несколько ропитовских большевиков и один из них со злостью сказал:

— Чего же ты уселся? Иди, подливай масла в огонь.

Я выступать не хотел.

Отчасти потому, что собрание было утомлено и часть собравшихся, хотя и медленно, но стала расходиться; отчасти потому, что я чувствовал непрочность советской власти, неизбежность прихода буржуазии.

Знал — чувствовал:

Диктатура, как я тогда говорил, большевиков сменится диктатурой буржуазии.

А это, с моей точки зрения, не могло улучшить положения рабочего класса.

— Не жду я лучшего, — сказал я собеседникам.

— Будет хуже, — ответили они...

***

На вопрос Сухова: одобряю ли я его резолюцию? — ответил утвердительно. Но расставшись с ним, я почувствовал двусмысленность этой резолюции.

А теперь отчетливо сознаю всю контрреволюционность ее. Вот почему.

Волна кулацких восстаний плещет в стены города.

В городе нет ни белого, ни черного террора. Только красный. Направленный на защиту диктатуры рабочего класса.

Протестующий против этого террора протестует против попытки рабочей власти защитить себя.

Мы не выступили и не сказали ясно и просто:

— Террор — средство борьбы.

— Нет классового государства, неприменяющего террора. Если он направлен на врагов социализма, на контрреволюцию, то он необходимость, средство самозащиты пролетарской власти. Если против рабочего класса — то он зло, с которым нужно ожесточенно бороться.

Но т а к мы не сказали и не могли сказать, потому что не были ленинцами, а меньшевиками, боровшимися против диктатуры пролетариата.

***

Знамя советской власти дважды поднималось и реяло над мелкобуржуазной Одессой и дважды под напором буржуазной контрреволюции опускалось.

И не без содействия меньшевиков.

Исаак Сергеевич Астров, ныне покойный, однажды в «Южном рабочем» сказал:

— Большевики уходят и приходят, а мы (меньшевики) остаемся вместе с рабочим классом.

Эта фраза заслужила законную ненависть большевиков.

Потому что:

Меньшевики, к сожалению, оставались и внутри рабочего класса.

Но для чего?

Для того, чтобы каждый день и час убеждать рабочих в том, что капитализм нужен, он непреодолим внутренними силами российского пролетариата.

Меньшевики, оставаясь внутри рабочего класса, исполняли социальный заказ буржуазии.

Вбивали в мозги рабочих веру в незыблемость капитализма.

Туманили сознание рабочих фетишизацией буржуазной демократии, в эпоху пролетарской революции ставшей исключительно средством защиты капиталистического общества.

Оставались меньшевики внутри рабочего класса, чтобы подрывать его веру в собственные силы.

Террор, Чека!

Сколько меньшевики и я в том числе перевели чернил и наговорили жалких слов, чтобы дискредитировать это средство борьбы и утверждения диктатуры пролетариата.

Меньшевики оставались внутри рабочего класса, чтобы вредить, мешать пролетарской революции.

В борьбе с советской властью они были ударной бригадой мировой контрреволюции.

Выполняли ту роль, которую сейчас же после победы советов взял на себя и весь II Интернационал.

В огне и бурях гражданской войны, в процессе социалистического строительства пока только нашей страны, был бит не только капитализм, но и мировой реформизм.

Несмотря на свое рабочее происхождение, несмотря на свою субъективную преданность рабочему классу, я с октября семнадцатого года боролся против диктатуры пролетариата, находился в рядах буржуазной контрреволюции.

Я часто со стоицизмом, конечно, достойным лучшего применения (путь мой был тоже в изрядной мере тернистым), боролся против советской власти, диктатуры пролетариата и возглавляющей ее коммунистической партии.

Но шел — это должны признать все, знающие меня — с открытым забралом.

И до тех пор, пока я не почувствовал, не передумал, должен сказать: не перестрадал до конца всех своих тягчайших ошибок, я не выступал в печати.

Сейчас в моем миросозерцании нет ничего меньшевистского. Я познакомился с ленинизмом, я чувствую и знаю:

Вооруженный ленинизмом,— пролетариат непобедим.

Что помогло моему перерождению?

15 лет пролетарской революции и ее успехи, несмотря на трудности, вопреки им. Они — успехи — мне доказали: даже у нас, в относительно отсталой стране, есть налицо все объективные возможности для построения социализма. А за границей? Тем в большей степени, с меньшими трудностями. Еще более ускоренным темпом.

Прав ленинизм, правы ВКП(б) и Комитерн. Только так, их путями, их методами.

Убедил меня и крах теории и практики II Интернационала.

Когда я, в описываемый период хотя и идейно, но ожесточенно боролся с диктатурой пролетариата, я убежденно твердил: Западно-европейский пролетариат начнет успешную социалистическую революцию.

Но... Немецкая и австрийская с.-д. (а это значит: II и 2½ интернационалы тоже) сделали все для того, чтобы волны этих революций не размыли устоев капитализма. И меньшевики это оправдали. И твердили:

— Германия и Австрия разорены войной, побеждены и разоружены союзниками, поэтому социалистическая революция невозможна. Но зато: как только хозяйство воевавших стран будет восстановлено (Гарви: «Полнокровный капитализм»), пролетариат, опираясь на демократию, мирным путем придет к социализму.

Но... проходил год за годом. Капитализм оправился от нанесенных ему войной ран и... шаг за шагом, опираясь на все партии II Интернационала, отобрал у рабочего класса всех стран и социальные, и экономические завоевания.

И я должен констатировать: отобрал при помощи... демократии. Демократия, та самая, которая противопоставлялась меньшевиками советской форме государственности, оказалась замечательным инструментом, при помощи которого не пролетариат переходил от капитализма к социализму, а буржуазия от скрытой к явной диктатуре.

Я признаю: II Интернационал оказался инструментом утверждения капитализма.

Поэтому: чтобы спасти сотни миллионов пролетариев капиталистического мира от вырождения, от вымирания, необходимо прежде всего покончить с идеологией II Интернационала, этого передового отряда империалистической буржуазии.

Мне было трудно признать: во всем мире только два лагеря. В одном очень часто говорят против, а на деле защи-

щают капитализм. Другой в тяжких условиях ведет непримиримую борьбу с капитализмом и строит социализм.

Первый лагерь возглавляется, на деле, а не на словах, II Интернационалом, а второй — ВКП(б) и Коминтерном. Третьего лагеря нет. Кричащие о третьем лагере находятся в первом. И внутри СССР тоже: либо в рядах ВКП(б) — передовых рядах строителей социализма, либо в стане «механических граждан», ненавидящих и СССР, и ВКП(б), и социалистическую революцию, и пролетариат. Проиллюстрирую:

1929 год. Конец лета в крохотном городишке — Ростове-Ярославском.

У церкви около тридцати старух. Внутри ограды человек двадцать красноармейцев снимают колокол.

Медленно, кажется, слишком медленно спускают его.

На небольшом расстоянии от земли медлительность превращается в свою противоположность, и колокол, тяжко ухнувший, вздохнувший тяжко всем своим металлическим естеством, врезается глубоко в еще не успевший пожелтеть дерн.

Толпа старух визжит и осыпает бешеной бранью и власть, и красноармейцев.

Красноармейцы — молодые веселые ребята — перескакивают через ограду. Выстраиваются в шеренгу и с шутками оттесняют старух в разные стороны.

На чьей стороне мне быть?

На стороне красноармейцев или на стороне старух?

Страна, разоренная империалистической и гражданской войной, самая отсталая из капиталистических стран, сбросив помещиков и капиталистов, на пути экономического соревнования с буржуазными странами достигла таких побед, которых не знала история человечества.

И на ряду с ней богатейшие и культурные страны капитала хиреют, бредут в сумерках, вечерних сумерках своей экономики.

В период моей борьбы с советской властью моим главным аргументом было:

Красноармейская винтовка может расстрелять отдельного буржуа, но не приведет в движение фабрик и заводов.

И вот 15 лет Октября.

Приведены в движение не только оставшиеся после капитализма предприятия.

Индустриальное лицо страны преображено до неузнаваемости.

Деревня рассталась с сохой.

Деревня все больше и больше знакомится с лампочкой Ильича. Она пошла по пути такого прогресса, которого ни-

когда не увидала бы на путях капиталистического развития.

И это единственно целесообразный путь ее развития.

Конечно, есть очень много недостатков, пороков.

Конечно, есть очень много трудностей.

И много будет еще впереди.

Но ведущая страна — наша.

Как ни труден и в иную историческую минуту ни мучителен путь нашей (и моей, моей!) страны советов, он наиболее безболен, он наиболее выгоден и для нашего — советского, и для мирового пролетариата.

Ход исторического развития привел все человечество к необходимости разрушения капитализма не когда-нибудь, в будущем, а сейчас.

Кто с коммунистической партией, тот строит социализм.

Кто, как бы он ни назывался, противопоставляет себя ВКП(б) и Коминтерну, тот фактически за капитализм.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ТЕРЕКЕ

Ф. Х. Булле.

Борьба за советы на Тереке

Была ранняя весна 1917 года.

Трудно передать чувство людей, которые после десятилетнего каторжного заключения, после кандалов, наручников и карцеров вырвались на волю и в апрельский солнечный день понеслись в поезде в чужие края — навстречу солнцу, навстречу новой жизни.

Нас было четверо бывших бутырцев, случайных попутчиков: С. Есонек—левый пепеэсовец, Е. Гульбе—судившийся по делу боевиков с.-р. максималистов, но считавший себя большевиком, П. Аршинов — анархист-коммунист и я—с.-д. большевик.

При наступлении немцев полиция выселила мою семью из г. Риги и она уехала на Кавказ к бежавшему туда из ссылки моему брату. Родные места Есонека и Гульбе также были заняты немцами и они порешили поехать со мною повидать Кавказ.

Аршинова же мы встретили на вокзале — он уезжал на родину в Екатеринослав.

Позади осталась Москва, уже не только «Бутырская Москва», а другая, манифестирующая первый просвет свободы, поющая марсельезу и, в очередях за хлебом и на рабочих сходках, ворчливо осуждающая кичливое уличное ликование праздных студентов, офицеров и свободомыслящих дам.

Многолетний каторжный опыт подсказывал нам, что это—пока только освобождение из тюрьмы, но отнюдь еще не освобождение от тех, перед которыми еще вчера нас заставляли «вставать смирно». Поэтому мы трое, едущие на Кавказ, тут же сговорились «на всякий случай» как кого называть, кто откуда родом и по какому делу теперь едет.

У меня, кроме билета об освобождении из Бутырок, имелась в кармане «липа» на имя немецкого колониста Ставропольской губернии.

В пути разговаривали мало, все больше глядели сквозь окна на весенние дали и каждый думал свою новую думу.

В Харькове мы распрощались с Аршиновым. Уходя, он мне заметил:

— Хотя мы с вами всегда спорили, но за социализм я буду бороться вместе с вами...

Он тогда еще не мог представить, что, несколько месяцев спустя, опустится до роли «личного политкома Махно», которого в Бутырках никто не уважал.

За Ростовом нас пленил широкий, мощный разлив Дона, а за ним—степи, балки, курганы. Наконец—предгорья Кавказа!

Вихрем пронеслись прежде вычитанные образы и сказания о кавказской горской вольнице и непривычное ощущение свободы с неизведанной радостью охватило душу. Запели: «Мы вольные птицы».

В купэ нас было только трое, и никому мы не мешали.

Высадились в Кисловодске. Купив газету, я осведомился у газетчика:

— Скажите, есть тут какой-нибудь завод?

— Как же! Есть завод минеральных вод—разливают нарзан. И паровая прачечная есть...

Через пару дней приехали еще бутырцы — Фигатнер и другие.

До нас уже прибыло несколько каторжан, которые были освобождены из южных тюрем, и нас здесь оказалась целая колония.

Нашей новой родиной стал Терский край.

*

Население Терека, как и всего Северного Кавказа, делилось на три группы: горцы, казаки и иногородние. Терские горцы в основном представлены следующими народностями: кабардинцы, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, ногайцы, караногайцы и узбеки. Казаки, преимущественно украинцы, разделялись на ярко выраженные слои — «верхи» и трудящихся казаков — «землеробов». Под названием «иногородних» понимались вообще городские жители, хуторяне, колонисты, ремесленники, коробейники и т. д. В национальном отношении «иногородние» состояли из русских, армян, грузин, немцев, латышей, литовцев, эстов, евреев, персов, греков, тюрков и т. д. Кроме этого изобильного смешения языков и наречий, в то время обращало внимание весьма большое количество офицеров, всякой аристократии и крупной буржуазии, бежавшей из всех больших городов России. Считали, что в ре-

волюционном отношении там надежнее, а в отношении изысканного продовольствия и напитков Кавказ недаром славился на всю Европу.

Рабочие кадры на Тереке группировались в следующих центрах: Грозный — нефтяные промысла, Владикавказ — Алагирский и другие заводы и жел.-дор. мастерские, Минеральные воды — заводы и ж.-дор. мастерские, и в прочих городах—Пятигорске, Георгиевске, Моздоке, Кизляре и Кисловодске, где имелись небольшие заводы и мастерские. Кроме того, на группах Минеральных вод имелось значительное количество курортных, гостиничных и ресторанных рабочих и служащих.

Партийные организации социал-демократов и эсеров на Тереке имели довольно видное прошлое. Эсеровские организации проявили себя в 1905 году, прошедшем довольно бурно на Северном Кавказе, и сохранили кое-какие связи среди мелкобуржуазной интеллигенции. Социал-демократы в 1905 году руководили генеральной забастовкой, все время имели подпольные организации в Грозном, во Владикавказе и в Пятигорске и еще в 1916 году провели широкую забастовку на Грозненских нефтяных промыслах. Теперь же, после февраля, они повели довольно энергичную работу. Об'единяющего краевого центра не было ни у эсеров, ни у эсдеков. Связи с Ростовом, Тифлисом, Баку и Москвой поддерживались отдельными товарищами. Работа велась большевиками, меньшевиками-интернационалистами и правыми меньшевиками в об'единенных организациях.

Со времени покорения Кавказа здесь были установлены самые невероятные земельные отношения. Казаки захватили все плодородные земли и оттеснили горцев в скалистые предгорья и в горные ущелья, при чем и здесь казачьи земли нарочито перерезали пути сообщения между горскими селениями и аулами.

Февральская революция принесла горцам одни только разочарования. Земельное порабощение оставалось ненарушенным, а вместе с этим оставалось в силе и правовое порабощение горцев. Поневоле горцы приходили к такому выводу:

«Русские свергли царя, чтобы добыть себе свободу. Горцам же от русской свободы ожидать нечего, им необходимо искать свои собственные пути к свободе и искать помощи вне освободившейся России...»

Горцы еще не забыли свою долголетнюю войну с российским царизмом, горские старики все чаще вспоминали заветы имама Шамиля. Муллы и хаджи повели агитацию

за вооружение народов, из мечетей распускали разные тревожные слухи, а Нури-паша, миралай Карабекир-бей и другие агенты турецкого султана из Чечни, Дагестана и Адыгея сулили установить на всем Кавказе священные законы шариата и снабдить восстание военным снаряжением, инструкторами и деньгами. Горские нефтяники, богачи и князьки—Чермоевы, Манташевы, Тагиевы, Гоцинские и всякие политиканы в роде Джабагиевых и Цаликовых уже потянулись к власти: они вели тайные переговоры одновременно и с турецкими президентами, и с беглыми русскими князьями, и с казачьими атаманами, и стали разжигать убийства из-за угла на почве «кровной мести» между кабардинцами и балкарцами, между ингушами и осетинами, между чеченцами и ногайцами и между горцами и казаками вообще.

С первых же недель после февральского переворота во всей Терской области создалась напряженная, тревожная обстановка, осложнявшаяся с каждым днем. Уже к маю—июню все пограничные с горцами станицы были обведены траншеями и проволочными заграждениями и каждый горский аул выставлял ночные вооруженные дозоры и пикеты. Ни один горец не решался проехать по дороге через казачьи земли; всякого в горах зазевавшегося казака укладывала на месте меткая пуля горского дозора.

Постепенно отношения между казачеством и горцами настолько обострились, что общая вооруженная свалка казалась неизбежной. Возвращавшиеся с военного фронта горские полки и казачьи части также постепенно начали поддаваться общему настроению и местная социалистически настроенная интеллигенция подпадала под влияние шовинистов.

Керенщина на время затемнила классовые противоречия между верхами и низами горского населения. В казачестве же она вызвала резкое обострение этих противоречий. Война проповедывалась «до победного конца», а в станицах оставалась непоколебленной старая власть тех же атаманов, есаулов и урядников. Вернувшаяся с фронта казачья молодежь не захотела дальше мириться со старыми станичными порядками, и на станичных сходах иногда дело доходило до того, что «отцы и дети» решали свои вопросы нагайками, шашками и винтовками. Трудящаяся казачья молодежь невольно потянулась к созданным в городах советам рабочих, солдатских, горских и казачьих депутатов. Отдельные трудовые казаки убегали из своих старосветских станиц в города и, при помощи советов, поступали на работу на заводы, промысла и жел.-дорожные депо.

В городах власть формально оставалась за городскими думами, но роль и значение их падали с каждым днем. Быстро и настойчиво их вытесняли советы депутатов, опиравшиеся на всю массу рабочих и вообще трудящихся, организованных в профсоюзы. К июлю—августу власть в городах фактически сосредоточилась уже в советах. Несмотря на слабость и разрозненность социал-демократических организаций, руководство советами сразу же после февральского переворота почти везде перешло в их руки. Местные эсеры устремились занимать посты в городских думах, приспосабливаясь к сидевшим там кадетам и монархистам.

Характерно, что терские городские власти уделяли весьма мало внимания явно назревавшей горско-казачьей бойне. Они считали, что это дело временного правительства в Петрограде и областной власти во Владикавказе. Симпатии же городских обывателей — «иногородних»—в большинстве были на стороне казачества, поскольку базарные цены на продукты в основном определялись казаками, а не горцами, отрезанными от городов.

Областную власть на Тереке, в качестве атамана области, изображал «чрезвычайный комиссар временного правительства» бывший член Государственной думы—полковник Караулов. Он был послан на Кавказ с особой миссией создать об'единенное правительство Юго-Востока, то-есть Кубани, Терека, Ставрополя и Дагестана. Такое об'единение было рассчитано на то, чтобы в нем заведомо обеспечить перевес русского населения, в особенности казачества, и сохранить на дальнейшие времена порабощение горцев. Однако, эта комбинация провалилась: ставропольские и черноморские крестьяне-кулаки не захотели связывать свою судьбу с казачеством, да и терские и кубанские казачьи атаманы не могли сразу найти общего языка. Тогда оставался план—об'единить Терек и Дагестан.

Во Владикавказе был создан областной с'езд казачьих представителей—старшин, урядников, есаулов и атаманов. Казачество, в лице своего насажденного царизмом начальства, откровенно заявило, что согласно подчиниться временному правительству только при том условии, если земельные угодья и правовые льготы казачества будут сохранены. Караулов принял на себя управление гражданской частью области и формирование терско-дагестанского правительства, его помощником по военной части был избран атаман Медяник.

Начались подготовительные работы по созданию местной центральной власти. Горские князьки, богачи и политиканы взялись за организацию горских национальных

советов, чтобы от имени национальных об'единений примазаться к власти. Для того же, чтобы поднять свой общественный авторитет, они тайком организовывали вооруженные банды горцев, учиняли набеги на казачьи станицы, угоняли скот, поджигали амбары. Затем публично вмешивались в эти инциденты, якобы своим благодеятельным вмешательством на время ликвидировали эти банды и хвастались перед казачеством своим влиянием в народе. Разумеется, все свои действия они координировали с задачами и планами турецких резидентов и панисламистских мракобесов. Было ясно, что для создания авторитетного для всего населения областного управления необходимо привлечь этих горских «национальных вождей». К Караулову немедленно стали примазываться эсеры в лице своих руководителей—Мамулова, Семенова, Орлова и меньшевики в роде Богданова, Мерхелева и других.

В далеком Петрограде заседало и копошилось временное правительство Керенского, был выпущен «заем свободы», за который особенно распинались эсеры, и по Тереку начались подготовительные работы по выборам в учредилку. Из Закавказья приходили смутные слухи о назревающих национальных трениях между грузинами и армянами, а вести из Баку говорили о мощном росте большевистской организации и о частичных забастовках на промыслах.

Так сложилась обстановка к первым дням нашего пребывания на новой родине.

*

Освоившись с положением на месте, мы, каторжане-большевики, решили приняться за работу. Необходимо было:

1) активизировать деятельность местного, еще примитивного, совета депутатов и вовлечь туда представителей именно трудовых слоев горцев и казачества;

2) повести самую решительную работу по организации и укреплению профсоюзов на почве немедленного улучшения материальных условий рабочих и

3) немедленно приняться за организацию вооруженной силы при совете и взять под свое влияние военные части и массу отдыхающих солдат.

Для успешного проведения такой линии необходим был организованный разрыв с меньшевиками и оформление своей самостоятельной организации.

Особую энергию в профсоюзной работе проявил наш товарищ Фигатнер. Наш старый Евсей Рихтерман деятельно заметался по собраниям и сходкам на всех группах

Минеральных вод и через каждые пару дней мы созывали народные митинги, где выступали с откровенною большевистскою платформой «по текущему моменту». Закипела также наша работа в совете. И уже к маю мы раскололи кисловодскую с.-д. организацию, вернее, взяли ее целиком, оставив из 30 с лишним активных работников всего пять человек за бортом. Меньшевики сразу же остались без всякой опоры в массах, они либо примазывались к эсерам, либо тонули в обывательщине. Понятно, что после выхода меньшевиков из партийной организации мы тут же «вытурили» их из совета.

Вслед за Кисловодском вскоре оформились самостоятельные организации большевиков во всех других городах Терека. Во Владикавказе была в июне созвана большевистская областная конференция, на которой была создана постоянная организационная связь с Кавказским краевым комитетом в Тифлисе и взаимно между всеми местными группами на Тереке. Была выпущена листовка к рабочим, солдатам, казакам и горцам, в которой освещался вопрос о временном правительстве, о войне и о терских казачье-горских распрях. Эта листовка значительно помогла нам внести ясность в представление о действительной позиции большевиков и создала нам широкую популярность. На обычных митингах уже не стало споров о кадетах, эсерах и эсдеках; были только споры за и против большевиков.

В Питере развернулись июльские дни. Широкой волной разлилась по Тереку гнусная версия о том, что большевики — немецкие шпионы, что Ленина немцы пропустили для разложения фронта, что в Питере открыты все улики и Ленин сбежал в Германию. Пятигорский городской голова, бывший ссыльный эсер Леонид Орлов, об этом оповестил публику в местных газетах, а приехавший из Петрограда юрист А. Гидони подтверждал эти сообщения честным словом на лекциях и митингах. Этот Гидони именовал себя эсдеком-плехановцем, об'езжал города, устраивая платные лекции на темы дня, и отличался особенно гнусной травлей большевиков. (Впоследствии, чтобы спастись от расстрела, он стал выдавать адреса укрывшихся на Кавказе черносотенцев — сенатора Крашенинникова и других, по дороге обманул стражу и сбежал.)

Нас уже не стало спасать на митингах то, что мы — освобожденные каторжане, нас также начали выставлять немецкими агентами и охотиться за нами с револьверами. Пятигорский Орлов лично организовывал убийства большевиков из-за угла и убил нескольких наших товарищей. Однако, все эти провокации и убийства оказались не в си-

лах подорвать наш авторитет в советах, профсоюзах и среди солдат и только ускорили разложение эсеровских организаций и переход лучших эсеровских элементов на нашу сторону.

Особенно сильное впечатление на всех произвело то, что расквартированный на отдых в Пятигорске 113-й стрелковый полк об'явил себя на стороне большевиков. Огромную работу в этом полку провел солдат Анджиевский, председатель полкового комитета, молодой талантливый большевик, впоследствии председатель Пятигорского исполкома совета. (Летом 1919 г., во время захвата Терека Деникиным, тов. Анджиевский был арестован англичанами и муссативистами в Баку, отправлен к Деникину и повешен в Пятигорске.) Другие армейские части, расквартированные по Тереку, стали равняться по пятигорскому гарнизону и к сентябрю 1917 г. все армейские части находились прочно под влиянием большевиков.

В сентябре 113-й полк получил приказ вернуться на турецкий фронт. Полковое делегатское собрание заявило о неподчинении этому приказу и о желании остаться на месте для охраны революционного порядка. Полк остался на месте и после этого ни одна воинская часть с Терека на фронт не пошла.

Эсеры, вытесненные из городов и решительно отвергнутые армейскими частями, обратились к «зажиточному казачеству, как единственной опоре демократического правопорядка на Тереке», как заявили они в своей газетке. Казачье офицерство не сразу допустило к себе эсеровских приказчиков, но те постепенно втерлись в отдельные сходы в качестве социалистического фигового листка для прикрытия казачьей контрреволюционной наготы.

Меньшевики, как организация, скончались быстро и безмятежно и только изредка появлялись отдельные меньшевистские агенты, все же не решавшиеся выступать от имени организации. Социал-демократы интернационалисты (их было десятка два на Тереке) частично поплелись за нами, частично стали «лойяльными обывателями».

С турецкого фронта возвращались на отдых два казачьих полка—Волжский и Гребенской. Проезжая Чечню, эти полки произвели набег на ближайшие к железной дороге аулы и захватили с собою некоторые запасы продовольствия. Не обошлось без обид чеченских женщин и стариков.

Немедленно же из всех чеченских горных ущелий лавиной налетели чеченские бойцы, окружили казачьи эшелоны, захватили с собой в горы все казачье вооружение и амуницию и разрушили Гудермесскую станцию и весь желез-

нодорожный узел. Вооружение, в том числе также орудия, было увезено в старинные чеченские крепости Ведено и Губин и во главе вооруженных сил Чечни был поставлен турецкий подкидыш Али Митаев. Начались систематические нападения на пограничные казачьи станицы. Хасав-юртовские казаки и хуторяне были изгнаны из селения, их дома разрушены и сожжены и такая же участь грозила всем пограничным станицам. Разоренные хасав-юртовские жители с остатками скарба рассыпались по всей области и сеяли по станицам и городам тревогу и кровную ненависть к горцам вообще.

Караулов созвал совещание казачьих атаманов совместно с горскими политиканами. Наскоро было состряпано первое терско-дагестанское «правительство» с участием горских верхов и отдельных аферистов, именовавшихся тоже «социалистами». Для урегулирования же пограничных конфликтов были созданы смешанные горско-казачьи суды и решено было смежные земли охранять, с одной стороны, отборными казачьими патрулями, а с другой—заставами из надежных горцев. Для организации таких горских частей горские члены правительства потребовали оружие, на что Караулов под строгой тайной согласился.

Несколько вагонов винтовок и патронов было выдано осетинскими офицерами и кабардинским князькам весьма конспиративно. Но тотчас же об этом узнала казачья масса. Караулов был об'явлен предателем казачества и вскоре убит своими же казаками в своем салон-вагоне на станции «Прохладная».

Медяник об'явил мобилизацию всего терского казачества. Но на другой день все горские члены «правительства» подали в отставку. Кроме того, на приказ о мобилизации отозвались только редкие станицы, и мобилизация не состоялась.

Тогда был придуман другой тактический ход. Во Владикавказе, в так называемом доме Симонова, хранилось оружие и военное имущество Ингушского кавалерийского полка. Казачьи офицеры, совместно с православными осетинскими офицерами, учинили разгром и поджог этого склада. В городе произошла резня ингушей.

Затем была придумана совершенно дикая провокация. Казачье-горские контрреволюционных дел мастера втравили в бой казаков Грозненской станицы с соседними чеченскими аулами. Аул Шали был казаками разгромлен. Не щадили ни стариков, ни детей.

Собравшиеся с силами чеченцы в свою очередь открыли атаку на казаков, не менее дикую и беспощадную. Чеченские панисламисты пытались заодно захватить также

гор. Грозный. Городской самообороне все же удалось город отстоять.

Тогда, по наущению богачей-нефтяников, вкупе с турецкими резидентами и чеченскими шовинистами, чеченские банды учинили поджог Грозненских нефтяных промыслов.

Пожар охватил весь район Старых промыслов. Пламя горящих нефтяных вулканов сливалось в громадные огненные столбы, увенчанные черными тучами копоти, жуткое содрогающееся зарево заливало город, отлогую степь и скалистые горные отроги на огромном пространстве. Усилиями мобилизованных рабочих и солдат насилу удалось уберечь город; потушить же пожар в ближайшие месяцы не было никакой надежды.

Грозненскому совету, руководимому тогда большевиком тов. Анисимовым, стоило больших усилий удержать рабочие массы и гарнизон от карательного похода на Чечню. Однако, это привело к тому, что город Грозный замкнул вооруженную цепь казачьих станиц, зажавшую горцев в горные ущелья. Горцам не стало выхода ни в города, ни на магистраль железной дороги.

Восточная часть области—Ингушетия и Чечня—была совершенно отрезана от западной части, более богатой землями и заселенной горцами-осетинами и кабардинцами по линии Владикавказ — Моздок, ни один ингуш или чеченец уже не рисковал перейти этот «водораздел».

Состав терско-дагестанского правительства менялся чуть не каждый месяц. Обыкновенно новоназначенные члены «правительства», после первого же заседания, забирали авансы в счет жалованья за полгода — год вперед и раз'езжались по домам. Во Владикавказе оставались одни «правители канцелярии», которые занимались спекулятивною распродажею казачьего оружия, откровеннейшим разворовыванием казны и пьяными оргиями. Кто именно участвовах в разных составах этого «правительства», трудно было знать; никто и не интересовался ни «правительством», ни войсковыми властями. Трудящиеся массы населения жаждали только скорейшего прекращения войны и обсуждали газетные известия из Петрограда и Москвы, где нарождалась борьба между советами и временным правительством, между большевиками и керенщиной.

Наступили дни корниловщины. Казачьи верхи всполошились, приободрились, и в Кисловодске созвали узкое совещание атаманов Терека с представителями кубанского казачества и делегацией донских казаков. В Кисловодске проживала бывшая великая княгиня Мария Павловна со своими сыновьями, там сгруппировалась масса тылового

офицерства и туда часто наезжали разные генералы—Рузский, Радко-Дмитриев и другие. Было ясно, что при малейшем успехе корниловщины общее восстание казаков неизбежно. Мы привели в боевую готовность наши вооруженные силы при советах, провели полковые собрания в армейских частях и выставили на улицах свои патрули и дозоры. Но в общем все обошлось спокойно.

Когда же генерал Каледин на Дону объявил о неподчинении временному правительству, терские казаки по всем станицам провели агитационную кампанию и на войсковом совещании вынесли резолюцию о полной поддержке донских казаков и Каледина. В казачьих управленческих канцеляриях вновь стали вывешивать снятые царские портреты, по церквам казачьи попы начали служить усиленные молебны.

*

Вдруг наступили великие октябрьские дни. Керенщина в Петрограде разбита! Во главе Совета Народных Комиссаров стал Ленин! На созываемые нами митинги стали стекаться огромные массы народа, специально приезжали нас слушать и узнавать правду трудящиеся казаки из отдаленных станиц. Делегаты горской бедноты, тайком от казачьих дозоров, пробирались по горным тропам к нам в города и просили послать в аулы ораторов.

Казачьи верхи растерялись и решили выжидать.

Городская же буржуазия и столичные знатные беженцы сразу окружили нас самою безудержною травлей. В кисловодском курзале, в театрах и в залах городских управ выступали меньшевики Гидони, Дзедзиев, Кожаный, Мерхелев, эсеры Орлов, Мамулов, Ованесян, Семенов и «со слов очевидцев» рассказывали о невероятных зверствах, чинимых большевиками над мирным населением в центре России. Гидони даже ухитрился получить из Петрограда фотоснимки женских пальцев с перстнями, «отрезанных большевиками»... Кавказ любит легенды, поражающие воображение, любит разузорить и прикрасить всякое событие, всякий пересказ. Поэтому кавказские версии глупой клеветы о большевистских зверствах отличались особой колоритностью. Однако кроме пользы эти провокационные сплетни эсеров и меньшевиков ничего не принесли: значительная часть бежавшей из столиц буржуазии немедленно стала смываться с Кавказа и постепенно очищать курортные дворцы и виллы. Советы использовали их для размещения больных солдат и для школ.

В городах фактическая власть перешла к исполкомам советов. Провозгласить формально власть советов в горо-

дах и окончательно ликвидировать городские управы и местные «гражданские комитеты» при них мы могли немедленно без особого труда. Однако, в таком случае мы оторвали бы города от всей основной жизни области, противопоставив сразу советы казачьему самоуправлению и горским национальным советам. Нашей задачей было создать советскую власть на почве крепкой спайки рабочих, трудового казачества и горской бедноты.

Связь с Москвою вскоре была прервана донскими казаками, затем кубанскими контрреволюционными бандами, а после немцами. Связь с Закавказьем и Баку также была чрезвычайно затруднена. У нас же самих, бывших рабочих, имелся только опыт подпольной революционной работы и классовой борьбы. Кроме того, давали себя чувствовать долгая оторванность на каторге от живой жизни и новизна и сложность обстановки. Выручали нас—опыт и твердая сознательная воля коллектива нашей партийной организации и руководящие указания и советы таких старых кавказских работников, как Ной Буачидзе, Мамия Орахелашвили, А. Стопани, С. Киров, и других, с которыми мы тогда имели непосредственную связь.

*

По инициативе нашей фракции при Владикавказском совете, поддержанной рабочими в Грозном и других городах, было решено в январе 1918 г. созвать областной с'езд представителей станиц, аулов и городов в гор. Моздоке. Рассчитывали, что там будет наиболее спокойная обстановка для сговора казаков с горцами. В повестку дня внесли два вопроса: 1) о земле и 2) об областной власти.

На с'езд собрались представители всех городских советов (исключительно большевики), отдельные эсеры и меньшевики, значительная часть казачьих есаулов и кулаков и несколько мулл, хаджей и кулаков из Осетии и Кабарды. Казаки решили использовать этот с'езд для привлечения на свою сторону представителей городских советов и требовали послать ультиматум ингушам и чеченцам: либо явиться на с'езд, либо признать, что они — враги трудящихся и против народной власти.

В свою очередь горские представители выдвинули требование выставить от с'езда вооруженную охрану из горцев, чтобы обеспечить путь для проезда на с'езд других горцев... И только благодаря твердости выступлений наших представителей и об'единенному голосованию иногородних, с'езд удалось удержать в рамках приличия. Было решено, ввиду отсутствия представителей из многих горских районов и станиц, назначить на конец февраля

1918 г. новый с'езд в Пятигорске. Была избрана организационная комиссия, подготовлено воззвание к трудящимся Терека, и делегаты раз'ехались.

С величайшими трудностями и с опасностью для жизни, как на территории казаков, так и горцев, в зимнюю слякоть приходилось пробираться в селения и аулы, чтобы разнести воззвания и приглашения к с'езду.

На пятигорский с'езд прибыли представители большинства станиц всех казачьих отделов, в большинстве молодежь, вернувшаяся с фронта, и старые трудовые казаки. Прибыла значительная часть трудовых горцев из Кабарды, Балкарии, Карачая, плоскостной и горной Осетии. «Иногородние» представители советов и армейские представители составили самую крупную фракцию. Обещали явиться также ингуши и чеченцы, но, ввиду опасности их проезда через казачьи земли, их прибытие было сомнительным.

С'езд открыли без них. В президиум избрали по одному представителю каждого казачьего отдела, каждого горского района, каждого исполкома совета, каждой армейской части и по одному представителю от большевиков, с.-д. интернационалистов, с.-д. меньшевиков и левых эсеров. Для ингушей и чеченцев оставили места. В порядок дня внесли прежние злободневные вопросы, но первым вопросом поставили вопрос о признании власти Совнаркома и ВЦИК РСФСР и о признании Терской области нераздельной частью РСФСР.

Председателем с'езда был избран наш тов. Буачидзе.

Казачьи делегации были очень огорошены поставленным в упор первым вопросом порядка дня. В течение первых двух с'ездовских дней казачьи есаулы во главе с Фальчиковым не давали с'езду возможности приступить к обсуждению по существу первого вопроса порядка дня с'езда. Ежечасно они получали через гонцов из станиц сообщения и телеграммы о нападениях горцев, об убийствах станичников и поджогах. По этим вопросам они требовали слова для внеочередных заявлений, устраивали воинственные демонстрации, требовали посылки с'ездовских комиссий на места происшествий. Горцы минутами поддавались на эти провокации, и нужен был большой такт руководства т. Буачидзе, чтобы удержать с'езд в русле работы.

Наконец прибыла делегация ингушей. В общей массе горцев ингуши считались самыми строптивыми врагами казачества. Их появление на с'езде создало перелом в настроениях казачьих делегаций. Казачьи верхи приехали сюда с целью либо использовать с'езд против горцев, либо сорвать его, доказать безнадежность попыток помириться

с горцами и этим всенародно оправдать готовившийся поход против горцев и большевиков одновременно. Теперь, при наличии значительного представительства на с'езде горцев не только западной, но и восточной части Терека, планы казачьих политиканов могли окончательно провалиться.

В довершение всего на с'езд прибыл также представитель Чечни — мужественный Асламбек Шерипов, чудом пробравшийся между казачьими пикетами и заставами. Горцы и иногородние устроили ему бурную овацию. Казаки сдержанно молчали. Красноречивый Шерипов сейчас же выступил с прекрасной приветственной речью с'езду от имени горской бедноты всей Чечни и заявил, что чеченские трудящиеся массы в полном вооружении согласны выступить за власть советов и за мир и братство народов.

Вдруг на имя с'езда прибыла телеграмма, никем лично не подписанная, от имени терско-дагестанского правительства. В телеграмме наш с'езд об'являлся незаконным и нам предлагалось немедленно раз'ехаться по домам. Давалась даже любезная гарантия о неприкосновенности делегатских личностей в пути. После оглашения этой телеграммы, фракциям было предложено посовещаться каждой в отдельности. Было ясно, что обсуждение этой телеграммы приведет к отсеву контрреволюционных элементов с'езда и выявит возможность немедленной постановки на голосование вопроса о признании советской власти всею областью.

Действительно, почти все отдельские секции казачьей фракции выступили с разными заявлениями: от имени большинства — за продолжение с'езда и от имени меньшинства — за прекращение работ с'езда «с возложением всей ответственности на терско-дагестанское правительство». С аналогичной проповедью о «повиновении властям, хотя и не почитаемым за власти» выступили отдельные кабардинские хаджи, но они были покрыты грохотом насмешек всех остальных горцев. Абсолютным большинством с'езд постановил работу продолжать и об'явить призрачное терско-дагестанское правительство несуществующим.

Наконец вопрос о признании советской власти и полном подчинении Совнаркому РСФСР был поставлен на голосование. Казаки предложили сперва обсудить вопрос опять пофракционно. Участвовавший на с'езде, наш лучший оратор на Тереке тов. С. М. Киров выступил с речью о великом значении предстоящего голосования и — был об'явлен перерыв.

Всю ночь казачьи есаулы и кулаки вели переговоры по прямому проводу с Владикавказом. Оказалось, что там, одновременно с нашим народным с'ездом, казачий генералитет с отдельскими атаманами собрался на совещание яко-

бы по вопросам дальнейшего распорядка терским казачьим войсковым имуществом. Видно было, что в случае нашей неудачи на с'езде казачье начальство собралось взять областную власть в руки по-своему.

На другой день ряды казачьих делегаций несколько поредели: открытые черносотенные есаулы и урядники уехали, чтобы не участвовать в голосовании. Несмотря на увещавания и угрозы, массу трудящихся казачьих делегатов им с собою увлечь все же не удалось.

Как только возобновилось заседание с'езда, казачьи делегации наперебой выступили с заявлениями о преданности советской власти. Оказалось, что за ночь эсеры, числившиеся в нашей социалистической фракции «иногородних», переметнулись во фракцию казаков и теперь от имени уже казачьих секций распинались за власть советов. Вместе с некоторыми казачьими интеллигентами они красноречиво пытались убедить с'езд, что терские казаки испокон века были врагами угнетения и по существу социалистами. Недаром они — потомки соратников Стеньки Разина!.. Зная наверняка, что горские массы решительно выскажутся за советы, казаки не могли выступить иначе. К тому же среди казачьей делегатской молодежи имелись такие товарищи, как Дьяков, беззаветно преданные борьбе за победу большевиков.

Горские делегации заявили о полном признании власти советов, но тут же оговорились о необходимости прекратить взаимные с казаками разбои и урегулировать земельные отношения.

После зачтения основ конституции РСФСР и торжественного голосования с'езда за нераздельность Терской области от РСФСР нами было внесено предложение о немедленном переезде всего с'езда во Владикавказ — в областной центр. Горские мусульманские делегаты тут же на с'езде совершили особо усердное очередное молебствие, и весь с'езд с пением Интернационала двинулся в путь. До вокзала нас провожала огромная манифестация пятигорских рабочих и солдат.

*

По пути нашему поезду пришлось восстанавливать жел.-дор. линию и местами прокладывать недостающие рельсы. Во Владикавказ мы прибыли поздно вечером, без всякой вооруженной охраны нашего поезда.

На другое утро мы вдвоем, кажется с бывшим каторжанином Шишоником, на извозчике отправились ликвидировать «терско-дагестанское правительство». Но в помещениях мы уже не нашли ни одного «министра». Несколько старых очкастых чиновников и несколько нарядившихся дам изображали «правительственный аппарат». Они предупреди-

тельно вручили нам ключи от дверей и кассу правительства в три керенки по 40 р. и два бумажных царских рубля. Мы об'явили весь персонал уволенным и уехали. На душе было досадно и смешно; больше смешно, чем досадно.

Народный с'езд поселился в здании кадетского корпуса, приготовленном для делегатов Владикавказским советом. Охрану с'езда приняли на себя вооруженные отряды рабочих Курской и Молоканской слобод. С'езд стал продолжать свою работу. За основу были приняты декреты СНК и ВЦИК'а РСФСР, и работа с'езда сводилась к их пригонке к местным условиям. Вовлечение всего с'езда в проработку этих декретов имело огромное значение для наших делегатов, особенно горцев, до того довольно туманно представлявших себе основоположения советской власти и программу нашей партии.

Переезд с'езда в областной центр и опубликование принятого решения о признании власти советов окончательно утвердили его авторитет. Но казачье-горская контрреволюция тоже не бездействовала. На улице около места заседания с'езда было убито несколько человек ингушей, казаки Терской и Фельдмаршалской станиц, рядом с Владикавказом, открыли бой с соседними ингушскими аулами, и грохот орудий все время аккомпанировал речам на с'езде. С другой же стороны Владикавказа открылись артиллерийские и пулеметные бои между соседними селениями ингушей и осетин в районе Базоркино—Назрань. Из Чечни получались вести, что Узун-хаджи, Топи Чермоев и Али Митаев готовят поход на гор. Грозный; из-под подножья Эльбруса приехали делегаты от балкарцев и сообщили, что между балкарцами и кабардинцами идут жестокие бои из-за пастбищ, арендуемых горцами у кабардинских князей... Было ясно: либо народному с'езду удастся потушить зажигаемый со всех сторон пожар и победить, либо он должен беспомощно умереть и уступить место открытой казачье-горской контрреволюции.

По всем открывшимся и все вновь открывающимся боевым участкам с'езду пришлось рассылать третейские примирительные комиссии, ежедневно принимать делегации, зачастую приезжавшие к с'езду с трупами убитых в качестве вещественных доказательств справедливости своих жалоб. Главные роли в примирительных делегациях с'езда выпадали, конечно, на нас, большевиков. Первым нашим крупным успехом в этой области была ликвидация боев на участке Назрань—Базоркино, а затем на участке Терской станицы. Кое-как удалось приглушить также остальные военные вспышки. И через две недели мучительной рабо-

ты с'езд, наконец, приступил к избранию и оформлению областной власти.

В качестве законодательного органа был избран Областной народный совет, а исполнительная власть поручена Совету народных комиссаров. Терская же область была провозглашена «Терской Советской Социалистической Республикой» и неот'емлемой составной частью РСФСР.

Терская республика была разделена на округа, взамен прежних казачьих «отделов» и горских округов. Управление округами было возложено на окружные народные советы, подчиненные Областному народному совету и Совнаркому, а в городах вся полнота власти была передана советам депутатов.

Председателем Совнаркома был избран тов. Ной Буачидзе, заместителем и наркомземом — левый эсер Пашковский, наркомвнуделом — тов. Фигатнер, наркомвоеном — с.-д. интернационалист Бутырин, наркомфином эсер Андреев и на остальные комиссарские посты были избраны товарищи-горцы.

Председателем Народного совета был избран бывший грозненский рабочий, меньшевик Богданов, заместителем его — осетинский кулак-политикан Цаликов и членами совета — представители от горцев, казаков и иногородних.

Конечно, такой состав советской власти далеко еще не обеспечивал проведение твердого порядка пролетарской диктатуры. Однако он явился неизбежным этапом на пути от казачьих привилегий и порабощения горских народов к установлению пролетарской диктатуры.

Делегаты с'езда раз'ехались домой, дав обещание ознакомить с работою с'езда и с новой конституцией всех трудящихся республики. Затем началась полоса борьбы с откровенной казачье-горской контрреволюцией, полоса жестокой борьбы за сохранение и укрепление власти советов.

———

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

В. Бустрем

Октябрь в Архангельске

В этом отрывке я хочу поделиться воспоминаниями об одном эпизоде, имевшем место в Архангельске, очень выпукло показывающем, на каких путях интервенты искали способов удушения Октября.

Должен оговориться, что, не имея под руками никаких документов, никаких материалов, хотя бы косвенно могущих помочь памяти, я не могу указать точных дат, могу лишь сказать, что дело происходило в последних числах ноября — может быть, первых, декабря 1917 г., когда я был председателем Архангельского совета рабочих депутатов.

Но прежде я должен сделать небольшое отступление, чтобы в общем набросать положение в Архангельске к моменту моего приезда туда из Сибири в первой половине апреля 1917 г. и в последующее время.

Масса, на которую опирался Совет рабочих депутатов, состояла из рабочих многочисленных лесопильных заводов, в подавляющем большинстве пригородных крестьян, смотревших на город, как на источник дополнительных доходов к их основному занятию, и из огромной армии грузчиков, жившей в невероятно тяжелых условиях, всегда недовольной, почти неподдававшейся организации. Воинские части состояли из запасных, рвавшихся домой, к земле. Лучший революционный элемент представляли собою рабочие порта и судоремонтного завода, среди которых был костяк настоящих пролетариев, а не случайно, во время войны оказавшихся у станка крестьян, обывателей, укрывавшихся в тылу и, наконец, военные матросы и команды морских и речных пароходов.

«... рабочий класс Архангельской губернии был слаб, плохо организован, политически слабо развит и далек от стойкой политической борьбы...» — говорится во вступлении к сборнику № 4, изданному Архангельским Истпартом в 1927 году под заглавием «Октябрьская революция и интервенция на Севере».

Даже для организации Совета рабочих депутатов в половине марта была послана от собрания рабочих депутация в городскую думу с просьбой помочь им в этом деле.

В совете верховодили меньшевики, один из них (Папилов) к позиции совета — «война до победоносного конца» — откровенно прибавлял: «Даешь Дарданеллы!» Эсеры предпочитали орудовать в деревне и пристраивались около организуемого земства и учреждений временного правительства. Изредка раздавались большевистские голоса.

Новая администрация из старых людей опасливо посматривала на совет и в случае конфликтов стушевывалась, но тормозы чувствовались на каждом шагу. Особенно усердствовал главнач Савич. Старый, ограниченный бюрократ, растерявшийся перед напором событий, все чаще и чаще вызывал возмущение рабочих и моряков; на одном частном совещании встал вопрос об аресте его и большинства его сподвижников, но раздались голоса против, с указанием на то, что это внесет еще большую путаницу, и временное правительство не признает выдвинутого нами нового главнача. Было решено потребовать самоустранения Савича, а делегации на июньский съезд советов поручить добиться назначения приемлемого для совета главнача.

В Петрограде делегация получила телеграмму, что я избран предсовета. Тогда было решено, что я выставлю, уже как представитель власти на месте, определенные требования, а делегация меня поддержит. Требования были просты: никаких назначений на высшие административные посты без согласия местных организаций и без санкции совета.

Как ни странно, но Лебедев, помощник Керенского по морскому министерству, принял эти требования, то ли надеясь впоследствии прибрать совет к рукам, то ли опасаясь ссориться с местной властью, имевшей фактически в своем распоряжении колоссальные запасы, скопившиеся в порту.

В качестве кандидата на пост главнача, не помню кем, был предложен только что вернувшийся из эмиграции инженер Сомов, который произвел на делегацию своей деловитостью не плохое впечатление. Других кандидатов не было. Савич к тому времени почел за благо незаметно уехать из Архангельска, и Сомов немедленно выехал из Петрограда.

С этого момента взаимоотношения между администрацией и советом стали менее напряженными: местные выборные организации, комитеты заняли то место, которое принадлежало им по праву, хотя и не без противодействия со стороны администрации (порт). Но разгоралась борьба в совете и на предприятиях. Эсеры подтягивали свои силы, склады-

валась большевистская фракция, формировались левые эсеры, вступая в блок с большевиками. Ряды меньшевиков редели, но контакт их с эсерами креп. Кое-кто из них, предвидя жестокую борьбу и не надеясь на свои силы, потихоньку шептал — не вывезти ли из города и порта снаряды, взрывчатые вещества, склады оружия под тем предлогом, что при малейшей неосторожности, при несомненном германском шпионаже, город может взлететь на воздух, как это уже однажды было на Бакарице (территория порта). Весьма сомнительно, чтобы это были подлинные мотивы. Просто хотели на всякий случай подальше держать опасные вещи, потому что в это время началась организация вооруженных рабочих отрядов. Однако, в этот период ничего не было вывезено. Впоследствии эти запасы в значительных количествах были захвачены и вывезены специальной комиссией по постановлению совнаркома — ЧКОРАП (Чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта), так как возникали основательные подозрения, что англичане попытаются наложить на них свою лапу.

Положение в губернии ухудшалось; из нескольких уездов (Шенкурский, Пинежский, Мезенский) шли слухи о готовящихся выступлениях крестьян, якобы собирающихся разогнать «болтунов» из совета; на Мурмане шли разговоры о полной его самостоятельности; Мурсовет не желал больше считаться с Архангельском — там сидела компания ген. Звегинцева, Веселого и др., покрываемая Юрьевым (предсовета) и опиравшаяся на «союзников». В самом Архангельске тоже не все было благополучно: матросы Целедфлот[1] раскололись, дело дошло до обоюдных арестов. В самом совете положение все обострялось. Если в июне совет, посылая меня на съезд, снабдил специальным постановлением не голосовать за формулу «вся власть советам», которую я отстаивал, то теперь дело было наоборот. «Война до победного конца» сменилась «революционной войной». Фракция большевиков (я в нее не входил) не имела четких позиций, она была слаба, да и положение было трудное, а информация из центра была скудна и очень часто противоречива, как можно было установить, умышленно, — аппарат информации находился еще в руках меньшевиков, и телеграф искажал ход событий, стараясь направлять «места» в свое русло.

Не помню, какого числа (если не ошибаюсь, в ночь с 25 на 26 октября) поздно ночью, вернее рано утром, меня вызвали к прямому проводу. Вызывал Петроград, у аппара-

[1] Центральный комитет флотилии Ледовитого океана.

та был тов. Пестковский. Он поздравлял меня с победой, сообщал об организации новой власти в Петрограде и просил, имея в виду важное значение Архангельска, принять все меры к организации власти на месте и ждать директив.

На мою просьбу подробнее осветить положение, сообщить, из каких элементов сложилась власть, есть ли это коалиция, блок или только большевики, я не получил ясного ответа; то ли снова умышленно путал телеграф, то ли ответ действительно был недостаточно отчетлив.

На утро телеграф принес сообщение, что переговоры продолжаются. Кому верить? Меньшевики щеголяли официальной информацией, эсеры имели свою, не сообщая ее; большевики не имели своей. Несмотря на такую неопределенность, было решено созвать экстренное объединенное совещание всех организаций, на котором между прочим выяснилось, что имеется еще информация — не помню, кто ее имел, вероятнее всего, комиссар временного правительства, так как шла она от Керенского.

После продолжительных прений было решено создать временный революционный комитет с весьма неопределенными задачами. Но из прений ясно можно было понять, что главная задача его заключается в удержании в губернии «порядка», пока выяснится положение. Позиция явно гнилая, нейтралистская, продиктованная боязнью всех без исключения взять на себя ответственность за какое бы то ни было определенное решение.

За этот долгий в революционных условиях период — с июня по ноябрь — массы несомненно и явно шли все влево, временное правительство потеряло всякий кредит, и лозунг «вся власть советам» стал обычным на собраниях. Хотя даже недавний съезд Целедфлота вынес резкую резолюцию, но шатание продолжалось, не чувствовалось того прочного ядра, вокруг которого сложился бы костяк, который взял бы на себя принятие ответственных решений, который отчетливо знал бы, что его линия единственно правильная.

Особенно резко выразилось это на заседании совета, на котором обсуждался «текущий момент» после экстренного объединенного совещания всех организаций. На нем был поставлен вопрос о доверии к руководству совета. Недоверие было высказано внушительным большинством. Но когда это руководство «подало в отставку», поднялась буря протестов и новое голосование вернуло «власть» старому руководству. Все осталось по-старому, если не считать, что авторитет совета несомненно упал, и «власть»

ощутительно переходила к «местам», т. е. к комитетам на заводах, в порту, в казармах и к Целедфлоту.

На этом же заседании была, так сказать, формально прокламирована советская власть, но... составленная из представителей всех групп, входящих в совет. Большевики присоединились к этой резолюции, хотя в ней говорилось, что поддержку совнаркома нельзя истолковывать как признание диктатуры пролетариата, говорилось об однородной демократической власти.

В конце февраля обсуждались условия Брестского мира. Резолюция была внесена от имени меньшевиков, эсеров и большевиков. Через несколько дней, в начале марта (1918 г.) этот вопрос по инициативе фракции большевиков был снова поставлен на обсуждение под тем предлогом, что обстоятельства изменились; на самом деле, по признанию ушедших из фракции, в самой фракции раньше не было единодушия по этому вопросу и потому, не желая выявлять разногласия, сторонники брестских условий, а их было меньшинство, голосовали за общую резолюцию.

На этом заседании большинство высказалось вновь за непринятие брестских условий, но на съезд были посланы делегаты фракции и только, кажется, один меньшевик.

Положение еще долго оставалось межеумочным. Уже организовывались настоящие советские учреждения, но одновременно существовал главнач и другие остатки временного правительства. С «союзниками» поддерживались корректные отношения. И только после ухода из совета эсэров и меньшевиков в средине июня 1918 г. можно считать, что Октябрь в Архангельске стал не формальностью, а действительностью.

Правда, он просуществовал всего несколько месяцев; план оккупации уже был разработан. Но пролетариат не может не победить в последнем бою, и в феврале 1920 года Красная армия опрокинула белых в море; интервенты же ушли немного ранее.

После этого краткого очерка событий, имевших место в Архангельске в 1917—18 годах, я возвращаюсь к теме своего рассказа.

Во время войны 14 года Архангельск был единственным (Мурманск был еще недостаточно приспособлен) европейским портом России, через который поддерживались сношения с «союзниками». Через архангельский порт царская армия получала взрывчатые вещества, артиллерию, аммуницию, вообще все необходимое для ведения войны. Через Архангельск же шел экспорт леса, хлеба, спирта и пр.

Для руководства и наблюдения за всеми этими операциями в Архангельске были учреждены миссии и представительства «союзников». Наиболее влиятельной, задававшей, так сказать, тон была в 1917 году английская миссия, возглавлявшаяся контр-адмиралом английского флота Кемпом.

Я часто встречал его на улице, но мне никогда не приходило в голову, что придется вести с ним какие-либо разговоры, кроме предложения забирать свои монатки и «смываться» домой.

Вышло иначе.

На каком-то заседании ко мне подошел главноначальствующий города Архангельска, порта и района (представитель временного правительства) Сомов и сказал, что адмирал Кемп хочет встретиться со мной для важного разговора.

— Пожалуйста! Я днюю и ночую в совете. Когда угодно! Только пусть предупредит, чтоб я имел возможность заблаговременно раздобыть переводчика.

Через несколько дней Сомов позвонил мне, что адмирал Кемп очень сожалеет, но встретиться со мной в моем служебном кабинете, председателя совета, не может и просит о частной встрече. Я ответил, что не имею чести лично знать адмирала и никаких частных разговоров у меня к нему нет. Если ему нужно меня видеть, то пусть все-таки найдет эту возможность; мой кабинет к его услугам.

Меня уже начала интересовать эта настойчивость Кемпа и я решил, в случае новых попыток, встретиться «случайно».

Через несколько дней Сомов предложил мне встретиться с Кемпом в кабинете начальника порта, где Кемп часто бывал по служебным делам, и куда я также иногда заходил.

Я дал согласие при условии, что Кемп будет представлен мне, как председателю совета. Сомов принял это предложение. Так как я владел английским языком не блестяще, а Кемп ни слова не понимал по-русски, то встал вопрос о переводчике. Я предложил главначу, под видом участия в беседе, быть переводчиком. Он не возражал. Я не знаю, была ли известна Сомову тема предстоящей беседы, во всяком случае он держался во время этого, так сказать, предварительного сватовства только как посредник, ни словом, ни намеком не обнаруживая никакой заинтересованности в происходящем.

На другой день в назначенный час я был в кабинете начальника порта. Сомов пришел раньше. Поговорили о текущих делах. Вошел вестовой и доложил:

— Адмирал Кемп!

Сомов представил его мне, но в нарушение обещания так пробормотал мое звание, что ничего нельзя было разобрать.

Адмирал сказал, что он очень доволен, что случай свел нас вместе. Кстати, если я не возражаю, то он, Кемп, использует эту встречу для обсуждения одного вопроса.

Я предложил записать нашу беседу, но Кемп стал возражать: это-де, частная беседа, ни к чему не обязывающая. Я не стал настаивать, полагая, что без записи у него язык будет длиннее.

В процессе дальнейшей беседы адмирал сказал, что он хорошо знает продовольственное и общее положение в крае. Север не может сам прокормить себя; он живет за счет ввоза из внутренних губерний. Теперь, имея ввиду крупные «беспорядки» (Октябрь для Кемпа был только беспорядком! — Б.) нельзя надеяться на регулярное снабжение края продовольствием. Даже в лучшем случае, если продовольственные организации не оставят своих забот о губернии, вполне возможно в общей суматохе прекращение железнодорожного сообщения.

Последняя фраза звучала угрозой. Желая заставить адмирала высказаться яснее, я заметил, что положение с продовольствием действительно не блестяще, но нет никаких оснований опасаться прекращения связи с центром.

После некоторого молчания Кемп, растягивая слова, сказал, что в такие времена все возможно, что его очень тревожит такое положение и что он, прекрасно сознавая, что «русский народ», помогая «союзникам» в борьбе с немцами, понес величайшие жертвы, хочет в это тяжелое время в меру своих возможностей притти на помощь местному населению.

Дело было совершенно ясно: Кемп боялся, что «местное население» из-за отсутствия продовольствия откажется помогать «союзникам» грабить край; станут лесопильные заводы, прекратится экспорт нужного сырья и затруднится уже подготовлявшаяся оккупация севера.

Богатства, выкачивавшиеся из края через Архангельск и вообще из страны, были настолько значительны, что могли заставить английского адмирала играть комедию, изображая из себя благодетеля.

В дальнейшем разговоре адмирал Кемп заявил, что он обращается ко мне, единственному, по его мнению, человеку, трезво оценивающему все происходящее, имеющему реальную власть и возможность принимать ответственные решения, — с предложением передать в мое распоряжение стоящие на рейде два парохода с грузом продовольствия. Имеющиеся на них мука, сало, сахар и пр. смогут, — как сказал Кемп, — на первое время оказать существенную под-

держку краю. Запасливый адмирал имел при себе полный список всего, что находилось в трюмах пароходов, и, перечислив все содержимое в них, сказал, что все эти блага он отдает в мое распоряжение.

Я ответил, что весьма охотно куплю весь груз, если условия будут приемлемы и, разумеется, в кредит.

В ответ на это адмирал заявил, что он предлагает обставить передачу перечисленного продовольствия самыми лучшими условиями и иначе, де, и быть не может, потому что его предложение продиктовано желанием помочь своему «союзнику», попавшему в затруднительное положение. Но... при единственном условии: ни одного фунта за пределы края. Для гарантии он выделит одного из своих офицеров в качестве контролера при распределении продуктов. При этом он руководится только одним желанием — не вмешиваться во внутренние дела России, а продовольствие, вывезенное за пределы Архангельска, может оказать, по его мнению, помощь той или другой стороне.

Развязность адмирала «его величества — короля Англии и Шотландии» почти грациозно переходила в наглость.

Переводчик несколько замялся, но зная, что я понимаю язык, передал слова адмирала точно.

Наступила минута молчания. Мне стоило больших усилий сохранить спокойствие и не выкинуть просвещенного мореплавателя из кабинета.

Я медленно, отрубая каждое слово, сказал, что с того момента, как будет подписан договор, я становлюсь полным хозяином груза и никаких контролеров не допущу.

Вопрос был ясен. Адмирал был невозмутим. Лишь мимолетная судорога пробежала по лицу и дернула глаз от досады: сорвалось!

Потирая руки, Кемп протяжно сказал: подумаю!

Затем он выразил сожаление, что его добрые намерения, очевидно, не вполне правильно поняты, но что он надеется, что второй вопрос, который он хочет разрешить в разговоре со мной, не встретит затруднений.

Снова и снова адмирал заявляет, что он ни в малейшей степени не намерен вмешиваться в наши внутренние дела или давать оценку происходящему, что он считается лишь с реальными фактами.

Для начала это было довольно туманно. За этим туманом, конечно, следовало ожидать какой-нибудь каверзы.

Адмирал же, продолжая беседу, говорил, что он с удовольствием отмечает образцовый порядок в городе и порту. (Разумеется, я должен был понять это заявление, как аванс в счет платы, которая будет предложена за удовле-

творение пока еще не известной мне просьбы. Я спокойно пропускаю этот аванс мимо ушей.)

Продолжая, Кемп говорит, что он не сомневается, что и в дальнейшем мой авторитет будет порукой полного спокойствия, но... время такое тревожное; кто поручится, что «враги» не попытаются использовать тяжелое положение для агитации против верных до конца «союзников» и натравить «толпу» на английскую миссию.

«Враги», «толпа» — меня передернуло. Но, переменив позу, я приготовился спокойно слушать, что будет дальше.

До сих пор миссия не имела никакой охраны, но теперь было бы вполне предусмотрительно охрану установить. Просьба Кемпа сводилась к тому, чтобы я разрешил ему выставить у подъезда миссии военный караул из английских матросов. Никаких специальных опасений у Кемпа нет, но предосторожность никогда не мешает.

Я ответил отказом. Никаких специальных мер охраны кого бы то ни было я принимать не буду. Да кроме того, английские моряки в караульной форме будут привлекать внимание и как раз могут дать пищу для всяких пересудов и кривотолков. По замечанию самого адмирала, в городе вполне спокойно и нет никаких оснований ожидать, что порядок будет нарушен. На страже революционного порядка стоят рабочие, моряки и солдаты — это вполне надежная гарантия. Если бы враги революции вздумали поднять голову, то у нас найдется достаточно сил, чтобы обуздать их.

Кемп в дальнейшей беседе высказывает предположение, что при таком бурном развитии событий я просто не буду в состоянии быстро мобилизовать достаточную силу и на этот случай караул миссии может очень пригодиться.

Дело было совершенно ясно: Кемпу надо было на «всякий случай» иметь хотя бы небольшой вооруженный кулак, притом свой — ведь он не просил у меня нашего караула, ему нужно было иметь в своем распоряжении английских моряков.

Чтобы прекратить этот разговор, я сказал, что помимо прочих соображений я принципиально не могу согласиться на то, чтобы на территории советов была вооруженная иноземная сила.

Адмирал молча выслушал, поднялся, сухо поклонился мне, подал руку Сомову и вышел.

Едва закрылась дверь, как я громко расхохотался. Кемп вероятно слышал мой смех. Главнач недоуменно посмотрел на меня и растерянно спросил, чему я смеюсь. Я что-то пробормотал ему в ответ, простился и вышел.

Меня очень позабавил комизм этой сцены — своеобразный треугольник: я, председатель совета, представитель новой власти, непризнаваемой «союзниками», главнач, представитель признаваемой «союзниками» власти временного правительства в качестве переводчика, и английский адмирал.

Дубовая дипломатия Кемпа как нельзя лучше вскрывала маневры будущих интервентов. Сперва попытка купить. Через контролера держать в руках. Не вышло! Вторая попытка: не ссорясь с новой властью, получить легальную возможность хотя бы на первое время иметь вооруженную силу для готовившегося переворота.

Настойчивость Кемпа во втором вопросе объяснялась очень просто.

В Архангельск уже слетались белогвардейцы поодиночке и небольшими группками с фальшивыми паспортами. На железной дороге под предлогом охраны грузов и борьбы с германским шпионажем уже шныряли агенты Интеллидженс-сервис и Скотланд-ярда и проверяли документы, пропуская «своих», охраняя их от наших досмотров. Эти банды надо было как-то размещать, не вызывая подозрений. Организация военной «английской» охраны прекрасно могла помочь при разрешении этой задачи. Вся эта сволочь, одетая в форму английских моряков, получала возможность, прикрываясь этой формой, подготовлять переворот.

Капитан первого ранга Чаплин под видом английского морского офицера, под фамилией Томпсона уже готовил переворот и был нередким гостем Кемпа; надо было охранять и его.

Я не думаю, чтобы Кемп был так глуп или наивен и верил в возможность успеха своих маневров. Это было просто наглое, прикрытое подходящими словами, зондирование — что можно ожидать?

Кстати, это была не первая попытка завуалировать предстоящую интервенцию, представив ее делом местных людей.

Летом, вероятно в июне или июле, в Архангельск приезжал из Петрограда какой-то французский генерал, очевидно понюхать, чем пахнет. Он имел беседу с М. Ф. Квятковским — местным видным с.-р. (кстати, мне всегда казалось, что он был в партии с.-р. только потому, что считалось нужным вообще «состоять» в какой-нибудь партии, а по своей работе — ученого лесовода-таксатора и директора лесной школы недалеко от Архангельска — он имел отношение к земле, лесу, «мужичку»). Квятковский с видимым возмущением как-то рассказал мне, что француз, совершенно не стесняясь предрассудками о вмешательстве во внутренние дела, предложил ему обсудить вопрос об организации от-

дельной области из губерний Архангельской, Вологодской и Вятской, разумеется с полной поддержкой «союзников». Квятковский категорически отказался вести какие-либо разговоры на эту тему. У меня не было оснований сомневаться в правдивости рассказа.

Мой отказ в удовлетворении просьбы Кемпа был одобрен президиумом Архангельского Совета рабочих депутатов, и было решено ни на каких собраниях об этой беседе не говорить.

Месяца через три «благодетели» пристроили свой товар. По какой цене и на каких условиях, я не знаю. Кооперация, руководимая эсерами, «купила» груз обоих пароходов. Нашелся и подходящий контролер, без нарушения принципа невмешательства во внутренние дела «союзника» — Чайковский, скрывавшийся где-то недалеко от города и с которым местные лидеры эсеров, не без ведома англичан, были в оживленных сношениях, санкционировал сделку и возглавил новую, «народную» власть. Правда, масштабы были меньше грезившихся французскому генералу — вместо трех губерний область свелась к нескольким уездам Архангельской губернии, но и то на первых порах, по пословице: «доброму вору все впору», устраивало обе стороны. Не потребовалось и специальной «английской» охраны для миссии Кемпа: Чаплин сколотил из «верных сынов отечества» кулак, которым «союзники» собирались дробить большевиков. Кемп был доволен, эсеры чувствовали себя героями, спасшими «отечество».

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СИБИРИ

Н. Алексеев

Иркутск в начале Октябрьской революции

Первые вести об Октябрьском перевороте в Петрограде застали Иркутск в таком положении.

Официальная власть — в руках с.-р. Краевой комиссар Кругликов, губернский комиссар Лавров, ж.-д. комиссар Тимофеев — с.-ры. Телеграф — в их же распоряжении, прямой провод доступен только им. Исполнительным комитетом общественных организаций, поскольку он еще влачит свое существование, руководят с.-ры (главным образом Тимофеев). В городской думе абсолютное большинство принадлежит с.-рам, в тесном содружестве с которыми состоят меньшевики[1]. Командующий войсками округа ген. Самарин— назначенец Керенского. Председателем Совета военных депутатов является с.-р., председателем Исполнительной военной комиссии — также с.-р. (Галкин). Советский орган «Единение» — в руках с.-ров и меньшевиков (Тимофеев, Константинов); прочая печать («Сибирь», «Свободный край») — в руках с.-ров и к. д. В обывательских кругах — растущее раздражение продовольственными затруднениями. В гарнизоне[2] — глухое недовольство неопределенным положением, не улегшееся после сентябрьских арестов главарей полуанархического «беспартийного союза» и усмирения полков, требовавших освобождения арестованных,— усмирения, произведенного без кровопролития, но не без орудийной пальбы... В рабочих кругах преобладание с.-д., только в сентябре окончательно расколовшихся на большевиков и меньшевиков по вопросу о списке кандидатов в учредительное собрание,— вопросу, который казался мало принципи-

---

[1] На выборах 30 июля 1917 г. в городскую думу прошло: 47 с.-ров, 12 меньшевиков, 11 с.-д. из иркутской объединенной с.-д. организации, включавшей и большевиков, 11 к-д, 9 прочих.

[2] Воинские части Иркутска состояли в то время из 9, 10, 11 и 12 сибирских запасных стрелковых полков, артиллерийского дивизиона, казачьего дивизиона, военного училища, трех школ прапорщиков и нескольких частей подсобного характера.

альным и только прикрывал более важные, но еще не оформленные разногласия[1]. Большевистская организация, выделившаяся из об'единенной с.-д. организации, существовавшей с марта, расколовшейся в июле и вскоре вновь объединившейся, только начинала оформляться. Не только не была еще налажена организационная связь с Петроградом, но не было налажено даже получение литературы (например, первое сообщение о брошюре Ленина: «Удержат ли большевики государственную власть?» — привез ездивший в Петроград с.-р., гласный городской думы).

Петроградский переворот в лживом освещении официальных телеграфных известий сначала казался только неудачным повторением неудачного июльского выступления. По этим известиям, переворот не удался и «порядок» снова торжествовал. Но вскоре обнаружилось, что на этот раз восторжествовали большевики. Вопрос об отношении Иркутска к совершившемуся перевороту был таким образом поставлен ребром.

Иркутск волею судеб был крупнейшим центром эсеровщины во всей Сибири, к тому же снабжавшим видными деятелями и центры по ту сторону Урала. Иркутские с.-ры не могли примириться с падением Керенского. Узнав первыми о постигшей их невзгоде (телеграф был в их руках), они первыми стали готовиться к военным операциям...

По почину городской думы была образована — «для защиты революции» от большевиков — «комендатура», тройка, провозгласившая себя высшей военной властью в городе. В состав ее вошел с.-р. Тимофеев, один меньшевик и один сибиряк-областник, но последние два не играли никакой роли, всем верховодил Тимофеев. К ген. Самарину, командующему войсками округа, с.-ры не питали доверия в виду его нерешительного характера. Комендатура опиралась главным образом на юнкеров школ прапорщиков и военного училища, показавших себя защитниками «порядка» при сентябрьском выступлении беспартийного солдатского союза, а также на казачий дивизион. За спиною эсеров среди юнкеров вели агитацию офицеры-монархисты, как председатель союза георгиевских кавалеров полковник

---

[1] С начала февральской революции в Иркутске существовала об'единенная с.-д. организация, в которую входили и меньшевики и большевики. В июле от нее откололись меньшевики, выставившие свой список на выборах в городскую думу, затем вновь произошло об'единение, кончившееся в сентябре расколом. Спор из-за кандидатур в учредительное собрание заключался в том, чье имя будет фигурировать в списке первым: Н. П. Патлых (меньшевик) или Я. Д. Янсона (большевик). Шансов на прохождение в учредительное собрание не имели ни тот, ни другой; прошли одни с.-ры.

Скипетров и другие. Скипетров принимал также деятельное участие в организации «обывательской охраны», ставившей себе официальной целью охрану города от разбоев и грабежей, тогда нередких.

Беспартийная, якобы «аполитичная», интеллигенция спешила выразить неодобрение советскому перевороту. Так, союз военных врачей после первых же вестей из Петрограда постановил отозвать из Совета военных депутатов своего делегата д-ра Алексеева как большевика... В совете этом изрядную часть составляли делегаты нестроевых частей,— мартовские с.-ры или меньшевики. Председателем совета был Тимофеев. Однако, на первом же заседании совета после петроградских событий выяснилось, что преобладанию правых социалистов пришел конец; была принята резолюция большевиков, хоть и незначительным большинством голосов. Новые выборы в Совет военных депутатов, состоявшиеся в конце октября по пропорциональной системе, дали большинство в совете большевикам и левым с.-рам, и выборы в новую Исполнительную военную комиссию дали перевес большевикам. Перевес был незначительный с виду, какая-нибудь пара голосов (из 38), но большевики представляли почти исключительно солдат, с.-ры же вели за собою юнкеров, казаков и нестроевых. Меньшевики шли на поводу у с.-ров, тесно блокируясь с ними. Председателем Исполнительной военной комиссии был избран большевик д-р Н. Алексеев, товарищем председателя — с.-р. Поршнев.

В Совете рабочих депутатов и его Исполнительном комитете большевики имели более решительный перевес. Совет, бывший с февральской революции меньшевистским, долгие месяцы возглавлявшийся заядлым меньшевиком Л. Гольдманом, теперь полевел. Его председателем был избран большевик Я. Д. Янсон. Вопрос о сформировании Красной гвардии, возбуждавшийся и раньше, еще до раскола объединенной с.-д. организации, получил теперь практическое разрешение. По ордеру председателя Исполнительной военной комиссии, т.т. Лебедев и Шевцов получили из 10-го полка 200 винтовок для вооружения рабочих. Это было в средине ноября. Но еще до этого «комендатурой» был отдан «совершенно секретный приказ» за подписью Тимофеева начальникам военно-учебных заведений привести их в полную боевую готовность, с подчинением особо назначенным командирам. Приказ этот был отобран председателем Исполнительной военной комиссии д-ром Алексеевым у начальника военного училища полковника Хилковского и затем прочитан в одном из заседаний Совета военных депутатов тов. Б. Шумяцким в присутствии его автора Тимофеева, который подтвердил тут же его подлинность...

Одним из первых шагов новой Исполнительной военной комиссии, начавшей свою деятельность 1 ноября, было постановление, что распоряжение гарнизоном принадлежит только ей, приказы же «комендатуры» не имеют никакой силы.

Были приняты меры к освобождению арестованных власти упорно противились этому освобождению. Караул в тюрьме несли юнкера, и попытки вне-легального освобождения заключенных привели бы к кровопролитию. Выход нашел ген. Самарин, командующий войсками, освободив арестованных своею властью. Этот поступок и вообще вся политика Самарина, страшившегося кровопролития, вызвали яростные нападки на него в штабе округа. Убедившись, что в Петрограде действительно произошел переворот, Самарин запрашивал председателя Исполнительной военной комиссии о своем положении, как назначенного павшей властью. В виду его корректного поведения и отсутствия подходящего кандидата комиссия не считала нужным устранять его.

В середине ноября в Иркутске вспыхнули продовольственные волнения. Некоторые продовольственники подверглись насилиям. В Белый дом, резиденцию исполкомов обоих советов (т. е. Совета рабочих и Совета военных депутатов, еще не слившихся), беспрестанно являлись обыватели и обывательницы с требованиями обысков в городе на предмет обнаружения припрятанного продовольствия. Милиция была бессильна поддерживать порядок, и только благодаря рабочей красногвардейской охране и отводу обыскного движения в организованное русло, с привлечением к делу представителей Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и членов полковых комитетов удалось предупредить насилия и грабежи.

В этот критический момент с.-ры и меньшевики, потерпевшие поражение на выборах в советы, заявили о своем выходе из состава исполнительных советских органов. Так начался саботаж еще не организовавшейся советской власти.

Виднейшие с.-ры: глава «комендатуры» Тимофеев и краевой комиссар Кругликов готовились к отъезду из Иркутска.

Кругликов пытался повести переговоры с председателем Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов Янсоном и председателем Исполнительной военной комиссии Алексеевым, приглашая их на совещание. Но те не были склонны совещаться с представителем несуществующей больше власти.

Оба Совета — рабочих и военных депутатов, раньше существовавшие раздельно, теперь слились воедино. Из их исполкомов был выделен Военно-революционный комитет, который и взял в свои руки всю полноту власти. Возглавлял его тов. Б. Шумяцкий [1]. В разные государственные учреждения были назначены советские комиссары,— и вслед за этим начался саботаж служащих.

В городской думе с.-ры громили большевиков, угрожая им скамьей подсудимых, а за кулисами вели агитацию среди юнкеров, имея по правую руку монархистов в роде Скипетрова и других, которые имели, конечно, свои виды. Так готовились кровавые декабрьские дни (8—17 декабря)...

---

[1] Председателем Иркутского Военно-революционного комитета в 1917 году был не Б. Шумяцкий, а Я. Д. Янсон.

Я. Д. Янсон

Октябрьская революция и юнкерское восстание в Иркутске

I

Трудно писать воспоминания об Октябрьской революции: величайший в истории человечества переворот является событием настолько грандиозным, настолько значимым, что подход к нему без полной исторической точности кажется кощунством.

Вспоминая пережитые лично события, эпизоды, хочется восстановить их точно, проверить по документам, архивам, хочется писать не воспоминания, а историю.

Память восстанавливает лишь отрывки, лишь смутные очертания отдельных эпизодов тех великих, незабываемых дней.

Октябрьская революция застала меня в Иркутске. После шестилетней каторги, последние годы которой я провел в одной из самых свирепых тюрем — в Орле, в марте 1914 г. я очутился в ссылке в Иркутской губернии, в селе Манзурке.

Грянувшая в августе 1914 года война значительно затруднила возможность побега из ссылки, пришлось застрять в Сибири надолго. Сравнительно легко удалось перебраться из села в Иркутск, где я поступил на работу к иркутскому купцу В. С. Иванову в качестве счетовода.

Иркутск считался центром Восточной Сибири, да и пожалуй общесибирским центром, в котором скрещивались дороги на запад — в Омск и Европейскую Россию, и на восток — на Амур и Приморье и в Манчжурию, на север — на Лену и Бодайбинские прииски; на юг — дороги, идущие в Монголию.

Иркутск был городом торговым, иркутские купцы еще в недавнем прошлом наживали свои капиталы при колонизации этого дикого, но богатого края. Война не только не уничтожила традиции, навыки, методы колонизаторской

наживы сибирского и иркутского купечества, но, наоборот, возродила их.

Широкие продовольственные заготовки для армии, особенно мясозаготовки среди бурят и монголов, перевод сравнительно небольших промышленных предприятий Сибири на работу для военных нужд, использование Сибирской железнодорожной магистрали для перевозки военных грузов, идущих с Тихого океана, увеличение ввоза из Китая и Японии, усиление контрабандной торговли с Манчжурией (опиумом и спиртом) — все это открывало новые возможности для сибирского, в том числе и иркутского торговопромышленного капитала, создавало условия для быстрейшего его накопления. Это был, собственно говоря, уже второй «шанс» сибирской торговопромышленной буржуазии: первый был на десять с лишним лет раньше — во время русско-японской войны.

Будучи торговым и административным центром, Иркутск был вместе с тем местом скопления того городского среднего элемента, который состоит из служащих, чиновников, ремесленников, мелких торговцев, спекулянтов, дельцов разного калибра, разношерстной интеллигенции, в общем того элемента, который является в конечном итоге основной опорой буржуазии в борьбе против революционных выступлений рабочего класса.

Пролетариат города Иркутска был немногочислен: несколько небольших фабрик, в том числе обозные мастерские, которые работали на армию, электростанция и другие муниципальные предприятия, типографии, железнодорожные мастерские и службы — таковы были предприятия Иркутска, в которых имелся действительно пролетариат, способный итти на революционную классовую борьбу. Малочисленность пролетариата в некоторой мере компенсировалась довольно высоким уровнем его политического сознания.

Иркутск был средоточием политической ссылки: часть ссыльных работала в вышеуказанных предприятиях Иркутска; ссыльные передавали свой опыт политической борьбы работавшим вместе с ними. Ссыльные являлись организаторами, пропагандистами, руководителями иркутского пролетариата. Ссыльных было гораздо больше, чем потребовалось бы для работы по политическому руководству местными рабочими; часто подпольные собрания местной партийной организации,— куда входили и местные рабочие, и ссыльные,— майоризировались ссыльными. Во всяком случае, в период 1914—17 годов, когда война задержала почти всю ссылку в Сибири, иркутские рабочие не могли жало-

ваться на отсутствие кадров агитаторов, пропагандистов и организаторов. Пожалуй, наоборот: их было слишком много.

Иркутская ссылка представляла приверженцев всех нелегальных политических партий.

За годы войны в Иркутске накопилась значительная масса политических ссыльных: эсеров, меньшевиков, членов национальных социалистических организаций, анархистов и, наконец, большевиков. Следует отметить, что большевики составляли количественно значительно меньшую часть иркутской ссылки, гораздо многочисленнее были эсеры и меньшевики.

Среди иркутских ссыльных к февральской революции 1917 года был целый ряд громких эсеровских и меньшевистских имен, как-то: эсеры Гоц, Тимофеев, Кругликов; меньшевики Церетелли, Гольдман, Никольский, Вайнштейн и другие.

Но и большевики имели ряд опытных политических борцов в своей среде: тт. Постышева, А. С. Якубова, Уншлихта, Н. Н. Крестинского, Е. Преображенского, М. Трилиссера, Л. М. Карахана, Корочкина, Н. Гаврилова, Я. Шумяцкого, Скобенникова, Сташевского, Вельмана. Некоторые из этих товарищей скоро после февральской революции уехали из Иркутска, но некоторые остались в нем. В дальнейшем иркутские большевики получили людское подкрепление из других городов Сибири; состав большевистских кадров, которые проводили Октябрьскую революцию в Иркутске, определился позднее в течение лета 1917 года.

В годы войны в Иркутске существовала довольно устойчивая нелегальная социал-демократическая организация, состоявшая как из местных рабочих, так и из политических ссыльных, как работавших и служивших в местных учреждениях и предприятиях, так и нигде не работавших. С.-д. организация считалась объединенной; однако, в течение всего периода войны в ней имелись явно выраженные большевистское и меньшевистское крыло. Объединение этих направлений в одной организации являлось не столько объединением политическим, сколько бытовым: особые условия жизни в ссылке, вначале в селе, а потом и в Иркутске, вызывали необходимость объединения всех ссыльных с.-д. вне зависимости от их фракционной принадлежности. Такое объединение имело целью бытовое обслуживание ссыльных: оказание взаимопомощи, снабжение паспортами, получение работы и т. д.

Объединение обоих течений социал-демократической ссылки переносимое из области бытовой в область поли-

тической организации, отражалось весьма отрицательно на работе этой организации. Иркутская с.-д. организация раздиралась ожесточенными внутренними спорами между большевиками и меньшевиками. Уделяя слишком много энергии борьбе с меньшевиками внутри формально объединенной организации, мы, большевики, слабо развернули работу среди тех масс трудящихся, которые в дальнейшем должны были явиться основными бойцами Октябрьской революции.

Мало, почти ничего не было сделано со стороны нашей партийной организации для агитации и организации в таких крупных пролетарских центрах, как Черемховские и Бархатовские копи, находящиеся невдалеке от Иркутска.

Иркутск в период войны был средоточием большого количества воинских частей. Наша организация почти ничего не сделала для агитации и организации солдатских масс, которые к моменту февральской революции находились целиком под влиянием эсёров. Наконец, такое же положение было и с крестьянством, среди которого не было сделано никаких попыток ведения политической революционной работы. Сейчас, на расстоянии пятнадцати-двадцати лет, совершенно ясно и очевидно, что тяжесть работы большевиков должна была падать на организацию и подготовку к революционной борьбе более широкого круга рабочих не только в самом Иркутске, но и в других ближайших пунктах, на агитацию и пропаганду среди солдат и на проникновение большевистской агитации в деревню.

Нужно было готовить трудовые массы к народной рабоче-крестьянской революции, а не заниматься препирательствами с меньшевиками-ссыльными. Это было основное упущение нашей Иркутской подпольной организации периода 1915—1917 годов. Исправлять это упущение приходилось уже после февральской революции, когда началась также и в Иркутске борьба из-за влияния на рабочих, солдат и крестьян, за их организацию вокруг большевистских лозунгов: за рабоче-крестьянскую революцию, за власть советов.

II

Февральский переворот прошел в Иркутске легко и быстро. У старого царского строя не оказалось почти никаких защитников. Иркутское купечество еще до февраля поругивало царя и монархию за Распутина, за неуспехи на фронте, за безобразное состояние транспорта и снабжения в тылу; за слишком большие барыши главных интен-

дантов и крупнейших миллионеров-поставщиков. Свои барыши иркутское купечество считало скромным и честным заработком, который мог бы быть увеличен, если бы интенданты и московские и петроградские спекулянты-поставщики меньше клали в свои карманы.

Когда получились известия о перевороте в Ленинграде и Москве, иркутские политические организации эсеров и социал-демократов приняли активное участие в создании новых органов власти.

Был создан комитет общественной безопасности, куда вошли представители местной городской думы, профсоюзов, армии и других организаций. Руководство комитетом перешло фактически к эсерам и меньшевикам, которые сразу же установили тесное сотрудничество с представителями местной буржуазии.

Иркутские купцы восторгались красноречием Церетелли, Гоца, Тимофеева, громивших царизм и провозглашавших новый демократический строй, требовавших новых усилий для победоносного продолжения войны, необходимости строжайшего революционного порядка для сохранения святости частной собственности. Общественный комитет не заменил даже старых чиновников и начальников новыми: в общем аппарат прежней власти остался тот же. Некоторое сопротивление оказало лишь высшее военное командование и высшее духовенство; пришлось назначить нового «революционного» командующего войсками и начальника штаба из местных же генералов; что касается епископа и духовенства, то никаких особых мер принято не было, и духовенство продолжало не признавать новой власти и выступать против нее.

Вообще, между общественным комитетом и его эсеровски-меньшевистскими и кадетскими вождями, иркутским купечеством, чиновничеством и обывательщиной сразу установились самое трогательное добродушное единение и солидарность. Диссонанс в это единение вносили лишь выступления большевиков, которые начались с первых же дней февральского переворота.

В качестве примера могу привести следующий случай. В один из первых дней февральской революции был устроен большой общенародный митинг в иркутском городском театре. Дело происходило в воскресенье, и театр был набит народом; состав аудитории был самый разношерстный. В это же время происходило в другом месте общее собрание социал-демократической организации, на котором присутствовали все местные с.-д. фракции и группы. Наше со-

брание получило требование о посылке в театр двух-трех товарищей в качестве «ораторов». В числе таковых был выделен и я. Когда я прибыл в театр, то застал там выступление редактора местной газеты — правого эсера, который с актерским пафосом «крыл» царя, Распутина, интендантов, восхвалял новую свободу и призывал к напряжению всех усилий страны, чтобы отразить надвигающийся «каблук немецкого кайзера Вильгельма», который может затоптать новую свободу. Редактор газеты Исаак Гольдберг не отличался большой политической принципиальностью, редактируемая им газета принадлежала иркутскому торговцу, владельцу местной типографии, и велась довольно тускло и беспринципно. Но аудитория, собравшаяся в театре, с увлечением слушала его речь; он говорил как-раз то, что думала эта аудитория; его речь была выражением обуревавших обывателя чувств облегчения, чувств освобождения, беспрограммного одобрения переворота и нового строя, которые ощущал русский обыватель в первые дни февральской революции, когда он, обыватель, еще не подозревал о дальнейшем обострении классовых противоречий, о грядущих социальных битвах, которые развязала февральская революция.

После редактора слово было предоставлено мне. Не помню сейчас всей своей речи, помню лишь один, очевидно один из основных ее тезисов. Я разъяснил действительный характер нового правительства; говорил о том, что новое центральное правительство, новые министры во главе с Родзянко и Милюковым являются правительством либеральных помещиков и буржуазии; говорил, что революция не может примириться с таким правительством, а должна итти дальше — к коренной смене власти. Это мое выступление вызвало полное смятение в зале: часть аудитории стала протестовать и кричать, чтобы я не оскорблял Родзянко и Милюкова; другая часть аудитории сочувствие моей речи выразила аплодисментами. Президиум собрания призывал к порядку и аудиторию, и меня. Не помню, как закончилась моя речь, но помню, что настроение аудитории этого митинга первых дней февральской революции уже вскрывало те классово-противоположные чаяния и стремления масс, которые в течение нескольких месяцев привели к новой, к пролетарской революции с ее ожесточенными боями.

Для этих боев, для их подготовки была необходима соответствующая организация: армия и штаб. Этой боевой армией Октябрьской революции являлись в Иркутске, как и

всюду, рабочие и солдаты, организованные в советы депутатов и руководимые большевистской партийной организацией. Основной задачей подготовки к Октябрьской революции являлось укрепление большевистской организации, мобилизация трудовых масс и завоевание нами советов для совершения Октябрьской революции.

Советы депутатов в Иркутске были образованы в первые же дни февральской революции. Однако их состав был весьма серый и неопределенный. Совет рабочих депутатов заседал отдельно от совета военных депутатов; военное начальство противилось совместным заседаниям, считая, что таковые ослабят дисциплину в армии. Совет рабочих депутатов имел в своем составе много служащих и много непролетарского элемента, который часто подавлял своим большинством действительное представительство пролетариата; представительство врачей, сиделок, музыкантов, циркачей и т. д. подменяло действительное рабочее представительство. В соответствии с этим и руководство советом — президиум — было далеко не пролетарским и находилось в руках меньшевиков. Совет военных депутатов состоял из представителей солдат, а также казаков и школ прапорщиков; в нем было много прапорщиков, унтер-офицеров; солдатский голос не был слышен почти совершенно. Президиум совета или военная секция находилась целиком в руках эсеров. Наконец, областная советская организация, созданная из представителей советов на местах, тоже состояла в большинстве из меньшевиков и эсеров.

Таким образом перед партийной организацией большевиков в Иркутске встала основная задача — завоевать влияние в массах и вместе с тем завоевать советы, превратить их в действительные органы борьбы трудящихся — рабочих и солдат.

Выполнение этой задачи осложнялось и затруднялось тем, что в первое время после февральской революции не было твердо оформленной большевистской организации. В первые недели и даже месяцы иркутская социал-демократическая организация объединяла и большевиков, и меньшевиков-оборонцев, и интернационалистов, и бундовцев, и с.-д. поляков и латышей. Вместе с тем состав организации был крайне текучий; через нее проходили группы товарищей из ссылки, временно застревавшие в Иркутске, а потом уезжавшие дальше.

Лишь постепенно утрясался и устаивался состав организации, и подбирался более постоянный кадр работников. Ясно выявились фракции большевиков и меньшевиков; ко-

леблющиеся интернационалисты почти все окончательно примкнули к большевикам. Однако, попытки сохранить видимость единой организации продолжались довольно долго; эти попытки несколько тормозили последовательно-революционную борьбу за массы, за советы. Количество меньшевиков в организации и их влияние быстро уменьшалось, но все же было безусловно более правильным порвать с меньшевиками организационно, чем ждать их постепенного разложения.

Соседняя красноярская большевистская организация, которая с самого начала существовала организационно самостоятельно, неоднократно осуждала нас, иркутян, за отсутствие самостоятельной организации.

Разрыв с меньшевиками завершился лишь летом; к этому времени уже имелась стойкая группа большевистских кадров, подавляющее большинство организации шло за большевиками, влияние большевиков среди рабочих и среди солдат неуклонно возрастало.

Проведенные к этому времени перевыборы совета увеличили количество представителей рабочих: Совет рабочих депутатов стал действительно представительством пролетариата, органом революции. Во главе его стал большевик тов. П. П. Постышев, пользовавшийся огромной популярностью среди иркутских рабочих, которые чувствовали в нем настоящего пролетария и трибуна революции, имевшего нужный революционный опыт и закалку и нужное знание политической стратегии, чтобы вести массы в бой. Правда, в совете оставалась еще часть непролетарская — представители служащих и интеллигенции и разных обслуживающих профессий, которые были настроены враждебно к большевикам и к большевистским лозунгам.

Несколько медленнее, но все же довольно успешно шла и борьба за овладение солдатскими массами. Мы, большевики, могли рассчитывать на сочувствие далеко не всех воинских частей. Наша агитация и лозунги находили отклик в пехотных полках, в артиллерийских частях; никакого успеха мы, конечно, не имели у юнкеров, а также у казаков. Мне лично приходилось чуть ли не ежедневно выступать в военных частях; можно было наблюдать, как из недели в неделю менялось политическое настроение солдат. Весной даже в пехотных полках большевистские лозунги и тезисы вызывали не только резкий отпор оппонентов, присланных эсерами, но также возражения самих солдат, которые выражали свое несогласие возгласами, вопросами, шумом. Солдаты были уже более старых годов и разбира-

лись в политических вопросах. Их усиленно настраивали в оборонческом духе и командный состав, и унтера, и старшие.

В течение лета настроение солдат изменилось: они охотно выслушивали большевистские речи, во всех частях образовались группы, примыкавшие к большевикам; вопросы и шум раздавались уже по адресу эсеровских ораторов. Меньшевики почти совсем не показывались в воинских частях. Быстрее всего переходили к большевикам артиллеристы. С другой стороны, к лету нас, большевиков, перестали приглашать и пускать на собрания школ прапорщиков; среди последних мы имели нескольких преданных большевиков, но и их мнение было таково, что большевикам нечего делать у прапорщиков. Казаки же были настроены к нам явно враждебно и погромно. Среди командного состава нашлось несколько молодых офицеров, которые примыкали к большевикам и левым эсерам и на которых в дальнейшем легла огромная тяжесть военной работы.

В соответствии с этим Совет военных депутатов и после летних перевыборов, хотя и имел в своем составе значительную часть депутатов, примыкавших к большевикам, но не имел большевистского большинства.

Чтобы укрепить позиции большевиков в советах, мы старались чаще устраивать заседания объединенного Совета рабочих и военных депутатов. Председателем этого объединенного Совета сначала был меньшевик Никольский, а позже, примерно в конце лета, был избран я.

В течение лета был проделан первый этап подготовки к Октябрьской революции—была сколочена большевистская организация с неплохими руководящими кадрами; были привлечены на сторону большевистской программы и лозунгов рабочие Иркутска; были в значительной степени распропагандированы пехотные и артиллерийские части. Осень принесла быстрое нарастание революционных событий в столицах России, оно заставило и иркутских рабочих и большевиков быстрее закреплять боевые позиции и сколачивать боевые отряды для надвигающейся революции. Лозунги стали более жгучими и более резкими: «За мир, за хлеб, за землю» — заявляли мы на массовых собраниях рабочих, на солдатских сходках в казармах.

Эсеры и меньшевики кричали о предательстве большевиков, называли нас германскими шпионами, грозили арестами, пытались даже производить их. Собрания стали более многолюдными, шумными, бурливыми, часто кончались схватками; эсеры и меньшевики перестали выступать у

солдат и рабочих, большевики у служащих и прапорщиков.

Обыватель шипел и возмущался большевиками, жадно отыскивая и смакуя очередную клевету про нас, напечатанную в эсеровской или меньшевистской прессе. Ожили сторонники царского режима, шли сообщения о готовящемся погроме. Иркутские купцы требовали от эсеровских общественного комитета, краевого и губернского комиссаров искоренения большевиков, их ареста. Однако, эти эсеровские органы власти ограничивались лишь угрозами, чувствуя себя недостаточно сильными и уверенными. Военное командование независимо от всяких властей тайком от Совета военных депутатов подтягивало верные военные части, готовилось к возможным столкновениям, боям уже не с германским кайзером, «каблук которого, по уверениям оборонцев, угрожал российской свободе», а с врагом более опасным — врагом внутренним. Военное командование уже не считалось и с эсеровскими комитетами и комиссарами.

Заседания совета рабочих и военных депутатов протекали, как бурные схватки между большевиками и левыми эсерами, с одной стороны, меньшевиками и эсерами, с другой. Некоторая часть совета еще не выявила своих политических убеждений: голосование давало перевес иногда одной стороне, иногда другой.

Выборы в учредительное собрание дали огромное большинство эсерам, это окрылило их и еще более разожгло ненависть к большевикам.

Неизбежность революционных классовых боев стала очевидна даже в далеком Иркутске.

Другие сибирские организации — Красноярская и Приморская,— учитывая значение Иркутска для Сибири и, имея ввиду значительное сосредоточение реакционных сил в Иркутске, послали ряд активнейших большевиков к нам на помощь: тт. Б. Шумяцкий, Вайнбаум, Акулов, Бограт, Ф. Шумяцкий, матрос Башаев и ряд других приехали в Иркутск и стали на работу в местной большевистской организации.

Особенно большим успехом как агитаторы и пропагандисты пользовались т. Акулов и спокойный т. Бограт. Тов. Акулов на солдатских массовках блестящей критикой разбивал последние позиции эсеров. Тов. Бограт своим огромным басом, изумительным спокойствием и железной логикой приковывал внимание любой аудитории; тов. Бограт имел обыкновение ходить всюду с небольшим мешечком под мышкой, в котором находилось все его имущество, так

как он не имел квартиры и не нуждался в ней, ночевал и ел, где и когда попало. Необходимо отметить также огромную энергию и инициативу т. Бориса Шумяцкого, который на своих плечах вынес значительную долю работы по последнему этапу укрепления Совета и захвата власти Советом в Иркутске.

Наряду с приезжими товарищами, в Иркутске подобрались и достаточно опытные собственные партийные кадры. Назову фамилии погибших в эпоху гражданской войны: Н. Гаврилова, С. Лебедева, Блюменфельда, Сташевского, Шевцова, Гершковича, П. Парнякова; живущих и поныне: П. П. Постышева, о котором я говорил выше, М. А. Трилиссера, В. Рябикова, Сухомлина, Мельникова, Я. Шумяцкого, Маямсина, Кюзиса, Яхновского, Клеймана, Певзнера, Ф. Шумяцкого, Башаева, Миронова, В. Яковенко, Дмитриевского и ряд других товарищей, фамилии которых опускаю.

Когда получилось сообщение об Октябрьской революции и боях в Петрограде и Москве, иркутская большевистская организация уже была в боевой готовности. Иркутский Совет рабочих и военных депутатов не смог стать единодушно на сторону Октябрьской революции; юнкерско-казацкая часть военного совета выступила открыто за временное правительство. Объединеное заседание совета, на котором обсуждался вопрос о переходе власти к советам, было сорвано присутствовавшими эсерами, меньшевиками, юнкерами и казаками.

Было очевидно, что прежде всего нужно очистить совет от чуждой ему части офицеров, прапорщиков, чиновников. При шуме и обструкции со стороны эсеров и меньшевиков было принято решение о перевыборах советов.

Таковые были проведены в течение 2—3 дней. Был установлен строжайший контроль мандатов в новый совет; представительство школ прапорщиков, чиновников и других нерабочих организаций в совете не допускалось.

В общем выборы дали абсолютное большинство большевикам и левым эсерам.

На первом же собрании вновь избранного Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов был создан Иркутский Военно-революционный комитет, в каковой вошло пять человек: тт. Постышев, Янсон, Мельников (от большевиков) и тт. Шептелевич и Базаркин (от левых эсеров); т. Мельников (артиллерийский офицер) и т. Базаркин (солдат) были представителями армии. Председателем Военно-революционного комитета был избран я

Заседание совета, на котором избирался ревком, было достаточно бурное (в новом совете все же были и эсеры, и меньшевики) и кончилось глубокой ночью. На другой день Военно-революционный комитет должен был сменить власть эсеровского общественного комитета и его комиссара.

III

Общественный комитет занимал дом бывшего генерал-губернатора — белое здание на берегу реки Ангары, называвшееся Белым домом. Там же находился и президиум комитета во главе с председателем эсером Тимофеевым; там же помещался и краевой комиссар эсер Кругликов. Овладение нами правительственными зданиями должно было начаться с занятия Белого дома, который обыкновенно охранялся какой-либо воинской частью.

Совет в последние дни заседал обыкновенно в военно-топографическом управлении, где находился и его исполком. Когда я утром отправился из дому, мне предстояло пойти в военно-топографическое управление, там взять охрану и с ней уже отправиться к Белому дому. Было еще достаточно рано, и я решил сначала сходить к Белому дому и посмотреть, что там делается. Я был уверен, что эсеры выставили там охрану и хотел проверить ее численность — оказалось, что никакой охраны у Белого дома не было. Очевидно, эсеры не позаботились с вечера об усилении охраны для их высших органов власти, а военная часть, обыкновенно несущая охрану, решила ее не выставлять. Я беспрепятственно вошел в здание и поднялся на второй этаж, где находились кабинеты Тимофеева и Кругликова, у которых мне неоднократно приходилось бывать на заседаниях общественного комитета весной, когда я входил в него.

Я открыл двери кабинета Тимофеева. Каково же было мое изумление, когда я застал его в кабинете за письменным столом. Тимофеев был еще более поражен моим появлением. В этот момент он разбирал бумаги в ящиках стола — очевидно, очищал стол и забирал свои дела и документы.

— Вы уже пришли? Вы хотите меня арестовать? — спросил Тимофеев.

— Нет, со мной нет охраны, — ответил я.

— Я сейчас уйду, — сказал Тимофеев.

Не помню дальнейшего обмена любезностями, но Тимофеев быстро собрал бумаги и ушел.

Через некоторое время в Белый дом пришли и другие товарищи из совета; вокруг здания была выставлена охрана из своей надежной части.

Военно-революционный комитет приступил к работе. Наиболее неотложной задачей было закрепить наши позиции среди воинских частей. Этой работой занялись тт. Шумяцкий Б., Трилиссер М., матрос т. Башаев и член ревкома г. Мельников. Нужно было поставить в воинских частях, перешедших на сторону советов, своих командиров, нужно было проверить досконально политические настроения этих частей Нужно было готовиться к возможным столкновениям, наконец, нужно было следить за враждебной частью армии — юнкерами, офицерами, казаками. Основной трудностью был вопрос о руководителях, о командирах. Помню, из всех трех иркутских школ прапорщиков к нам перешло всего 2—3 человека, которые были загружены и перегружены ответственнейшими обязанностями. Можно определенно сказать, что общее количество командного состава, офицеров и прапорщиков, примкнувших к советской власти, не достигало и десяти человек. Приходилось назначать командирами солдат и штатских. Вновь созданное советское командование — штаб — наполовину состояло из штатских, например, тт. Трилиссер, Б. Шумяцкий, Шевцов и другие.

Другой задачей Военно-революционного комитета было занятие правительственных учреждений и смена начальников в них, а также создание ряда новых органов.

В течение первого же дня были назначены комиссары во все основные учреждения: госбанк, казенную палату, суд, продуправу, милицию, почту и телеграф, управление жел. дороги и т д. Лишь в одном-двух органах не понадобилось этой замены, где еще до октябрьских дней руководство было занято нашими товарищами, например, комиссариат труда и промышленности, возглавлявшийся тт. Я. Шумяцким и Сташевским [1].

Назначение комиссаров, будущих руководителей губернских и краевых органов, происходило с достаточной поспешностью и случайностью.

Нехватало людей и пришлось прикидывать и примерять — кого куда назначить. Однако, в течение одного дня назначения были оформлены. Вновь назначенный комиссар получал мандат ревкома, написанный от руки (машинистки еще не было) с печатью совета, в котором говорилось, что ему поручается руководство таким-то учреждением и что неповинение ему будет караться со всей революционной

---

[1] Официальным комиссаром труда, получившим утверждение правительства Керенского. был с.-д. Третьяков, но, благодаря влиянию рабочих и большевиков на комиссариат труда, фактическое руководство находилось в руках Я. Шумяцкого, Б. Сташевского и Малоцевского. — Ред.

строгостью. Назначенный комиссар брал на всякий случай с собой несколько человек охраны, отправлялся в соответствующее учреждение и адресовался к начальнику этого учреждения.

Вечером в Военно-революционном комитете мы заслушивали сообщения комиссаров ревкома о том, какой им был оказан прием в учреждениях. Эти рассказы носили комический характер. Начальники и чиновники старого режима, которых эсеровская власть ни в какой мере не побеспокоила, обыкновенно приходили в величайший испуг при появлении наших комиссаров. С некоторыми становилось дурно; некоторые оставались дома и подвергались приводу в свое учреждение, а некоторые действительно заболевали. Дела, ключи, руководство учреждением передавались с величайшей готовностью, чиновники беспокоились только о своей судьбе—не арестуют ли их. Средние служащие держали себя несколько спокойнее, гадали о судьбе учреждения, о жалованье; некоторые из них сразу объявили себя сторонниками советской власти. В общем госучреждения были заняты нашими комиссарами легко и без сопротивления.

Гораздо сложнее было дело с частными предприятиями, мастерскими, заводами, а также с железной дорогой.

Владельцы заводов и предприятий пытались приостанавливать работы и распускать рабочих; приходилось передавать руководство предприятиями рабочим комитетам и объявлять их национализированными. Это требовало в дальнейшем принятия на себя забот по снабжению предприятий сырьем и материалами, а также по обеспечению их зарплатой. К счастью, в Иркутске оказалось достаточное количество продовольствия и прочих запасов, и вопросы снабжения в первое время не представляли больших трудностей.

Не только среди служащих управления железной дороги (в Иркутске находилось управление Забайкальской железной дороги), но также и по линии были достаточно сильны противосоветские, эсеровские и меньшевистские влияния. Многие железнодорожные чиновники повели прямой саботаж против советской власти. Борьба с этим саботажем — замена старых работников новыми — проходила с большими трудностями и была очень длительна.

Для усиления финансовых средств Военно-революционным комитетом было произведено обложение буржуазии налогом в 3 миллиона рублей. Чтобы провести правильное распределение сумм налога между отдельными лицами, ре-

шение о налоге было сообщено иркутскому биржевому комитету, которому было предложено разбить эту сумму между отдельными фирмами и лицами. Биржевой комитет ответил, что он не в состоянии произвести такую разбивку. Помню, секретарь биржевого комитета, которого я знал раньше по своей работе у купца В. С. Иванова, пришел ко мне объяснить свое тяжелое положение. Он сообщил, что биржевой комитет, в частности он сам, пытался произвести раскладку налога, но почти все облагаемые стали жаловаться на неправильность раскладки, указывая, что нужно было наложить больше на его соседа, а не на него самого. Мы решили облегчить работу биржевого комитета. Получив от него список лиц, намеченных к обложению, и дополнив его, Военно-революционный комитет арестовал всех лиц по списку, собрал их всех вместе и предложил произвести окончательную раскладку и внести деньги. Иркутские купцы даже и под арестом сначала не хотели согласиться на внесение налога, прося по крайней мере снизить его вдвое. Нам рассказывали о бурных прениях, которые происходили на этом почтенном собрании. Семьи арестованных стали являться в Военно-революционный комитет с петициями о помиловании, с документальными доказательствами о неплатежеспособности арестованных. Однако, в течение двух дней раскладка налога была произведена, и деньги были внесены почти полностью, после чего арестованные были освобождены.

Хотя деятельность Военно-революционного комитета в течение первых дней его существования не встречала сильного сопротивления с какой-либо стороны, однако мы чувствовали наличие определенной враждебной силы, которую еще предстояло перебороть. Я указывал уже на сопротивление на транспорте; то же было и на почте и телеграфе, но сильнее всего это сопротивление чувствовалось в военной работе.

Школы прапорщиков и казаки не признавали и не подчинялись новой власти, офицерство скрывалось. Из верных советам пехотных и артиллерийских частей шли сообщения, что туда являлись офицеры этих полков, пытались собирать противосоветские собрания солдат, создавать свои противосоветские солдатские группы. Перешедшие к нам юнкера (а их было всего три-четыре человека), сообщали о военных приготовлениях, которые шли в школах юнкеров.

Штаб ревкома следил за этими сообщениями, в то же время закрепляя свои позиции в армейских частях. Всюду были смещены старые офицеры и назначено новое — свое командование. Следует признать, что военные части к этому

моменту не могли похвастать большой боевой подготовленностью; новый комсостав не смог еще подтянуть свои части, общее же настроение солдат было против дальнейшей службы, против дальнейшего пребывания в казармах.

Нужно было начинать создавать новую революционную армию. Начало таковой было положено путем создания первой иркутской Красногвардейской дружины из рабочих обозной мастерской и некоторых других предприятий. Начальником дружины был назначен С. Лебедев, молодой рабочий-большевик, горячо преданный Октябрьской революции[1].

Эта подготовка к бою между военными силами Военно-революционного комитета и силами эсеров и сторонников старого режима—юнкерами и офицерами—шла в течение целого месяца—до начала декабря 1917 года. В первых числах декабря поступили сообщения об организации контрреволюционного штаба, возглавляемого старыми генералами и эсерами, ставившего себе целью подготовку вооруженного выступления юнкеров.

Примерно пятого декабря было получено сообщение о назначении юнкерами восстания на 6 декабря.

Военный штаб ревкома назначил начальником штаба тов. Дмитриевского.

7 декабря около двух часов дня в Белый дом поступило донесение, что юнкера начинают восстание.

Значительная часть наших руководящих[2] товарищей находилась в Белом доме, который охранялся красногвардейской дружиной Лебедева. Была определенная угроза, что Белый дом может быть окружен юнкерами: он находился в самом центре города, а недалеко от него помещались школы прапорщиков; пехотные же и артиллерийские части, верные советской власти, были расположены на окраинах. Юнкера не выходили из своих школ, и было очевидно, что их план состоял в занятии центральной части города, в том

---

[1] Т. С. Лебедев после юнкерского восстания был председателем Иркутского губернского бюро профсоюзов. После падения первой советской власти Сибири, т. Лебедев, совместно с С. Блюменьфельдом, организовал партизанский отряд, долго оперировавший против Колчака, около Монголии. Вследствие голода и тяжелых условий, отряд Лебедева вынужден был самораспуститься, а Лебедев и Блюменфельд попали в плен к чехам. Оба эти товарища погибли в Иркутской тюремной больнице после ампутации отмороженных ног.

[2] Из наиболее видных большевиков в Белом доме оставались: М. Трилиссер, П. Постышев, С. Лебедев, Я. Шумяцкий, Н. Чужак. Шумяцкому через 3 дня удалось ночью пробраться из Белого дома в Военно-революционный штаб совместно с женой Трилиссера т. О. Иогансен, переодетой сестрой милосердия. — Ред.

числе и Белого дома. Дружина Лебедева, насчитывавшая менее ста человек, не являлась силой, которая могла бы отбить натиск нескольких тысяч юнкеров.

Ко мне в комнату Военно-революционного комитета влетел, помню, т. Швецов, назначенный нами командиром одного из пехотных полков, и предложил мне скорее уходить из Белого дома, если я не хочу быть окруженным. Швецов сообщил мне местонахождение нашего военного штаба.

Я выбрал бумаги из стола, положил в карман печати ревкома и вышел из Белого дома. У дверей меня проводили красногвардейцы Лебедевской дружины. Это были все знакомые большевики-рабочие, с которыми вместе работали в организации еще до февраля. Из Белого дома я повернул не на главную—Большую улицу, а пошел в другую сторону, переулком.

«Берегись, т. Янсон, опасно ходить, уже стреляют», — предостерег меня сзади кто-то из дружинников. В это время, как бы в подтверждение его слов, мимо меня прожужжала пуля, прилетевшая из неизвестного направления.

Я вынул из кармана револьвер, открыл предохранитель и пошел быстрее. Я решил зайти домой и одеться потеплее, прежде чем пойти в штаб.

Позади участились выстрелы.

Началось декабрьское юнкерское восстание в Иркутске.

IV

Декабрьские бои с юнкерами в Иркутске длились неделю с лишним и являлись одними из самых жестоких стычек, через которые прошла Октябрьская революция в России.

Как мы уже указывали выше, Иркутск являлся скоплением враждебных советам сил; силы же революции в Иркутске были ограничены (слабость, немногочисленность пролетариата). Иркутск являлся центром Сибири, и сибирская контрреволюция решила дать бой советам именно в Иркутске.

Наличие всех этих условий создало такую обстановку, что, зная о готовящемся выступлении юнкеров, Военно-революционный комитет не смог предупредить это выступление и разоружить юнкеров, а должен был оставить инициативу боя за противником.

Когда я вернулся из дому и пришел в Военно-революционный штаб, было уже темно. В штабе я застал начальника штаба и нескольких других товарищей.

Хотя уже шли бои и непрестанно раздавалась перестрелка, еще не было ясности в дислокации противника; также не

было и ясного стратегического плана действия наших частей. Шло установление боевой связи с нашими частями, устранение ряда организационных недочетов — расстановка караулов, постов и т. д.

Для штаба был избран дом бывшего первого общественного собрания на Большой улице, между 2-й и 3-й Солдатской улицами (теперь все эти названия изменены). По другую сторону улицы находился большой дом книготорговца Макушина. Место это было в самом центре города. Вскоре оказалось, что это место было у самой «линии огня» и следовательно неподходило для штаба.

Неуспело пройти и двух часов пребывания штаба в этом месте, как наступила темнота и пришлось зажечь огни. Тотчас же зазвенели стекла, и по стенам здания и комнат затрещали пули. Обстрел производился из пулемета, расположенного где-то недалеко от помещения штаба, и был направлен непосредственно против нас. Мы не могли разобрать точно, находился ли пулемет в доме Макушина по другую сторону улицы или через несколько домов в ближайшей школе прапорщиков, что тоже было очень близко. Впрочем, некогда было и разбираться, огни потухли и было совершенно очевидно, что оставаться штабу в этом здании невозможно.

Это был первый практический урок по стратегии уличных боев.

Мы быстро собрались, и, прикрытые ночной темнотой (фонари уже почти повсюду погасли), опустились на улицу и зигзагами, по возможности минуя Большую улицу, по которой все время летали пули со стороны набережной Ангары, — мы перешли в другое, более подходящее для штаба место. Мы его обосновали на так называемом хлебном базаре в здании продовольственных складов. Здание было с солидными каменными стенами, небольшими окнами и комнатами, выходящими не на улицу. Хлебный базар представлял рыночную площадь, с обычными торговыми ларьками и будками, которые в данном случае могли явиться чем-то вроде баррикад. По другую сторону площади находились два высоких здания — телеграф и здание судебных установлений, отделявшие здание штаба от других зданий центральных кварталов, которые, как мы предполагали, были заняты или могли быть заняты юнкерами. Весьма важна была также близость телеграфа, который был занят нами, и продолжал функционировать.

Хотя новое местопребывание штаба было расположено вблизи от кварталов, примыкавших к школам прапорщиков, однако штаб обосновался здесь довольно прочно.

В течение первой ночи и следующего утра выяснилось примерное расположение и противника, и наших частей.

Школы юнкеров находились в центральной части города, прилегающей к реке Амуру; эта часть и была занята юнкерами. Восстанавливаю топографию местности по памяти и поэтому неуверен в ее правильности, но расположение юнкеров охватывало примерно следующие кварталы: оно начиналось от кафедрального собора и прилегающих к Соборной площади домов, шло по Тихвинской и Амурской улицам до Большой улицы, доходя до Хлебного базара, но не захватывая его (телеграф и судебные установления не были заняты юнкерами). По Большой улице юнкерами были заняты кварталы по обеим сторонам Большой, в том числе примыкающие к Большой улице кварталы между Солдатскими улицами, а также дома по Амурской, включая дом второго общественного собрания на Амурской улице, и дальше все кварталы вдоль реки Амура, между Большой улицей и собором. В этом районе и находились школы юнкеров.

Однако, в этой центральной части города, занятой юнкерами, оказался пункт, при чем самый центральный, — занятый не юнкерами, а нами. Это был Белый дом.

Оказалось, что в момент выступления юнкеров не все наши товарищи успели уйти из Белого дома [1]; группа наших товарищей оказалась в Белом доме окруженной юнкерами.

В числе этих товарищей, как выяснилось позже, оказались: тт. Н. Гаврилов, М. Трилиссер, Я. Шумяцкий, начальник красногвардейского отряда С. Лебедев; молодые офицеры-большевики Блюменфельд и Зотов. Почти весь отряд Лебедева также оказался окруженным в Белом доме.

И вот эти товарищи сделали из Белого дома крепость, которая в течение шести дней успешно отбивала все атаки юнкеров. Эта оборона Белого дома, окруженного со всех сторон рядом кварталов, занятых юнкерами, которые обстреливали Белый дом из винтовок и пулеметов и бросали бомбы через окна,—эта героическая оборона может послужить одним из наиболее блестящих примеров, как большевики и революционные рабочие умели драться за Октябрьскую революцию.

---

[1] Дело не в том, что не успели уйти из Белого дома. В момент открытия юнкерами стрельбы по Белому дому, в нем на 3-м этаже происходило совещание активистов-большевиков, где обсуждалось предложение Военно-революционного штаба очистить Белый дом. Большинство решило не уходить, а защищать его по политическим соображениям. Ибо Белый дом был слишком популярен среди рабочих, и сдача его могла бы внести деморализацию в среду защитников.— Ред.

Для оценки героизма защитников Белого дома следует учесть, что боевые припасы и запасы продовольствия в Белом доме были крайне ограничены, что дело происходило в декабре при сорокаградусном сибирском морозе, в здании с расстрелянными окнами, что осажденным в виду непрерывного обстрела приходилось с места на место передвигаться по полу, что они вынуждены были дежурить у всех дверей и окон, чтобы предупредить проникновение юнкеров в дом и отбивать их непрестанные атаки. Защита Белого дома является не только образцом большевистской храбрости, но также разительным примером в стратегии уличного боя, который весьма полезно осветить и изучить. Полагаю, что кто-нибудь из оставшихся в живых участников обороны Белого дома напишет подробную историю этой обороны.

Наличие занятого большевиками Белого дома значительно меняло ход всего боя с юнкерами. Значительную часть своих усилий юнкера направляли на все новые и новые атаки против Белого дома; юнкерам приходилось биться на двух фронтах: против Белого дома и против окружавших их большевистских солдат и красногвардейцев.

Большевистские силы занимали кварталы, окружающие со всех сторон занятую юнкерами часть города. Основными военными базами были: казармы пехотных полков в нагорной части города, рабочая слобода за притоком Ангары— рекой Иркут и Заангарская часть города, где находился железнодорожный вокзал и были расположены артиллерийские части. Из этих основных баз части выступали и занимали кварталы, примыкающие к центру, занятому юнкерами.

Точно определить, где именно проходила линия фронта, было трудно: дома, улицы занимались то одной, то другой стороной, часто оставались незанятыми никем.

Таково было в общем стратегическое расположение обеих борющихся сторон к начальному периоду боев.

Из этого расположения и вытекали боевые задачи и тактика сторон. Юнкера стремились, с одной стороны, захватить Белый дом и, с другой — оттеснить окружавшее их кольцо большевистских частей; дальнейшей их целью могло быть пробиться через это кольцо и уйти из города; однако, в первый период боев юнкера вели общие бои с большевистскими частями во всех направлениях.

Наша задача была сжать юнкеров в возможно более тесное кольцо, освободить Белый дом и атаковать базу юнкеров — их училища.

Выполнение этих боевых заданий однако было делом далеко не легким.

Несколько тысяч юнкеров имели превосходную боевую организацию, хороший многочисленный командный состав, — масса офицеров сражалась в качестве рядовых, юнкера были хорошо вооружены и одеты. Последнее обстоятельство играло немаловажную роль при наличии сибирских морозов.

Наши части представляли солдат, главным образом запаса, в боевом отношении весьма вялых. Не было почти опытного командного состава. Организация частей, связи и руководство действующими частями были не налажены и примитивны. Создаваемые на ходу, во время боя, красногвардейские отряды из рабочих, приходивших в штаб или казармы и бравших ружья, проявляли гораздо большую боевую готовность, чем солдаты; однако, они не имели нужной боевой организации и не всегда могли быть достаточно использованы.

Основными же затруднениями для быстрого продвижения был особенный характер боя — борьба велась в домах и изза домов. Это был даже не тот уличный бой, которому мы подучивались когда-то, в 1906—1907 годах, по подпольной книжке «Тактика уличного боя». Там речь шла о баррикадах и защите их от солдат и казаков, о занятии баррикад. Здесь дело шло о необходимости занять дома, целые кварталы и улицы, при отсутствии точных сведений о том, где именно находится неприятель и откуда именно нужно ждать его нападения, при чем обстрел производился из каждой двери, каждого окна, каждых ворот и каждого забора.

Такой характер борьбы ставил в тупик даже лучших солдат наших частей; они не знали, как вести атаку, производить занятие домов и кварталов. Очевидно и противник, несмотря на свою гораздо более высокую боевую квалификацию, был не в лучшем положении.

Дело усложнялось еще тем, что речь шла о занятии не пустых домов, представляющих собою нечто вроде укрепленных пунктов, а домов, населенных жильцами, которые порой сами выступали с оружием для самозащиты или для помощи противнику и которых во всяком случае тоже нужно было «завоевать» и как-то ими распорядиться: или согнать всех в подвал и задние комнаты дома, чтобы не мешали, или «выставить» из дома совершенно. Само собой понятно, что обитатели домов не испытывали никакого желания попадать в зону военных действий, и происходящие

вокруг их жилищ сражения вселяли в них панику и отчаяние.

Этот особый характер обстановки боев выявился уже в течение первых двух дней. Стало ясно, что мы не можем рассчитывать на быстрое, стремительное продвижение вперед, на захват неприятеля врасплох; что борьба должна принять, как это ни странно, характер окопной, позиционной войны. Ярким примером этого была защита Белого дома. В течение ряда дней юнкера не могли овладеть одним единственным домом и должны были вести против него длительную осаду.

В аналогичное положение попадали наши части, когда они приближались к кварталам и домам, занятым юнкерами. Разница была та, что Белый дом защищался горсткой людей, замерзавших, умиравших с голоду и холоду, с ограниченными боеприпасами, а юнкерские кварталы и дома защищались многочисленными юнкерскими частями, прекрасно вооруженными и снабженными.

Почувствовав при первых же атаках всю сложность боя, наши части стали предлагать более суровый способ преодоления сопротивления противника: бомбардировку и сжигание юнкерских кварталов. Артиллерия находилась целиком в наших руках, юнкера не имели артиллерии, бомбардировка города—уничтожение целых кварталов—нами действительно могла быть проведена. Однако, мы не шли на такую перемену тактики. Мы пользовались артиллерией, но крайне ограниченно: обстреливали лишь школы юнкеров и те дома, которые занимались юнкерами и использовывались ими как стратегические укрепленные пункты; в частности, наша артиллерия старалась поддержать защитников Белого дома, обстреливая соседние с ним дома и этим не давая юнкерам возможности более тесно сжать кольцо, окружавшее Белый дом.

Артиллерия находилась за рекой Ангарой и в нагорной части города, попадания были недостаточно точны.

Наряду с предложением наших солдатских частей — позволить расстрелять из пушек юнкерские кварталы, нам было также передано предложение юнкеров, чтобы пощадить город —выйти из города в чистое поле и там устроить сражение между юнкерскими и нашими частями. Конечно, это предложение делалось несерьезно и оно пожалуй свидетельствовало лишь об одном, о желании самих юнкеров вырваться из города, из обстановки этой странной позиционной войны, которая не сулила юнкерам никаких успехов.

Таков был характер боя, которым руководил наш штаб. Кроме военных, при штабе находился также неотлучно ряд штатских товарищей, в том числе тт. Постышев, Рябиков, Я. Шумяцкий, Гершевич, я и другие.

На нас, «штатских», лежали политические и организационные функции, в том числе посещение военных частей, набор новых красногвардейцев, митингование с солдатами, связь с другими городами Сибири. Одновременно с выполнением этих функций, мы вместе с военными следили за ходом боев.

Иногда приходилось отправляться кому-нибудь из невоенных товарищей вместе с отрядом солдат, чтобы обыскать тот или другой сомнительный дом, откуда обстреляли наших солдат в районе расположения наших частей.

Я лично проводил все дни и ночи неотлучно в штабе. Спать в течение семи ночей не приходилось почти совершенно, лишь ненадолго удавалось задремать сидя, опустив голову на стол, но вскоре приходилось просыпаться для выполнения того или другого дела.

В каких-либо боевых операциях участвовать мне товарищи не позволяли.

Штаб наш находился на хлебном базаре в течение четырех дней. Мы были хорошо связаны с Нагорной и с Заиркутской частями города, но мы помещались далеко от Заангарья, где находился вокзал, и где была сосредоточена артиллерия, откуда велась главная бомбардировка юнкеров и откуда ожидалось прибытие воинских частей, идущих нам на подмогу с Западной Сибири—из Канска, Красноярска, Черемхова.

Поэтому штаб был перенесен в другое место — в здание женской гимназии на берегу Ангары, непосредственно около понтонного моста. Отсюда сообщение с Заангарьем было гораздо лучше.

На 4-й день боев приехали подкрепления из Черемховских копей, где были сорганизованы значительные отряды рабочих, и хорошо сколоченные отряды из Канска под начальством тов. Эйдемана[1]. По прибытии этих подкреплений, был усилен артиллерийский обстрел юнкерских кварталов. Канские отряды ночью двинулись вдоль Ангары к Белому дому. Однако, продвижение по набережной, почти совершенно открытой, под пулеметным огнем юнкеров оказалось делом невозможным, и, потеряв значительное количество солдат убитыми и ранеными, Канский отряд должен был отступить.

---

[1] Начальник Военной Академии РККА.

Стало ясным, что освободить Белый дом путем атаки и прорыва окружения юнкеров невозможно.

Наш Красный Крест иногда пропускался юнкерами в Белый дом; через него мы получали сообщение о происходящем там. Последние сообщения говорили о невозможности дальнейшей его обороны: боевые припасы кончились; уже дня три не было никакой пищи; количество убитых было значительно; раненые находились без ухода. Среди раненых между прочим оказался один из военных руководителей Ф. Шумяцкий.

На следующий день оставшиеся в живых в Белом доме выкинули белый флаг и сдались юнкерам. С большим торжеством юнкера взяли этих пленных в свой штаб, где они были подвергнуты подробному допросу со стороны генералов и эсеров, заседавших в юнкерском военном штабе. Сдача Белого дома произошла на шестой день его обороны и была не признаком успеха юнкеров, а наоборот, свидетельством их слабых военных успехов в иркутских боях.

После оставления нами Белого дома, бой с юнкерами значительно обострился. Приходилось усилить артиллерийскую бомбардировку города, не считаясь с разрушением домов. В ответ на огонь артиллерии юнкера усилили обстрел нашего расположения бомбометами.

Усиление артиллерийского обстрела вызвало ряд пожаров в городе, которые не тушились. Если бы не жестокие морозы, пожары могли бы уничтожить целые кварталы. От юнкерского бомбомета загорелось также здание нашего штаба — женская гимназия около понтонного моста. Штаб пришлось снова перевести на прежнее место. Между тем на Ангаре началась «шуга». Вследствие быстрого течения Ангара замерзает поздно—в декабре, иногда в январе; незадолго до замерзания на реке сначала верхний слой воды превращается в кашеобразную массу, а затем появляются кусочки льда, быстро несущиеся по течению вниз. Эта стадия льдообразования и называется «шугой». В такие дни над рекой и над городом встает белый густой холодный туман, затрудняющий дыхание. Туман рассеивается и заменяется ярким сибирским солнцем при жестоком морозе, как только станет Ангара, что происходит очень часто в течение одной ночи.

Происходящие бои не могли воспрепятствовать появлению шуги и тумана над рекой и городом. Шуга сорвала понтонный мост, соединяющий город с Заангарьем, что почти порвало связь Заангарья со штабом.

В эту ночь я находился в Заангарской части города— побывал на ближайшей к Иркутску ж.-д. станции, в Иннокентьевской; там имелась связь с Западной Сибирью, откуда мы ждали дальнейших подкреплений, в частности прибытия тяжелой артиллерии. С Заангарья открывалось зрелище горевшего города, окутанного ледяным туманом. Черная масса тумана, шуги и воды вставала перед городом; рядом вспыхивали огни пушечных выстрелов; над всем этим стоял гул рвущихся снарядов и треск пулеметов. Туман делал наводку орудий невозможной; стреляли наугад по прежней наводке.

На лодке среди плавающих льдинок мы переправились на другой берег, не зная, в чьих руках находится набережная Ангары. Для того, чтобы попасть в наш штаб, пришлось сделать значительный «крюк».

На следующий день река стала. Туман рассеялся, и наш артиллерийский огонь возобновился с небывалой силой. Белый дом уже был в руках юнкеров, поэтому мы не боялись попадания в него; можно было бить сплошь по всем занятым юнкерами кварталам. Была введена в действие прибывшая тяжелая артиллерия.

Замерзание реки облегчило наше положение: мы установили по льду хорошее сообщение с Заангарьем, со станцией Иннокентьевской и дальше со всей Сибирью.

Если бы потребовалось, мы могли бы продолжать борьбу еще несколько недель. Другие сибирские города, где никаких вооруженных выступлений против советской власти не было, могли прислать нам дальнейшие подкрепления.

Положение юнкеров было гораздо хуже: ни на какие серьезные подкрепления они рассчитывать не могли,—возможные выступления казаков, офицеров и юнкеров в соседних губерниях, например, в Забайкалье, где был центр казачества, должны были бы прежде всего опрокинуть тамошние советы, и лишь после удачного восстания у себя дома можно было бы двинуться на помощь иркутским юнкерам.

Единственным источником подкрепления юнкеров были иркутские казацкие части, которые частично размещались около Иркутска, и из ближайших деревень делали налеты на казармы наших пехотных частей. Однако, больших успехов эти налеты не имели.

Окруженные со всех сторон советскими частями, юнкера имели два способа действий. Или пробиться через окружение советских частей и уйти куда-нибудь из Иркутска,

например на север по Ленскому тракту; продвижение на запад и восток вдоль железной дороги грозило бы новым боем со свежими советскими частями, занимавшими железнодорожную магистраль; на юге дорога была лишь в Монголию. Но отступление в этом направлении всей массой в морозную зиму по тракту или проселками являлось очень затруднительным: от деревни до деревни приходилось бы итти верст 30 пешком, очень часто по глубокому снегу. Трудности такого передвижения были ясны для всех.

Второй способ действия — сохранение за юнкерами занятых ими позиций в центральной части Иркутска и продолжение обороны против наступавших советских частей, тоже не обещал никакого положительного выхода. Вся Россия и Сибирь были заняты советами, и даже самые успешные военные действия иркутских юнкеров не могли бы опрокинуть советскую власть, а лишь оттянуть их окончательное поражение.

Юнкера стали искать способа прекращения боев. Еще после первых трех дней восстания в наш штаб явилась делегация меньшевиков с предложением остановить военные действия, которые угрожали разрушением города. Мы, не проявляя особого интереса к мирным переговорам, отпустили делегацию, не придя ни к какому соглашению. Один из делегации меньшевик Н. Патлых был по дороге убит шальной пулей одной из сражавшихся сторон [1].

Примерно на седьмой день боев к нам явилась новая мирная делегация, опять возглавлявшаяся меньшевиками: очевидно юнкера и эсеры выбрали меньшевиков для переговоров с нами, чтобы придать делу такой характер, что мирные предложения исходят, мол, не от них, а от третьей нейтральной стороны, т. е. меньшевиков. Все великолепно знали, что меньшевики все время шли вместе с эсерами и что те немногочисленные военные, которые имелись у меньшевиков, примыкали к эсеровским военным организациям; они же участвовали и в эсеровско-юнкерском военном штабе.

Председателем мирной делегации был член городской думы меньшевик Буткевич, человек действительно настроенный весьма мирно, не принимавший личного участия в вооруженных выступлениях.

Делегация предлагала ряд условий для заключения мира. Не помню всех условий и восстанавливаю лишь общие положения этих предложений: обе стороны прекращают воен-

[1] Эсеры пытались это убийство приписать руководящим большевикам.

ные действия в определенный час; обе стороны передают друг другу имеющихся пленных; юнкера расходятся по домам, сохраняя оружие, на ближайшее время создается особый комитет при городской думе, который следит за выполнением обеими сторонами мирных условий и осуществляет функции власти в городе.

Наши возражения вызывало предложение о сохранении юнкерами оружия, а также о создании комитета при думе, который должен был состоять из представителей меньшевиков, эсеров, большевиков и по мысли меньшевиков очевидно должен был заменить власть Военно-революционного комитета.

Меньшевистская делегация обосновывала требование сохранения оружия юнкерами тем, что юнкера не уверены в своей дальнейшей судьбе, что уходя из своих позиций и распыляясь, они подвергаются риску быть по одиночке захваченными и уничтоженными нашими солдатами; наличие при них оружия — револьвера, винтовки — являлось как бы мерой самообороны.

Необходимость создания коалиционного комитета мотивировалась тоже необходимостью иметь более «нейтральный» орган, который следил бы за соблюдением мирных условий обеими сторонами, в частности, охранил бы юнкеров от возможных нападений. Мы указывали на невозможность существования коалиционного органа власти в Иркутске при наличии по всей стране власти советов. Делегация не смогла отрицать этого и считала, что коалиционный комитет может иметь только переходящий, временный характер.

Отклонить мирные предложения делегации означало пойти на бомбардировку и уничтожение значительной части города с лучшими постройками и зданиями; вместе с тем это означало вероятный расстрел группы в несколько десятков человек наших лучших товарищей из Белого дома, находившихся в плену у юнкеров; пленных же юнкеров у нас было крайне мало. Дальнейшие бои и неизбежное дальнейшее сопротивление юнкеров сулили значительную оттяжку ликвидации восстания.

Предложение же мирной делегации означало фактическую ликвидацию юнкеров как военной силы — их роспуск в разные стороны; временное существование думского коалиционного комитета, не имеющего никакой опоры, никакой вооруженной или невооруженной силы, конечно, не могло задержать установление советской власти в Иркутске. Наиболее неприемлемым был пункт о сохранении оружия юнке-

рами. После некоторых переговоров, в течение которых мирная делегация Буткевича побывала несколько раз в штабах обеих сторон, мир был заключен.

В определенный час приостановились военные действия, замолкли выстрелы.

В наш штаб явились освобожденные из плена защитники Белого дома. Это была радостная и вместе с тем тяжелая встреча: товарищи пришли изможденные, больные, некоторые с повязками на ранах; некоторые не пришли вовсе...

Наши воинские части, утомленные, полузамерзшие, возвращались в казармы на отдых; красногвардейцы из отрядов уходили домой к семьям на побывку; госпитали приступили к операциям над ранеными; подбирались и свозились обледеневшие трупы убитых; родственники осматривали трупы, разыскивали исчезнувших отцов, сыновей и братьев.

Необходимо было прежде всего привести в порядок город, потушить пожары, убрать улицы, восстановить освещение, телефон, водопровод и т. д. Коалиционный комитет успешно занимался этим делом[1]. Затем была произведена эвакуация юнкеров по местам их жительства в Восточной Сибири и Забайкалье. Часть оружия юнкера увозили с собой, другую часть — оружие юнкеров, задержавших свой отъезд и оставшихся в иркутских школах юнкеров, нам удалось в дальнейшем все же отобрать.

Нами были отправлены домой также приехавшие к нам на помощь иногородные части—Канские и Черемховские отряды.

Коалиционный комитет просуществовал до первого заседания Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов, который объявил о роспуске думского комитета и расширил состав Военно-революционного комитета.

Это заседание вместе с тем было и траурным заседанием, почтившим память товарищей, павших в боях с юнкерами за власть советов. Это были первые большие жертвы Октябрьской революции в Сибири. Ценой этих жертв было ликвидировано юнкерское восстание в Иркутске в декабре 1917 г. Но их оказалось недостаточно, чтобы окончательно уничтожить силы сибирской контрреволюции.

Разбежавшиеся по домам и припрятавшиеся после декабрьского восстания юнкера и офицеры восстали снова

[1] Коалиционному комитету в качестве политического органа несуждено было родиться вследствие протеста красногвардейских частей. В период его двухдневного существования ему удалось лишь очистить улицы от трупов, а затем, под давлением вновь прибывших советских частей и фактического перехода власти в руки советов, он исчез со сцены.—Ред.

через полгода, в июне 1918 г. под прикрытием чешских эшелонов. Снова Иркутск — столица сибирского купечества — стал одним из основных центров сосредоточения сил контрреволюции.

Иркутским и сибирским рабочим, солдатам и крестьянам пришлось снова итти в бой за Октябрьскую революцию, за власть советов.

Бои с чехами и с Колчаком в 1918—1919 годах были еще более жестокими и гораздо более продолжительными; в них участвовала новая силы: сибирское крестьянство, создавшее красное партизанство. И чехословацко-колчаковская контрреволюция была также успешно ликвидирована, как и ее предвестник — декабрьское восстание юнкеров в купеческом Иркутске.

Я. Шумяцкий

Разгром колчаковщины

В тюрьме у Колчака

Узнав из газет о чехословацком мятеже на Волге, делегаты второго с'езда комиссаров труда и первого с'езда СНХ РСФСР заволновались. Приволжские делегаты немедленно поторопились домой, сибиряки же оставались в Москве, в ожидании дальнейших событий.

Однако, с каждым днем телеграф приносил все более тревожные известия, и многим из нас оставалось либо застрять надолго в Москве, либо прорваться сквозь фронт в Сибирь.

Железнодорожные билеты выдавались только до Вятки, так как в середине июня 1918 г. фронтовая линия чехословацкого корпуса, которому помогали все об'единенные силы эсеро-меньшевиков, перекинулась с Волги на Урал и в Западную Сибирь.

По Москве ходили самые разнообразные слухи о падении соввласти в ряде сибирских городов: в Тюмени, Омске, Ново-Николаевске и т. д.

Так или иначе, но сидеть в это время в Москве сибирским большевикам было просто невыносимо. А как пробраться туда, в далекий Иркутск?

Каким-то путем удалось достать литер до Иркутска за подписью т. Невского и отправиться с Северного вокзала на Восток.

Вологду и Вятку, вопреки ожиданиям, удалось миновать благополучно. Но уже в Перми чувствовалось дыхание гражданской войны. Наш пассажирский поезд попал на какой-то запасный путь, а по линии стояли эшелоны, к которым стягивались красноармейские части и главным образом рабочие Мотовилихинского, Лысьвенского и др. заводов. С одним из этих эшелонов, где был и военный оркестр, удалось добраться до Екатеринбурга.

Центр Урала уже по-настоящему превратился в военный лагерь. Здесь лихорадочно формировались войсковые части из рабочих, прибывавших с запада и востока, а также и по горнозаводской железной дороге. В штабе округа, где происходили непрерывные заседания, мне удалось завизи-

ровать свой литер и, после трехдневной передышки, добраться до ст. Богдановичи, а отсюда — частью пешком, частью в случайных эшелонах — до Тюмени.

В Тюмени картина военного положения еще более стала ясной. Совет и парторганизации готовились к эвакуации на запад. Здесь же я встретил и членов Томского совета, эвакуировавшихся из Томска. Они весьма скептически отнеслись к моему намерению пробраться в Ирутск. Томский совет эвакуировался водным путем, ибо ст. Тайга уже находилась в руках чехов.

Иркутск еще держится, а Красноярск просил у Томска подкреплений; очевидно, красноярцы еще сражаются, так как, по слухам, части красноярцев имели стычки с чехами около Мариинска.

Я отправился в штаб и настоятельно потребовал дать мне возможность пробраться на Восток.

Путь был один: только водой через Тобол, Иртыш. «Дальше видно будет», — решил я.

Недолго рассуждая, я, несколько преобразив свою внешность, сменял паспорт и сел на пароход «Власть советов», который отправлялся в Томск с эвакуированными с фронта империалистической войны инвалидами.

После восьми дней путешествия по волнам Тобола, Иртыша и Томи мы под'езжаем в летний день к вновь испеченной столице Западной Сибири. С берега сигнализируют: «Близко не под'езжать». Слышится команда капитана: «Отдай якорь!», и мы стали посреди фарватера.

«Что сей сон значит? Что сулит нам «Западно-Сибирское временное правительство»?

От берега отчаливает катер с военными. Ясно, что мне приходится расстаться с браунингом. Это удалось незаметно проделать; бросил в воду через уборную и некоторые документы.

Но вот и офицерье.

— Становись на поверку, смирно! Штатские, два шага вперед!

Картина знакомая. Просматривают документы нашей группы — ничего подозрительного. У меня удостоверение тамошнего совета на проезд пароходом.

— Ваша фамилия?

— Шелаевский.

— Вы арестованы.

— По какому поводу?

— В штабе узнаете.

Арестовали меня и ехавшего на пароходе левого эсера Мельникова, но последнего, по распоряжению одного из тройки, возглавлявшей временное правительство, осво-

бодили. Меньшевика Новицкого и интернационалиста Юхневича даже не арестовывали. Я же на катере с вещами был увезен на берег, а отсюда под конвоем... студентов Технологического института был направлен в штаб.

Здесь первым делом какой-то офицер назвал меня моей настоящей фамилией, чему я сильно удивился, и меня заперли в одиночной камере.

А раз я был назван популярной для Сибири фамилией: «Шумяцкий», каждый из посещавших меня интервьюеров задавал мне вопросы по разным «грехам», творимым частью мной лично как комиссаром труда и промышленности Восточной Сибири, но большей частью по «грехам», относившимся к моим двум однофамильцам — Борису и Федору Шумяцким, из коих первый был наиболее активным работником Центральной Сибири, а потому и наиболее ненавистным сибирской белогвардейщине.

Два дня я терпел это нашествие белогвардейских «интерьвьюеров». Наконец, я потребовал от председателя следственной комиссии меньшевика Виколинского перевода из штаба в тюрьму. Он обещал мне удовлетворить мое требование, но тут же учинил мне невероятный допрос, на котором стоит остановиться.

— Ведь вы — Шумяцкий, командующий Иркутским военным округом?

— Нет, никогда не был военным. Я — комиссар труда и промышленности.

— Ах, виноват, то Борис. Вы — Яков Шумяцкий, — так? А скажите, что вы делали в Москве?

— Был на с'езде комиссаров труда.

— А у Карахана в Наркоминделе вы бывали?

— Карахан — мой товарищ по отделу труда в Иркутске, и потому я с ним виделся в Москве.

— Что же, торговали Россией оптом и в розницу?

— В Москве таких лавочек нет. Может, в Сибири, с помощью братчиков чехословаков, откроют такую торговлю.

Вскоре после этого допроса меня перевели в тюрьму, расположенную в нагорной части.

Здесь я застал прежде всего некоторых товарищей, не пожелавших эвакуироваться на запад совместно со всей головкой. Среди других выдавался как большевик Антон Малиновский, в одиночках сидели Наханович, Мазурин и др.

Кроме того были и красногвардейцы-партизаны, взятые чехами в плен.

«Западно-Сибирское временное правительство», состоявшее из эсеров Бориса Маркова, Линдберга и Павла Михайлова, кадета Патушинского и др., начало колебаться вправо и вле-

во. С одной стороны были свежи традиции советов. Профсоюзы еще имели свои организации и даже свою газету «Знамя труда». Но с другой — внутренняя белогвардейщина, окрыленная успехом чехословацких банд—наймитов французского империализма, поднимала голову и толкала власть вправо. Офицерье, украшенное погонами, давило на гражданскую власть, заставляя ее свертывать всякие учреждения, имевшие какой-либо советский оттенок. Горсовет, еще каким-то чудом собиравшийся, был упразднен уже в конце июня. Начали понемножку упразднять и нарсуд, и хозорганы советов, и земотделы, превращая все это в дорогие царские палаты, канцелярии и т. д.

В тюрьме никому из арестованных никаких конкретных обвинений не пред'являли, а держали «впредь до...», а до чего — неизвестно.

Мы решили об'явить голодовку. Для этой цели мы соединились с одиночным корпусом, где сидели тт. Наханович, Мазурин, Люц и др. видные томские большевики, выработали соответствующие требования, сводившиеся в основном к тому, чтобы нам была возвращена одежда, отнятая у нас, а во-вторых, чтобы нам были пред'явлены конкретные обвинения.

Пять дней длилась голодовка. В городе рабочие и фронтовики устраивали «скандалы и демонстрации», требуя у управляющего Томской губернией эсера Генерозова удовлетворения наших требований.

Однако, этот тип голодовку сорвал, при помощи тюремщиков устроив провокацию, заключающуюся в том, что в одном из корпусов тюрьмы были во время голодовки обнаружены варенье и др. с'естные припасы, подброшенные тюремщиками.

Рабочие в городе вопреки этой провокации продолжали требовать удовлетворения наших требований, но в тюрьме, где кроме политических работников, голодало еще около 500 рядовых красноармейцев, голодовка была сорвана.

Меня, Мазурина и Нахановича, как непосредственных руководителей, перевели в другую тюрьму.

Это случилось уже в период власти «Сибоблдумы». Контрреволюционерам удалось собрать это учреждение, которому они хотели придать некий демократический характер.

Вскоре, однако, этот «демократизм» обнаружился полностью. Представители рабочих, попавшие туда по выборам, при первых же выступлениях были арестованы и препровождены в тюрьму. Но этим дело не ограничилось. Контрреволюция шла все дальше. Якушевич, Дербер, Дистлер и др. противники «совдепии» оказались уже на левом фланге.

Настал период пресловутой «директории», возникшей в результате торговли между самарским Комуч'ем (комитет учредительного собрания), представителями ЦК эсеров и, наконец, временным сибирским правительством.

Директория, состоявшая из адмирала Колчака, генерала Болдырева и горе-социалиста Авксентьева, послала этого последнего сказать «Сибоблдуме», что ей надо разойтись. Она, пошумевши, разошлась по велению своего начальства.

И тут подошли дела значительные. Недавние властелины, члены «Западно-Сибирского временного правительства» Марков и Михайлов вдруг появились у нас в томской тюрьме, уже как заключенные.

Их, как и следовало ожидать, держали недолго. Меня же, по требованию иркутских следственных властей, отправили в середине октября в Иркутск. Здесь творили суд и расправу над советскими работниками.

Эсер Яковлев, в должности управляющего Иркутской губернией, санкционировал ряд казней. Казнены были Штейнберг, Посталовский — один из наиболее активных работников Иркутского совета, М. Гоффер — председатель Черемховского горсовета. До казни Гоффер сошел с ума, на казнь его брали из-под койки, и Яковлев наградил его иудиным поцелуем перед казнью. Дальше началась жуть юстиции и контрразведки ген. Гайды. Рабочего Мириманова, оправданного даже колчаковским судом, все же по требованию контрразведки вывели в 2 часа ночи и связанного повесили.

Но тут уже я забежал вперед.

Период «директории» был недолог. Офицеры-бандиты устроили с ведома Колчака переворот. Воцарился верховный правитель «всея Руси». Это был триумф сибирской белогвардейщины, собиравшейся ликвидировать ненавистную «совдепию» не ради каких-то призрачных целей демократической учредиловки, а с целью восстановления «исконных русских устоев — православия, самодержавия и народности».

Началось царствование Колчака в обстановке неслыханного террора, обрушившегося на голову не только рабочих Омска, но поразившего часть «демократии», вчера еще целовавшей пятки «директории», в которой был их единомышленник Авксентьев.

Этому последнему вместе с другим «властителем дум» и идейным вдохновителем белогвардейщины Аргуновым было предложено убраться подобру поздорову за границу. Они слишком «левыми» оказались для новой власти. Но чтобы не терять окончательного декорума «единения всех живых сил», в правительстве Колчака были оставлены еще

эсеры Вологодский (премьер), Старинкевич (министр юстиции) и меньшевик Шумиловский (министр труда).

Жалкая предательская роль этих последних заключалась в популяризации идей адмирала, об'явившего себя «верховным правителем» всех действующих антибольшевистских сил «возрождающейся родины».

Однако, гораздо лучше исполнялась эта гнусная роль махровыми атаманами-золотопогонниками типа Дутова, Красильникова, Калмыкова, Семенова и К°. Эти лихие генералы расправлялись во-всю. Пока колчаковский «двор» устраивал конкурсы на представление лучшего текста нового патриотического гимна «возрождения России», пока придворные панегиристы, как Сергей Ауслендер, Вяткин и другие, трудились над своими черносотенными виршами, «господа офицеры задавали пир на весь мир, под звуки «боже, царя храни».

Под марш «двуглавый орел» 250 тысяч мобилизованных кулаков чинили суд и расправу над крестьянской Сибирью и развешивали рабочих на фонарных столбах.

А затем под звуки французской марсельезы парижские интервенты, посланные Клемансо, под командованием Жанена, устраивали «пляски смерти». Они были несложны. При поднятии повешенного на «журавцах» колодцев, за ноги казненного уцеплялись два французских капрала. Последние конвульсии ног умирающего на виселице заставляли «забавников»-палачей проделать несколько «па» в воздухе, очевидно доставлявшие большое удовольствие всем, жадным до зрелищ, белогвардейцам.

Развал колчаковщины шел сверху и снизу, извне и внутри. Буржуазия и дворянское отродье, потянувшиеся в Сибирь под натиском растущей диктатуры пролетариата, приносили с собой не только «бон тон», но и полное разложение.

Казнокрадство на поставках для «армии возрождения», баснословные взятки и полная беспомощность в налаживании хоть какого-либо хозяйства обнаружились очень быстро.

Поезда по дороге двигались черепашьим шагом, топливо добывалось углекопами под ударами прикладов чехословаков и казаков, а голод своими костлявыми пальцами об'ял и город и деревню, покинутую крестьянами, предпочитавшими заполнять собою ряды красных партизан.

В этот период мы, большевики, сидевшие в иркутской тюрьме уже год и три месяца, и пережившие за это время столько, сколько не приходилось переживать во времена скитаний по тюрьмам и ссылкам в царские времена, тем не менее чувствовали себя гораздо бодрее, нежели в тюрьмах

самодержавия. Об'ясняется это тем, что каждый из нас тем или иным способом получал газеты с воли, и даже в официальных сводках казенных писак вычитывал радостные вести о победе революции и предстоящей вскоре гибели Колчака. И это падение оказалось не за горами.

Разгром Колчака

25 декабря 1919 года вспыхнуло восстание в Иркутске, который в течение 2 месяцев являлся официальной резиденцией правительства Колчака.

Восстание это, вначале поднятое некоторыми частями иркутского гарнизона, было поддержано красными партизанами и организованными рабочими, под руководством подпольной коммунистической организации. Длилось оно около 8 дней и кончилось бегством офицерских и юнкерских банд под командой генерала Сычева.

Как известно, восстаний против колчаковщины и интервентов, поддерживавших «верховного правителя всея Руси», за время царствования белого террора в Сибири было немало. Напомним омское восстание железнодорожников в ноябре 1918 года, затем следовало восстание в Томске, в Красноярске и даже в далекой Якутии. Мы уже не говорим о многочисленных партизанских дружинах, сколоченных из разоренных крестьян, которые под руководством тт. Щетинкина, Кравченко, Яковенко, Каларандашвили и др. в течение всего периода господства Колчака штурмовали его на всем протяжении жел. дороги и прилегающих к ней таежных районов. Борьба эта в достаточной мере известна.

Однако, некоторый период разрозненные восстания промышленного и жел.-дор. пролетариата Сибири жестоко подавлялись, а успешная борьба партизанских отрядов приняла затяжную форму. Несмотря на тяжелое положение, колчаковское правительство, находившееся в агонии, продолжало существовать, заливая потоками крови всякие народные восстания, начиная от Омска и кончая далеким Якутском. При этом жизнью платились не столько непосредственные участники борьбы, сколько их родственники и единомышленники-односельчане.

В бешеной злобе белопогонники предавали потоку и разграблению огромные селения, сжигая трупы людей в пожарищах тайги. Короткие приказы правителей имели классическую формулу: «мятежников крестьян, большевиков, жидов и их жен и детей, как вредный балласт в районе военных действий, предавать казням всяких степеней», а это, по раз'яснению пойманного затем генерала — барона Унгер-

на, значило: сжигание на кострах, сажание на кол, четвертование, казнь бамбуками и т. д.

Так подавлялись народные восстания и отдельные выступления рабочих Черемховского каменноугольного района, Анджерки, Судженки, жел.-дор. мастерских и т. д.

Иркутское восстание постигла другая участь. Ему удалось вбить осиновый кол в могилу сибирской контрреволюции. Не в пример другим восстаниям, оно охватило значительные войсковые соединения и одновременно втянуло в свою орбиту организованных рабочих и оперирующие вокруг Иркутска партизанские отряды. Таким образом вновь испеченная столица Колчака, лихорадочно торопившаяся наладить жизнь тонувшего колчаковского корабля, путем уступок направо и налево, вплоть до скорейшего созыва учредилки, вынуждена была после восьмидневного боя капитулировать и тем самым положить конец полуторалетней контрреволюционной эпопее Сибири.

Как известно, «верховному правителю», в начале его господства, удалось продвинуться на запад, захватить уральские заводы, утвердить свою власть до Екатеринбурга и Перми. Белогвардейцам, поддержанным всеми «живыми силами» буржуазных партий и эсеро-меньшевиками, казалось, что им удастся перенести свою столицу из Омска в Екатеринбург, а там уже Колчаку грезилась триумфальная колесница, в'езжающая под колокольный звон «сорока-сороков» в Белокаменную. Надо признать, что 250 000 штыков, в виде мобилизованных «крепких» мужиков Сибири плюс семиреченское и забайкальское казачество под знаменами генерала Дутова, в соединении с сорокатысячным корпусом чехословаков и финансовой поддержкой Антанты, не стеснявшейся посылать подкрепления Колчаку в виде экспедиционных корпусов Америки, Японии и т. д. — все это подкрепляло надежды контрреволюционной своры на близкую победу.

Но стратегия «блестящих» генералов оказалась опрокинутой. Не помогли и казни «всяких степеней». Агония армии Колчака началась еще весной 1919 года. Развал колчаковщины следовал неумолимым темпом. Иркутск, в расчете на передышку провозглашенный резиденцией Колчака (вместо предполагаемых Екатеринбурга и Москвы), превратился в западню для всего колчаковского правительства и для самого «верховного правителя» и его премьера Пепеляева.

Факты беспримерной исторической борьбы в течение незабвенных восьми дней запечатлелись в памяти следующим порядком.

Утром 25 декабря 1919 года мы с тов. Шнейдером, Бросовым, Чудновским и некоторыми другим, томившимися в тифозной больнице иркутской тюрьмы, услышали треск ру-

жейного и пулеметного огня. То были выстрелы часовых 53-го пехотного полка, расположенного на левом берегу Ангары. Одновременно забастовавшие рабочие заводов Знаменского предместья двинулись через мост по Ушаковке с целью захвата некоторых колчаковских учреждений. Через несколько минут мы услыхали громыхание артиллерийской пальбы, направленной сычевцами из города по Знаменскому предместью и вокзальному району. Для сидевших в тюрьме было ясно, что за оградой происходят столкновения между сычевцами и повстанцами. Наша тюрьма, где находилось свыше 600 политических арестантов, очутилась в зоне огня, так как, расположенная на берегу реки Ушаковки, она служила естественной границей двух враждебных лагерей. Пять дней длилась борьба с переменным успехом, но уже с 3—4-го дня борьбы по лицам растерявшейся тюремной администрации мы стали понимать, что военные удачи на стороне красных. Между тем руководство восстанием, неожиданно очутившееся в руках выморочного «политцентра», т. е. эсеров и меньшевиков, породило у нас опасение за исход дела. Ибо, зная из опыта русской революции их роль в чехословацком перевороте, их трогательное единение с Колчаком, благословения по его адресу, затем истерические проклятия по адресу его «неконституционного» правительства, даже «борьбу» против верховного правителя, зная также, что и во время своей борьбы против Колчака эти межеумочные «демократы» готовы были целовать пятки колчаковских министров, как только эти последние давали интервью в буржуазных сибирских газетах о скором созыве «народного сибирского собрания», — у нас не могло быть сомнения в том, что господа демократы и на этот раз сторгуются с атамановцами и предадут восстание. Некоторые признаки вполне подтверждали наше опасение. Так, например, рабочие дружины требовали от эсеро-меньшевистского правительства немедленного освобождения всех арестованных колчаковцами большевиков. Одновременно дружины начертали на своем знамени: «Да здравствует советская власть!»

Что же «политцентр?» С одной стороны, он отлично понимал, что без большевиков ему не обойтись, и дико было бы держать испытанных революционеров-большевиков в тюрьме во время революционного восстания. Он также отлично понимал, что неминуемая встреча с V Красной армией, идущей с запада, заставит их — эсеров и меньшевиков — непосредственно передать власть большевикам. Но с другой стороны, жажда власти и трусость перед своими друзьями чехословаками побуждала «политцентр» играть двоякую роль и дипломатически обманывать восставших

солдат и рабочих. На четвертый или пятый день восстания он послал к нам в тюрьму комиссаров-эсеров Флориана, Федоровича и Иванова для составления списков заключенных. Федорович указывал, что чехи, держащиеся благожелательного нейтралитета «для политцентра», тем не менее возражают против соввласти и освобождения большевиков из тюрьмы.

Между тем нам хорошо было известно, что тюремная администрация готовит нам катастрофу. Имея в своем распоряжении значительное снаряжение и военные запасы, она, по требованию управляющего губернией эсера Яковлева или по требованию генерала Сычева, могла немедленно вооружить 2.000 уголовных арестантов, перестрелять всех политзаключенных и таким образом создать явный перевес на стороне контрреволюции.

Говорить об этом эсеровским комиссарам было бесполезно. Но приходившим в тюрьму одновременно с комиссарами рабочим Близняку, Телешеву и другим мы указали, что дальнейшее промедление с освобождением политических заключенных смерти подобно. Только под давлением рабочих дружин 28 декабря мы были вывезены ночью из тюрьмы в огромный банный барак Знаменского предместья под видом якобы эвакуации из зоны огня.

Как мы и предвидели, это освобождение сыграло решающую роль. Само собой разумеется, что 600 с лишним человек не стали ждать официального освобождения, а потребовали немедленного вооружения. Получивши винтовки и имея в своих рядах военных специалистов, заключенные организовали вместе с рабочими боевые дружины и создали явный перевес на фронте. Уже первого января 1920 г., после обсуждения вопроса о положении дел совместно с иркутской подпольной организацией большевиков, во главе которой стояли тт. Ширямов, Сурнов, Касаткин и др., мы решили инициативу взять в свои руки, но по некоторым соображениям не дробить силы «политцентра» во время боев. Однако, как только сычевцы вместе с семеновцами бежали на восток и победа наша в результате кровавых боев укрепилась, мы указали «политцентру» его место и сами взяли власть в свои руки.

Перед восстановленной советской властью предстали огромнейшие задачи: 1) на рельсах около Иркутска стояли вагоны с вывезенным оборудованием гигантских заводов Урала; 2) стоял весь золотой запас, вывезенный из Казани в количестве не менее 30 вагонов; 3) голод и бедствие населения после хозяйничания интервентов достигли геркулесовых столпов, трупы тифозных больных валялись не только по больницам, но по ж.-д. линии и по главным трак-

там; 4) нам предстояла неизбежная встреча с отступающими от V армии каппелевскими частями. Восток также еще находился целиком под пятой атамана Семенова и японского экспедиционного корпуса. Кроме того, предстояли неприятные переговоры и, как оказалось потом, столкновения с чехословацким кмандованием.

Как известно, Иркутский ревком, связавшись телеграфно с V армией, по директивам Москвы блестяще справился затем с грандиозными задачами налаживания новой жизни Восточной Сибири. Все это в момент крушения последней колчаковской столицы было впереди, но основное было сделано.

Последняя твердыня Колчака — Иркутск — пал в бою с восставшими рабочими, крестьянами и солдатами, штаб «верховного правителя» бежал, и эпопея колчаковщины закончилась, как известно, таким финалом: 7 февраля 1920 года по приговору Ревкома, в той же иркутской тюрьме, где еще так недавно сидели мы, большевики, Колчак и его премьер-министр Пепеляев были расстреляны.

Вл. Виленский-Сибиряков

Октябрь в Якутской области

Подобно большинству окраин, Якутская область пережила длительный период ожесточенной гражданской войны, прежде чем прочно утвердила у себя власть советов. Якутская националистическая интеллигенция, являющаяся социально и идеологически выразительницей настроений и интересов туземной буржуазии (тайоната), в союзе с бело-эсеровскими элементами упорно сопротивлялась утверждению власти советов в области, противопоставляя советам сначала власть временного правительства (Керенского), затем— «власть» земств и ублюдочные «идеи власти» сибирского областничества, а позднее власть Колчака... На всех этих этапах борьбы якутская контрреволюция имела своими идеологами и активными борцами против советов местных якутских эсеров, в числе которых, к сожалению, было значительное количество бывших политических ссыльных.

Февральская революция в Якутской области была развернута и углублена при активном участии одной части политической ссылки, имевшейся в области к началу 1917 года, при явно наметившемся с самого начала стремлении другой ее части, особенно эсеровской, ограничить революцию рамками буржуазно-демократической революции в союзе с буржуазией. Политическая ссылка была многочисленна и в огромном своем большинстве сосредоточивалась в областном центре области — гор. Якутске (здесь ссыльных насчитывалось около 400 человек) и близлежащих к нему селениях Мархе, Амге, Владимировском, Павловском, Мегане и т. п., что в немалой степени облегчило первые шаги революции в Якутске, способствовало активизации революционных сил в деле устранения представителей царского режима и утверждения органов новой революционной власти.

Якутская политическая ссылка к моменту февральской революции делилась примерно на две равные части: эсеров и социал-демократов. Однако, якутская социал-демократическая организация к моменту февральской революции оказалась более инициативной и волевой, и ведущая роль в ре-

волюционных событиях в Якутске с первых же часов перешла к ней. Якутская социал-демократическая организация, состоявшая в огромном своем большинстве из политических ссыльных, сразу же сумела выделить из своей среды крепкое ядро товарищей, возглавивших органы революционной власти: Г. И. Петровский, — депутат государственной думы, Е. Ярославский (Губельман), Орджоникидзе и других товарищей. Руководство Советом рабочих депутатов, Советом солдатских депутатов, областным продовольственным комитетом и т. п. органами власти оказалось в руках социал-демократов, вчерашних «лишенцев» — политических ссыльных. Это не значит, что во всех этих органах революционной власти не было эсеров или представителей беспартийной революционной интеллигенции, они конечно были, даже робко заявляли о своих притязаниях, но реальное соотношение сил было таково, что ведущая роль оставалась за якутской социал-демократической организацией, с ее крепким большевистским ядром. С этим положением вещей должно было считаться даже временное правительство, которое утвердило комиссаром временного правительства Якутской области Г. И. Петровского, а председателем Якутоблпродкома — В. Д. Виленского [1].

Так было примерно до конца мая 1917 года.

Начиная с последних чисел мая, т. е. с открытием навигации по реке Лене, ряды якутской политической ссылки начали редеть. Пароходы увозили вчерашних невольных обитателей Якутки — одну партию за другой. Все ссыльные

---

[1] В № 3 (50) „Пролетарской революции", в статье „О февральской революции в Якутске", тов. Ем. Ярославский пишет: „В вышедшей второй книге А. Шляпникова „Семнадцатый год" (стр. 174) тов. Шляпников говорит, что Г. И. Петровский, под влиянием известий о победе революции, сделал ряд ошибочных шагов, приняв поручение временного правительства и запросив Чхеидзе по телеграфу о позиции социал-демократической фракции". „Так как товарищ Г. И. Петровский действовал не по личному почину, а по решению местной социал-демократической группы, то я считаю себя до некоторой степени ответственным за все то, что делал в ссылке в эти недели и месяцы тов. Петровский".

Давая должный отпор вздорным обвинениям Шляпникова, тов. Ем. Ярославский далее пишет: „Мы считали необходимым активно принять участие в строительстве новой Якутии, пользуясь для этого аппаратом государственной власти. В известной степени мы можем сказать, что мы „взяли власть в свои руки" в начале марта 1917 года, не имея еще организованной классовой силы, в расчете на то, что мы эту классовую силу — якутскую бедноту, хамначитов якутских, — сорганизуем, используя аппарат государственной власти: почту, телеграф, денежные средства и т. д.".

На этой позиции в первые дни февральской революции стояла руководящая группа якутских с.-д., которая вошла в ревком и играла там ведущую роль в развертывании революционных событий в Якутске. (В ревком от с.-д. входили: Г. И. Петровский, С. Орджоникидзе, Ем. Ярославский, Г. Охнянский, К. Кирсанова и В. Д. Виленский.)

спешили отряхнуть землю ссылки со своих ног и поскорее выбраться в центр: Петроград, Москву или просто в родные места, где жили и работали до ареста, тюрьмы и ссылки. Лишь относительно небольшое число бывших ссыльных временно осталось в Якутске для того, чтобы не оголять фронта и не дать возможность туземной контрреволюции прибрать власть к своим рукам. Вокруг вопроса — кому остаться? — было много разговоров как в эсеровской, так и социал-демократической фракциях ссылки: уговаривали друг друга, «бросали жребий» и т. п. В конце концов коекак этот вопрос разрешили. Однако, уже в первых числах июня довольно четко обозначилось, что якутская социал-демократическая организация, сравнительно с эсеровской, потеряла большее число своих активистов, особенно из числа бывших политических ссыльных. Правда, за социал-демократической организацией шла значительная часть якутских рабочих, часть учащейся молодежи и в отношении численности она все же представляла известную величину. Но обнаружилось, что эсеры оказались связанными многочисленными нитями с якутской националистической интеллигенцией и стоящей за ее спиною туземной буржуазией в лице Никифоровых, Эверстовых, Ксенофонтовых, Слепцовых и прочих представителей якутского капитала (тайоната.)

Вместо уехавшего из Якутска с.-д. Г. И. Петровского областным комиссаром временного правительства был назначен кандидат эсеровской организации с.-р. Василий Соловьев, полуссыльный, полуместный человек (находившийся в Якутске под надзором полиции до революции). В общем это был бесцветный отпрыск поповского рода, обыватель, но в дальнейшем ему пришлось в силу этих своих качеств играть гнусную роль «вождя» якутской контрреволюции и даже быть колчаковским «управляющим областью»...

К моменту назначения Соловьева комиссаром временного правительства Керенский и стоящая за его спиною партия эсеров считали себя господами положения, призванными определять судьбы революционной России. Якутские эсеры читали телеграммы из центра с выспренними и напыщенными речами Керенского и подталкиваемые тайонатом тоже обретали все возрастающий аппетит к власти. Им не нравилось, что социал-демократы сохраняли руководство в Якутском совете рабочих и солдатских депутатов, стояли во главе областного продовольственного комитета и руководили большинством профессиональных союзов.

Руководство Якутским советом рабочих и солдатских депутатов и перечисленными выше организациями возглавлялось бывшими ссыльными с.-д.: В. Д. Виленским (предсе-

датель совета), Н. Е. Олейниковым, З. Эренбургом, В. Д. Чаплинским, Л. Г. Голубковым, Яном Зивертом, Голиковым, М. М. Виленской, Н. Ершовым; из нессыльных в руководстве этими организациями принимала участие и группа якутской молодежи: М. К. Амосов, П. Слепцов, В. Редников, С. Васильев, И. Иванов, Шура Попов, Жиркова, Н. Атласова, Синеглазова, Р. Цубель и ряд других товарищей. В профессиональных союзах вели активную работу: В. Бик, К. Андреевич, Д. И. Титов, М. Т. Попов, Л. Перкон, Н. Бубякин, Толстобров, Шевелев, Громов и др.

В Якутске промышленность в дореволюционное время была в зародышевом состоянии. Понятно, что и рабочих, занятых в промышленности, было немного. Для характеристики рабочего движения в Якутске в первой половине 1917 года я приведу список профессиональных союзов, составленный Ем. Ярославским в период, когда он возглавлял отдел труда (эти данные были опубликованы в сборнике «На волю». Ленинград, изд. «Прибой»): союз торговых служащих — 150 чел., союз каменщиков, печников и штукатуров — 84 чел., союз столяров — 60 чел., союз сельскохозяйственных рабочих сел. Марха — 127 чел., союз поденщиц и прислуги — 130 чел., союз грузчиков — 87 чел., союз чернорабочих якутов—25 чел.; союз почтово-телеграфных служащих — 50 чел., союз учителей — 200 чел., союз больничных служащих — 40 чел., союз учащихся — 200 чел. В последних трех союзах социал-демократы имели меньше влияния, нежели эсеры, опиравшиеся на эсеровскую местную интеллигенцию. Расслоение среди этих союзов и переход значительной части их членов под руководство социал-демократической организации имели место значительно позднее.

Якутской националистической буржуазии и тесно смыкавшейся с ней прослойке служилой интеллигенции и царских чиновников, устраненных от службы революцией, больше всего были непонутру Якутский совет рабочих и солдатских депутатов и областной продовольственный комитет, проводивший в области хлебную монополию и делавший попытки организации регулирования цен на предметы первой необходимости и товары широкого потребления. Эта политика била по спекулятивным аппетитам якутской торговой буржуазии, и, вполне понятно, что буржуазия была недовольна. Никифоровы, Ксенофонтовы, Слепцовы, Эверстовы вместе с русскими купцами, вроде Кушнаревых, Силиных, Громовых и т. п., и бывшие царские чиновники и офицеры, в роде Березкиных, Бондалетовых, Куставиновых, Подволоцких и иже с ними, вели глубокую подпольную работу по натравливанию темных якутских масс против областного продовольственного комитета, а также и

против поддерживающего облпродком Якутского совета Р. и С. Д.

Агентами тайоната в первую очередь явилась якутская националистическая интеллигенция, сгруппировавшаяся вокруг т. н. союза «Свобода»: Г. В. Ксенофонтов, Р. Оросин, К. Гаврильев, А. Слепцов, Н. Стручков, Н. Гермогенов, Г. Кузьмин, А. Широких, Д. Андреев, Корнилов и т. п. Этот союз послужил связующим звеном между тайонатом и якутскими эсерами, обросшими тиной всякой обывательщины.

Учитывая обострившуюся в Петрограде борьбу между временным правительством и Петроградским советом Р. и С. Д. в особенности его левой частью — большевиками с.-д., руководимыми Лениным, якутская эсеровская организация, во главе с В. Соловьевым, решила усилить борьбу с Якутским советом Р. и С. Д. Окончательно оформилась эта борьба между с.-д. и с.-р. к концу июня и в дальнейшем шла все усиливаясь и ожесточаясь. В качестве комиссара временного правительства В. Соловьев стал игнорировать Якутский совет Р. и С. Д. Эсеровская организация отозвала своих представителей из последнего и начала организацию своих «советов». Были состряпаны «совет казачьих депутатов», «якутский офицерский совет», «совет зажиточных крестьян», и т. п. Якутская националистическая интеллигенция в лице «союза свободы» ориентировалась на сибирское областничество и создавала земские организации. На Совет рабочих депутатов, облпродком, профессиональные рабочие организации и их руководство полились ушаты клеветы и самой отборной брани. После июльских дней Соловьев и эсеры якутскую социал-демократическую организацию именовали не иначе, как большевистской, и еще более усилили травлю отдельных ее членов. В этот момент организация с.-д. в Якутске хотя и считалась об'единенной, однако меньшевиков в организации имелось немного, и процесс большевизации всей организации быстро шел параллельно с обострением борьбы с эсерами за утверждение советской власти в области.

Во вторую половину 1917 года в борьбе за большевизацию якутской с.-д. организации сыграло большую роль крепкое ядро в лице товарищей М. М. Виленской, В. Д. Чаплинского, Яна Зиверта и др. Это ядро было руководителем организации во всей дальнейшей борьбе якутских с.-д. за советскую власть. Посильную помощь из Иркутска этой группе товарищей оказывал автор этих строк.

Товарищи Н. Е. Олейников, Н. Ершов [1], В. Бик, игравшие

---

[1] Н. Ершов остался меньшевиком до настоящего времени.

тоже большую роль в якутских событиях, хотя и продолжали называть себя с.-д. меньшевиками, но фактически очень скоро должны были признать руководство вышепоименованной большевистской группы и подчиняться тактике последней.

Из местных товарищей в большевистское ядро этого периода входили: К. Е. Андреевич[1], М. Аммосов, Л. Слепцов-Огонский и ряд других молодых товарищей из т. н. якутской учащейся молодежи.

За малым исключением почти все перечисленные товарищи стали членами ВКП(б).

■

Совет рабочих депутатов в Якутске образовался в первых числах марта, т. е. почти одновременно с комитетом общественной безопасности. Выше мы отмечали немногочисленность промышленных рабочих в Якутске. Электрическая станция, лесопилка, пара типографий и ряд небольших промышленных предприятий — вот пожалуй и «вся индустриальная база» Якутска. Понятно, что при таком положении революционная волна на первых порах пошла по руслу роста разного рода «демократических» организаций, которые нашли свое представительство в комитете общественной безопасности, выдвинувшемся на первое место в мартовские дни 1917 года. Каких только организаций не было в этом комитете. Однако, все же Совет рабочих депутатов в Якутске организовался и стал существовать.

В первоначальном своем виде Якутский совет рабочих депутатов возник как представительный орган нарождающихся профсоюзов, партий с.-д. и с.-р. и немногочисленных промышленных предприятий. В первоначальный состав совета входило около 50—60 депутатов. В состав исполнительного комитета входили: В. Сапожников, Платон Слепцов, М. Губельман (Ем. Ярославский), В. Виленский, И. Жидовкин, Л. Гройсман. За исключением Пл. Слепцова — якута — все перечисленные лица являлись бывшими политическими ссыльными. В. Сапожников был рабочий металлист — с.-р., он председательствовал всего несколько дней, после него председателем совета был сначала М. Губельман (Ем. Ярославский), а затем В. Виленский.

Для характеристики деятельности Якутского совета рабочих депутатов этого периода можно привести следующий порядок дня заседания совета в первый период его деятельности: 1) реорганизация Совета рабочих депутатов;

---

[1] К. Е. Андреевич — в феврале 1918 г. выехал из Якутска, от политической работы отошел. В партию вошел в 1924—25 гг. Сейчас активный большевик.

2) международный с'езд; 3) отношение к войне и миру; 4) выбор делегата в окружной комитет по предоставлению отсрочек военнообязанным и 5) доклад хозяйственной комиссии по организации дешевой столовой.

Сущность реорганизации совета (первый вопрос) заключалась в том, что в состав совета вливалось представительство Совета солдатских депутатов и таким образом совет переименовывался в Якутский совет Р. и С. Д.

Как образовался в Якутске Совет солдатских депутатов можно видеть из следующей резолюции: «Общее собрание солдат якутского гарнизона 31 марта 1917 года постановляет: для наилучшего обеспечения общественного порядка и для всемерного содействия исполнительному бюро комитета общественной безопасности в целях осуществления закона и предписаний временного революционного правительства, мы избираем из своей среды Совет солдатских депутатов из 25 товарищей, которым поручается в постоянном согласии с Петроградским советом Р. и С. Д. неуклонно охранять дело великой российской революции. Председатель Совета солдатских депутатов М. В. Акуловский». (Заимствовано из «Известий совета солдатских депутатов якутского гарнизона», № 1, 1 апреля 1917 г.)

Образование Совета солдатских депутатов в условиях якутской действительности являлось несомненно фактом большого политического значения, так как содействовало укреплению местных органов революционной власти. В «Вестнике Якутского комитета общественной безопасности» от 11 апреля 1917 г., № 37, можно найти следующую резолюцию союза якутов чернорабочих: «Мы, чернорабочие якуты города Якутска в числе 250 человек, быв 3 апреля с. г. в здании общественного собрания, слышали к величайшей нашей радости об образовании Совета солдатских депутатов из местного гарнизона... что обеспечит судьбу нашей области и свободу, нами недавно полученную, и мы надеемся, что вы пойдете по стопам Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда».

Но то, что так радовало якутов чернорабочих, как раз сильно пугало якутских эсеров. Это очень ярко сказалось на первом же об'единенном заседании совета, повестку которого мы выше привели. Когда по вопросу о войне и мире была принята резолюция, предложенная фракцией с.-д., и делегатом на Всероссийский с'езд советов был выбран с.-д. Г. Охнянский[1], от имени фракции с.-р. Л. Гройсман заявил, что эсеры в голосовании не участвовали, так как «считают излишним выбор делегата от Якутска, ввиду отсутствия здесь

---

[1] Меньшевик-интернационалист.

крупных воинских частей и рабочих организаций». Но эсеры оказались в совете в меньшинстве, что собственно и определило их дальнейшую тактику в отношении совета.

Нужно ли после этого удивляться тому, что вся энергия якутских эсеров второй половины 1917 года ушла на дискредитирование Якутского совета рабочих и солдатских депутатов и ожесточенную борьбу против него. Чего стоят, например, такие строки, напечатанные в т. н. «органе об'единенной демократии» «Якутском обозрении»,—газетке, выходившей под редакцией эсеров Н. Афанасьева и М. Сабунаева: «Якутские социал-демократы большевики и махаевцы вкупе со своим т. н. «Советом рабочих депутатов», состоящим сплошь из разного сорта уголовщины, продолжают вести свою политически нечестную, преступную деятельность...» Это пишется (№ 40) 16 декабря 1917 года, когда в России власть уже принадлежит советам, когда в Иркутске после упорной борьбы тоже утверждается власть советов. И далее редакция этого «органа об'единенной демократии» грозно вопрошает: «... Мы задаем вам, гг. социал-демократы, вопросы: правда ли, что вы в закрытом своем заседании трактовали о способах смещения существующей в Якутске власти и избрали комиссаром правительства большевика Андреевича, председателем продовольственного комитета Эренбурга и начальником милиции Олейникова? Быть может, вы будете отрицать всякие приготовления с вашей стороны к захвату власти».

Греха таить нечего (сейчас это можно): Якутский совет под руководством якутской социал-демократической организации усиленно готовился тогда к захвату власти и вел большую подготовительную работу по мобилизации широких рабочих масс.

В противовес Якутскому совету Р. и С. Д эсеры создали т. н. «Якутский совет военных и крестьянских депутатов», в котором верховодили офицер Кустовинов, бывший ссыльный не то анархист, не то п. п. с. Геллерт и эсерствующие Рогожин и Копылов-Заборовский. Эта теплая компания повела провокационную работу среди солдат якутского гарнизона и добилась отзыва солдатских депутатов из об'единенного Якутского совета Р. и С. Д. Это было после июльских событий, когда бешеная ругань агентов Керенского обрушилась на большевиков. Под дымовой завесой этой травли якутские эсеры произвели раскол среди солдат якутского гарнизона. Большинство Якутского совета Р. и С. Д. качнулось вправо и хотя с оговоркой — «по тактическим соображениям», но отмежевалось от питерского июльского выступления. Это был несомненно один из темных провалов в истории борьбы за советы в Якутской области. Против

профессиональных рабочих организаций велась отчаяннейшая травля, при чем здесь эсеры ни перед какими средствами не останавливались.

■

Автору этих строк, бывшему председателем Якутского совета Р. и С. Д. и одновременно возглавлявшему областную продовольственную организацию, в середине лета 1917 года пришлось выехать из области в Петроград по делам снабжения продовольствием области, а также для участия в намечавшемся 2-м Всероссийском с'езде советов.

В борьбе с эсерами за власть советов в Якутске автору этих строк пришлось играть довольно видную роль как в силу своих политических убеждений, так и в силу официального положения председателя Якутского совета рабочих и солдатских депутатов. Неудивительно, что эсеры в период июнь — июль, ведя борьбу против советов и якутской с.-д. организации, уделили большое внимание личности автора, которого они именовали не иначе, как одним из главных виновников «проведения в Якутской области большевистской политики противопоставления советов органам демократии»... В этом смысле в Иркутск и Петроград Соловьев слал длинные телеграммы. Якутские эсеры не ошибались: автор стоял на большевистских позициях. По приезде из Якутска в Иркутск в августе 1917 года он вошел в иркутскую большевистскую организацию. А по возвращении из Петрограда в Иркутск в ноябре—декабре этого же года в рядах этой организации принимал участие в борьбе по подавлению юнкерско-эсеровского мятежа и за утверждение в Иркутске власти советов.

Якутская область обладала незначительной посевной площадью и с давних пор жила завозом товаров и хлеба. По условиям транспорта завоз товаров и хлеба производится главным образом летом во время навигации по водным путям р. Лены. На якутском облпродкоме, возглавлявшемся автором этих строк, лежала ответственная и чрезвычайно сложная задача наладить снабжение области. Побывав в Петрограде, где пришлось регулировать вопрос о хлебной монополии, утверждении хлебных цен для Якутской области и т. п., автор в начале ноября выехал из Петрограда в Иркутск с целью налаживания здесь снабжения области и затем возврата в Якутск. Но борьба за советы, происходившая в этот момент в Сибири (юнкерское восстание в Иркутске), заставила отложить поездку в Якутск. Пришлось участвовать в боях с иркутскими юнкерами, в налаживании власти советов в Иркутске и принять участие в Общесибирском с'езде советов, на котором автору была поручена органи-

зация продовольственного дела Сибири, а также принять активное участие в организации Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибирь) и т. п.

Еще до начала иркутских событий, 20 ноября, поздно вечером, мною была получена из Якутска телеграмма, в которой сообщалось, что приказом областного комиссара Соловьева члены облпродкома с.-д. Н. Олейников и К. Андреевич арестованы и посажены в якутскую тюрьму «за непризнание верховной власти облкомиссара над облпродкомом». В телеграмме сообщалось, что эсер Соловьев устранил всех социал-демократов из облпродкома. Кроме арестованных были устранены от дел члены облпродкома с.-д. Голубков и Эренбург. Соловьев назначил временными членами облпродкома вилюйского купца Корякина, крупного землевладельца Шмырева и ряд бывших царских чиновников. Было ясно, что удар по облпродкому это был мало замаскированный удар по Якутскому совету рабочих депутатов и социал-демократической организации.

В этот момент в Иркутске подготовлялся переход власти в руки советов. Краевой комиссар временного правительства, хитрый эсер Аполлон Кругликов, не желая связывать свою судьбу с юнкерской авантюрой, которую готовили его сотоварищи по якутской эсеровской организации, подготовлял передачу своей «власти» Военно-окружному бюро советов Р. и С. Д.

Поздно ночью 20 ноября с одним из членов Военно-окружного бюро автор этих строк явился на квартиру к Кругликову и потребовал, чтобы он сейчас же сделал распоряжение об освобождении арестованных. Кругликов нехотя отправился на прямой провод и потребовал освобождения Олейникова и Андреевича. Оба эти товарища были освобождены на следующее утро.

Якутский совет рабочих депутатов в № 3 своего органа «Бюллетень Якутского совета рабочих депутатов» от 12 декабря 1917 года дал правильную оценку нового этапа начавшейся борьбы в Якутске. В передовой «Бюллетеня» можно найти следующие строки: «В походе против продовольственных органов Совет рабочих депутатов вполне верно усмотрел первую попытку буржуазии, замаскированной разными «демократическими» организациями, сделать шаг вперед... Припоминая всю предшествующую травлю продовольственных органов, травлю, ведущуюся лицами, лично заинтересованными в сохранении старых способов распределения и сбыта продуктов и старых принципов огребания барышей, невольно встают в памяти выступления гг. Аверенских, Скадченко, Потаповых, Назаренко, Ануфриевых, Шмыревых, крупных землевладельцев и купцов, и скупщиков

масла и мяса — Слепцовых, Давыдовых, обиженных реквизицией товаров гг. Золотушкиных и др. Они являются лишь застрельщиками оставшихся в тени более сильных противников, более заинтересованных в сохранении «свободных» цен на товары и продукты, спекулятивного вздувания цен, беспрепятственной скупки товаров и проч. и проч.». Передовая заканчивается: «Первые отклики протестов революционной демократии мы видели в Якутске в виде протеста городской и областной типографий, электрической станции и вне его в лице Окружного бюро Р. и С. депутатов Восточной Сибири, определенно ставших на сторону не якутской «об'единенной демократии» в кавычках, а демократии, группирующейся вокруг Совета рабочих депутатов».

Этот номер «Бюллетеня» вышел с лозунгом: «Товарищи рабочие! Вся сила рабочих — в организации их, а потому все, кто сознает это, должны вступить в профессиональные союзы».

Якутский совет рабочих депутатов встал на путь мобилизации масс — это был единственно верный путь в борьбе за утверждение в области власти советов.

Обсудив в краевых советских органах положение, создавшееся в Якутске, было решено телеграфировать в Петроград Совнаркому о необходимости формального устранения засидевшегося комиссара временного правительства Соловьева и передачи его полномочий кандидату Якутского совета Андреевичу. Согласие СНК последовало быстро. С своей стороны Восточно-Сибирский областной исполнительный комитет С. Р. и С. Д. послал в Якутск следующую телеграмму: «Согласно распоряжения Совета Народных Комиссаров областной комиссар Соловьев устранен. Представителем власти Якутска признается лишь Совет рабочих депутатов. Все распоряжения каких-либо других организаций считаются незаконными и исполнению не подлежат. Все средства переходят в ведение Совета рабочих депутатов. Янсон».

Лишившись формальной базы для своей власти, Соловьев и стоящие за ним якутские эсеры, однако, решили не сдавать своих позиций. Соловьев обратился к населению со следующим воззванием: «Граждане! Народный комиссар Лацис сообщил якутскому казначейству о смещении меня как областного комиссара и сделал распоряжение о неисполнении моих ассигновок. Вместе с сим сообщил, что областным комиссаром назначен Андреевич. Казначейство такому распоряжению подчинилось. Я, как избранный общественными организациями, обращаюсь ко всем гражданам с приглашением обсудить шаг вмешательства в якутское самоуправление новой династии Ленинцев и решить вопрос о конструировании власти Со своей стороны, я прошу освободить ме-

ня от обязанностей областного комиссара, ибо против меня возбуждается темная масса, и я не хочу быть причиной каких-либо столкновений... Инициативу по созыву общественных и политических организаций прошу взять на себя комитету охраны революции. Областной комиссар В. Соловьев».

Это вынужденное заявление Соловьева свидетельствовало о том, что эсеры чувствовали бессилие удержать в своих руках власть. Однако, стоящий за их спиною настоящий хозяин — якутская национальная буржуазия (тайонат) — отнюдь не считал игру контрреволюции проигранной. На сцену выступил сначала «комитет охраны революции» (ни больше, ни меньше!), а затем появился т. н. «областной совет», состоявший из представителей якутского земства, пресловутого «Военного и крестьянского совета», а также различных специально для этой надобности созданных организаций. Этот «областной совет» возглавился ставленником тайоната В. Поповым, капитаном Бандалетовым, В. Соловьевым, Корниловым, С. Корякиным и др. Эсеры в «областном совете» взяли на себя полицейские функции. Начальником милиции был назначен бывший ссыльный эсер Клингоф, его ближайшими помощниками члены той же организации: Геллерт, Белошицкий, Медницкий и др.

Прикрывшись названием «совета», якутская контрреволюция начала действовать. Распоряжением «областного совета» военным караулом были заняты казначейство, почта и телеграф, электрическая станция и областная типография. Захватив эти учреждения и имея в своих руках эсеровскую милицию и гарнизон, Поповы, Бандалетовы, Соловьевы и компания рассчитывали выжидать, ставя ставку на время и рассчитывая на политические перемены в центре.

Однако ни образование контрреволюционного «областного совета», ни его действия не встретили сочувствия у трудящихся Якутска и области, а также внесло сумятицу в ряды служащих почты, телеграфа и казначейства, которые привыкли жить распоряжениями центра и яснее других понимали последствия контрреволюционной авантюры гг. Поповых, Соловьевых и компании.

В ответ на захват власти агентами якутской буржуазии профессиональные союзы в Якутске об'явили всеобщую стачку и образовали стачечный комитет г. Якутска. К 15 февраля 1918 года в Якутске бастовали: служащие казначейства, союз почтово-телеграфных служащих, союз металлистов (электрическая станция, городской телефон, лесопильный завод), союзы парикмахеров, часовщиков, переплетчиков и др.

Перед нами лежат около полутора десятков номеров «Бюллетеня стачечного комитета г. Якутска», издававшегося с 15 февраля по первую половину марта. В этом «Бюллетене», напечатанном типографским способом, номера заполнены воззваниями, резолюциями и хроникой событий этого периода борьбы за власть между рабочими организациями и якутской контрреволюцией. В № 5 «Бюллетеня» от 19 февраля мы находим следующую резолюцию союза грузчиков: «Союз грузчиков г. Якутска на общем собрании своих членов 15 февраля постановил, поддерживая требования служащих казначейства, почтово-телеграфных служащих и других профессиональных союзов г. Якутска, об'явить с утра 16-го забастовку. В силу этого на отрядные работы в городскую управу и продовольственного комитета — пилка дров, насыпка соли и вообще на какие-либо другие работы, впредь до разрешения стачечного комитета члены профсоюза грузчиков не выйдут». И еще резолюцию: «Союз столяров на общем собрании от 16 февраля постановил примкнуть к забастовке». «Союз пожарников, высказывая свою полную солидарность с бастующими, постановил прекратить все работы, не имеющие прямого отношения к пожарному обозу».

Забастовка перекинулась из Якутска в область. В том же № «Бюллетеня» мы читаем: «Забастовка по тракту. Из Чекуровской, Олекминска и Витима сообщают (по телеграфу) о полной поддержке забастовки в Якутске. На станциях об'явлена почтовая забастовка. В Витиме почтово-телеграфные служащие постановили не работать по телеграфу с Якутском, почту, адресованную в Якутск, задерживать в Витиме, вышедшую из Витима — задерживать в Олекминске, отправленную из Олекминска доставлять только до Покровска»... Или вот еще — «На общем собрании граждан с. Покровского, состоявшемся 15 февраля с. г., постановлено: как меру протеста против действий и власти «областного совета», об'явить приостановку всякого рода движения почты без разрешения стачечного комитета».

Так трудящиеся Якутской области реагировали на захват власти якутской контрреволюцией.

Однако, среди забастовавших служащих зрела и измена. 20 февраля состоялось собрание части служащих правительственных, земских и общественных учреждений,— т. е. главным образом якутской и русской интеллигенции, которая приняла следующую резолюцию: «1) Принимая во внимание, что Совет Народных Комисаров является врагом народной воли и единственным виновником общей государственной разрухи и царящего насилия, собрание не признает Совета Народных Комиссаров и местные организации, создаваемые им, органами законной власти. 2) За отсутствием законной

центральной власти, единственной местной законной властью признает Якутский областной совет, как орган, организованный с участием земства и городской думы, избранных по 4-членной формуле, и выражающий волю области. 3) Забастовку служащих казначейства, почты и телеграфа признать актом, обусловленным политическими соображениями, но не профессиональными. Председатель собрания М. Николаев. Секретари А. Жураковский и Г. Попов».

Через несколько дней часть служащих казначейства стала на работу. В № 11 «Бюллетеня» от 25 февраля имеется следующая резолюция рабочих печатного дела: «Обсудив вопрос об измене части служащих казначейства, вступивших в соглашение с обл. советом, союз рабочих печатного дела гор. Якутска постановил итти рука об руку с товарищами металлистами и почт.-тел. служащими и продолжать забастовку вплоть до удовлетворения следующих требований: 1) полного невмешательства во внутреннюю жизнь таких общегосударственных учреждений, как почта, телеграф, казначейство; 2) полная гарантия неприкосновенности личности каждого члена союза, участвующего в забастовке; 3) сохранение установленного в первые дни революции 1917 года внутреннего распорядка в типографиях; 4) удовлетворение установленным жалованьем за все время забастовки; 5) удаление всех штрейкбрехеров; 6) вывод караула из всех бастующих учреждений и предприятий.—Брусенина, В. Жилин, Синицын, Бик, Сусоль, Татаринцев, Кимельман, Беледа, Дроздова, Ясенецкая, Васильев, Прокопьев, А. Кузнецов, Лошкарев, А. Царственный, Г. Баширов, К. Шафран, Чистяков и А. Сизых».

Что же делал в этот момент Якутский совет рабочих депутатов? Развив огромную энергию по проведению забастовки, он решил переизбраться. Была образована избирательная комиссия, которая 18 февраля приступила к своей деятельности. Выборы в новый Якутский совет рабочих депутатов состоялись в начале марта. 12 марта состоялось первое заседание новоизбранного совета, на котором был сконструирован исполнительный комитет совета в следующем составе: Ершов Н.[1], Громов, Амосов Л., Виленская, Эренбург, Олейников, Свидерский, Чаплинский, Толстобров, Бубякин и Андреев.

Новый Совет рабочих депутатов приступил к развертыванию своей деятельности, но якутская контрреволюция тоже не дремала, и в ночь на 15 марта были произведены массовые аресты членов вновь избранного Якутского совета рабочих депутатов. В якутской тюрьме оказались следующие то-

[1] Ершов—меньшевик.

варищи: Оленев, Палагута, Нечаев, Шевлев, Зиверт, Амосов Максим, Чижик Б., Толкач, Иванов Ос., Амосов Леонид, Франкевич, Литвинов Ст., Бик Виктор, Бубякин Н., Свидерский, Веснин, Чаплинский, Голиков, Громов, Виленская, Олейников, Кавутский, Андреев В., Бук, Вокалевский, Толстобров, Эренбург, Бубякин Ин. Ареста удалось избежать лишь небольшой части Якутского совета во главе с председателем последнего Н. Ершовым. Эта группа, состоявшая из Н. Ершова, Гладунова и ряда якутской молодежи — Ст. Васильева, Карпеля, Альперовича и др., перешла на нелегальное положение и продолжала борьбу.

Трудно скрываться в таком маленьком городке, как Якутск. Все же оставшиеся неарестованными члены совета, опираясь на якутскую социал-демократическую организацию и революционные профсоюзы, умудрялись не только скрываться, но и развить большую деятельность. Они наладили связь с Иркутском по телеграфу через членов почтово-телеграфного союза, в течение трех месяцев издавали подпольный «Бюллетень Якутского С. Р. Д.» и т. п.

Арест совета был несомненно ударом по рабочим организациям Якутска. Становилось ясным, что своими силами якутским рабочим не восстановить советскую власть в области. Политическая забастовка становилась бесцельной — рабочим организациям приходилось менять тактику борьбы. 20 марта легальный стачечный комитет выпустил постановление о прекращении забастовки, в котором писал: «Все, что было возможно, рабочие сделали и не они будут виновниками в последующих событиях».

Значило ли это, что трудящиеся г. Якутска примирились с создавшимся положением? Нет. В «Бюллетене Якут. С. Р. Д.» можно найти резолюции с протестом против действий якутской контрреволюции. В номере 1 от 20 марта в «Бюллетене» напечатано: «Общее собрание п.-т. служащих, обсудив вопрос по поводу многочисленных арестов «областным комитетом» как членов Совета рабочих депутатов, так и граждан г. Якутска, считает действия «обл. совета» незаконными и, протестуя самым решительным образом, выносит глубокое порицание насильникам». Целый ряд аналогичных протестов был принят и другими организациями.

Среди якутской эсеровской организации контрреволюционные действия В. Соловьева, Клингофа и компании вызвали тоже замешательство. В «Бюллетене» № 1 мы находим «Открытое письмо к товарищам организации с.-р. в Якутске»: «Последнее собрание нашей организации по вопросу о конструировании власти и о выпущенном нашим комитетом воззвании к товарищам с.-р. мы были вынуждены покинуть. Однако, из организации мы не ушли. Мы думали, что кошмар

якутской действительности может пройти. Но кошмар не рассеивался, а наоборот все больше и больше сгущался. Очевидно гроза приближалась. И вот 16 марта разразилась и закончилась для нас, эсеров, позорным аккордом — арестом членов Совета рабочих депутатов, в организации которого наша организация приняла живое участие. Теперь вы спрашиваете нас о чистоте наших принципов. Но посмотрите сперва внимательно еще раз на вашу работу, товарищи, и скажите нам, кто должен напоминать о чистоте идеи социалиста, мы или вы. Сказать же вам, товарищи, мы должны: это ставит нас в положение открыто заявить вам, что да: идеи социалиста для нас настолько дороги и святы, что заставляют нас уходить из местной организации и отказаться от участия в позорном для членов организации кошмаре последних якутских дней. Члены организации с.-р. в Якутске: В. Приютов, П. Червинский, Н. Астраханцев, М. Пясецкий, А. Надеин».

В том же номере «Бюллетеня» мы находим описание демонстрации протеста: «В воскресенье после собрания союза учащихся группа молодежи вышла на улицу с пением революционных песен и пошла к тюрьме. По дороге приставали рабочие, и к тюрьме подошло человек 200. Произносили речи. Политических узников приветствовали и выражали им сочувствие от союза работниц, металлистов, печатников, инвалидов и отпускных солдат, грузчиков и др. Затем демонстранты с пением революционных песен возвратились в город...»

Однако резолюций протеста и демонстраций сочувствия было недостаточно, чтобы вырвать власть из рук якутской контрреволюции, мобилизовавшей все свои силы. Слабость этого периода борьбы за советы в Якутии проистекала из того, что г. Якутск был изолирован от области. Якутская беднота, населяющая улусы, не была еще втянута в борьбу и только выжидательно наблюдала за тем, что происходит в городе. Это было ясно в Иркутске для краевых и общесибирских советских организаций, которые внимательно следили за развитием борьбы в Якутской области.

Исполнительный комитет ЦИК'а советов Сибири, обсудив положение в Якутской области, принял решение о посылке в Якутск специального отряда для борьбы с якутской контрреволюцией, а также ряд других мероприятий, которые должны были обеспечить скорейшее восстановление власти советов в Якутской области. Общее руководство якутскими делами было возложено на автора этих строк.

От имени ЦИК'а советов Сибири в Якутск было послано несколько следующих официальных телеграмм. «Требуем немедленного освобождения членов Якутского совета, в про-

тивном случае в Якутскую область будут двинуты эшелоны карательного отряда, последствия чего лягут на ответственность «облсовета». Кроме того почтовые и телеграфные сношения с областью будут прерваны. Центросибирь. Яковлев». «Областному совету» в лице В. Попова и крупным якутским торговым фирмам была послана такая телеграмма: «В подкрепление нашего требования о немедленном освобождении арестованных товарищей, а также гарантии безопасности, ставим в известность, что будут арестованы все представители крупных торговых фирм Якутской области, находящиеся в Иркутске. То же будет сделано в отношении подрядчиков-якутов, находящихся в Бодайбо. На все товары, капиталы и другое имущество будет наложен секвестр. Требуем немедленного освобождения арестованных и срочного уведомления об этом. По полномочию Исполкома советов всей Сибири Виленский».

Для посылки в Якутск был избран небольшой красногвардейский отряд тов. А. Рыдзинского. Этот отряд был доукомплектован, снабжен боевыми припасами и к моменту открытия весенней навигации был отправлен в Качуг, где он должен был погрузиться на пароходы для следования в Якутск. ЦИК'ом советов Сибири было предложено Бодайбинскому совету Р. Д. также выделить отряд бодайбинских рабочих для усиления отряда т. Рыдзинского. Бодайбинский красногвардейский отряд под командой тт. Стояновича и Одишарио в Витиме присоединился к Иркутскому отряду, который согласно данным тов. Рыдзинскому инструкциям стал именоваться сводным красноармейским отрядом по борьбе с контрреволюцией в Якутской области.

В Якутске прихода красных войск ждали.

Ждали его сидящие в тюрьме члены Совета рабочих депутатов, ждали оставшиеся на воле товарищи, которым тяжело приходилось в якутском подполье, ждало население... ждали и гг. Поповы, Соловьевы, Бандалетовы, Клингофы, Геллерты и компания. Однако, отряд тов. Рыдзинского не только подошел незамеченным к Якутску, но и быстро занял его. Это может говорить только о том, что якутская контрреволюция дискредитировала себя в глазах населения. Соловьевы, Бандалетовы и иже с ними предпочли бежать из Якутска в улусы к своим приятелям тайонам.

К моменту прихода красных войск якутская социал-демократическая организация развила огромную энергию. Навстречу красным отрядам были высланы товарищи: Гладунов, Шура Попов, Карпель, Альперович, Пясецкий и др. Они информировали отряд о положении в городе и помогли ориентировке тов. Рыдзинскому, Стояновичу, Одишарио и их

помощникам в выработке стратегического плана захвата города.

Разделившись на несколько частей, красные войска 30 июня незаметно подошли к Якутску и почти одновременно заняли тюрьму, почту и телеграф, казначейство и др. пункты. Сопротивление было оказано только у казначейства. Главари якутской контрреволюции бежали в улусы.

Власть перешла в руки исполкома Якутского совета рабочих депутатов.

На ряду с пришедшими отрядами,— иркутским и бодайбинским,—был создан якутский красноармейский отряд, а также было приступлено к организации Красной гвардии. Для об'единения всех оперативных дел был создан военно-революционый штаб. Был создан также военно-революционный трибунал, который должен был разобраться в наследстве якутской контрреволюции. А наследство досталось неважное. Якутское казначейство было разграблено деятелями якутской контрреволюции, которые за время своего хозяйничания неособенно церемонились с народными деньгами. Запасы облпродкома тоже были расхищены гг. Корякиными, Шмыревыми и компанией.

С бурной энергией якутские рабочие организации под руководством большевистской организации и исполкома совета рабочих депутатов начинают советское строительство. Октябрь получает свое завершение—в далекой приполярной Якутской области, в гиблых местах бывшей царской ссылки взвивается наконец красное знамя власти советов.

Однако, торжество советской власти в Якутской области на этот раз было непродолжительно.

В то время, когда сводный отряд тов. Рыдзинского брал г. Якутск и освобождал из тюрьмы Якутский совет Р.Д., в Сибири началось восстание чехословацких войск, которые, по договору с центром, продвигались по Сибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток для того, чтобы оттуда уехать к себе на родину. Захватив в Западной Сибири ряд крупных городов, лежащих на линии железной дороги, чехословаки создали благоприятные условия для деятельности бело-эсеровской контрреволюции, которая, опираясь на чехословаков, повела бешеное наступление на советскую власть по всей Сибири.

ЦИК советов Сибири, находившийся в Иркутске, пытался организовать сопротивление чехословацкому наступлению, начав разоружение эшелонов чехословацких войск, находившихся в этот момент в Восточной Сибири. Однако, в обстановке развязавшейся бело-эсеровской контрреволюции задача оказалась трудной. После неудачного ис-

хода сражения красных войск с чехословаками у р. Белой участь Иркутска была решена. ЦИК советов Сибири должен был отнести линию обороны к озеру Байкал, оставив Иркутск.

В первых числах июля исполком Якутского совета связался проводом с Верхнеудинском, где в этот момент находился ЦИК советов Сибири. Товарищ Рыдзинский рапортовал о занятии Якутска. В ответ же якутяне от нас получили малоутешительную для них информацию об оставлении Иркутска, в котором в этот момент шли бои с чехословаками и бело-эсерами. Разговор по проводу так и остался незаконченным...

С занятием бело-эсерами Иркутска в Якутск был немедленно двинут бело-эсеровский отряд, который пришел в Якутск под командой офицера Гордеева к концу лета. Бежавшие в улусы якутские эсеры В. Соловьев, Клингоф, Геллерт и прочие вновь появились на политической арене Якутска. Осенью 1918 года, с утверждением в Сибири власти «верховного правителя» адмирала Колчака, эсер Соловьев сделался, милостью нового правителя, «управляющим Якутской областью», каковым оставался до конца существования колчаковщины в Сибири.

Якутские эсеры со своими союзниками из рядов якутской контрреволюции под охраной белых банд Гордеева жестоко расправились со многими из деятелей якутского рабочего движения. В Якутске погиб Ян Зиверт—был расстрелян. Значительная часть была арестована и отправлена в иркутскую тюрьму. Огромному большинству якутских рабочих пришлось бежать из Якутска вверх по р. Лене или скрываться в улусах. Тов. Рыдзинский с частью отряда пытался пробиться к Иркутску, но под Киренском был разбит бело-эсерами.

Эсер Соловьев по «полномочию» Колчака правил Якутской областью до декабря 1919 года. Пала власть адмирала Колчака—пала власть его ставленника в Якутске. Из глубокого подполья вышли вновь рабочие организации. В начале 1920 года в Якутске образовался Революционный комитет, который установил прочную связь с Иркутском, где в этот момент находилась уже V Красная армия.

Вновь было водружено красное знамя советской власти в Якутской области, но гражданской войне в области суждено было продолжаться еще несколько лет. Тайонат — якутская буржуазия и националистическая интеллигенция не хотели примириться с утверждением власти трудящихся. Область пережила ряд переворотов и крупных восстаний и т. п. Заговор националистической интеллигенции, т. н. заговор Оросина, набег белобандитов, типа колчаковского

«генерала» Пепеляева, отдельные восстания под руководством тайонов — все это длилось еще несколько лет и унесло много жертв. Однако несмотря на все эти препятствия и трудности, трудящиеся области, и в особенности рабочие Якутска, отстояли власть советов и окончательно завершили борьбу в 1922 году. В этом году Якутская область превратилась в Якутскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Период 1920—1922 гг. имел ту отличительную особенность от периода 1917—1918 гг., на котором мы подробно остановились, что главными деятелями и руководителями за утверждение советской власти была главным образом уже якутская молодежь, начавшая свою политическую учебу в кружках бывших политических ссыльных и затем прошедшая суровую школу вооруженной борьбы за советы в 1917—18 гг. Это были: Максим Амосов, Платон Слепцов, Степан Аржаков, Исидор Иванов, Степан Васильев, Александр Попов, Дора Жиркова, Редников, Синеглазова, Карпель, Альперович, Пясецкий и др. На их долю выпало руководство завершением борьбы за советы в Якутской области, начатой в 1917 году под руководством якутской с.-д. организации большевиков, руководящее большинство которой являлось бывшими политическими ссыльными.

Якутский Октябрь, несколько растянувшийся во времени, но по существу своего значения являющийся подлинным детищем великой Октябрьской революции, был делом чести последнего поколения революционного крыла бывшей политической ссылки. Приполярная царская тюрьма без замков и железных решеток, почти на протяжении столетия высасывавшая молодые жизненные соки из политических противников царизма, эта страна усилиями и волей к борьбе бывших ссыльных сбросила проклятое наследие прошлого и превратилась в свободную Автономную Советскую Социалистическую Республику.

С. Щербинин

Октябрьская революция в Бодайбо

Ленский золотопромышленный район в период империалистической войны по добыче золота достиг своего максимального развития. Царским заправилам нужно было золото для ведения войны. Все рабочие, занятые на работах по добыче золота, были освобождены от мобилизации на фронт, считаясь мобилизованными для работ на «оборону». Это дало возможность ленским заправилам набрать довольно большое количество рабочих, в 1915 году доходившее до 10 тысяч человек, а перед революцией их число (правда, вместе с семьями) возросло до 20 тысяч. Это обстоятельство дало возможность администрации приисков, не применяя усовершенствованных машин, а используя исключительно мускульную силу рабочих, довести добычу золота в 1916 году до 1.050 пудов, а в 1917 году до 850 пудов. Разумеется, эксплоатация рабочих на приисках царила невероятная: низкая заработная плата, тяжкие жилищные условия, общее бесправие и ничем не ограничиваемый произвол администрации усугублялись сокращением нормы выдачи продовольственных товаров.

Разумеется, рабочие, в памяти которых еще не выветрились воспоминания о ленских событиях, затаив злобу к царскому правительству, помещикам и капиталистам, ждали подходящего момента для того, чтобы силой разрушить ненавистный строй и рассчитаться со своими угнетателями.

Но февральская революция не принесла рабочему классу освобождения от ига капитала.

Организованный в Бодайбо после февральской революции первый Совет рабочих депутатов в своем огромном большинстве состоял из соглашателей — эсеров и меньшевиков. Большевиков в это время в совете было всего 3—4 человека, но вокруг них сплотилась группа беспартийных депутатов рабочих, своим пролетарским чутьем инстиктивно понимавшая, что только большевики являются выразителями интересов рабочего класса.

Попытки меньшевиков и эсеров обезличить совет, придать ему характер «мелкой земской единицы» не увенчались успехом.

Маленькая группа большевиков (К. Мальцев, Долгушев, Брунштейн и я), опираясь на беспартийных рабочих, повела агитацию за перевыборы советов под большевистскими лозунгами. В этот период до нас стали доходить известия о том, что в Питере назревают бои за власть советов. Под влиянием обострившейся классовой борьбы большинство рабочих Ленских приисков решительно стало переходить на сторону большевиков. Наша большевистская организация стала расти не по дням, а по часам.

При перевыборах Бодайбинского совета наша организация выставила свой список кандидатов в члены совета. Меньшевики и эсеры, будучи еще хозяевами положения и владея газетой совета, не только отказывались помещать в ней наши статьи, но даже не позволили напечатать в ней наш список кандидатов в члены совета. Но им не удалось лишить нас возможности обратиться к широким рабочим массам: мы сумели на ротаторе отпечатать списки кандидатов и наши лозунги.

Вскоре мы получили сведения, что в ближайшем к нам центре Восточной Сибири — Иркутске — начались бои советских военных частей, возглавленных местной большевистской организацией, с юнкерами. Известие же о разгроме юнкеров и победе советской власти в Иркутске совпало с нашей победой: при перевыборах Бодайбинского совета мы собрали огромное большинство голосов, и список наш прошел полностью. В новом совете оказалось большинство сторонников советской власти, приступивших под руководством нашей организации к осуществлению большевистских лозунгов. Прошедшие в совет в небольшом числе меньшевики и эсеры всячески старались нам мешать, при обсуждении каждого вопроса устраивали дискуссии и тем превращали совет в пустую говорильню. Так продолжалось дня два. Но за это время нам все же удалось наметить кандидатов на посты комиссаров всех правительственных учреждений. По утверждении их в должностях специальным постановлением исполкома Совета рабочих депутатов, они приступили к работе.

В широких размерах развернулась организация Красной гвардии, работа по постановке продовольственного дела во всем приисковом районе, по организации милиции и революционного трибунала.

На третьем заседании исполкома по предложению нашей фракции были выведены из состава исполкома мешавшие нам работать над организацией жизни в крае и осущест-

влять большевистские лозунги меньшевики и эсеры. Сейчас же после этого был созван пленум совета и вместо исключенных соглашателей были избраны членами исполкома стоящие на платформе «вся власть советам» товарищи.

Еще на первом заседании вновь избранного совета наша фракция внесла предложение о национализации местной типографии, реквизиции одного из принадлежавших совету съездов золотопромышленников зданий для размещения в нем исполкома совета и, наконец, предложение о наложении контрибуции на местную буржуазию. Разумеется, меньшевики и эсеры всемерно пытались противодействовать проведению в жизнь этих мероприятий обычными для них методами, сводившимися к дискредитации большевиков. Но эта их оппозиция и приемы окончательно оттолкнули от них рабочих. Ряд революционных мероприятий, в том числе и перечисленные, нами были осуществлены при полной поддержке самых широких рабочих масс.

Хотя нам удалось связаться с Сибирским революционным центром (Центро-Сибирью), но, к сожалению, мы настолько были оторваны от всех руководящих партийных центров, что не могли получать своевременно их директив. Но благодаря наличию у нас в это время хотя и небольшого, но сплоченного партийного коллектива, состоявшего преимущественно из бывших ссыльных, нам удалось сравнительно быстро организовать органы советской власти, провести в жизнь принципы диктатуры пролетариата.

Таким образом, во всем Бодайбинском районе почти одновременно с разгромом юнкеров в Иркутске вся власть оказалась в руках советов.

Но мирное утверждение советской власти продолжалось очень недолго. Нам вскоре пришлось готовиться к выступлению против Якутска, где, опираясь на белых офицеров, меньшевики и эсеры захватили власть, арестовали всех местных большевиков и стали угрожать продвижением на Бодайбо. Они запретили якутам подвоз продовольствия в приисковый район, стремясь «костлявой рукой голода» низвергнуть власть советов. Но и внутри приискового района буржуазная контрреволюция не дремала. Местная буржуазия под идейным руководством инженера Малоземова вкупе с эсером Малиновским и меньшевиками Атласом, Мекелем, Амброзевичем и другими готовилась к свержению власти советов, пыталась захватить оружие, устроить нападение на Красную гвардию и переарестовать нас. Они опирались при этом на союз фронтовиков, организовавшийся из бежавших из Иркутска после подавления юнкерского восстания офицеров и солдат.

Но мы не дали возможности нашим врагам организоваться: раскрыв их организацию, мы арестовали большинство ее участников.

Весной 1918 года наша Красная гвардия, совместно с отрядом Центро-Сибири, выступила против якутских белогвардейцев.

К походу на Якутск мы вынуждались и активностью якутских белогвардейцев, мешавших снабжению продовольствием приискового района. Пользуясь тем обстоятельством, что в Якутии и Приленском крае очень мало рабочих, белогвардейцы подавили их попытки установления советской власти и наиболее активные из этих рабочих томились в тюрьмах.

С целью оказания нам помощи в деле завоевания Якутска Сибирский революционный центр выделил отряд под командой товарища Рыдзинского. До прибытия этого отряда наши части были вооружены только ружьями и не имели пулеметов. Поэтому начать вооруженную борьбу с якутскими белогвардейцами до прибытия отряда товарища Рыдзинского мы не решались, а вели только подготовительную агитационную работу. Ко времени нашего выступления, мы успели связаться с сочувствовавшими нам бывшими политическими ссыльными, жившими в Приленском крае и отчасти в Якутске. При их помощи мы воздействовали на население Якутии, начиная от Олекмы.

С целью ослабить нашего врага — якутских белогвардейцев — мы с самого начала захвата ими власти в Якутии постарались не пропускать в Якутск ни одного парохода и прервали с ним (Якутском) телеграфную связь, перерезав провода.

Население края, дорожившее пароходным сообщением, являвшимся единственным источником снабжения его товарами первой необходимости, с открытием навигации не видевшее ни единого парохода, очень быстро прониклось недовольством по отношению к якутскому белогвардейскому правительству.

При помощи сочувствующих нам ссыльных мы установили тесную связь с группами, недовольными якутской властью, отыскали среди телеграфистов Приленского края и Якутска сочувствовавших нам телеграфистов. Установив с ними прочную связь, мы всегда знали о том, что делается в стане врагов. Этих же телеграфистов мы впоследствии использовали и для восстановления испорченной телеграфной связи.

Когда мы выехали в первый раз для переговоров с Якутским правительством, мы отправились в путь невооружен-

ными, используя свои встречи с населением для агитации в пользу советской власти.

Узнав о нашем выезде в Якутск белогвардейцы пытались запугать нас, распустив слух о минировании реки. Попытки белогвардейских генералов натравить население на нас оказались безуспешными: оно не только не хотело вступать с нами в вооруженный конфликт, но и препятствовало военным замыслам своего правительства.

Приехав в Олекму, мы вступили в переговоры по прямому проводу с якутским правительством, выразившиеся в предъявлении обоюдных ультиматумов. Не удовлетворяясь этим, Якутское правительство отдало Олекминским властям распоряжение об аресте нашего парохода. Задержав наш пароход, олекминцы, однако, не решались арестовать нас и не препятствовали нашему выезду из Олекмы на подводах.

Свое пребывание в Олекме мы успели использовать для организации группы сторонников советской власти, в которую помимо бедноты города вошло также и четыре телеграфиста.

Через два часа после нашего выезда эта группа созвала собрание граждан Олекмы для вынесения протеста против действий белогвардейских властей. На этом собрании наши сторонники выступили с таким, примерно, заявлением: «Вот до чего наши правители доводят: к нам явились с мирными намерениями, с желанием договориться о восстановлении такой власти, какая существует по всей России, за исключением только нашего края, а мы отобрали у делегатов пароход. К чему это поведет? Большевики вынуждены будут пойти на нас войной. И если они это сделают, то пусть воюют с ними те (т. е. правители), которые провоцируют. Мы же во избежание войны задержанный пароход должны отпустить».

Собрание граждан Олекмы согласилось с точкой зрения наших сторонников: по его постановлению, вопреки распоряжениям якутского правительства, с парохода была снята военная охрана и он отправился вслед за нами, нагнав нас в километрах 30 от Олекмы. Сев на пароход, мы вызвали из Бодайбо отряд красногвардейцев во главе с т. Стояновичем, и из Жигалова (2.000 километров от Олекмы) отряд товарища Рыдзинского, давно ждавшего нашего распоряжения.

В Олекму наши части вступили без боя. Население защищать белогвардейцев не хотело, а вооруженные отряды последних, поняв бесцельность сопротивления, капитулировали, и мы ограничились арестом только их верхушки.

Значительно сложнее обстояло дело со взятием Якутска, в котором было больше военных сил, руководимых офицерами с Бондалетовым во главе.

Разбив наш отряд на части, одну из них мы направили на моторных лодках под видом мирной экспедиции в объезд г. Якутска. Эта часть должна была высадиться на берег ниже Якутска и уже оттуда начать свое наступление на город.

Благополучно выполнив этот план, наша часть напала на нижнюю (по течению р. Лены) часть Якутска. Неожидавшие нападения с этой стороны белогвардейцы растерялись, и нашей части удалось освободить сидевших в местной тюрьме большевиков. Вспыхнувшее в это время внутри Якутска восстание окончательно деморализовало белых. Подошедшие в это время к верхней части Якутска наши отряды, хотя и встретили вооруженное сопротивление (при чем с обеих сторон в общей сложности было много жертв), быстро разгромили белых:

Якутск оказался в наших руках.

После взятия с боем Якутска и утверждения в нем советской власти мы приступили к организации в нем и в крае хозяйственной и политической жизни.

Как в приисковом районе, так и в Якутии мы, приступив к организации советской власти в крае, прежде всего постарались установить правильные взаимоотношения с крестьянством.

Создавая в деревне органы советской власти, мы обычно выдвигали в председатели сельсоветов исключительно представителей деревенской бедноты. Только иногда мы делали из этого правила исключения в пользу бывших политссыльных, твердо стоявших на платформе советской власти.

Ведя вооруженную борьбу с белогвардейцами, мы опирались не только на моральное сочувствие крестьян, но и на их материальную поддержку. Через органы местной советской власти мы получали от крестьян лошадей для конной разведки, перевозки пулеметов и т. п. Стремясь сохранить симпатии крестьянства, мы оплачивали наносимый нами беднякам и середнякам материальный ущерб, вознаграждая их за каждую услугу.

В отношении же кулачества мы занимали другую позицию: мы облагали кулаков контрибуцией, производили реквизицию части их имущества и передавали его в пользование крестьянских кооперативов (Петропавловск, Чечуйск). Проводя такую выдержанную классовую линию, мы считались и с местными условиями. Например, при установлении твердых цен на лошадей, коров, телят и оплату различных

услуг мы всегда совещались с местными работниками, считались с их мнениями и особенностями данного района. Такого рода политика обеспечила нам сочувственное отношение бедняцко-середняцкой части крестьянства во весь период гражданской войны, хотя последняя для многих сел являлась крупным бедствием. Жители многих районов Приленского края и Якутии никогда не слыхали звуков выстрелов из солдатских ружей и не видали пулеметов. В таких местах, где бои происходили из-за обладания той или другой деревней, в особенности если в последней закреплялись белые, все крестьяне, включая стариков и младенцев, покидали деревню, уводя в горы и лес весь свой скот. Иногда нам приходилось занимать абсолютно пустые деревни, в которых не оставалось ничего живого. Но и в таких местах мы очень быстро добивались сочувственного к нам отношения крестьян тем, что не применяли к ним никаких мер принуждения, не производили мобилизаций и в принудительном порядке не пользовались трудом крестьян, поэтому крестьяне по занятии нами деревень очень быстро возвращались в покинутые жилища. Опираясь на действенную поддержку бедняцкой части деревни, мы в порядке добровольности производили не только необходимые работы, но даже и пополнения людьми своих отрядов, правда, в незначительном числе. Белогвардейцы же обычно производили мобилизацию, реквизировали лошадей, подводы, припасы и за все отнятое у населения ничего не платили последнему. Поэтому крестьянство относилось к белогвардейцам в большинстве случаев враждебно, стараясь по мере сил утаивать от них инвентарь, скот и продукты.

Очистив край от белогвардейцев, мы, к сожалению, не могли отдаться мирному социалистическому строительству, потому что вскоре вспыхнувшее восстание чехословаков вынудило нас возобновить гражданскую войну.

Вскоре под натиском чехов пал Иркутск. В Киренске местные белогвардейцы, воодушевленные успехами чехов, восстали и, арестовав членов совета, захватили власть в свои руки.

Получив известие о падении Киренска, наша организация приняла решение об укреплении советской власти во всем Приленском крае и, в целях обеспечения нормальной жизни в Бодайбо, решила немедленно принять меры к освобождению Киренска и его района от белогвардейцев. Немедленно же по направлению к Киренску был отправлен отряд красногвардейцев, ведший в течение почти двух месяцев успешные бои с белыми.

Несмотря на то, что наш красногвардейский отряд состоял в своем большинстве из рабочих, не участвовавших

ранее в боях и не искушенных в военном искусстве, нам удавалось, непрерывно громя белых и отбирая у них пункт за пунктом, успешно продвигаться к Киренску.

К сожалению, получив сильное подкрепление, во главе которого стоял бандит Красильников, белые, пользуясь значительным перевесом сил, разбили нас.

Этим разгромом вопрос о судьбе советской власти в приисковом районе был решен в пользу белых, конечно, только на время.

Т. Свидерский-Политовский

Борьба за Октябрь в Никольске-Уссурийском и Владивостоке

Борьба за Октябрь на Дальнем Востоке велась при чрезвычайно тяжелой обстановке не только потому, что Дальний Восток слишком оторван от революционных центров и редко населен, но еще и потому, что он был намечен «союзниками» как плацдарм для интервенции и концентрации контрреволюционных сил против советской власти.

История геройской борьбы дальневосточных партизан описана в целом ряде брошюр, журнальных и газетных статей, а потому я остановлюсь бегло только на тех моментах, которые запечатлелись в моей памяти и имеют историческое значение.

О февральской революции мы узнали на Дальнем Востоке спустя несколько дней после ее совершения в центре, так как краевые и местные власти до последнего момента скрывали сведения об этом.

Но «шила в мешке не утаишь», и как только известия о перевороте докатились до Владивостока, весь город превратился в сплошной митинг.

Были освобождены из тюрьмы политзаключенные, создан комитет безопасности, а затем организован Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Понятно, что сейчас же между меньшевиками и эсерами— с одной стороны, и большевиками — с другой, начались споры о характере и значении февральской революции.

В то время как меньшевики считали, что революция должна быть буржуазной, а не пролетарской, что войну необходимо вести до победного конца, мы утверждали обратное, а именно, что февральская революция является преддверием пролетарской революции, что империалистическая война должна быть превращена в гражданскую и т. д.

В своих выступлениях мы опирались на работы т. Ленина; его статьи и передовицы периодически получавшейся «Правды» являлись для нас руководящим материалом.

Пока в совете большинство было на стороне меньшевиков и эсеров, борьба ограничивалась дискуссией, но как только рабочие массы убедились на деле в контрреволюционной сущности меньшевизма, большевики постепенно стали завоевывать рабочие массы.

В конце июля я был мобилизован и зачислен в Никольско-Уссурийский гарнизон, в котором, как и во Владивостоке, меньшевики и эсеры вели сильную борьбу против большевиков и агитацию за отправку гарнизона на фронт. В их распоряжении находилась военная типография, которую они использовали для периодического выпуска меньшевистско-эсеровской газеты.

Для того чтобы противодействовать им, мы решили сорганизовать большевистскую военно-боевую организацию и, опираясь на последнюю, использовать гарнизон в интересах пролетарской революции. На первое наше организационное собрание явились меньшевики и эсеры и упомянутую организацию пришлось наименовать — беспартийной военно-боевой организацией.

В сентябре мы уже имели большинство в данной организации, и она была переименована в большевистскую, но, несмотря на это обстоятельство, слухи об отправке гарнизона на фронт не прекращались, а агитация за отправку его на фронт со стороны наших противников усилилась и велась еще более энергично чем раньше.

В половине сентября (даты не помню) ко мне, как председателю совета, явился один из товарищей—беспартийный солдат—и сообщил, что в офицерском гарнизонном собрании происходит секретное совещание офицеров гарнизона с приехавшим в город генералом по вопросу об отправке гарнизона на фронт.

Я немедленно созвал совещание большевистской военной фракции, на котором мы решили в срочном порядке созвать СРСиКД, вызвать на это совещание приехавшего генерала для об'яснения, а офицерское собрание об'явить распущенным.

Явившийся к нам генерал оказался эмиссаром временного правительства и заявил, что он действует на основании распоряжения временного правительства и просил СРСиКД выполнить приказ последнего и приступить к отправке гарнизона на фронт. После довольно серьезных прений по этому вопросу мы никакой резолюции не приняли, так как настроение собравшихся депутатов было неопределенным, но, приняв во внимание то обстоятельство, что меньшевиков и эсеров поддерживают полностью представители казачьих частей и некоторые из колеблющихся представителей армей-

ских и артиллерийских частей, мы опять созвали заседание фракции, на котором решили созвать массовое гарнизонное собрание на открытой площади и поставить там вопрос, как быть.

Тут же наспех мною была набросана следующая резолюция:

1) Приказ временного правительства о посылке гарнизона на фронт считать незаконным.

2) Гарнизон распустить по домам.

3) Выдать каждому из демобилизованных по винтовке и по 50 патронов к ней, которые использовать только для углубления и защиты революции.

4) Предложить приехавшему эмиссару временного правительства немедленно покинуть пределы города.

Вскоре вся площадь была заполнена солдатами, пришедшими туда в стройных ротных колоннах и с красными знаменами во главе; конечно, казачьих частей на собрании не было; их уговорили сохранить нейтралитет и оставаться в казармах, что нами было заранее учтено.

Короче говоря, после непродолжительных прений упомянутая выше резолюция была принята полностью, а пытавшихся возражать против нее — меньшевиков, эсеров и некоторых представителей казачьих частей—собрание отказалось даже слушать.

Так Никольско-Уссурийский гарнизон, не имевший возможности об'явить на Дальнем Востоке советскую власть и начать гражданскую войну, предпочел самораспуститься, чем итти на империалистический фронт. В начале ноября я вернулся во Владивосток и был послан на работу в качестве члена городской управы от фракции большевиков.

Основной базой меньшевиков и эсеров во Владивостоке являлся союз торгово-промышленных служащих, союз квартиронанимателей и им подобные. Что касается портовых рабочих, рабочих временных ж.-д. мастерских и союза грузчиков, то последние находились под влиянием большевиков, благодаря чему и большинство в СРСиКД и в исполкоме было на нашей стороне. В конце января или в начале февраля 1918 года по постановлению исполкома мы захватили почту и телеграф.

Захватом телеграфа руководил т. Мельников, который и был назначен комиссаром, а захват был произведен при следующей обстановке. План захвата телеграфа был нами намечен ранее, а потому мы в количестве 10—12 вооруженных лиц явились к зданию и, захватив все выходы и входы в телеграфную контору, собрали всех чиновников в одно по-

мещение и об'явили им о том, что по постановлению исполкома на почте и телеграфе вводится советская власть, а т. Мельников назначен комиссаром, которому они и должны подчиняться.

Некоторые из сотрудников пытались возражать против наших революционных действий, но мы заявили им, что действуем на основании революционной законности и никакие возражения не могут быть допущены. Характерно, что один из чиновников пытался испортить прямой провод, за что чуть не поплатился жизнью, так как товарищ, стоявший на посту, хотел его пристрелить.

Здесь может возникнуть вопрос, почему Владивостокский исполком не сразу приступил к захвату всей власти в руки советов, а ранее всего захватил почту и телеграф.

Дело в том, что борьба за советскую власть на Дальнем Востоке, как я уже говорил выше, велась при исключительных условиях, кроме того, мы находились под давлением консульского корпуса, который все время вступался за меньшевиков и эсеров, опираясь на вооруженную силу сперва в виде стоящих на рейде «союзных» военных кораблей, а затем на японский десант и чешские эшелоны. Захват телеграфа и почты мы форсировали потому, что нам был нужен прямой провод для переговоров с центром, а местные власти чинили нам в этом препятствия.

В первых числах мая по постановлению СРСиКД и исполкома были захвачены городская и земская управа и об'явлена советская власть. При захвате городской управы нам было оказано некоторое сопротивление, и даже один из меньшевиков пытался нанести мне удар, но присутствующие тут же рабочие и грузчики задали сопротивлявшимся такую трепку, что несколько из них было отправлено в больницу.

После захвата всех функциональных учреждений и объявления советской власти в городе фактически создалось две власти. Бывшие члены городской управы, не признавая советской власти, засели в своих кабинетах и распоряжались попрежнему, а служащие б. городской управы объявили забастовку. Что касается низших сотрудников и рабочих, то они оставались на своих местах, всячески помогая нам наладить городское хозяйство. Хотя более квалифицированные служащие через несколько дней вернулись к работе, но они или саботировали наши распоряжения, прибегая к итальянской забастовке, или старались все поступающие в городские кассы суммы сдавать бывшим членам городской управы.

Такое положение становилось невыносимым, тем более, что к нам был пред'явлен целый ряд денежных требований, а поступления в кассы шли на контрреволюционные цели.

По постановлению коммунального совета мне дано было распоряжение покончить с этим безобразием, и я при помощи вооруженных рабочих не только изгнал из пределов городской управы засевших там бывших ее членов, но помимо этого захватил городской банк, трамвайный парк, электрическую станцию и другие коммунальные отделы, поставив в каждом из них комиссара.

Характерно, что при захвате городского банка директор последнего спрятал все ключи от касс и сейфов и, только после того как ему были приставлены к вискам дула револьверов, указал, где находятся таковые.

Одновременно с захватом городского банка мы вооруженной силой захватили и Русско-Азиатский банк, но благодаря протесту консульского корпуса мне было дано распоряжение оставить это учреждение в покое. Наладив коммунальное хозяйство, мы приступили к созданию Красного штаба и организации Красной гвардии.

Между тем контрреволюционные силы с каждым днем усиливались.

Так в марте месяце был высажен во Владивостоке японский десант. Под руководством японцев организовались белогвардейские ячейки, прибывали в город чехо-словацкие эшелоны, которые вооружались «союзниками» якобы для отправки во Францию против германцев.

Зная хорошо, что концентрация чешских эшелонов во Владивостоке имеет своей целью свержение советской власти на Дальнем Востоке и организацию фронта против Красной армии, которая за этот промежуток времени чрезвычайно окрепла и нанесла целый ряд решительных поражений белогвардейским и интервентским армиям, мы среди чешских солдат повели агитацию за переход их на нашу сторону или за отправку во Францию, а так как чешское командование концентрацию сил объясняло запозданием транспорта, который должен быть прислан «союзниками», то мы предложили им отправить чешские части на наших коммерческих пароходах, от чего чешский штаб отказался.

Короче говоря, в первых числах июля советская власть на Дальнем Востоке была свергнута штыками тех же «демократов» чехов, при активной поддержке меньшевиков, эсеров, белогвардейцев всех мастей и «союзного штаба», который в самый решительный момент оказал им существенную вооруженную поддержку.

В первых числах июля я был разбужен ружейной пальбой со стороны исполкома, куда немедленно и отправился, но оказалось, что последний занят вооруженными отрядами чехословаков. Я тогда кинулся в порт. По дороге меня пы-

тались арестовать белогвардейцы, на которых я направил револьвер, и они разбежались в стороны.

Прибежав в порт, я застал там группу рабочих, которые горячо обсуждали создавшееся положение. Тут же был собран Красный штаб, который должен был вооружить рабочих и оказать сопротивление, а я и еще один рабочий были делегированы на миноносцы для информации матросов о перевороте и организации защиты советской власти.

На миноносцах мы застали уже сорганизовавшийся штаб, причем выяснилось, что многие из команд матросов находятся на берегу, что команды не укомплектованы для боевых действий, а котлы почти холодные. На заседании штаба мы решили: немедленно укомплектовать команды, поднять пар в машинах и приступить к зарядке минных аппаратов, после чего дать команду о выходе флотилии миноносцев в море, а затем приступить к боевым действиям.

Я был включен в состав штаба и от имени последнего делегирован к портовым рабочим для информации их о нашей готовности к бою. Высадившись на берег, я встретил т. Никифорова, которому сообщил о положении дел, и мы уехали обратно на миноносцы. На берегу организовывались и вооружались рабочие. Здесь необходимо отметить, что находившаяся в нашем распоряжении флотилия из шести кажется миноносцев и одной канонерской лодки была бессильна что-либо предпринять, тем более что вся она была закупорена в гнилом углу бухты «Золотой Рог», а «союзные» крейсера и броненосцы, которые находились на рейде, преграждали ей путь к выходу в море. Таким образом, мы оказались в мешке, а наша флотилия была абсолютна лишена маневренной и боевой способности.

Учтя создавшееся положение, мы решили, что после зарядки минных аппаратов будет дан сигнал к выходу в море, и если «союзные» корабли будут чинить нам препятствия, то последует команда дать огонь из минных аппаратов по союзным военным судам, целясь в их пороховые погреба. Но это не могло быть осуществлено, так как «союзники» угадали наш маневр, а быть может получили об этом соответствующую информацию. Как только мы сделали попытку приступить к зарядке минных аппаратов, дула всех пушек «союзных» кораблей были направлены на наши миноносцы и дан сигнал с союзного флагманского судна прекратить боевую подготовку с угрозой пустить нас ко дну. С «союзных» кораблей было отправлено к нам несколько катеров под командой японцев, на которых были поставлены пулеметы, и они стали кружиться около наших миноносцев, зорко следя за нами.

Делать было нечего, мы были обречены на гибель, но сдаваться не хотели.

Спустя некоторое время, «союзное» флагманское судно нам предложило избрать делегацию и прислать ее для переговоров.

Всю ночь наша делегация вела переговоры, находясь у «союзников» на корабле, а наша флотилия была окружена катерами союзников, на которых были расставлены пулеметы. Находясь под дулами наставленных на нее пушек, ярко освещенная прожекторами тех же «союзных» судов, наша флотилия оставалась в бездействии.

К утру вернулась наша делегация, которая сообщила нам, что между нами и «союзным» штабом заключен мир («Брестский»), на основании которого вся наша флотилия переходит в распоряжение «союзного» штаба и будет сдана «демократической» власти, а нежелающим оставаться в ее составе гарантируется неприкосновенность личности и отправка в Россию, если они пожелают.

Меньшинство матросов, которое считало подобный мир похабным и неприемлемым, бросило свою аммуницию и винтовки в воду и, не доверяя гарантийным грамотам союзного штаба, отправилось на берег. В числе их был и ваш покорный слуга.

Так предательски чехословацкими штыками, при активной поддержке меньшевиков, эсеров и «союзного» штаба, была свергнута советская власть на Дальнем Востоке, а все комиссары и наиболее активные работники советов были расстреляны или заключены в тюрьмы.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФРОНТЕ

К. И. Ратькевич

Октябрь на фронте

В ночь с 24 на 25 октября в Ленинграде рабочие, матросы и солдаты, руководимые партией большевиков, свергли временное правительство.

25 октября начальник Петроградского военного округа телеграфировал верховному главнокомандующему:

«Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказания не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату временного правительства.»

В этот же день между главнокомандующим—ближайшего к Петрограду—северного фронта генералом Черемисовым и начальником штаба Петроградского военного округа происходил по прямому проводу разговор.

— Сообщите, что у вас делается?

Ему отвечали:

— Идет планомерный захват государственных и общественных учреждений (заняты восставшими. — Ред.): центральная телефонная станция, государственный банк и другие. Правительство лишено остатков власти, и возможно покушение на захват самого правительства.

Тогда главкосев задает вопрос, показывающий на кого по его мнению может рассчитывать временное правительство.

— А что делают казаки?

— Казаки в течение целой ночи, несмотря на ряд приказаний, не выступили из казарм, — отвечают из штаба.

— Следовательно, они отказываются выполнять ваши приказания? — уточняет главкосев сообщение.

— До сего времени не исполнили...

— Хорошо, благодарю вас. До свидания.

Осторожный главкосев хотел знать, каково соотношение сил, чью сторону ему держать — временного правительства, из рук которого власть ускользает, или большевиков, к которым, видимо, власть переходит. Получив сведения из Петрограда, он будет выведывать настроение армий северного фронта.

Однако, не все так сдержанны и осмотрительны. Кое у кого еще сохраняются надежды. В тот же день комиссар северного фронта вел переговоры с начальником политического отдела военного министерства Толстым.

Толстой сообщал:

...«сейчас идет ружейная и орудийная стрельба вокруг Зимнего дворца, где собрались большинство членов временного правительства и штаб округа... Керенский выехал навстречу войскам»...

Закончил Толстой вопросом:

«Чем вы нас поддержите и поддержите ли?»

Только в этой поддержке гибнущая власть видела свое спасение. В Петрограде у временного правительства не было надежных воинских частей, а силы юнкеров были слишком ничтожны. Они сплошь и рядом сдавали караулы без сопротивления. Почти все воинские части высказались за восстание, за поддержку большевиков. «Даже казаки не выходят из казарм». Кучка людей, всеми покинутых, засела в Зимнем дворце, а на него уже были направлены орудия «Авроры». Что же делать?

«Чем вы нас поддержите и *поддержите ли?*» — спрашивает боязливо представитель министерства. Комиссар северного фронта отвечает:

— Два батальона самокатчиков высланы нами ночью. Начало как-будто хорошее, но дальше идет хуже: они задержаны в 70 верстах от Петрограда, они не были никем встречены вопреки моим указаниям. Имеются сведения, что состояние их резко изменилось к худшему. Из донских казачьих полков прошло через Псков 4 эшелона: настроение их неважное»...

«В течение этого дня я вел переговоры с армиями, — продолжает комиссар, — наиболее решительную позицию занял искосол XII армии. Он организует по собственной инициативе весьма значительный отряд, который и поведет к Петрограду. Если этот отряд будет действительно сорганизован, я не сомневаюсь, что он дойдет до места назначения.»

Но говоря так, правительственный комиссар упускал из виду, что если искосол XII на стороне временного прави-

тельства, то армия давно большевизирована сильнее, чем всякая другая. В ней — латышские части, готовые поддержать переход власти к советам. Разрыв между солдатской массой и возглавлявшей армию организацией был полный.

Дальнейшие сообщения комиссара были еще более неутешительны:

«Первая армия высказалась в принципе за отправку вооруженной помощи Центральному комитету[1]. Но вряд ли сможет выделить значительный отряд».

Конец сообщения комиссара северного фронта Войтинского был еще тревожнее: этот ближайший к столице фронт готов выступить на помощь большевикам.

«V армия,—передавал Войтинский,—готовит свой особый отряд для поддержки революции в Петрограде».

А дальше оказывается, что нельзя полагаться не только на солдатские массы, но и на возглавляющие их организации, и даже на высшее командование.

— Все-таки скажите,— настаивает Толстой, боясь утратить последнюю надежду, — эшелоны, значит, стоят и будут стоять или идут от Пскова сюда?

— Отвечаю: эшелоны пока еще идут, но, кажется, главкосев решил их остановить — ответил комиссар.

Так и было в действительности. Генерал Черемисов приказал остановить отправку эшелонов на Петроград. Сделал он это, конечно, не потому, что предпочитал власть советов временному правительству. Он считал, что временное правительство никто не станет защищать. Выехав 25-го из Петрограда, Керенский 26-го прибыл в Псков и отменил распоряжение Черемисова о приостановке движения частей к Петрограду. Вернее он пытался это сделать, но передать его приказания не удалось: у аппаратов революционным комитетом, который образовался в Пскове, были поставлены дежурные члены, и они не пропустили приказов Керенского[2].

Несмотря на это противодействие и на уклончивое поведение главнокомандующего фронтом, Керенский пытался организовать сопротивление. Удача ему как-будто улыбнулась.

Ночью в его квартиру явился генерал Краснов, командир III конного корпуса, в августе шедшего на Петроград по

---

[1] В Центральном исполнительном комитете Совета рабочих депутатов в те дни еще преобладали эсеры и меньшевики. — К. Р.

[2] Напомним, что Керенский после корниловского мятежа был верховным главнокомандующим и продолжал оставаться председателем совета министров. Огромная власть как будто сосредоточивалась в его руках, а на деле он не мог передать приказа по фронту.

приказу Корнилова. Этот «надежный» корпус был тогда же по приказанию Керенского размещен вблизи Петрограда. Делалось это «на всякий случай», чтобы иметь под рукой части, готовые итти против большевиков. Действительно, как только 25 октября в Петрограде произошло восстание, части III корпуса были направлены туда. Но генерал Черемисов приказал задержать их в Острове. Краснов примчался на автомобиле в Псков, явился к Черемисову, стал добиваться разрешения двигаться на помощь главковерху, на защиту временного правительства, но получил «усталый ответ»:

— Временного правительства нет. Я вам приказываю выгрузить ваши эшелоны и оставаться в Острове. Так будет лучше, — сказал значительно главнокомандующий и ушел совещаться с Советом. Растерянный Краснов после этого разговора бросился к комиссару фронта. Обрадовавшись ему, комиссар, делавший тщетные попытки найти какие-нибудь надежные части, дал ему адрес главковерха, предупредив, что его пребывание в Пскове—тайна. Ночью, блуждая по темным улицам Пскова, Краснов раздумывал о том, как человек, несколько месяцев тому назад бывший чуть не самым популярным в стране, глава временного правительства и верховный главнокомандующий, принужден теперь скрываться на квартире у своего родственника.

Вокруг Керенского царила растерянность. Он тоже обрадовался Краснову.

— Генерал, где ваш корпус? Он идет сюда? Он здесь уже, близко?

Краснов доложил, что корпуса в сущности нет, нет и дивизии, части разбросаны по всему северо-западу России, их необходимо собрать, прежде чем итти на большевиков. Двигаться малыми силами — безумие.

Но Керенский не хотел и слышать об ожидании.

— Пустяки! вся армия стоит за мною! Я сам поведу ее, и за мною пойдут все.

Он хотел немедленно выступать. В самом деле, ему невозможно было оставаться в Пскове, где против него Революционный комитет, Совет и сам главнокомандующий фронтом. Он обещал Краснову придать к его частям, находившимся в Острове, все, что тот потребует,—и 37-ю пехотную дивизию, и 1-ю кавалерийскую, и весь XII корпус. Родственник Керенского генерал Барановский покорно записывал распоряжения главковерха о переброске частей.

— Ну, вот, генерал, довольны? — сказал Керенский.

— Да, — отвечал Краснов, — если это все соберется и если пехота пойдет с нами, Петроград будет освобожден от большевиков.

Но тут же в голову Краснова закралось сомнение.

«Если бы все это было так, разве сидел бы теперь Черемисов с советом? Разве принял бы он меня известием, что временного правительства уже нет? Три дивизии пехоты и столько же кавалерии, беспрепятственно идущие среди моря армии, это показывает, что армия на стороне Керенского. А если так, бунтовался бы разве гарнизон Петрограда, задерживали бы эшелоны в Острове? Нет, тут что-то не так...»

Да, действительно, если бы фронт был за временное правительство, всюду картина была бы иная. Надежды Керенского в октябре были так же неосновательны, как в феврале упования Александры Федоровны, писавшей Николаю II, что вся армия встанет за него.

Однако, уступая настояниям главковерха, Краснов вместе с ним помчался на автомбиле в Остров. Собрали комитеты. Керенский выступил с речью перед ними, и тут проявилось настроение тех солдат, которых, как последний оплот павшей власти, он хотел послать против Петрограда.

Керенский говорил о том, что выступление большевиков грозит завоеваниям революции.

«Революция совершилась без крови. Безумцы-большевики хотят залить ее кровью».

В ответ на это сзади раздались крики:

— Неправда, большевики не этого хотят.

Когда Керенский кончил, раздались жидкие аплодисменты. И сейчас же послышались полные ненависти голоса:

— Мало кровушки нашей солдатской попили!

— Товарищи, перед вами новая корниловщина.

— Помещики и капиталисты!..

— Товарищи, вас обманывают! Это дело замышляется против народа.

Краснов, на глазах которого в августе толпа солдат убила комиссара Линде, поторопился увести Керенского.

Но и у дома, где остановился главковерх, толпились солдаты.

— Большевики за дело стоят,—говорили в толпе.—Солдату что нужно? — мир. А он опять завел шарманку о войне!..

— Схватить его и представить Ленину...

К помещению главковерха, только-что уверявшего, что за ним вся армия, пришлось поставить усиленную охрану. Из Острова едва выбрались: железнодорожники упорно говорили о невозможности выпустить поезд. На вокзале собирались враждебно настроенные солдаты. Одному из казачьих офицеров пришлось стать за машиниста.

На станции Псков их поджидала огромная вооруженная толпа солдат, но поезд проскочил станцию на полном ходу и помчался к Гатчине. В этом поезде на борьбу за павшее правительство везли и его противников слева, — тех, которые пытались в Острове возражать Керенскому, — и противников справа. В одном из вагонов произошла такая сцена: пересевший к ним из встречного поезда офицер рассказывал о происходящем в Петрограде, выражая свое несочувствие большевикам. Керенский протянул ему руку.

Офицер отказался от поданной руки:

— Виноват, господин верховный главнокомандующий, я не могу подать вам руки. Я — корниловец.

С такими силами стремился Керенский задушить Октябрьскую революцию в Петрограде.

В это время ставка употребляла все усилия, чтобы исполнить требование верховного главнокомандующего о посылке войск ему на помощь. Она по прямому проводу запрашивала фронты и армии, что сделано в этом направлении, в свою очередь осведомляя их о ходе событий. Записи этих лихорадочных сообщений, настояний, как нельзя лучше отражающие настроения фронта, хранятся в Военно-историческом архиве, а часть их опубликована в журнале «Красный архив».

27 октября начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин доносил Керенскому:

«Все распоряжения сделаны. Главкосеву (т. е. непокорному Черемисову. — К. Р.) лично подтверждено мною сегодня о точном выполнении вашего приказа. На прочих фронтах настроение спокойное: организуем совместно с комитетами и комиссарами дальнейшее усиление ваших средств. Духонин.»

Генерал Духонин смотрел на положение вещей довольно уверенно, но это происходило оттого, что он не знал настроений солдат или недостаточно их знал.

Того же 27 октября, когда генерал Духонин послал Керенскому эту уверенную телеграмму, с северного фронта ему доносили, что из Ревеля нет возможности вывести обещанные Керенскому 13-й и 15-й донские полки; если эти части будут грузиться на железную дорогу, прочие части будут противиться этому силой. Может вспыхнуть междоусобная борьба, дойдет до кровопролития.

На следующий день Духонину снова подтверждали, что нет возможности двинуть из Ревеля донские полки и что сами донцы желания итти на выручку временного правительства не обнаруживают. Самокатчики, посланные на Петроград, остановились в дороге и послали делегатов разузнать,

что происходит в столице. Командование фронтом не может установить с ними связи.

31 октября с северного же фронта ему доносили:

«Распоряжение о направлении 17-й кавалерийской дивизии к Петрограду сделано, хотя по донесению командарма XII обстановка в армии в политическом отношении складывается неблагоприятно и поведение латышских частей представляется мало надежным, — они охвачены большевистскими лозунгами.»

С западного фронта главнокомандующий фронтом на вопрос, какие части он считает наиболее надежными, дал обескураживающий ответ:

«Ни за одну часть поручиться не могу.»

Керенский мог сколько угодно требовать себе подкреплений, броневых машин, кавалерийских дивизий, казачьих полков. Ставка могла сколько угодно передавать эти распоряжения, торопить командующих фронтами и армиями, — возможности исполнить приказы не было: солдатская масса не разрешала защищать сторонников войны, и более осторожные, менее ослепленные начальники видели полную невозможность выполнить эти приказы.

Тем временем войска генерала Краснова, заняв без боя Гатчину, дальше двинуться не могли в виду своей малочисленности.

31 октября из Гатчино-дворца от имени временного совета Российской республики, Всероссийского комитета спасения родины и революции (возникли после падения временного правительства) и Центрального исполнительного комитета была разослана по всем армиям, корпусам и фронтам срочная телеграмма о немедленной высылке войск в Гатчину:

«Хотя бы один пехотный полк», — умоляли из Гатчины, — «возможно срочно», «курьерскими поездами», «не останавливаясь ни перед чем».

Промедляющим телеграмма грозила ответственностью.

Приказы и угрозы из Гатчины и распоряжения ставки были буквально голосом вопиющего в пустыне. Сочувствия временное правительство на фронте не встречало, — его окружали недоверие и неприязнь.

До того было очевидно враждебное отношение солдат к павшему правительству и готовность защищать большевиков, что на западном фронте меньшевики и эсеры, образовав комитет спасения родины и революции (спасения от большевиков) — принуждены были пригласить в него этих самых большевиков, — иначе они боялись, что солдаты выступят против комитета.

В XI армии, в которой искосол был на стороне временного правительства и откуда комиссар северного фронта рассчитывал получить самую надежную помощь, 28 октября собрался армейский съезд и произошли перевыборы искосола: прежний состав остался за бортом. В новый комитет прошли люди, сочувствующие большевикам. К тому же с первых дней восстания здесь возник Военно-революционный комитет, который и являлся хозяином положения. Уже 26 октября он выпустил воззвание, объясняя происходящие в Петрограде события, и призывал части не исполнять никаких приказаний без его одобрения. И солдатская масса твердо и решительно поддерживала его.

Больше того, в противовес попыткам Керенского и ставки стянуть к Гатчине какие-нибудь силы, войска фронта готовы были выделить части на поддержку большевиков и положить насильственный конец деятельности сторонников временного правительства.

«5-я Кавказская дивизия постановила послать две батареи в распоряжение Революционного комитета». В Пскове «после бурного заседания Исполнительного комитета постановлено арестовать комиссара северного фронта, упорно пытавшегося собрать части против Петрограда»... Ревельский Военно-революционный комитет потребовал от командования присылки в его распоряжение двух батальонов пехоты и батареи артиллерии, очевидно, собираясь двинуть их против сторонников павшей власти.

В 48-м корпусе на заседании представителей организаций и начальников выяснилось «общее сочувствие масс большевистским лозунгам».

«...Из Пернова поступило тревожное известие, что в случае ухода броневиков будет вооруженное столкновение с позиционными батареями.»

«В 36-й дивизии настроение крайне напряженное. Могут быть эксцессы.»

В XII армии латыши, оставив позиции, направились для занятия городов Валк, Вольмар, Венден.

Командующий XII армией доносил:

«Больше всего хлопот и наиболее скверно с латышами. Пришедшие вчера в Венден 1-й и 3-й полки заняли телеграфную и телефонную станции, арестовали много офицеров, происходят массовые избрания латышей в начальники. В Пскове небольшая кучка большевиков развивает невероятную деятельность»... Явившиеся в Псков члены комитета спасения родины и революции потребовали их ареста, но некому было или никто не решился исполнить это требование. «Тревога растет — говорят из штаба северного фрон-

та, — не исключена возможность арестов (тех, кто против Петрограда).»

Еще грознее сведения идут из V армии.

«29 октября, ночью, комитет V армии вынес постановление послать в Петроград 12 батальонов, 24 пулемета с кавалерией, артиллерией, инженерными частями... Представители большевистской части армискома предъявили командарму требования об осуществлении этого постановления.»

Генерал Болдырев отказал и «принял решение помешать выполнению этого намерения, чего бы это ни стоило, применив все имеющиеся средства с полной решительностью».

В Двинске на железнодорожном узле им был собран с этой целью особый отряд из 3 родов оружия. В ответ армейский комитет постановил арестовать командующего армией, штаб и комиссаров.

Дело грозило вооруженным столкновением. Его ждали с минуты на минуту, и у командования не было уверенности в том, как поведет себя отряд, собранный генералом Болдыревым для противодействия армейскому. Он легко мог отказать в повиновении командарму.

При таких условиях наиболее осмотрительные представители командования думали об одном: как бы сохранить нейтралитет фронта, удержать его от гражданской войны. Им удалось убедить комитет V армии не снимать с фронта столько частей, чтобы не обнажить его.

Осторожный генерал Черемисов вызвал между тем к прямому проводу товарища председателя армискома Седякина и попробовал почву.

— «Как у вас в армии относятся к отправке войск в Петроград? Не вызывает ли это каких-нибудь недоразумений и эксцессов?»

— С какой целью?

— Для поддержания временного правительства.

— Определенно отрицательно. Армия не даст правительству Керенского ни одного солдата для борьбы с Петроградом.

— Я это знал, — ответил Черемисов, — и поставил в известность Керенского. Следовательно, положение у вас не изменилось? — снова пробует он почву.

И слышит в ответ:

«В одной части армии симпатии на стороне Петрограда, в другой—на стороне старого ЦК. Армиском занимает нейтральную позицию и примет все меры, чтобы не допустить братоубийственной резни между войсками революционных партий, но отдаст все силы, все имеющиеся в его распоряжении силы на борьбу с контрреволюцией».

— Решение правильное и вполне приветствую его,— спешит заверить главнокомандующий фронтом. Он, действительно, трезвее, чем Керенский и ставка, учел настроение фронта.

Заняв Гатчину, войска генерала Краснова выделили заставы, послали части вперед, захватили было Царское, но оттуда вскоре же им пришлось отступить. Оказалось, что их осталось в Гатчине почти горсточка. Керенский именовал этот отряд армией. Армии, численностью в две роты,— говорил иронически генерал Краснов,— двигаться на Петроград не представлялось возможным. Обещанные Керенским подкрепления не приходили с фронта. Агитаторы приезжали из Петрограда. Видя себя изолированными, казаки волновались и говорили, что не могут «итти против всей России».

В конце концов несколько дней стояния в Гатчине кончились тем, что казаками было заключено перемирие с подошедшими из Петрограда большевиками, обещавшими им пропуск на Дон. Генералу Краснову пришлось ехать в Смольный. А Керенский, который еще 26 октября уверял Краснова, что за ним вся армия, не был выдан большевикам лишь потому, что успел убежать из Гатчины от тех войск, которые он повел против большевиков.

За дни 25 октября — 1 ноября выяснилась картина настроений фронта: солдатская масса и организации, ее волю выражавшие, положили предел всем попыткам командования двинуть части в распоряжение Керенского. Участь коалиционного временного правительства, состоявшего из соглашателей и представителей буржуазии, была решена бесповоротно. На фронте в эти дни были части, готовые активно выступить на поддержку большевиков, были — принимавшие события пассивно, но не было таких, которые бы соглашались поддержать временное правительство.

Как фронтом был принят Октябрь

Итак, переворот произошел. Власть ушла из рук буржуазии, перешла к пролетариату.

Но партии эсеров и меньшевиков еще надеялись организовать сопротивление. Ставка продолжала держать с ними связь и собирала сведения о настроении фронта.

Сводка с 1 по 15 ноября отмечает, что повседневная жизнь армии с ее нуждами и обычными болезненными проявлениями до некоторой степени отошла на задний план; в сознании солдат выступили вперед вопросы принципиальные и общие причины, содействовавшие развитию большевизма.

Они усиленно обсуждали программы и тактику разных партий.

Шел вопрос и о том, чтобы поддержать новую власть, против которой несомненно будут действовать классы, только что власть потерявшие. Борьба за армию еще не кончена. Большевики и активные их сторонники мобилизовали силы.

Несомненно и генералитет, и эсеры с меньшевиками еще попытаются — и не раз — поднять армию против советской власти. Для борьбы с такими попытками возникли всюду по фронту военно-революционные комитеты.

Они образовались в разных частях в различное время, без последовательности, не по плану, не по директиве из центра. Возникли они там, где были сильные группы большевиков. В частях они брали под свой контроль решительно все. Они же приступили и к заключению перемирия, вопреки ставке, которая была против этого. Они контролировали и оперативные действия командования, чтобы оно не сорвало переговоров о перемирии.

В эти же ближайшие недели после октябрьского переворота произошли почти по всем армиям и фронтам съезды для перевыборов организаций. Они выяснили отношение к Октябрю.

Во многих армиях съезды были большевистскими. На ноябрьском съезде юго-западного фронта выбрали военный комитет из 18 большевиков и 17 представителей от левых эсеров, украинцев и других партий вместе.

Съезд X армии избрал армейский комитет с большевистским руководством.

В VI армии съездом был выбран комитет из 31 большевика и 10 представителей других партий.

В X армии на съезде в новый комитет прошло 35 большевиков и 25 эсеров и меньшевиков вместе взятых и т. д. и т. д.

На этом фронте, уже перешедшем или переходящем на сторону большевиков, оставался в центре еще оплот групп, потерявших власть. Это была ставка. В ней собрались эсеры и меньшевики, представители комитета спасения родины и революции. Новый главковерх Духонин обещал поддержку однородному правительству из разных социалистических партий, включая, с одной стороны, народных социалистов, с другой—большевиков. Вождь эсеров — Чернов— собирался стать во главе этого правительства. За него велась агитация в армии.

Общеармейский комитет, находившийся в ставке, высказался за него.

Однако, не так легко было убедить фронт в необходимости создать такое правительство. До фронта уже дошли изданные II съездом советов декреты о мире и о земле.

Первый из них призывал все воюющие народы и правительства приступить к немедленным переговорам о мире. Второй передавал все помещичьи, удельные и монастырские земли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов.

И если агитаторам удавалось склонить солдат в пользу объединенного социалистического правительства, солдаты ставили вопрос, признает ли оно декреты II съезда? Только на этом условии они соглашались поддерживать его.

Таким образом даже крестьянская масса солдат относилась без слепого доверия к этому предполагаемому правительству. Солдаты из рабочих определенно стояли за диктатуру рабочего класса.

Впрочем, дни духонинской ставки были уже сочтены. Совет народных комиссаров приказал Духонину начать с немцами переговоры о мире. Духонин отказался и Совнарком сместил его.

Из Двинска на смену ему двинулся назначенный Совнаркомом новый главковерх Крыленко.

Ставка попробовала сопротивляться.

12 ноября Духонин разослал следующую телеграмму:

«В случае движения из Двинска на Могилев поезда с прапорщиком Крыленко и состоящей при нем охраной, приказываю вам принять к руководству следующее: на станциях Орша и Шклов поезд будет встречен представителями командования и общеармейского комитета, которые предложат Крыленко вернуться назад или отправиться в Могилев одному, оставив на месте вооруженный конвой».

В случае неповиновения предписывалось задержать конвой Крыленко вооруженной силой... Но до вооруженного столкновения дело не дошло.

Главнокомандующий западным фронтом донес Духонину, что Военно-революционный комитет стянул преданные ему части и окружил ими те две роты ударников, на которые только и могла рассчитывать ставка.

«Если бы мы стали сопротивляться,— говорил главнокомандующий,— то с фронта Военно-революционным комитетом были бы доставлены такие силы, которые сломили бы сопротивление наших частей».

Поэтому он поспешил заверить Военно-революционный комитет, что никакого сопротивления проезду Крыленко оказано не будет.

Новый главковерх со своим отрядом в 59 человек беспрепятственно шел к ставке. Члены предполагаемого объединенного правительства давно покинули ставку, и правительственный комиссар Станкевич уговаривал Духонина последовать их примеру.

20 ноября старая ставка пала.

Новая власть поспешила оформить и закрепить происшедшее в армии расслоение на классовые ее элементы.

Военно-революционный комитет при ставке разработал, а главковерх Крыленко ввел «положение о демократизации армии».

Вся полнота власти в войсковых частях передавалась войсковым комитетам. Должность командиров стала выборной. Командиры избирались отделениями, взводами, ротами, полками. Дивизионные и корпусные командиры, командующие армиями и фронтами — съездами или совещаниями при комитетах.

Временное правительство сменяемость командного состава по воле солдат и выборность его считало преступлением. Большевики, взяв власть, узаконили то и другое.

Иначе не могло и быть.

Временное правительство в офицерстве видело свою опору. Новая власть стремилась к тому, чтобы обезвредить и удалить с командных высот офицерские кадры, тяготевшие к повороту назад, готовые на худой конец поддерживать эсеров с меньшевиками, а скорее всего те группы. которые уже собирались на Дону.

Нечего и говорить, что солдатские массы широко использовали это право смещения командиров и выборности их: командиры полков, начальники дивизий, командиры корпусов, командующие армиями — почти все они были заменены другими по выбору войсковых организаций.

Так за месяцы революции распалась старая царская армия, пестрая по своему составу, но скованная дисциплиной в единое целое и служившая орудием в руках помещиков и торгово-промышленной буржуазии. Классы, объединенные прежде в ней, теперь открыто противостояли друг другу.

Расчленение это началось с февраля.

За время с февраля по октябрь правящие партии с помощью войсковых организаций всемерно старались помешать этому процессу. Но он шел неудержимо, ибо интересы столкнулись совершенно явно: правящие группы, особенно крупная буржуазия, вплоть до октября имевшая своих представителей в правительстве, видели в революции залог победы над немцами и своего торжества. Крестьянину-сол-

дату в этой же революции мерещился скорейший мир и переход земли в его руки. Большевики способствовали этому расслоению армии на классовый ее состав. После Октября они закрепили это расчленение, создав организованный массовый контроль за командованием.

Таким образом орудие старого строя, которое после февраля буржуазия пыталась перехватить в свои руки, было уничтожено.

Но противники советской власти не складывали еще оружия: у эсеров и меньшевиков оставалась еще одна надежда. Они ставили ставку на учредительное собрание: всенародно избранное оно должно будет решить, к кому перейдет власть в стране.

Во имя учредительного собрания велась агитация на фронте.

Но массам был понятнее другой лозунг: «Власть советам».

На съезде юго-западного фронта ⅔ членов были эсерами и все же этот съезд на вопрос, кому должна принадлежать власть, отвечал: советам.

К чему учредительное собрание, когда есть советы, где сидят наши солдатские депутаты, депутаты крестьян и рабочих?

Такова была мысль фронта, и к тому же не было еще уверенности в том, как посмотрит учредительное собрание на вопрос о немедленном заключении мира. Плакаты большевиков на фронте говорили:

«Мы вам дадим немедленный мир!»

«Мир всему миру!»

Соперничавшие с ними партии оставались оборонческими. Когда солдат, даже склонявшихся в пользу учредительного собрания, спрашивали: «Что, если оно выскажется за продолжение войны?» — из ответа было ясно, что в ту же секунду падет авторитет этого учредительного собрания. Между ним и солдатским фронтом образуется в таком случае пропасть, какая к октябрю образовалась между фронтом и коалиционным правительством.

Ставка на учредительное собрание оказалась ненадежной. И что оно могло дать солдату после декретов Совнаркома о мире и земле?

Обещания о мире уже воплощались в жизнь.

Комитет V армии обратился ко всем фронтовым и армейским комитетам с призывом:

«Прекратить все боевые действия на фронте»... «приступить к немедленным переговорам о справедливом и демократическом мире...»

13 ноября по армии и фронту был опубликован приказ верховного главнокомандующего Крыленко:

«Посланные мной парламентеры перешли немецкие окопы на участке V армии... Товарищи, дело мира близко. Оно в наших руках. Стойте крепко в эти последние дни, напрягайте все силы и, несмотря на голод и лишения, держите фронт. От вашего революционного упорства зависит успех»...

3 декабря было заключено перемирие. Вопрос о мире, действительно, приближался к разрешению.

А затем должен был воплотиться в жизнь и декрет о земле.

БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги по истории гражданской войны

«В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ КАРЕЛИЮ». Очерки и воспоминания. ГИХЛ. 1932. Стр. 224, ц. 1 р. 80 к., переплет 40 к., тираж 8420 экз.

Сборник «В боях за Советскую Карелию» написан участниками гражданской войны в Карелии — красными партизанами, красногвардейцами и красноармейцами и редактирован бригадой секции изучения истории революционного движения Карельского научно-исследовательского института. В состав сборника входят выступления на конференции красных партизан и участников гражданской войны в Карелии в период 1919—1920 гг. и другие воспоминания участников борьбы за советский север, разделенные на группы: «За красный Петрозаводск», «Бои за Олонец», «Борьба за Онежье», «Партизаны в Беломорье», «Бандитизм в Карелии» и «Жертвы белого террора». Предисловие написано т. Ровно. Воспоминаниям предпослан очерк т. Антикайнена — «О гражданской войне в Карелии».

Сборник посвящен истории борьбы трудящихся Карелии за возможность перехода к социалистическому строительству (1918—1929 гг.) Бороться приходилось преимущественно с финскими белогвардейцами, мечтавшими о захвате Советской Карелии. Первый набег финская буржуазия предприняла весной 1918 г., на севере Карелии. Одновременно с этим с Мурманска нападали союзники вместе с русскими белогвардейцами. В апреле 1919 г. финская буржуазия пытается захватить Советскую Карелию, нападая на нее с юга. Русские, карелы и часть финнов защищались от охвативших их с разных сторон интернациональных интервентов, борьба продолжалась до начала 1920 г. В начале 1921 г. Финляндия освободила занятую часть советской территории, но осенью того же года финляндская буржуазия подняла заранее подготовленное ею бандитское восстание в Карелии. Борьба окончилась подавлением восстания и изгнанием его финляндских руководителей только весной 1922 г., но финская буржуазия до сих пор еще не оставила своих аннексионистских вожделений.

Вся книга пропитана мыслью о необходимости защиты от притязаний финской буржуазии, воспоминания о прошлой борьбе связаны с мыслью о будущей, учитывается опыт прежних боев с империалистами и их приспешниками; авторы хотят использовать удачные приемы и избежать в будущем допущенных раньше ошибок.

Конференция красных партизан, собравшаяся в 1930 году, ставила своей задачей «не только... восстановить действительную роль, громаднейшие заслуги партизан, но... постараться их роль, борьбу передать подрастающему поколению..., чтобы оно на опыте этой борьбы могло учиться, чтобы оно было способно на такие же жертвы,

какие были проявлены рабочим классом и трудящимся крестьянством в октябрьские дни и после октябрьских дней...»

В резолюции конференции отмечается громадное значение партизанских отрядов и партизанского движения в тылу противника в деле ликвидации контрреволюции, организации борьбы советов против единого фронта капиталистов, в деле освобождения Карелии и Мурманского края от оккупантов — англо-французских войск, несмотря на невероятно тяжелые условия борьбы, отсутствие связи между отрядами и руководящим центром. В ряде воспоминаний изображены эти и другие особенности борьбы, протекавшей при своеобразных условиях. Число защитников Советской Карелии почти всякий раз было гораздо меньше числа белогвардейцев, хуже было их вооружение, одежда, подготовка, снабжение, уменье применяться к местности и возможность пользоваться местными средствами передвижения, — многие из красных бойцов не умели бегать на лыжах, необходимых для передвижения по стране в зимнее время.

Но несмотря на эти невероятно трудные условия, несмотря на отсутствие связи с отдельными отрядами и советским центром, сторонники советской власти в Карелии, очень часто неграмотные в военном отношении, сумели правильно поставить себе задачи и мужественно бороться за их осуществление; эти задачи совпадали с задачами, поставленными, независимо от предварительного согласования, другими партизанами — ко вреду противника, не ожидавшего крушения почти всех своих планов.

Силы борющихся были в количественном отношении неравны: в то время как со стороны оккупантов продвигались многочисленные регулярные войска с мощной артиллерией, технически хорошо снаряженные, одетые, сытые, отряды советских борцов были гораздо менее многочисленны, красные воины были полураздеты, полуголодны, плохо вооружены. Но и при таком материальном превосходстве нападающих красные войска нередко успешно боролись с интервентами: например, на протяжении почти месяца, до прибытия подкреплений, один батальон красного финского полка сдерживал продвижение по железной дороге всей восточной группы северной добровольческой армии и ему, при двух пушках и с 60 оставшимися в живых борцами, все-таки удалось остановить неприятеля. И при безнадежности положения отряды или небольшие группы красных бойцов умели нередко ценою собственной гибели наносить противнику чувствительный удар.

Партизанский характер борьбы, в которой принимали участие почти все авторы сборника, отразился на его построении, манере изложения и на самом размере отдельных воспоминаний. Почти все они очень коротки: очень часто не превышают двух-трех страниц. Многие из воспоминаний не что иное, как написанная по памяти сводка военных действий с перечислением местностей, рассказом о переходах, отступлениях, наступлениях, об отдельных стычках, нападениях массового и индивидуального характера (описаны и нападения на отдельных лиц).

В общей массе, если читать их под ряд, многие из рассказов утомительны по их однообразию, так как операции очень часто походили одна на другую, различаясь иной раз только названиями местностей, именами действующих лиц или цифрами расстояний или числами убитых, раненых и взятых в плен, но в общем все эти разрозненные сведения необычайно полезны. Они дают материал для подробной истории борьбы за Советскую Карелию и пригодятся не один раз будущей монографии. Помимо этого, посреди этих как будто

однообразных рассказов то и дело мелькают отдельные индивидуальные черты, обрисовывающие обстановку борьбы и характер борцов. Таков, например, очерк т. В. Шавельского «Девять месяцев под властью белых», где изображается в нескольких строчках режим деревни во время оккупации ее белыми, когда выход за деревню без пропуска не разрешался, а уборка хлеба и сена проходила под надзором белых солдат (117 стр.). Такова четкая характеристика классовых групп, стоявших за «великую» Финляндию (очерк Ф. И. Егорова, стр. 55). Некоторые из эпизодов написаны очень живо, например, ряд рассказов с описанием героической обороны Выдлицы (см. стр. 59—61, 61—64, 81—83, 85).

Сильное впечатление производят простые рассказы о сопровождавшейся мучениями казни пленных советских борцов, умевших не только храбро сражаться, но и мужественно умирать, не отрекаясь от борьбы за советскую власть, несмотря на зверские пытки белых оккупантов.

В общем надо признать, что несмотря на некоторую мозаичность сборника, он является очень полезным и в некоторых отношениях незаменимым изданием по истории гражданской войны и интервенции. К сборнику приложен довольно обширный библиографический указатель.

К. БОРЗЕНЦЕВ. «За власть советов. О том как кустанайские партизаны боролись против Колчака в 1918—1919 гг.». ГИЗ. М. Л. 1932 г. Стр. 131, ц. 1 р. 35 коп., тираж 5000.

Автор поставил себе задачей «показать конкретные дела людей революционного подполья в эпоху гражданской войны». Его книга является сводной записью многочисленных боевых эпизодов в колчаковском тылу. Автор, сам участник боев, при составлении книги воспользовался не только своими воспоминаниями, но и воспоминаниями своих боевых товарищей. Хотя К. Борзенцев и не смотрит на свою книгу, как на художественное произведение, но она отличается всеми достоинствами этого вида литературы. В ней в яркой, образной форме дана история партизанской борьбы в Кустанае и его районе. Изложение оживлено живыми, иногда (например, при рассказе о сношениях с киргизами) характерными диалогами и подкреплено документами-воззваниями белогвардейского и Кустанайского комитета «народной» власти, объявлениями различных представителей белой власти, приказами по гарнизону, объявлениями о мобилизации, большевистскими прокламациями, распоряжениями революционных властей, документами о поддержании революционной дисциплины и т. д. Некоторые из этих документов очень ценны для характеристики различных моментов гражданской войны, особенно для изображения отношения к трудящемуся населению белых. Например, очень характерно для кулацко-помещичьей политики белых постановление совета министров, утвержденное «верховным правителем», где предписывалось всем земским управам взыскать с населения продовольственные и семенные долги казне, образовавшиеся с 1905 г. по 1919 г. Этот документ о взыскании недоимок за 14 лет очень потом пригодился кустанайским партизанам для агитации против белых.

Документы по колчаковской мобилизации рисуют сопротивление, оказываемое населением: командующий армией предписывает начальствующим лицам при осуществлении набора новобранцев «приказывать», «требовать», отнюдь не «просить» и не «уговаривать». Уклоняющимся от воинской повинности правительство угрожало судом

«по законам военного времени», а «агитаторов и подстрекателей» колчаковцы намеревались уничтожать на месте «преступления».

При изображении событий автор не скрывает и темных сторон партизан, в ряды которых сумели пробраться некоторые кулацкие и вообще малонадежные элементы; не скрыты и некоторые промахи революционной власти, закрепленные в ее распоряжении, наприм., главнокомандующий всеми военно-революционными силами Кустанайского уезда объявляет о том, что «при взятии города революционными войсками по ошибке были выпущены уголовные преступники». Штаб армии предлагает им самим исправить чужую ошибку и немедленно добровольно вернуться в тюрьму.

Автором много отведено места эпизодам непосредственной борьбы с войсками белой власти: сражения, засады, нападения, отступления, переходы и т. д. Но все это представлено так живо, что не чувствуется однообразия. Картины свирепой расправы колчаковцев с красными бойцами и сочувствующим им населением написаны в сильных, но простых тонах, но не производят гнетущего впечатления, так как вся книга богато насыщена революционной энергией, и самые мрачные эпизоды зверства белых дают будущим защитникам Союза примеры возможности победоносной борьбы, начатой при самых тяжелых и неблагоприятных условиях. Хорошо изображены впечатления оказавшихся в колчаковских тюрьмах борцов, перебрасываемых с места на место, ежеминутно ожидающих гибели, переходящих от надежды к уверенности в неизбежности мучительного конца и неожиданно оказывающихся на свободе и немедленно принимающихся за дальнейшую борьбу. Особенно светлым колоритом пропитана глава «В киргизских кочевьях», где говорится о радостном приеме киргизами партизан, освободивших несчастных кочевников от издевательств белых.

В конце книги приложены «Одиннадцать послужных списков», где сообщены биографические сведения главнейших участников партизанской борьбы в Кустанайском районе.

Г. МИРОШНИЧЕНКО. «Юнармия». ЛАПП, ГИЗ. Л.-М, 1932. Стр. 166, ц. 1 р. 80 к., переплет 25 к.

В книге Г. Мирошниченко в художественной форме рассказывается о партизанской борьбе в тылу у белых отряда, образовавшегося из подростков 13—15-летнего возраста. Действие происходит в станице Невинномысская Северо-Кавказского края и в ее окрестностях в 1919—1920 годах. Эпоха и соотношение борющихся классов изображены согласно с исторической действительностью, как это и отмечено автором; в первые годы гражданской войны кубанское казачество, преимущественно богатое, и часть шедших за богачами середняков и даже бедняков были на стороне контрреволюции. В 1919 году наступил перелом, и беднота и большая часть середняков стали сторонниками советской власти, когда в 1920 году Красная армия вернулась на Северный Кавказ.

В первых главах рисуется хозяйничанье в станице победивших шкуровцев, их грабеж, насилия и расправа с заподозренными в сочувствии советской власти. Автор в беглых диалогах изображает впечатление, произведенное разгулом белого террора на группу местных подростков, главным образом детей местных железнодорожных рабочих и мелких служащих, наблюдавших, как «Невинка» 11 раз переходила из рук в руки. В то время как отцов охватили апатия

и сознание безнадежности борьбы с торжествующими победителями, подростки, живо интересуясь всем происходящим, по-своему реагируют на поражающую их воображение переменившуюся с приходом белых обстановку и очень быстро переходят к активной борьбе. Они еще мало сознательны, плохо разбираются в названиях политических партий, некоторые из них утверждали, что видали большевиков,— «а чтоб коммунистическую партию, — не приходилось». Наконец, сомневающийся в существовании партии успокаивается на объяснении: «Дядя Субботин — и есть коммунистическая партия». И вот такая незрелая и в политическом и в возрастном отношении группа подростков на почве пролетарского инстинкта, под влиянием старшего всего на один год товарища, пользуясь указаниями случайно оставшегося в тылу раненого красноармейца, превращается постепенно в небольшой отряд, сеющий панику и смятение в рядах белых. Самое существенное в боевом отношении отряда было то, что ему путем всяческих ухищрений удалось раздобыть у белых оружие, приспособить его к своим надобностям, ввести у себя нечто в роде военной дисциплины и во время обратного взятия станицы Красной армией и отступления белых удачным и внезапным обстрелом создать панику и заставить белых бросить пушки, пулеметы, обозы и товарный поезд; за такой подвиг отряд юных добровольцев заслужил благодарность красноармейцев, принявших их отряд в состав Красной армии.

Автор не изображает своих юных героев сливающимися в общем фоне, однотонными фигурами: каждому из мальчиков свойственен присущий ему характер, разная степень развития, сознательности, выдержки во время столкновений с белыми, разная степень уменья держать себя во время допроса белыми, различная степень сопротивляемости при истязаниях, различная ловкость и увертливость при опасности. По-разному юные добровольцы вели себя во время пополнения отряда новыми товарищами, во время агитации и пропаганды; с разной степенью сознательности подчинялись они руководству старшего, наиболее развитого политически товарища и доходившим до них партийным директивам. Индивидуальность каждого из подростков видна и в обыденных разговорах, шутках и шалостях, например, показана любовь одного к песням, пляскам, склонность другого к изобретению новых смешных слов и к импровизации в деле сочинения частушек, уменье отличиться в различных физических упражнениях и играх третьего и т. д. Любопытно изображена психология «отцов», изменение их отношения к возможности борьбы с белогвардейцами под влиянием подвигов юных героев; в первые времена господства белых отцы заставляли детей сидеть дома и вообще вести себя тихо, смирно, а потом мало-по-малу и они приободрились, перестали наказывать юных армейцев за разного рода «выступления» против белых.

Книга написана не только на основании воспоминаний автора, данных в художественном преломлении, она может быть полезна для истории гражданской войны на Северном Кавказе довольно значительным количеством приведенных документов, характеризующих владычество белых: это приказы коменданта станции об обязательной явке на работу, под угрозой предания военно-полевому суду и расстрела ослушников; приказы белых об ограничении права свободного хождения по станице, объявления ее на осадном положении; протоколы о поимке малолетних «политичных прыступников», обращения монахов к «стране православной», ко «всем верным чадам православной российской церкви», призывы к крестовому походу против большевиков, обращение к казакам английского генерала, члена

английской миссии и одновременно «почетного казака», обещавшего за помощь генералу Деникину «мануфактуру и товар».

Из большевистских воззваний приведено только одно, явившееся плодом коллективного творчества молодых партизан и написанное в ответ на торжественное обращение английского генерала. Приведем его для образчика языка и стиля, свойственного той части книги, какая написана в диалогической форме: «Об'явление-воззвание. Казаки! Брешет английский генерал-майор Х. Никакой мануфактуры он вам не даст. Это он просто потрепаться. А так как вы малограмотные, то вас и дурят, как дураков. А в общем с вами, занудами, разговор будет короткий, смазывайте салом пятки и улепетывайте подобру, поздорову. Буденный вам не мешок с картошкой. Он вам покажет, а в первую очередь офицерам. Вам даром не пройдет, что вы повесили стрелочника Утюско и Наталью Никифоровну Вельбаум, а также и за всех остальных. Попадет здорово! Красная армия нагрянет вот-вот! Берегись, атаман! Подписали Василий и Сенька!».

В заключение автор рассказывает о судьбе всех членов юной армии, за единственным исключением ставших, как учил их когда-то их партийный руководитель, «крепкими, как сталь, подлинными большевиками.» В конце книги приведены данные, относящиеся к осени 1931 г., где изображено изменение в классовом отношении лица станицы и всего района, где выросли крепкие колхозы, успешно выполняющие советские задания.

В общем книга не может отразить полностью историю станицы и района, так как главное внимание автора, в описываемую эпоху 14-летнего партизана, было направлено в сторону наилучше знакомого ему тогда мира подростков-единомышленников; мир взрослых рабочих, особенно мир шедших за белыми казаков, изображен на втором плане, но хорошо знакомый т. Г. Мирошниченко мир юных бойцов за торжество советской власти обрисован достаточно живо и правдоподобно, несмотря на хронологическую непоследовательность, неясность в изображении некоторых моментов, растянутость и повторение иных описаний.

И. Колычевский

Ответственный редактор *И. А. ТЕОДОРОВИЧ.*

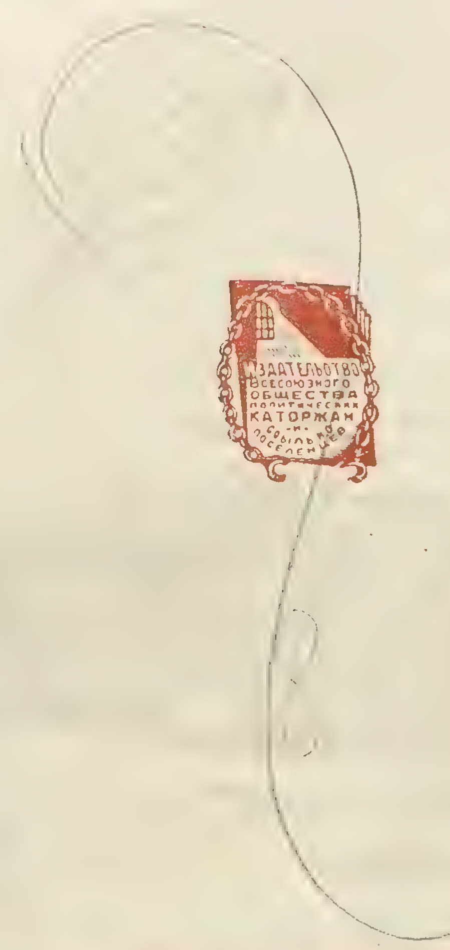
В редактировании настоящего номера принимали участие:

М. А. Брагинский, А. П. Голубков, Е. Н. Ковальская, В. П. Козьмин, Ф. Я. Кон, М. М. Константинов, В. Н. Соколов, М. Ф. Фроленко, Я. Б. Шумяцкий.

Издатель — Всесоюзное О-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва, Лопухинский пер., 5.

Цена 6 р. 25 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1. Правлению Издательства политкаторжан — Москва — ГСП, 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73; 1-31-26
2. Магазину Издательства политкаторжан „Маяк“ — Москва, центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20

